

**БОРИС ВИКТОРОВИЧ
ПРОЗОРОВСКИЙ:
СУДЬБА И ЖИЗНЬ**

ББК 74.2(2Р)-8+85.143(2)7-8
П 78

П 78 Борис Викторович Прозоровский: судьба и жизнь / Ред.-сост.
А. В. Соловьёва. – Кострома: ДиАр, 2013. – 480 с.: 32 л. ил.
ISBN 978-5-93645-043-3

Книга посвящена Заслуженному учителю РФ, Почётному гражданину Ивановского и Ильинского районов Ивановской области Б.В.Прозоровскому (1913–2005), без малого 55 лет учившему детей в сельских школах Центральной России. Вторым призванием его была живопись, поэтому в книгу, помимо историко-биографического очерка, помещены статьи о Прозоровском-художнике и особенностях его живописи, подборка фотографий живописных работ, а также переписка его с художником И.Д.Лапшиным. Учителем и художником предстаёт он и в воспоминаниях, включённых в книгу. Впервые публикуются многие документы из семейных архивов его родных.

Книга представляет интерес как для специалистов – историков, педагогов, искусствоведов, – так и для самого широкого круга читателей.

ББК 74.2(2Р)-8+85.143(2)7-8

Книга подготовлена учениками Бориса Викторовича Прозоровского.
Издание осуществлено при финансовом участии его родных, а также
Благотворительного фонда Святителя Василия Великого (Москва)
и администрации Ивановского муниципального района
Ивановской области

© Соловьёва А. В., сост., редакт., вступ. ст., 2013

© Зонтиков Н. А., статья, 2013

© Сорокина Г. Д., статья, 2013

© Степанов В. А., статья, 2013

© Толстопятова Е. А., статья, 2013

© Лапшин И. Д. (наследники), письма, 2013

© Прозоровский Б. В. (наследники), письма, 2013

© ООО «ДиАр», оформление, 2013

ISBN 978-5-93645-043-3

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Соловьёва
Книга о счастливом человеке 6

СУДЬБА БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО

Н. А. Зонтиков
Борис Викторович Прозоровский: судьба человека 14

Вступление 14

Родина: село Сима 15

Князя Голицыны на рубеже XIX–XX вв. 23

Прадеды и дед 45

Родители 61

Детство и молодость 97

Тридцать седьмой год 102

В канун войны 116

Лето и осень 1941 года.

Во Владимирском пехотном училище 123

В 19-й стрелковой («курсантской») бригаде 127

На фронте: в боях под Москвой 129

В лагерном аду. Концлагерь в Рославле 137

Концлагерь в Барановичах,
Вильнюсе, Судетах и Германии 155

Освобождение. Возвращение домой 159

В первое послевоенное десятилетие 162

Послесловие 168

ВОСПОМИНАНИЯ

О БОРИСЕ ВИКТОРОВИЧЕ ПРОЗОРОВСКОМ

В. Б. Циркина
Борис Викторович Прозоровский – мой отец 188

А. И. Василевская
Прозоровские на погосте Николо-Дор 208

Р. А. Филиппова
Талантливый, строгий,
но добрый и справедливый педагог 214

Н. А. Калинин
Наш учитель 218

<i>В. М. Жильцова</i>	
О любимом учителе	222
<i>Т. К. Павлова</i>	
Всегда помню	234
<i>Л. А. Шенюгина</i>	
Борис Викторович был строгий, требовательный	237
<i>В. М. Морозов</i>	
Вся школа держалась на авторитете Бориса Викторовича	242
<i>В. Н. Голованов</i>	
Человек с большой буквы	246
<i>А. В. Соловьёва</i>	
Борис Викторович Прозоровский: каким его знаю и помню	250
<i>В. В. Ефанова</i>	
Я прекрасно помню его облик	275
<i>А. В. Вилкова</i>	
Он ко всем относился с любовью	277
<i>З. К. Коплёнкова</i>	
Всегда вспоминаю с большим уважением и теплом	280
<i>Т. В. Макина, Т. В. Шурупова</i>	
Он был настоящим учителем	283
<i>Л. Г. Монова</i>	
Его называли «ходячей энциклопедией»	285
<i>Л. В. Муханова</i>	
Нам здорово повезло	289
<i>А. А. Морозова</i>	
Общение с Борисом Викторовичем всегда было праздником	293
<i>И. Г. Бондарева</i>	
Все село их любило за внимание и доброту к людям	299
<i>Л. В. Садовская</i>	
Спасибо ему за подсказанный выбор	304
<i>В. Л. Пешев</i>	
При мысли о нём жить легче	308
<i>А. Ф. Козлова</i>	
Высший дар судьбы	312

<i>Ю. П. Шилов</i>	
Замечательно бескорыстный, честный человек	316
<i>Н. Н. Москалёва</i>	
Здесь всё было в гармонии	323
<i>Т. А. Проскурнина</i>	
Наши милые соседи	329
<i>В. Н. Воронина</i>	
Прозоровские и Головановы	333
<i>Е. Д. Прозоровский</i>	
Жил в ладу с окружающим миром	336
<i>Н. А. Бондаренко</i>	
Растёт чувство огромной потери	340
<i>А. Ю. Ахмадзин</i>	
Несколько уроков Бориса Викторовича Прозоровского	345
<i>М. В. Ахмадзина</i>	
О моём деде и его семье	357
БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ – ХУДОЖНИК	
<i>В. А. Степанов</i>	
Художник Борис Викторович Прозоровский	386
<i>Г. Д. Сорокина</i>	
Борис Викторович Прозоровский – живописец	388
<i>Е. А. Толстопятова</i>	
О живописи Бориса Викторовича Прозоровского	414
<i>Публикация А. В. Соловьёвой</i>	
«У Вас чувство общего тона гораздо вернее моего» (Из переписки Б. В. Прозоровского и И. Д. Лапшина)	417
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение № 1	
Жизненные канвы Б. В. Прозоровского, Н. Ф. Молчанова, Н. Н. Прозоровской, В. В. Прозоровского, Д. В. Прозоровского	
432	
Приложение № 2	
Документы из архива М. В. Ахмадзиной	
445	
Приложение № 3	
Избранные статьи из газет	
475	

КНИГА О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Эта книга не могла не появиться. Наше уважение и любовь к Борису Викторовичу Прозоровскому прошли несколько этапов – подростковый и юношеский, когда мы были интересны сами себе и не задумывались о том, из чего складывается личность нашего учителя, какую жизнь он прожил до встречи с нами и чем живёт сейчас. Он был с нами, он нас учил и любил – и этого было достаточно. Но становясь взрослыми и возвращаясь памятью в своё лучшее прошлое, мы захотели знать и о нашем самом ярком и самом талантливом учителе и человеке.

И встретилось несколько желаний – желание учеников знать всё о своём учителе и желание его потомков рассказать о родном и дорогом человеке. Так родилась эта книга. Она – наша запоздалая благодарность – мы, к сожалению, всегда запаздываем: званием «Почётный гражданин Ивановского района» (Ивановской области) Борис Викторович удостоен за 2 года до смерти, книга о нём выходит через 8 лет после неё.

Но всё-таки выходит.

Первая часть книги – историко-биографический очерк Н. А. Зонтикова, известного историка, об истоках жизни и судьбы главного героя книги (а значит – о его родителях и дедах и их жизни в конкретных исторических условиях), о трагических перипетиях этой судьбы, имеющей счастливое завершение. На долю Б. В. Прозоровского выпало почти всё самое страшное, что грозило человеку, живущему в 1917–1991 гг. в Советской России: смертный приговор органов НКВД в 1938 году за вымышленную ими же «шпионско-повстанческую деятельность» и 6 немецких лагерей на территории Советского Союза, Чехословакии и Германии в 1942–1945 гг. (К этому следует добавить и постановление, вынесен-

ное его отцу, Виктору Васильевичу Прозоровскому, «Тройкой при Полномочном представителе ОГПУ» по Ивановской промышленной области в феврале 1930 года о заключении В. В. Прозоровского на 8 лет в концлагерь. Виктору Васильевичу ещё повезло: из лагеря его освободили через три с половиной года – «сактировали» по болезни). И другое – менее страшное: исключение из комсомола и Иваново-Вознесенского педтехникума за «сокрытие соц. происхождения», «госпроверка» после освобождения из лагерей в Германии и новые проверки «органов» по возвращении домой. И было участие в кровавых боях за освобождение Подмосковья от немецких захватчиков, закончившееся контузией и таким долгим пленом.

И становится понятна «закрытость» жизни Бориса Викторовича Прозоровского и его близких – при постоянной открытости дома Прозоровских.

Если бы Борис Викторович Прозоровский был городским жителем и учил детей в городской школе, после освобождения из плена ему продолжать учительствовать власти не позволили бы. Но он преподавал самые разные предметы и был завучем в семилетней Щенниковской школе – расположенной в отдалённом уголке Ильинского района Ивановской области (почти на границе с Владимирской областью), где, вероятно, в то время и учителей-то не хватало (потому и учил Борис Викторович местных ребятишек физике, математике, рисованию, химии, географии и немецкому языку – благо был хорошо образован и многое знал). И это обстоятельство стало удачей не только для него, но и для очень многих детей Щенниковской округи. Об этом – воспоминания его учеников, самые ранние из которых написаны людьми, родившимися в 1934 году.

Подавляющее большинство воспоминаний, включённых в книгу, написаны бывшими учениками и учителями Щенниковской семилетней (с начала 1950-х гг. – средней) школы Ильинского района и Котцынской средней школы Ивановского района Ивановской области.

Из бесхитростных рассказов вырисовывается облик сдержанного, строгого, требовательного (и последовательного в своих требованиях), разносторонне талантливого, умелого и умного педагога и воспитателя – как учеников, так и молодых учителей. Педагога – милостью Божией, который требовательность дополнял добротой, а жёсткость (порою и это бывало) – жалостью.

Воспоминания соседок-односельчанок, живших вместе с Прозоровскими на Николо-Дору и в Котцыне, – это, по преимуществу, рассказы о семье Прозоровских: трудолюбивой, интеллигентной, с развитым чувством ответственности, никому не отказывающей в помощи.

Дополняют общую картину мемуары нескольких ивановских руководителей (чиновников), с которыми Бориса Викторовича связывали дружеские отношения. А исток этих отношений – всё та же личность Б. В. Прозоровского, вызывающая интерес у самых разных людей.

Начинают и заканчивают мемуарный блок воспоминания ближайших родных Б. В. Прозоровского – дочери, внучки, племянника, мужа внучки. Рассказ ведётся от первых минут появления в родном доме возвращающегося с войны Бориса Викторовича (8 ноября 1945 г.) до последних минут его жизни (16 ноября 2005 г.). В них герой воспоминаний выступает, по большей части, в новых ролях – отца, деда, главы семьи и дома и – вероятно, непреднамеренно – учителя жизни.

Вдумчивый читатель без труда заметит, что дом Прозоровских – островок иной (не тиражированной) советской жизни. Семейный уклад, культура отношений в семье, жизненные приоритеты – всё это уникально как для доперестроечных годов, так и для нашего времени. Прозоровские жили осознанно, а не по поговорке «куда кривая вывезет», сознательно выстраивая линию жизни: строгий распорядок дня и каждодневный труд – её стержень. Поэтому так много сделано и такая долгая жизнь у них.

Важная особенность всех включённых в книгу воспоминаний – благодарная память авторов, написавших их. Поэтому в воспоминаниях нет противоречий: все пишут об одном и том же, всем хорошо известно и на всю жизнь запавшем в душу человеке*.

Чтение очерка и воспоминаний рождает отчётливое осознание, казалось бы, парадоксальной истины – судьба Бориса Викторовича, несмотря на трагические обстоятельства жизни, сложилась счастливо. Да и разве не счастливо? Без малого 55 лет любимой работы и огромное количество учеников, многие из которых стали известными в избранной ими области деятельности людьми. Поч-

* Наш современник, поэт Григорий Кружков, считает, что «благодарность и есть главный талант мемуариста. <...> Благодарность лучше помнит и глубже понимает» (http://berestov.org/?page_id=1556).

ти столько же времени отдано занятиям не менее любимой живописью, приносящей огромное наслаждение от созерцания разных в разные времена года, при разном освещении и погоде пейзажей, изобретательно составленных натюрмортов, живописных городских и сельских «уголков». А радость создания этюда ли, картины, зарисовки? А потом и показа сделанного – сначала в узком кругу родных или учеников, а потом – и выставки, признание. А радость дарения?

И такая долгая сыновья жизнь: Борис Викторович пережил свою маму – истинную христианку – Надежду Николаевну Прозоровскую, которую очень любил и уважал, всего на шесть лет.

И безусловное счастье – без малого 70 лет прожить душа в душу с таким редким по доброте, отзывчивости, кротости, женской и человеческой красоте человеком, с великой труженицей (как, впрочем, и сам Борис Викторович) – супругой Александрой Ивановной.

Да и дочери в грязь лицом не ударили – повторив родительский выбор, стали уважаемыми специалистами: одна – доктором, другая – педагогом*.

В книге помещены цветные репродукции отдельных работ художника Б. В. Прозоровского, сопровождаемые статьями художника и писателя В. А. Степанова, искусствоведов Г. Д. Сорокиной и Е. А. Толстопятовой, в которых речь идёт о художественной сути и об особенностях живописи Бориса Прозоровского. Публикуется и небольшая подборка писем Б. В. Прозоровского и его друга – тоже художника – И. Д. Лапшина, посвящённых обсуждению вопросов, волновавших двух художников-живописцев.

* В Иванове в школе-лицее № 67 работает младшая дочь Б. В. Прозоровского – Валентина Борисовна Циркина, учительский стаж которой немногим менее стажа её отца: 51 год. Она – Почётный работник общего образования Российской Федерации, ветеран труда, награждена «Орденом детских сердец», является победителем Конкурса лучших учителей на получение денежного поощрения за высокое педагогическое мастерство и значительный вклад в образование. Учитель высшей категории. Можно предположить, что причиной отсутствия государственного признания её труда могло стать чиновничье невнимание к её работе и исключительная скромность Валентины Борисовны, унаследованная от родителей.

Завершают книгу Приложения: «Жизненные канвы» Б. В. Прозоровского, его отца и матери, брата, а также деда (Н. Ф. Молчанова), документы из архива М. В. Ахмадщиной и газетные публикации.

* * *

Считаю приятной обязанностью выразить благодарность внучке Б. В. Прозоровского, Марине Вадимовне Ахмадщиной, и его двоюродной сестре – Надежде Александровне Бондаренко, за предоставленную возможность работать с материалами их личных архивов, за разрешение на публикацию части материалов и за соучастие в создании этой книги. Приношу сердечную благодарность Валентине Борисовне Циркиной и Евгению Дмитриевичу Прозоровскому, племяннику Б. В. Прозоровского, за оказанную ими помощь.

Выражаю искреннюю благодарность за действенную помощь:

Ольге Николаевне Мироновой и Наталье Геннадьевне Пушкарёвой – ведущим библиографам информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки (С.-Петербург);

Владимиру Александровичу Антонову – старшему научному сотруднику исторического отдела Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;

Надии Викторовне Битколовой – заведующей выставочным залом муниципальной художественной галереи г. Костромы;

Дмитрию Ивановичу Белоусову – главе муниципального образования Симское Юрьев-Польского района Владимирской области;

Евгению Юрьевичу Борисову – военному комиссару Отдела военного комиссариата Ивановской области по Гаврилово-Посадскому и Ильинскому районам;

Галине Анатольевне Вороновой – председателю Ивановского областного объединения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России»;

Наталье Вениаминовне Голицыной – президенту «Русского клуба искусства и культуры» (Москва);

Сергею Александровичу Евдокимову (г. Юрьев-Польский Владимирской области);

Сергею Вячеславовичу Жубаркину – главе администрации Ивановского муниципального района;

Наталье Владимировне Зайченко – заведующей Тарусским краеведческим музеем;

Михаилу Сергеевичу Коншину (Владимир);

Зое Константиновне Коплёнковой (деревня Щенниково Ильинского района Ивановской области);

Валентине Ивановне Кутыриной – заведующей Симской библиотекой – филиалом Юрьев-Польской централизованной библиотечной системы;

Евгению Ивановичу Лапшину (Иваново);

Константину Валерьевичу Малофееву – председателю Попечительского Совета Благотворительного фонда Святителя Василия Великого (Москва);

Сергею Александровичу Малышеву (Москва);

Валерию Прокопьевичу Машковцеву (Владимир);

Ольге Ивановне Меньшиковой – директору Музея истории народного образования г. Александра и района (Владимирская область);

Ирине Владимировне Мишиной – заведующей отделом краеведческой библиографии Владимирской областной научной библиотеки;

Анастасии Григорьевне Мозжухиной (деревня Кутнево Ильинского района Ивановской области);

Николаю Андриановичу Морозову – заведующему историческим отделом Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;

Надежде Николаевне Москалёвой – председателю Ивановской областной организации профессионального союза работников народного образования и науки РФ;

Сергею Валерьевичу Ниязову – начальнику Управления образования Ивановского района Ивановской области;

Жанне Владимировне Полшковой – заместителю директора Ивановской областной научной библиотеки;

Нелли Юрьевне Рыженковой – учительнице истории Щенниковской школы Ильинского района Ивановской области;

Евгению Борисовичу Смирнову – учителю Ильинской средней школы Ивановской области;

Евгению Владимировичу Смолину – главе администрации Ильинского муниципального района Ивановской области;

Елене Николаевне Сокур (Тейково);

Людмиле Витальевне Соловьёвой – директору Щенниковской основной общеобразовательной школы Ильинского района Ивановской области;

Марине Владимировне Солоповой – заведующей отделом периодических изданий Ивановской областной научной библиотеки;

Надежде Сергеевне Степанченко – техническому инспектору Ивановской областной организации профессионального союза работников народного образования и науки РФ;

Наталье Михайловне Субботиной – бывшей учительнице Щенниковской средней школы Ильинского района Ивановской области;

Игорю Сергеевичу Тихонову – заместителю начальника Отдела хранения документов по истории России XIX – начала XX вв. Государственного архива Российской Федерации, председателю историко-патриотического объединения «Багратион»;

Ирине Геннадьевне Филимоновой – заведующей Краснохолмским районным отделом народного образования Тверской области;

Сергею Юрьевичу Хламову – историку, краеведу, журналисту и писателю (г. Юрьев-Польский Владимирской области);

Зурабу Михайловичу Чавчавадзе – генеральному директору Благотворительного фонда Святителя Василия Великого (Москва);

Евгению Хабибуловичу Шайхудинову – директору Государственного архива Ярославской области;

Владимиру Михайловичу Шаркову (г. Елец Липецкой области);

Юрию Павловичу Шилову – экс-главе администрации Ивановского муниципального района Ивановской области (г. Иваново);

Галине Яковлевне Шупиковой – заведующей отделом молодёжной и информационной политики администрации Ильинского муниципального района Ивановской области

и всем авторам статей, воспоминаний и иных материалов, вошедших в книгу.

А. В. Соловьёва

СУДЬБА БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО

*Жизнь прожить –
не поле перейти.*

Русская народная пословица

*Николай Александрович
ЗОНТИКОВ*

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ: СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

ВСТУПЛЕНИЕ

История страны, история народа складывается из судеб отдельных людей. Биография каждого человека уникальна и неповторима, и почти о любом можно написать книгу.

Данная книга посвящена судьбе Бориса Викторовича Прозоровского (1913–2005 гг.) – учителя милостью Божией, всю свою жизнь проработавшего в сельских школах. На склоне лет он пользовался всеобщим уважением: участник Великой Отечественной войны, Заслуженный учитель школы РСФСР, Почётный гражданин Ивановского и Ильинского районов Ивановской области. О трагических обстоятельствах жизни Бориса Викторовича в 30–40-е годы вплоть до конца 80-х годов знали только самые близкие люди.

Жизненный путь Б. В. Прозоровского – это судьба рядового русского человека, в которой отразилась история всего XX века. От большинства случаев его судьба отличается тем, что, несмотря ни на что, она сложилась на редкость счастливо. Правда, счастливо по-русски, по-советски.

Будучи арестованным в 1937 году в возрасте 24-х лет по обычному тогдашнему нелепому обвинению, Б. В. Прозоровский в 1938 году был приговорён к расстрелу и месяц ожидал приведения приговора в исполнение. Однако – редчайший случай для эпохи большого террора – приговор отменили, и Борис Викторович, просидевший в тюрьмах Рыбинска и Ярославля больше года, вышел на свободу.

В июле 1941 года Б. В. Прозоровский был мобилизован в действующую армию. Из призванных на фронт в самом начале Великой Оте-

чественной войны до её конца дожили очень и очень немногие. Однако Борису Викторовичу повезло и здесь – он увидел Победу.

27 декабря 1941 года в боях под Москвой, будучи тяжело контужен разорвавшимся рядом снарядом, он попал в немецкий плен. Миллионы наших соотечественников, оказавшихся в годы войны в плену, умерли в концлагерях от голода, холода, непосильного труда, были расстреляны, погибли в газовых камерах. За три с половиной года, проведённых в немецких лагерях, Борис Викторович многократно находился на грани жизни и смерти. И опять ему повезло. Пройдя через шесть концлагерей – по мере отступления III Рейха на запад, от Смоленской области до Германии, – он уцелел.

Многие наши военнопленные, не пройдя проверку после освобождения из немецких лагерей, на долгие годы оказывались узниками уже наших советских лагерей. К счастью, и эта чаша миновала Бориса Викторовича. Родители, жена и дети обняли его осенью 1945 года, вернувшегося для них буквально с того света.

После получения в начале 1942 года извещения, что Борис Викторович пропал без вести, его семья ничего не знала о его судьбе. И ведь сотни тысяч людей получали такие извещения, и очень многие так никогда ничего и не узнали о своих близких. Борис же Викторович всё-таки, «всем смертям назло», выжил и вернулся домой.

Б. В. Прозоровский родился в 1913 году, и, хотя он прожил до революции только четыре года, вся его жизнь была неразрывно связана с дореволюционной Россией, из которой он вышел и с которой до конца оставался соединён тысячами нитей.

Борис Викторович Прозоровский является главным героем нашего повествования, однако мы довольно много говорим о его предках – родителях, крестных родителях, дедах, прадедах, – и поэтому в целом данный очерк представляет собой своеобразную семейную хронику жизни нескольких поколений рода Молчановых-Прозоровских во второй половине XIX и всего XX вв.

РОДИНА: СЕЛО СИМА

Родина Бориса Викторовича Прозоровского – это село Сима Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии (ныне – Юрьев-Польского района Владимирской области). До революции название села писалось и «Сима» и «Симы»*, сейчас принята только форма Сима.

* Поэтому в XIX – начале XX вв. в документах и литературе часто пишется «в Симах», «под Симами» и т. д.

Сима – очень древнее село, возникшее, вероятно, ещё в домонгольский период. Все пишущие о нём обычно – и совершенно справедливо – ссылаются на труд академика С. Б. Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев». С. Б. Веселовский пишет о дворянском роде Константина Ивановича Добрынского, один из сыновей которого, Фёдор Константинович, носил прозвище Симский. Фёдор Симский упоминается в летописи в 1429 году как воевода в походе против казанских татар, напавших на Галич и Кострому¹. Всё это говорит о том, что село Сима существовало уже, как минимум, в XIV веке.

Название села произошло от небольшой речки Сима, переименованной, чтоб не путать с селом, в Симку. Сима – угро-финское название. Формант* -ма, на который оно оканчивается, широко распространён и в средней полосе Европейской части страны, и на Русском севере (Кострома, Кинешма и др.).

Как дворянское село Сима упоминается в отписке** Юрьев-Польского воеводы Фёдора Болотникова гетману Сапеге от 23 декабря 1608 года².

В 1708 году император Пётр I пожаловал село Сима и всю Симскую волость «с деревнями и крестьянами и пашнями и со всеми угодья» фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну (1675–1730 гг.) за победу над шведами под Лесной*** (до Полтавской битвы это была самая крупная победа русских войск над шведами)³. Во владении потомков М. М. Голицына (Михайловичей) Сима и окрестные селения оставались до 1861 года, а усадьбой в селе князя Голицыны владели вплоть до 1918 года.

Во второй половине XVIII века Голицыны развернули в Симе большое каменное строительство. В 60-е годы взамен обветшавшего деревянного был возведён каменный холодный храм в честь Богоявления Господня – одноглавый, в стиле барокко. Его освящение совершилось в 1769 году. В 1775 году состоялось освящение тёплой церкви во имя Дмитрия Солунского⁴. Хотя указаний о том, на чьи средства построены эти храмы, не сохранилось, но не вызывает сомнений, что они возведены князьями Голицыными.

* Формант – наименьшая значимая часть слова. (Прим. ред.)

** Здесь: ответ. (Прим. ред.)

*** Деревня Лесная, возле которой произошло сражение, ныне находится в Славгородском районе Могилёвской области Белоруссии.

Церковный ансамбль Симы. Справа – Богоявленский храм, слева – Дмитриевский. Фото начала XX в.

Позднее, по-видимому в начале XIX века, к Богоявленскому храму пристроили трёхъярусную колокольню. В первой половине XIX века оба храма окружила каменная ограда с часовней в юго-западном углу. Храмы, колокольня, ограда и часовня образовали единый величественный ансамбль.

С обоими этими храмами были связаны все основные события последующей жизни Симы, судьбы предков Бориса Викторовича, его собственная судьба.

На рубеже XVIII и XIX вв. в Симе был построен каменный господский дом, выдержанный в стиле классицизма, – двухэтажный, с мезонином, с покоящимся на колоннах балконом. Как полагают, его возвёл крепостной архитектор. При доме был разбит большой парк с прудом и сад⁵. В этом доме князя Голицыны жили вплоть до революции.

В 1812 году Сима вписала себя в историю Отечественной войны – здесь умер и был похоронен смертельно раненный в Бородинском сражении командующий 2-й армии генерал от инфантерии* князь Пётр Иванович Багратион (1769–1812 гг.).

* Инфантерия – пехота. (Прим. ред.)

*Дворянское гнездо.
Главный дом усадьбы князей Голицыных в Симе.
Современное фото*

В то время владельцем симской усадьбы был внук М. М. Голицына, генерал-лейтенант князь Борис Андреевич Голицын (1766–1822 гг.). Его жена – Анна Александровна Голицына (1763–1842 гг.), урождённая княжна Грузинская, доводилась князю П. И. Багратиону четверюродной сестрой.

Звезда Бориса Андреевича Голицына возшла с воцарением Павла I. В 1798 году Павел возвёл его в генерал-адъютанта, а в 1799 году в генерал-лейтенанта и назначил командиром лейб-гвардии Конного полка. Однако вскоре Б. А. Голицын впал в немилость и 11 января 1800 года был уволен с военной службы.

Летом 1812 года дворянство Владимирской губернии избрало генерал-лейтенанта Б. А. Голицына начальником Владимирского ополчения⁶. В сентябре – начале октября 1812 года со своим ополчением Борис Андреевич прикрывал дорогу из Москвы на Владимир. После оставления Москвы французами он некоторое время управлял испепелённым городом «до прибытия воинских и гражданских властей». Преследуя отступающего противника, с частями ополчения Б. А. Голицын проделал поход до западной границы. После роспуска ополчения начиная с 1814 года Борис Андреевич попеременно жил в Петербурге и Симе⁷.

В отсутствие хозяина Симская усадьба стала местом кончины раненного в Бородинской битве генерала П. И. Багратиона.

Летом 1811 года князь П. И. Багратион гостил в Симе, когда к нему был доставлен приказ императора Александра I возглавить Подольскую (будущую 2-ю Западную) армию. Тяжело раненного 26 августа 1812 года в Бородинском сражении, его – через Можайск, Москву, Сергиев Посад и Александров – 7 сентября привезли в Симу и поместили в одну из комнат главного усадебного дома. 12 сентября в 12 часов пополудни Багратион скончался, не оставив никаких указаний о месте своего погребения. Старший в его свите – начальник штаба 2-й армии генерал граф Эммануил Сен-При (французский эмигрант, роялист, поступивший на русскую службу), решил – по военным обстоятельствам – похоронить Багратиона в местной церкви в Симе⁸.

Отпевание П. И. Багратиона при большом стечении народа состоялось 14 сентября в Богоявленской церкви⁹. Принято считать, что полководец был похоронен в этой же церкви, откуда впоследствии и произошло перезахоронение его останков¹⁰.

Праха Багратиона покоился в Симе 27 лет. В 1839 году по распоряжению императора Николая I его останки были перенесены из Симы на Бородинское поле и преданы земле там*. Перезахоронение Багратиона представляло собой небывалое в истории Симы торжество, которое возглавил архиепископ Владимирский и Суздальский Парфений (Чертков; 1782–1853 гг.). При перезахоронении останков Багратиона присутствовали сыновья Б. А. Голицына: «При гробе были участвовавшие в Бородинской битве сыновья покойного генерал-лейтенанта Б. А. Голицына: генерал-майор князь Андрей, служивший тогда в лейб-гвардии конном полку, действительный статский советник, предводитель дворянства Владимирской губернии и владелец с. Симы князь Александр, бывший в том же полку и находившийся при главнокомандующем князе Кутузове, коллежский советник князь Николай, состоявший при особе покойного и сопровождавший раненого героя с поля Бородинского»¹².

* Как известно, после 1917 года в отношении к дореволюционному прошлому преобладал самый воинствующий нигилизм. В 1932 году могила П. И. Багратиона на Бородинском поле была взорвана, останки генерала выброшены. Надгробие на могиле восстановлено только в 1987 году¹¹.

Генерал П. И. Багратион.
 Портрет работы художника Джорджа Доу
 (Военная галерея Зимнего дворца, Петербург)

Однако надгробная плита и решётка у первой могилы Багратиона остались в Богоявленском храме, и жители Симы чтят память умершего и похороненного у них героя Отечественной войны 1812 года.

На надгробии имелась надпись: «Князь Петр Иванович Багратион, находясь у друга своего князя Бориса Андреевича Голицына, Владимирской губернии, Юрьевского уезда, в селе Симе, получил Высочайшее повеление быть Главнокомандующим 2-й западной армией; из Симы отправился к оной, и будучи ранен в деле при Бородине, прибыл опять в Симу и скончался сентября 11 дня». Затем было помещено стихотворение графа Д. И. Хвостова и эпитафия:

Кн. П. И. Багратиону
 истинная дружба.

Прохожий! в Симе зри того героя прах,
 Который гром метал на Альпа высотах.
 Бог-рати-он, слуга отечества и трона,
 Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона¹³.

Борис Андреевич Голицын скончался в Петербурге 30 марта 1822 года после удара, постигшего его в Английском клубе. Он был погребён на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры¹⁴. Княгиня Анна Александровна пережила супруга на двадцать лет: она умерла в Петербурге 12 октября 1842 года. Её похоронили в церкви Архангела Михаила («Голицынской церкви») Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом¹⁵.

Симу унаследовал сын Бориса Андреевича – Александр Борисович Голицын (1792–1865 гг.). Князь А. Б. Голицын был участником войны 1812 года, сражался под Витебском и Смоленском, в Бородинском сражении состоял ординарцем при М. И. Кутузове. Он проделал весь Заграничный поход русской армии, участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Бриенне, Фершампенуазе и Париже. В 1820 году в чине полковника вышел в отставку. В 1824–1826 гг. занимал пост Владимирского губернского предводителя дворянства. Поступив в 1826 году на гражданскую службу, в 1826–1830 гг. был Саратовским губернатором. Выйдя в отставку, А. Б. Голицын поселился в Симе и в 1839–1842 гг. вновь занимал пост Владимирского губернского предводителя дворянства.

В 1817 году Александр Борисович женился на фрейлине Анне Васильевне Ланской (1793–1868 гг.)¹⁶. От этого брака у него была единственная дочь Зинаида Александровна (1818–1845 гг.). В мае 1845 года Зинаида вышла замуж за графа Константина Карловича Толя (1817–1884 гг.). В селе Фёдоровском (неподалеку от Симы), которое одновременно принадлежало и А. Б. Голицыну и К. К. Толю, для молодых спешно возводился дом. Однако графиня Зинаида Александровна простудилась и скоропостижно умерла 9 июня 1845 года – через месяц после свадьбы – в усадьбе Гостилицы (Петергофский уезд) у родственников. Похоронили её в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом¹⁷. К. К. Толь в том же 1845 году в память о своей жене устроил в симской церкви Димитрия Солунского придел во имя святой мученицы Зинаиды¹⁸.

А. Б. Голицын скончался в Петербурге 20 января 1865 года и был погребён в традиционном месте упокоения многих членов своего рода – в церкви Архангела Михаила («Голицынской церкви») в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом¹⁹.

После кончины не имевшего прямых наследников Александра Борисовича Голицына Сима перешла в собственность другой ветви Голицыных-Михайловичей. Владельцем усадьбы стал Борис Андре-

евич Голицын (1828–1870 гг.), сын Андрея Борисовича Голицына (1791–1861 гг.) и внук Бориса Андреевича Голицына, владевшего Симской вотчиной во время Отечественной войны 1812 года*.

Борис Андреевич Голицын родился 16 июня 1828 года в Курске. В 1847 году он был произведён в чин корнета и поступил в лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк. В составе полка в 1848 году Борис Андреевич участвовал в походе в Австрию для подавления венгерского восстания. Однако восстание это было подавлено до прибытия гродненских гусар, и поэтому полк не принял участия в боевых действиях. В период Крымской войны Гродненский полк находился в Финляндии, охраняя морские берега от возможных действий англо-французского флота. 9 октября 1857 года Борис Андреевич в чине ротмистра вышел в отставку. В 1860 году он вернулся на военную службу. 23 декабря 1865 года в чине полковника Борис Андреевич был зачислен в лейб-гвардии Кавалергардский полк, где командовал эскадроном²⁰.

8 ноября 1854 года он женился на графине Неониле Ивановне Кутайсовой (1836–1855 гг.). 6 сентября 1855 года у молодых супругов родился сын Александр. Однако вскоре после рождения первенца, 8 октября 1855 года (на 33-й день после родов), Неонила Ивановна скончалась.

Борис Андреевич Голицын умер 17 апреля 1870 года в Висбадене (Германия) и был погребён в церкви Архангела Михаила («Голицынской церкви») Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом²¹.

В начале XX века Сима, центр Симской волости, являлась весьма крупным селением. Во второй половине XIX – начале XX вв. население села быстро росло. В 1869 году в Симе было 96 дворов, в которых проживало ровно 700 жителей²². В 1878 году численность дворов достигла 214, а жителей – 1291²³. В 1905 году в 209 дворах проживало 1377 человек²⁴.

От губернского Владимира село находилось в восьмидесяти пяти верстах, от уездного Юрьев-Польского – в двадцати двух.

* В роду Голицыных-Михайловичей мальчикам традиционно давали по преимуществу только три имени: Андрей, Борис и Александр (в аристократических родах существовал обычай придерживаться только некоторых определённых имён).

КНЯЗЬЯ ГОЛИЦЫНЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

На рубеже XIX и XX вв. владельцем усадьбы в Симе был князь Александр Борисович Голицын (1855–1916 гг.), сын Бориса Андреевича Голицына.

Как писалось выше, Александр Борисович Голицын родился 6 сентября 1855 года в Петербурге и почти сразу лишился матери, скончавшейся вскоре после его рождения. Александра воспитывал отец, больше так и не вступивший в брак. В 1865–1874 гг. Александр Борисович учился в Пажеском корпусе.

Пажеский Его Императорского Величества корпус, размещавшийся в старинном Воронцовском дворце на Садовой, являлся самым элитным учебным заведением страны, «соединявшем, – как писал один из его выпускников, – характер военной школы на особенных правах и придворного училища»²⁵. В корпус принимались только представители самых аристократических фамилий. Первые 16 учеников старшего класса ежегодно назначались камер-пажами к членам царской фамилии – императору, императрице, цесаревичу, цесаревне, великим князьям и княгиням. Камер-пажи обязаны были сопровождать своих патронов на всех официальных выходах во дворце и за его пределами. Выпускники Пажеского корпуса по своему выбору могли распределяться в любой полк – гвардейский или армейский²⁶.

29 ноября 1873 года в числе лучших учеников Александр был произведён в звание камер-пажа. В качестве камер-пажа он регулярно дежурил в Зимнем дворце. После окончания корпуса 7 августа 1874 года он был произведён в чин корнета и поступил на службу в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, расквартированный в Царском Селе. Александр Борисович быстро продвигался по служебной лестнице: поручик (13 апреля 1875 г.), штабс-ротмистр (30 августа 1876 г.), ротмистр (17 апреля 1879 г.). 14 декабря 1877 года он был назначен командиром эскадрона²⁷.

Штабс-ротмистр А.Б.Голицын участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. За мужество и храбрость, проявленные в боях против турок, он был удостоен ряда боевых наград: за переход через Балканы – награждён орденом святой Анны 3-й степени «с мечами и бантом»* (19 декабря 1877 г.), за действия в составе отряда гене-

* К знакам, дававшимся за воинские заслуги, присоединялись скрепённые золотые мечи. (Прим. ред.)

*Князь Александр Борисович Голицын.
Фото начала XX в.*

рала И. В. Гурко – орденом святого Станислава 3-й степени (17 января 1878 г.), за участие в осаде Плевны – Румынским Железным Крестом (1 июня 1879 г.). Как все участники Балканской кампании, он получил также бронзовую медаль в память войны 1877–1878 гг.²⁸

10 сентября 1878 года в Москве Александр Борисович обвенчался с княжной Софьей Александровной Вяземской. Софья Александровна Вяземская (1859–1941 гг.), дочь генерал-лейтенанта князя Александра Сергеевича Вяземского (1806–1867 гг.), родилась 2 апреля 1859 года в с. Введенском Шуйского уезда Владимирской губернии. Она получила образование в Смольном институте благородных девиц в Петербурге²⁹.

В семье у Александра Борисовича и Софьи Александровны было семеро детей: Борис (1880–1947 гг.), Александр (1882–1937 гг.), Татьяна (1885–1935 гг.), Михаил (1889–1918 гг.), Андрей (1889–1922 гг.), Екатерина (1893–1971 гг.) и Дмитрий (1894–1985 гг.).

*Княгиня Софья Александровна Голицына.
Фото конца XIX в.*

25 октября 1882 года, по прошению, Александр Борисович в чине ротмистра был уволен с военной службы в отставку.

С этого времени он попеременно жил в Симе и в Москве, где Голицыным принадлежал собственный дом в Мёртвом переулке* (между Пречистенкой и Большим Власьевским переулком). Когда дети стали подрастать и им надо было учиться, семья в холодное время года жила в Москве, а в Симу приезжала на лето.

* Дом имел порядковый № 5 и был записан на Софью Александровну. Официальный адрес Голицыных значился так: Москва, Мёртвый переулок, дом княгини Голицыной³⁰. В 1937 году Мёртвый переулок переименовали в переулок Н. А. Островского (в честь советского писателя, жившего здесь некоторое время)³¹, а в 1994 году он получил название Пречистенский переулок.

9 сентября 1895 года Александр Борисович был избран Юрьев-Польским уездным предводителем дворянства и пробыл на этой должности одно трёхлетие. 31 мая 1901 года его избрали уже Владимирским губернским предводителем дворянства. На этот пост он избирался три трёхлетия подряд – вплоть до января 1909 года³². Таким образом, в начале XX века Александр Борисович входил в тройку первых лиц губернии (губернатор, губернский предводитель дворянства и архиерей). Его предводительство пришлось на время Русско-Японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг.

Помимо этого Александр Борисович занимал целый ряд других должностей и во Владимирской губернии и в Москве: он был почётным попечителем Владимирской гимназии, почётным мировым судьёй в Юрьев-Польском уезде, почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии, председателем Николаевского благотворительного общества при Императорском Московском воспитательном доме и др.³³

На гражданской службе Александр Борисович успешно продвигался по чиновной лестнице: надворный советник (22 декабря 1888 г.), коллежский советник (4 октября 1890 г.), статский советник (13 июля 1892 г.), действительный статский советник (?), тайный советник (1913 г.)^{34*}

Начальство не обходило его и придворными чинами: 1 апреля 1890 года ему был пожалован чин камер-юнкера, 7 ноября 1896 года – чин шталмейстера^{35**}.

От предков Александру Борисовичу досталось весьма крупное имение, которым он рачительно управлял. В 1897 году за ним числилось родовое имение – пустошь Александровское в Бугурусланском уезде Самарской губернии (5325 десятин*** земли). На 1915 год ему в Симской и Ильинской волостях Юрьев-Польского уезда принадлежало более 8680 десятин земли при сёлах Сима, Шегодское, Матвейцево, Радованье, Некоморна, Ново-Александровская слобода и деревнях Марково, Бильдино, Теслово, Туково и др. В самой

* Тайный советник – чин III класса. По Табели о рангах соответствовал в армии чину генерал-лейтенанта, на флоте – вице-адмирала.

** Шталмейстер (от немецкого Schtalmeyster – начальник конюшни) – придворный чин III класса.

*** 1 десятина равняется 10,9 км².

Симе он являлся владельцем водяной мельницы, лесопильного завода, гостиного двора, торговой площади и трактира³⁶. Также ему принадлежал винокуренный завод в д. Колоново³⁷.

Немалую часть своих доходов Александр Борисович тратил на благотворительность. На протяжении нескольких десятилетий он и Софья Александровна являлись главными благотворителями для жителей Симы и Симской волости.

В 1881 году в Симе была открыта мужская школа, находившаяся в ведении Министерства народного просвещения (в просторечии – министерская). Она разместилась в пожертвованном Александром Борисовичем каменном одноэтажном флигеле, крытом железом, перестроенном под школу за его счёт. В здании имелось четыре классные комнаты, ночлежный приют для далеко живущих учеников и квартира учителя³⁸. В классе ручного труда учеников обучали столлярному и сапожному делу. В 1910 году в школе обучалось 130 мальчиков³⁹. Вплоть до революции князь Александр Борисович Голицын состоял её попечителем. При организации школы он пожертвовал ей десятину земли и взял на себя расходы по отоплению здания⁴⁰.

В 1892 году в Симе открылось второе учебное заведение – женская церковно-приходская школа⁴¹.

Церковно-приходские школы стали появляться в России с 1884 года. Они создавались при церковных приходах, и наряду с письмом, чтением и арифметикой в них большое внимание уделялось Закону Божию и церковно-славянскому языку. В лучших школах учеников также обучали различным ремёслам. Ахиллесовой пятой церковно-приходских школ являлось то, что в отличие от министерских и земских школ они не имели постоянного финансирования и фактически их существование зависело от наличия состоятельного попечителя.

Первоначально Симская церковно-приходская школа размещалась в снимаемом помещении. В 1894 году для неё построили особое деревянное здание, крытое дранкой. В нём было две классные комнаты и две квартиры для учительниц. В 1898 году в школе обучалась 51 ученица, в 1914-м их число достигло 70-ти. Хотя в литературе нет сообщений, что здание построено на средства князей Голицыных, но, конечно, это было так. С 1892 года и вплоть до революции попе-

* Винокуренный завод в Колонове был открыт в 1851 году. В 1890 году на нём работало 11 рабочих³⁷.

чительницей школы состояла княгиня Софья Александровна Голицына⁴².

Известный владимирский краевед В. Г. Добронравов в книге «Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии», вышедшей во Владимире в 1909 году, отмечал: «Из сельских женских церковно-приходских школ следует отметить Симскую школу в Юрьевском уезде. Эта школа выделяется не только в учебно-воспитательном отношении, но и по успехам в обучении рукоделью. Школа учреждена княгиней С. А. Голицыной, находится под её особым попечением и руководством, учительницы же рукоделья содержатся даже и на её средства»⁴³.

По-видимому, с начала 1880-х годов Александр Борисович состоял старостой Симской Богоявленской церкви. За свои труды и пожертвования храму 12 декабря 1895 года он был награждён орденом святого Станислава 2-й степени⁴⁴.

А. Б. Голицын неизменно покровительствовал храмам Симской волости. В конце 1890-х годов он построил в с. Заборье каменную церковь (об этом чуть ниже). В 1889 году он пожертвовал материал на постройку церковной ограды в с. Шегодском⁴⁵.

Во время I Мировой войны четверо сыновей Александра Борисовича и Софьи Александровны – Борис, Александр, Михаил и Дмитрий – защищали Отечество на фронте в составе гвардейских полков. Борис и Михаил воевали в лейб-гвардии Кавалергардском, Александр – в лейб-гвардии Уланском, Дмитрий – в лейб-гвардии Гусарском. Дочь Татьяна, будучи сестрой милосердия, работала в военном лазарете в Московской Марфо-Мариинской обители.

После Февральской революции 1917 года в обстановке безвластия и нарастающего хаоса отношения крестьян Симской волости и князей Голицыных, как и везде в России, стали портиться. В сентябре 1917 года владимирский губернский комиссар в своём докладе Временному правительству сообщал «о самовольных действиях крестьян Юрьевского уезда, выразившихся в пастьбе скота и покосов лугов в имении князя Голицына». Губернский комиссар отмечал, что он телеграммой предложил Юрьевскому уездному комиссару А. И. Соллогубу «принять совместно с земельным комитетом решительные меры к безусловному прекращению самовольных захватов крестьянами земельных угодий, разъяснить им неправоту их действий и предупредить, что если они не прекратят самоуправство, то против них будут приняты самые решительные меры»⁴⁶. Но, конеч-

но, вся эта переписка бессильных комиссаров бессильного Временного правительства не имела уже никакого смысла: страна катилась к октябрьской катастрофе.

Октябрь 1917 года обрёл всех симских Голицыных на гибель или бегство на чужбину.

Штабс-ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка Михаил Александрович Голицын был расстрелян красными в Киеве 26 января 1918 года⁴⁷. Андрей Александрович Голицын арестован и расстрелян во Владивостоке в 1922 году вскоре после вступления в столицу Приморья Красной армии⁴⁸. Татьяна Александровна Голицына умерла в Липецке в 1935 году (кончина явно спасла её от ареста и расстрела в 1937 году). Бывший полковник гвардии Александр Александрович Голицын пытался с семьёй бежать из России, но не смог этого сделать из-за болезни жены. Он был арестован в Липецке 7 августа 1937 года и расстрелян 10 октября того же года⁴⁹. Борис Александрович Голицын умер во Франции в 1947 году⁵⁰. Дмитрий Александрович Голицын умер в Париже 27 января 1985 года⁵¹. Екатерина Александровна Голицына с мужем Н. Е. Волковым уехала в Италию, а умерла в 1971 году в далёкой Аргентине⁵².

Таким образом, из семи детей Александра Борисовича и Софьи Александровны трое были расстреляны, трое оказались в эмиграции, и лишь одна умерла своей смертью в России.

Революция лишила семью Голицыных и Симского имения и московского дома. Точное время кончины Александра Борисовича Голицына неизвестно: по одним данным, старый князь умер в Москве в 1916 году, по другим – 8 января 1920 года⁵³.

В 20-е годы в Москве оставалась одна Софья Александровна. После муниципализации её дома в Мёртвом переулке старой княгине оставили небольшую восьмиметровую комнату, в которой раньше жила прислуга⁵⁴. С. М. Голицын, её дальний родственник, в книге «Записки уцелевшего» вспоминал, что Софья Александровна по-прежнему ходила на службу в свою приходскую церковь Покрова в Левшине*, на углу Большого и Малого Левшинских переулков (район Пречистенки). С. М. Голицын пишет: «<...> княгиня Софья Александровна Голицына, урождённая княжна Вяземская, бывшая владелица знаменитых Симов Владимирской губернии. Муж её,

* Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Левшине, снесена в 1930 году⁵⁵.

принадлежавший к другой ветви, чем мы, умер ещё до революции, два её сына были расстреляны, а третий в тридцатых годах попал в лагеря. Она жила на подношения крестьян из её имения*. Когда в шестидесятых годах мне пришлось быть в судейской коллегии на Владимирском областном туристском слёте, я прочёл в альбоме девочки, побывавшей в походе в Симах, такие строки (цитирую по памяти): “Две старушки мне рассказали об их барыне Софье Александровне прямо-таки удивительные вещи. Оказывается, она совсем не была похожа на эксплуататоров-помещиков, на свои деньги организовала школу, а если у крестьянина умирала корова, то дарила ему другую из своего стада...”⁵⁶.

* * *

Особо скажем о судьбах Бориса Александровича и Татьяны Александровны Голицыных – крестных родителей Бориса Викторовича Прозоровского.

В настоящее время институт крестных родителей (по-церковному – восприемников) в нашей стране в основном существует лишь формально. В начале же XX века крестные родители, как известно из мемуарной литературы, играли большую роль в жизни своих крестников. Причём так обстояло дело во всех сословиях – в дворянстве, купечестве, духовенстве, крестьянстве. Во многих случаях крестные родители действительно являлись для своих крестных детей наиболее близкими людьми после родных отца и матери.

Князь Борис Александрович Голицын (1880–1947 гг.), крестный отец Бориса Викторовича Прозоровского, в честь которого он, по-видимому, и был назван Борисом, родился в Симе 26 июня 1880 года. Он окончил 5-ю Московскую гимназию и юридический факультет Московского университета. После окончания университета 26 августа 1903 года поступил вольноопределяющимся** в лейб-гвардии Кавалергардский полк, который размещался в самом центре Петер-

* Отметим этот многоговорящий факт. После революции крестьяне помогали далеко не всем своим бывшим барыням.

** Вольноопределяющиеся (в просторечии – вольнопёры) – солдаты, призванные в армию из лиц, получивших образование или имеющих дворянское происхождение. От остальных солдат их отличали витые шнуры по краям погон. Вольноопределяющиеся пользовались рядом льгот, в частности, преимуществом при производстве в офицеры⁵⁷.

Князь Борис Александрович Голицын – студент Московского университета. Фото начала XX в.

бурга – в Елизаветинских казармах на Захарьевской улице. 19 августа 1904 года ему был присвоен чин корнета⁵⁸.

31 октября 1904 года Борис Александрович обвенчался с Надеждой Михайловной Леонтьевой (1882–1916 гг.). Надежда Михайловна родилась 20 июля 1882 года в Царском Селе⁵⁹. В 1903 году она стала фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны, но из-за замужества прослужила при Дворе только около года (в качестве фрейлины она упоминается в «Адрес-календаре на 1904 год»⁶⁰). Как и положено, перед вступлением в брак Надежда Михайловна оставила придворную службу.

Надежда Михайловна Леонтьева принадлежала к известному дворянскому роду, издавна связанному с Владимирской губернией. Её прадед, генерал-майор Иван Сергеевич Леонтьев (1782–1824 гг.), был участником всех войн России с наполеоновской Францией, в том числе и Отечественной войны 1812 года, участвовал в Бородинском сражении. Его портрет находится в Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге. Её дед, Михаил Иванович Леонтьев (1824–1885 гг.) дослужился до чина тайного советника⁶¹.

Отец Надежды Михайловны, Михаил Михайлович Леонтьев (1853–1901 гг.) по материнской линии являлся праправнуком А. В. Суворова (таким образом, сама Надежда Михайловна доводилась великому полководцу прапраправнучкой). В 1875 году Михаил Михайлович окончил юридический факультет Петербургского университета, поступил на службу в лейб-гвардии Гусарский полк, участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. В 1880 году он вышел в отставку в чине полковника. 31 января 1891 года состоялось его избрание Владимирским губернским предводителем дворянства (этот пост он занимал до января 1901 года). 8 февраля 1901 года М. М. Леонтьев был назначен Смоленским губернатором, однако губернаторство его оказалось недолгим. 24 августа того же 1901 года он скончался в своей усадьбе в с. Старое Фетиньино Владимирского уезда⁶².

Дядя Надежды Михайловны, родной брат её отца, Иван Михайлович Леонтьев (1857–1908 гг.) окончил Пажеский корпус и юридический факультет Петербургского университета и в 1881 году поступил на службу в Министерство внутренних дел, где сделал успешную карьеру. В 80–90-е годы он занимал посты вице-губернатора в Уральской области (1888 г.) и Тульской губернии (1892 г.). В декабре 1897 года Иван Михайлович получил назначение на должность Костромского губернатора. 6 июля 1902 года он был назначен Владимирским губернатором. Во главе Владимирской губернии И. М. Леонтьев стоял до 1906 года. Его губернаторство пришлось на время Русско-Японской войны и Первой русской революции, отмеченной в губернии многочисленными забастовками, среди которых особое место занимала всеобщая стачка в 1905 году в Иваново-Вознесенске⁶³.

В начале 1909 года Борис Александрович вышел в отставку в чине поручика и поселился в Симе. 20 марта 1909 года он был избран Юрьев-Польским уездным предводителем дворянства⁶⁴. Этот пост Борис Александрович занимал несколько трёхлетий вплоть до 1917 года.

Необходимо напомнить, что после проведения земской реформы 1864 года уездный предводитель дворянства по должности возглавлял уездное земское собрание, фактически являясь высшим должностным лицом в своём уезде, неся вместе с председателем уездной земской управы ответственность за всё, что происходило в уезде. По должности же уездный предводитель состоял председателем или членом многих губернских и уездных комитетов, комиссий, попечительств и т. д.

В 1911 году Борису Александровичу был пожалован придворный чин камер-юнкера⁶⁵.

В октябре 1912 года Б. А. Голицын был избран членом IV Государственной Думы от Владимирской губернии от съезда землевладельцев (выборы в Думу проходили по четырем куриям – землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей).

В отличие от многих дворян Борис Александрович в Думе примкнул к фракции правых, т. е. присоединился к тем, кого сейчас называют последними защитниками российской монархии. Фракция правых, существовавшая в III и IV Думах, объединяла консервативно настроенных депутатов. Члены фракции выступали за сохранение в России неограниченной монархии. В 1912 году во фракцию входило 65 депутатов, к ноябрю 1916 года её численность сократилась до 53-х. 16 членов фракции были помещики (среди последних находилось 4 предводителя дворянства и 2 председателя земских управ), 17 – православные священники, 1 – викарный архиерей, 11 – крестьяне (из них пятеро – волостные старшины). В 1915–1917 гг. фракция правых являлась единственной в Думе фракцией, которая последовательно поддерживала правительство. Фактическим лидером её был Н. Е. Марков⁶⁶.

Можно сказать: Александр Борисович – князь, Гедиминович, дворянский предводитель, помещик – к какой ещё фракции, как не к правым, ему было примкнуть? Однако вспомним, например, фракцию либерально-западнической партии кадетов, члены которой с самого открытия российского парламента использовали думскую трибуну в основном для обличения существовавшего государственного строя. В кадетской фракции также состояли и князья, и дворянские предводители, и помещики.

Борис Александрович находился в рядах тех, кто противостоял общему либеральному натиску на основные устои российского государства. И когда позднее в эмиграции во Франции он встречал своих бывших коллег по Государственной Думе из оппозиционно-либерального стана, он знал, что его совесть – в отличие от их, – по крайней мере, была чиста. В Думе Борис Александрович состоял в комиссиях: по местному самоуправлению (секретарь комиссии), по военным и морским делам, о путях сообщений⁶⁷.

Адресная книга «Весь Петербург» фиксирует, что в начале 1914 года камер-юнкер, член Государственной Думы Борис Александрович Голицын проживал в столице по адресу: ул. Сергиевская, д. 26⁶⁸.

31 июля 1914 года, в самом начале I Мировой войны, поручик Б. А. Голицын добровольно возвратился в свой лейб-гвардии Кавалергардский полк. Уже в сентябре 1914 года полк участвовал в боевых действиях в Восточной Пруссии, и за отличие в боях Борис Александрович был награждён орденом святого Владимира 4-й степени⁶⁹. Высочайшим приказом от 18 июля 1915 года он подлежал увольнению с военной службы для занятия «статскими делами» и вернулся в Государственную Думу⁷⁰.

В конце 1916 года во фракции правых произошёл раскол, спровоцированный выходкой Н. Е. Маркова, который 22 ноября грубо оскорбил председателя Думы М. В. Родзянко. Из фракции правых, по разным данным, вышло 32 или 34 депутата, которые 30 ноября 1916 года образовали группу Независимых правых. Председателем группы был избран Б. А. Голицын. В качестве председателя Борис

Князь Борис Александрович Голицын – поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка. Варшава. 1914 г.

Александрович вошёл в думский Совет старейшин, включавший в себя президиум Думы и представителей всех фракций⁷¹.

10 марта 1916 года в Москве в возрасте всего 34-х лет скончалась его жена Надежда Михайловна. Брак этот был бездетным⁷².

Как писалось выше, и после своего избрания в Государственную Думу, и во время пребывания на фронте Борис Александрович сохранял за собой пост Юрьев-Польского уездного предводителя дворянства. Именно он и оказался последним дворянским предводителем в своём уезде.

Б. А. Голицын пробыл в Думе до марта 1917 года, когда Таврический дворец был занят революционными силами и IV Государственная Дума прекратила своё существование.

После Октябрьской революции Борис Александрович эмигрировал во Францию. Будучи боевым офицером, он, по-видимому, не пожелал участвовать в братоубийственной Гражданской войне ни на чьей стороне. В эмиграции он ещё два раза вступал в брак. Его второй женой стала Мария-Анна Глевенанд ван Ренсимер (1888–1935 гг.), с которой он вступил в брак 23 апреля 1921 года. Мария-Анна скончалась 12 августа 1935 года. В третий раз Борис Александрович женился 12 июля 1938 года на Ольге Дмитриевне Голицыной (1893–1994 гг.)*. Все эти три брака были бездетными. В 1939 году Борис Александрович официально усыновил детей Ольги Дмитриевны от первого брака – Георгия и Ольгу⁷⁴.

Во время II Мировой войны Борис Александрович пережил немецкую оккупацию Франции. Он скончался 28 июля 1947 года в Каннах, похоронен на кладбище Пасси в Париже⁷⁵. Его вдова, княгиня Ольга Дмитриевна Голицына, скончалась в Париже 24 июня 1994 года в возрасте сто одного года⁷⁶.

* * *

Крестная мать Бориса Викторовича Прозоровского, княжна Татьяна Александровна Голицына, родилась в Симе 17 апреля 1885 года. Она получила домашнее образование. В начале 1904 года Татьяна Александровна была пожалована во фрейлины к супруге Николая II императрице Александре Фёдоровне (не взяли ли Татья-

* Княжна Ольга Дмитриевна Голицына была дочерью князя Дмитрия Николаевича Голицына (представителя одной из ветвей рода Голицыных) и Елены Вячеславовны Голицыной, урождённой Крыжановской⁷³.

*Княжна Татьяна Голицына в детстве.
Фото конца XIX в.*

ну Александровну Голицыну взамен Надежды Михайловны Леонтьевой, вышедшей замуж за её брата?). Когда при Дворе освобождалось место фрейлины, вышедшей, например, замуж, то взамен подыскивали новую кандидатуру. Выбор обычно происходил по чьей-то рекомендации или протекции. Видимо, за Татьяну Александровну попросил кто-то из родственников, к чьему голосу при Дворе прислушивались.

Впервые княжна Татьяна Александровна Голицына называется в числе фрейлин Александры Фёдоровны в «Адрес-календаре на 1905 год»⁷⁷.

Фрейлина (от немецкого слова *Fräulein* – девушка, незамужняя женщина) – младший придворный чин. Во фрейлины брали молодых девушек из самых аристократических русских фамилий (при вступлении в брак фрейлина покидала придворную службу). Так как с конца 1904 года Николай II редко появлялся в Зимнем дворце в Петербурге, а в основном проживал с семьёй в Александровском дворце Царского Села, то с 1904 года Татьяна Александровна в течение не-

*Княжна Татьяна Александровна –
крестная мать Бориса Викторовича Прозоровского.
Фото 1900-х гг.*

скольких лет также, по-видимому, жила в этой загородной императорской резиденции.

Фрейлины постоянно проживали во дворце вблизи императрицы. В Зимнем дворце один из коридоров, в котором находились их жилые помещения, носил название «фрейлинский коридор». Главной обязанностью фрейлин являлось сопровождение императрицы в составе свиты на всех её выходах и во дворце, и за его пределами. Фрейлины несли дежурство при особе государыни по особому графику.

При Дворе Татьяна Александровна близко наблюдала и императора Николая II, и императрицу Александру Фёдоровну, и их маленьких детей – великих княжон Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и совсем маленького цесаревича Алексея Николаевича. Правилось

*Княжна Татьяна Александровна –
фрейлина императрицы Александры Фёдоровны.
Фото 1900-х гг.*

ли Татьяне Александровне положение фрейлины Её Императорского Величества, по душе ли ей был придворный блеск, шум и суета? Этого мы не знаем. Впрочем, в 1904 году она пробыла при Дворе весьма недолго.

После начала Русско-Японской войны великая княгиня Елизавета Фёдоровна (1864–1918 гг.), старшая сестра императрицы Александры Фёдоровны и супруга великого князя Сергея Александровича (1857–1905 гг.) – тогдашнего Московского генерал-губернатора, образовала в Москве Особый комитет помощи воинам, при котором был устроен склад. С разрешения царя склад и находящиеся при нём мастерские разместились в Большом Кремлёвском дворце, заняв почти все его помещения за исключением Тронной залы. Из Кремлёвского склада вещами и медикаментами осуществлялось снабжение складов на Дальнем Востоке – в Ляояне, Мукдене, Харбине, Никольске (Уссурийске), Чите – и 9-ти летучих санитарных отрядов, 4-х этапных лазаретов и др. В помещениях Большого Кремлёвского дворца заготавливали бинты, шили одежду, собирали посылки, формировали походные церкви и т. д.⁷⁸

По-видимому, Татьяна Александровна отпросилась у императрицы на работу на Кремлёвский склад, прибыла в Москву и протрудилась в нём весь период войны 1904–1905 гг.⁷⁹ В это время она сблизилась с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной и стала одной из самых её близких и преданных сотрудниц.

После окончания войны с Японией во второй половине 1905 года Татьяна Александровна вновь вернулась на придворную службу в Царское Село.

Во время пребывания Т. А. Голицыной в Кремле произошла трагедия, изменившая судьбу и Елизаветы Фёдоровны и, в конечном счёте, самой Татьяны Александровны. 4 февраля 1905 года в Кремле бомбой, брошенной эсером-террористом, был убит великий князь Сергей Александрович.

Как известно, после гибели Сергея Александровича Елизавета Фёдоровна решила создать в Москве особую обитель милосердия. В мае 1907 года на свои средства она приобрела в Замоскворечье на Большой Ордынке усадьбу купцов Соловьёвых с четырьмя домами и обширным садом, на территории которой и началась организация обители. Некоторых первых сестёр, из числа тех, кого она лично знала, великая княгиня приглашала сама. Позвала она и Татьяну Александровну. По свидетельству историка В. С. Христофорова, Татьяна

*Княжна Татьяна Александровна Голицына –
сестра милосердия Московской Марфо-Мариинской обители.
Фото 1910-х гг.*

Александровна была отпущена в Москву «по ходатайству Елизаветы Фёдоровны»⁸⁰. Вместе с ней великая княгиня пригласила в обитель и другую свою бывшую сотрудницу по Кремлёвскому складу – Елену Андреевну Оленину⁸¹.

В самом начале 1910 года Татьяна Александровна фактически ушла с придворной службы (кто знает, как сложилась её судьба, если бы она осталась при Дворе: не разделила бы она в 1917–1918 гг. трагическую участь царской семьи?). Она оказалась одной из первых насельниц только что учрежденной Марфо-Мариинской обители сестёр милосердия.

Обитель милосердия получила своё название в честь евангельских Марфы и Марии – сестёр Лазаря, воскрешенного из мёртвых Спаси-

*Сима. Усадьба Голицыных.
На переднем плане сидят (справа налево):
князь Александр Борисович, княжна Татьяна Александровна
в белом одеянии сестры милосердия Марфо-Мариинской обители,
княгиня Софья Александровна*

телем, дом которых в Вифании являлся любимым местом отдохновения Иисуса Христа. Марфо-Мариинская обитель не была традиционным женским монастырем. Она являлась уникальным учреждением, сочетавшим социальное служение со строгим монашеским уставом и образом жизни.

Торжественное открытие обители состоялось 10 февраля 1909 года. 9 сентября 1910 года викарий Московской епархии епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов) освятил первый храм обители – больничный – во имя святых Марфы и Марии.

9 апреля 1910 года в этой церкви епископ Трифон посвятил в звание крестовых сестёр первых 17 насельниц во главе с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, принявших обеты целомудрия, нестяжания и послушания. В их числе была и Татьяна Александров-

на. Внешним отличием крестовых сестёр являлся наперсный крест, носимый поверх одеяния. Настоятельницей обители стала великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Все сёстры служили в созданных при обители учреждениях: больнице, амбулатории, аптеке, приюте для сирот, воскресной школе, столовой для бедных, библиотеке и др. (все услуги в обители оказывались бесплатно). К 1912 году в обители было 60 сестёр, к 1914-му – 105. Сёстры делились на крестовых (уже принявших обеты), испытываемых и учениц.

В 1908–1912 гг. в центре обители по проекту А. В. Щусева был возведён выдержанный в формах новгородско-псковского зодчества собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы, расписанный художником М. В. Нестеровым. 8 апреля 1912 года произошло освящение храма, совершённое митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) и двумя викарными архиереями – епископами Дмитровским Трифоном (Туркестановым) и Серпуховским Анастасием (Грибановским)⁸².

Примечательно, что, поступив в обитель на Большой Ордынке, Татьяна Александровна продолжала числиться в списке фрейлин императрицы, то есть она формально по-прежнему оставалась фрейлиной. Можно предположить, что её – для пользы дела – оставили в звании фрейлины по просьбе Елизаветы Фёдоровны. По делам благотворительности и милосердия настоятельнице обители – особенно в период начавшейся вскоре войны – приходилось обращаться в самые разные инстанции и учреждения, но успеть везде Елизавета Фёдоровна не могла. Татьяна Александровна была одной из её ближайших помощниц, и, конечно, когда в какое-нибудь учреждение обращалась не просто княжна Голицына, а фрейлина Её Императорского Величества, то это не могло не способствовать успеху дела. Фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны Татьяна Александровна продолжала числиться вплоть до революции 1917 года.

Сначала Татьяна Александровна работала в обители медсестрой, затем – заведующей амбулаторией⁸³.

Княжна Татьяна Александровна являлась одарённым художником. По-видимому, в 1910-е гг. она написала ряд икон для упоминавшейся выше церкви Покрова в Левшине (район Пречистенки), прихожанкой которой являлась её мать Софья Александровна⁸⁴.

Когда летом 1914 года началась I Мировая война, в больнице обители был размещён военный лазарет. Елизавета Фёдоровна наряду

*Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы,
построенный в Марфо-Мариинской обители в 1908-1912 гг.
Современное фото*

с работой в Москве много ездила по стране, посещала лазареты и госпитали, координировала усилия государственной власти и общественности по оказанию помощи раненым, беженцам, вдовам и сиротам погибших.

Февральская революция 1917 года, а затем и захват власти большевиками обрекли Марфо-Мариинскую обитель на гибель. Первой жертвой стала её настоятельница Елизавета Фёдоровна.

7 мая 1918 года, на третий день после Пасхи, Елизавета Фёдоровна была арестована в Москве и отправлена вначале в Екатеринбург, а затем в г. Алапаевск Верхотурского уезда Пермской губернии (современная Свердловская область). Сюда же вскоре привезли и группу арестованных в Петрограде великих князей. Через день после гибели в Екатеринбурге царской семьи, которая произошла в ночь с 17 на 18 июля 1918 года, всех узников из Алапаевска вывезли в окрестности города, на заброшенный рудник. Здесь их сбросили живыми в шестидесятиметровую шахту.

Позднее, после прихода белых, останки великой княгини отправили в Читту, затем в Пекин и, наконец, в Иерусалим, где похоронили в церкви святой Марии Магдалины у подножия Елеонской горы. В 1992 году великая княгиня Елизавета Фёдоровна Русской Православной Церкви была причислена к лику святых как преподобно-мученица⁸⁵.

После гибели своей основательницы Марфо-Мариинская обитель на Большой Ордынке просуществовала ещё несколько лет. Всё это время княжна Т. А. Голицына продолжала в ней работать.

19 февраля 1926 года Татьяна Александровна вместе с большинством сестёр обители Особым совещанием при Коллегии ОГПУ была приговорена к ссылке на 3 года и выслана в г. Кзыл-Орду*, а 23 февраля того же года направлена в Аулие-Атинский уезд Сырдарьинской губернии^{86**}.

Однако 19 марта 1926 года постановление о высылке Татьяны Александровны было отменено (неизвестно, застало её данное постановление в Москве или же арестованных сестёр уже успели доставить в Казахстан)⁸⁷. Взамен Казахстана Татьяна Александровна подверглась административной высылке в Тверь, где проживала по адресу: ул. Циммервальдская, д. 34. Сюда к ней приехали из Москвы мать Софья Александровна и брат Александр Александрович с семьёй. Все трое они были арестованы чекистами 28 мая 1931 года. 20 августа 1931 года Тройка при Постоянном представительстве ОГПУ по Московской области осудила Татьяну Александровну по пресловутой 58 статье УК РСФСР (пункты 10 и 11) «к лишению права проживания <...> на 3 года» в 14 городах страны⁸⁸.

Из Твери Голицыны перебрались в Воронеж, а в 1934 году – в Липецк. В Липецке брат Александр снял для Татьяны Александровны комнату в частном доме. Её племянница Е. А. Голицына, видевшая тётю в Липецке, пишет: «Она была больным человеком и передви-

галась на костылях»⁸⁹. Бывшая фрейлина императрицы, бывшая сестра Марфо-Мариинской обители княжна Татьяна Александровна Голицына умерла 8 октября 1935 года и была похоронена на липецком кладбище⁹⁰. Её брат Александр Александрович, участник Русско-Японской и I Мировой войны, бывший гвардейский ротмистр и кавалер Георгиевского креста, работавший в Липецке прорабом на стройке, был арестован 7 августа 1937 года. Уже 29 сентября тройка НКВД по Воронежской области приговорила его к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 10 октября 1937 года⁹¹.

Софья Александровна – последняя из симских Голицыных, оставшихся в России, – умерла 3 сентября 1941 года в военной Москве в возрасте восьмидесяти двух лет и была похоронена на Ваганьковом кладбище⁹².

ПРАДЕДЫ И ДЕД

По материнской линии Борис Викторович Прозоровский происходил из духовного сословия. Два известных нам его прадеда и дед были священниками во Владимирской губернии.

Первый его прадед – священник Фёдор Дмитриевич Молчанов (1835–1912 гг.). Его фамилия, скорее всего, произошла от некалендарного имени Молчан, которое было широко распространено в России вплоть до начала XVIII века⁹³. Имя Молчан, которое носил кто-то из предков о. Феодора*, могли дать тихому спокойному ребёнку; также, вероятно, данное имя относится к числу имён-оберегов⁹⁴.

Где о. Феодор родился и служил до конца 90-х гг. XIX века, нам неизвестно, но в самом начале 1900-х годов он стал настоятелем Успенской церкви с. Заборье Симской волости Юрьев-Польского уезда (Заборье находилось в 10 верстах от Симы).

Успенская церковь в Заборье была построена «тщанием князя Александра Борисовича Голицына и прихожан» во второй половине 90-х гг. XIX века. Её освящение состоялось в 1898 году, а совершил чин освящения архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спасский; 1892–1904 гг.). Позднее, в 1908–1909 гг., «усердием» всё того же князя А. Б. Голицына возле церкви возвели отдельно стоящую колокольню, в основании которой находилось помещение церковно-приходской школы. В 1914 году в ней обучалось 22 мальчика

* В 1926 году г. Кзыл-Орда был столицей Казакской АССР в составе РСФСР. До революции – это г. Перовск; в советское время в 1925 г. переименован в Кзыл-Орду (по-казахски – «Красный отряд» или «Красная армия»); позднее – центр Кзыл-Ординской области Казахстана.

** Сырдарьинская губерния в то время находилась в составе Казакской АССР, входившей в РСФСР; центром её был г. Чимкент (современный Казахстан). Аулие-Ата – уездный город Сырдарьинской губернии.

* Феодор – церковная форма имени Фёдор. Принимая священнический сан, Фёдор становится Феодором, Сергей – Сергием, Алексей – Алексием и т.д.

*Село Заборье. Колокольня Успенской церкви с бывшим помещением церковно-приходской школы в её нижнем ярусе.
Фото 50-х годов XX в.*

и 14 девочек. На средства князя при церкви были построены дома для священника и других членов причта со службами – амбарами, сараями, баней и т. д.⁹⁵

К 1905 году в Заборье селе имелось 42 двора, в которых проживало 255 человек⁹⁶.

В семье у о. Феодора и его супруги было восемь детей: Николай (р. 1863 г.), Дмитрий (1868 г.), Сергей (1870 г.), Алексей (1875 г.), Александр (1879 г.), Зинаида (1883 г.), Михаил (1885 г.) и Анастасия (1888 г.)⁹⁷

Двое из них – Николай и Сергей* – стали священниками, Александр – учителем, Алексей – офицером, Михаил – врачом, Дмитрий – юристом в Петербурге, Анастасия – учительницей.

* Сергей Фёдорович Молчанов служил священником Воскресенской церкви в с. Забелино Юрьев-Польского уезда.

Ф. Д. Молчанов скончался 11 января 1912 года и был погребён у стен храма в Заборье. Сыновья поставили на его могиле каменный памятник, сохранившийся до наших дней. На нём написано: «Священник Феодор Дмитриевич Молчанов, родился 15 февраля 1835 г., скончался 11 января 1912 г. Незабвенному отцу от признательных детей».

*Памятник на могиле о. Феодора Молчанова в Заборье.
Современное фото*

Старший сын о. Феодора, Николай Фёдорович Молчанов (1863–1946 гг.), дед Бориса Викторовича Прозоровского, в 1878–1884 гг. обучался во Владимирской духовной семинарии, которую окончил по 1-му разряду*. В 1885–1888 гг. он служил учителем в земской начальной школе в д. Малитине** Юрьев-Польского уезда. Малитинская земская начальная школа была открыта в 1885 году и размещалась в специально построенном одноэтажном деревянном здании, крытом железом.

В 1888 году Николай Молчанов женился на семнадцатилетней дочери священника Богоявленской церкви села Сима Авива Васильевича Леонидова, Анастасии Авивовне (1871–1902 гг.). 22 октября 1888 года состоялось его рукоположение во священника Богоявленской церкви в Симе⁹⁸. Как было принято в духовной среде, о. Авив уступил своё место зятю, а сам вышел за штат.

Авив Васильевич Леонидов (1831–1890 г.), другой прадед Бориса Викторовича, был сыном диакона, место его рождения неизвестно. При крещении ему дали довольно редкое имя Авив («колос» по-еврейски). В 1847–1853 гг. он обучался во Владимирской духовной семинарии, которую окончил по 2-му разряду. Несколько лет Авив Леонидов исполнял обязанности причетника*** в храме с. Устье Владимирского уезда. 13 ноября 1855 года состоялось его рукоположение во священника церкви с. Осипова Пустынь Переяславского уезда. 25 октября 1872 года его перевели в Казанскую церковь с. Выползовая Слободка того же уезда. У о. Авива и его супруги Марии Михайловны было семеро детей: Павел, Мария, Иван, Николай, Анастасия, Анна и Александра⁹⁹. В 1881 году о. Авива перевели в Богоявленскую церковь с. Симы. После выхода за штат он прожил недолго, скончался около 1890 года, похоронен в Симе.

Итак, в 1888 году о. Николай Молчанов стал настоятелем Богоявленской церкви в Симе. Всего он прослужил настоятелем этого храма 36 лет – вплоть до 1924 года.

* Выпускники духовных семинарий по степени своих успехов делились на три разряда. Лучшим семинаристам присваивался первый разряд. (Прим. ред.)

** Ныне д. Мальтино Гаврилово-Посадского района Ивановской области. (Прим. ред.)

*** Низший церковный служитель, не имеющий степени священства: дьячок, псаломщик. (Прим. ред.)

Протоиерей Николай Молчанов.
Фото начала XX в.

*Анастасия Авивовна Молчанова –
супруга о. Николая Молчанова. Фото конца XIX в.*

Территориально Симский приход не был велик: помимо самого села в него также входили окрестные деревни – Коленово, Марково, Теслово, Бильдино и Петрятково, самая дальняя из которых находилась на расстоянии в четыре версты¹⁰⁰. К 1905 году в Симе проживало 1377 человек (209 дворов), в Коленове – 388 (53 двора), в Маркове – 245 (32 двора), в Теслове – 153 (22 двора), в Бильдине – 258 (39 дворов), в Петряткове – 128 (20 дворов)¹⁰¹.

В семье у о. Николая родилось четверо детей: Зинаида (р. 15 января 1890 г.), Надежда (р. 12 сентября 1891 г.), Сергей (р. 14 июня 1893 г.) и Мария (р. 11 октября 1895 г.)¹⁰²

В 1899 году о. Николай был назначен в своём 6-м благочинии так называемым депутатом¹⁰³. На рубеже XIX и XX веков в благочиниях «депутатов призывали для заседания в общих судах, в их обязанности входило снятие показаний с духовных лиц, уличённых в

Священник Николай Молчанов с женой Анастасией Авивовной и дочерью Зиной. Около 1901 г.

уголовных преступлениях. Депутаты присутствовали при следствии о лицах духовного звания, в качестве членов избирались на <...> обще-епархиальные съезды духовенства и на заседания земств и городских дум»¹⁰⁴.

Фактически депутат являлся вторым лицом в благочинии после благочинного, которым тогда был протоиерей Алексей Григорьевич Вишняков¹⁰⁵. Обязанности депутата о. Николай Молчанов исполнял два года.

В 1901 году он был назначен исправляющим должность благочинного 6-го округа, а в 1903 году – благочинным^{106*}. В состав его 6-го

* Каждая епархия состоит из благочиний (благочиннических округов) – церковно-административных округов, объединяющих группу приходских церквей. Во главе благочиния стоит назначаемый правящим архиереем благочинный – настоятель одной из входящих в благочиние церквей.

округа входили приходские храмы двадцати одного села: Алексина, Василёва, Ворогова, Глотова, Иналова, Кузминского, Маймора, Матвейщева, Нестерова, Пенья, Перемилова, Пестова, Радованья, Рябинина, Симы, Старникова, Стряпкова, Черкасова, Чернокулова, Шегодского и Фёдоровского¹⁰⁷. Должность благочинного о. Николай занимал вплоть до 1917 года.

Николай Молчанов имел все традиционные церковные награды: набедренник (1892 г.), скуфью (1896 г.), камилавку (1902 г.), наперсный крест (1906 г.). В 1913 году он получил очень редкую награду для духовенства, особенно сельского, – орден Святой Анны 3-й степени¹⁰⁸.

Отец Николай пользовался особым расположением князя Александра Борисовича Голицына, духовником которого (и его детей) он состоял. Как вспоминал Борис Викторович Прозоровский, в Симе «по распоряжению князя А. Б. Голицына был ему выстроен особняк (семь комнат плюс зал)»¹⁰⁹.

Борис Викторович писал о своём деде: «Николай Фёдорович Молчанов, протоиерей <...> был настоящим “властителем дум” в своём округе. Он получил прекрасное образование, был начитан, знал несколько иностранных языков, был воспитан в лучших традициях тогдашней русской интеллигенции. Его отличал громадный ум, дальновидность, способность анализировать и предвидеть, он понимал и сопереживал чужую беду, был прекрасным и любящим отцом своих детей. Его любил и глубоко уважал весь симский народ, все его прихожане. Николай Фёдорович был духовником и пользовался огромным расположением князя Александра Борисовича Голицына, а дети князя – князь Борис Александрович и княжна Татьяна Александровна – были частыми гостями в доме Молчанова»¹¹⁰.

В 1902 году семью Молчановых постигло страшное горе: 19 мая умерла Анастасия Авивовна. 22 мая в Богоявленской церкви Симы состоялось её отпевание, которое совершил второй священник этой церкви Николай Соколов. В тот же день новопреставленную рабу Божию Анастасию похоронили на местном кладбище¹¹¹. Анастасия Авивовна скончалась от чахотки – так в то время обычно называли туберкулёз. На момент кончины ей был всего тридцать один год. В возрасте тридцати девяти лет о. Николай стал вдовцом, имея на руках четырёх детей в возрасте от семи до двенадцати лет.

Всем своим детям о. Николай дал хорошее образование. В 1913 году Зинаида обучалась в Петербурге на Высших (Бестужев-

ских) женских курсах, Сергей – в университете, Мария – во Владимирском епархиальном училище; Надежда в 1909 году окончила гимназию в Александрове¹¹².

26 октября 1913 года в Симе в тёплом храме во имя Димитрия Солунского состоялось торжество в честь 25-летия служения о. Николая в сане священника. Хотя его хиротония состоялась 22 октября, но для празднования выбрали 26 октября: во-первых, это было воскресенье, а во-вторых, престольный праздник – день святого великомученика Димитрия Солунского.

В честь юбилея в храме состоялось торжественное богослужение. Юбилера поздравили прихожане, ктитор храма* князь А. Б. Голицын, родные и близкие. Прихожане поднесли о. Николаю адрес и икону святителя Николая.

Отец Николай обратился к ним с кратким словом: «С благословления, по почину высокочтимого ктитора, дорогие прихожане, благоугодно было отметить моё 25-ти летнее служение в Симском приходе священником и настоятелем его.

Узнав об этом Вашем намерении и решении, в большом смущении я спрашивал себя: почто сие? И не нашёл другого ответа, кроме того, что не заслуги мои или что-либо доброе в моей службе побудило Вас благословить меня на дальнейший путь моей жизни сей святой иконой, а единственно ваша доброта и снисходительность ко мне.

Хочу Вас уверить в одном, что за всё время моей службы никому худа намеренно не делал и зла ни к кому не питал. Ошибки же и погрешности с моей стороны могли быть и, несомненно, были по свойственной всем немощи человеческой, или от забвенья, или неведения.

У всех, кого я вольно или невольно обидел или огорчил, прошу прощения. Знаю вашу доброту и добрые ко мне отношения, буду непрестанно молить Господа – да подаст Он, Всещедрый, милости!

От всего сердца благодарю моих добрых прихожан!

Среди пережитых мной в эти 25 лет моей службы невзгод и испытаний, ниспосланных мне Божественным Провидением, настоящий день будет для меня днём утешения, и радости, и поддержки в нелёгком труде и делании; особенно в настоящее время в должности православного священника»¹¹³.

* Ктитор – церковный староста, положение которого было почётно, и ктиторами обычно бывали богатые или знатные люди. (Прим. ред.)

Ктитору храма, князь Александр Борисович Голицын, поднёс юбилею Евангелие и Крест. Отец Николай обратился к нему со словом: «Ваше Сиятельство! Какую я принесу Вам благодарность? Я смогу ли дать ответ словами за оказанное мне высокомилоостивое внимание Вашего сиятельства и в лице Вашем глубокочтимой княгини Софии Александровны и всего Вашего дорогого мне семейства. Все эти 25 лет, что я прослужил в Симе, проникнуты и тесно связаны с семьёй Вашего сиятельства в многообразных моих и служебных и личных житейских обстоятельствах – и радостных и горестных. Можно бы проследить это всё год за годом, но это же всё заняло бы много времени.

Вспомню только некоторые главные случаи. Первое – самое моё поступление в Симу совершилось по одобрении Вашего сиятельства, а княгиня изволила благословить нас на вступление в брак.

А потом, на первых порах моей молодой и неопытной службы, Вы, Ваше сиятельство, руководили меня своими отеческими и мудрыми советами, и с какой радостью я в то же время принял настоятельство, когда узнал Ваше желание и согласие быть ктитором Симской церкви.

Если в Симской церкви всё совершалось по чину и благолепию, то это благодаря Вам и Её Сиятельства княгини – не преувеличивая, заявляю, что ни одно церковное дело не ускользало от внимания Вашего.

Вам я вверил детей своих от кумовства и крещения, а Вам благоудно было призвать меня к преподаванию Закона Божия Вашим детям, что для меня было большой наградой.

С особым удовольствием вспоминаю те уроки Закона Божия, которые были в присутствии Её сиятельства. Понятно, не благодаря моим трудам и занятиям, но воли Божией угодно было, чтобы дети Ваши стали Вашим умилением и радостью:

Борис Александрович – предводитель дворянства и член Государственной Думы,

Александр Александрович – участник войны с врагами и теперь служит спасению Отечества,

Михаил и Андрей Александровичи – один вступил в службу государеву, а второй начинает высшее образование.

Дмитрий Александрович учится благоуспешно.

Татьяна Александровна и Екатерина Александровна – с Божиею помощью достигли каждая по сердцу своему благого конца.

И я ещё так недавно имел большое утешение быть на благословении в присутствии всей Вашей семьи.

Ваше Сиятельство! Этот святой Крест и это святое Евангелие, как знак моего служения пред престолом Божиим, будут всегда напоминать о вере членов вашей семьи – и подвигнут меня молить Господа о даровании Вам и всей Вашей семье здоровья и благоденствия.

Да воздаст Вам Господь за всё Ваше ко мне добро своею Божественною милостию. Аминь»¹¹⁴.

В этот день о. Николай получил целый ряд поздравительных телеграмм.

Брат Алексей Фёдорович, офицер, писал из Москвы: «Сима. Священнику Молчанову. Горячо приветствую старшего брата днем 25-летия пастырской службы. Полной энергии кипучей деятельности. Да живет Господь Бог. Сил, здоровья, долгие лета. Алексей».

Брат Дмитрий Фёдорович, юрист, писал из Петербурга: «Сима. Священнику Молчанову. Поздравляю. Желаю служить столько же лет на радость всем. Дмитрий».

Несколько телеграмм прислали Голицыны. Одна телеграмма пришла из Варшавы, в то время столицы русской Польши, от Александра Александровича Голицына* и его жены Маргариты Владимировны, урождённой баронессы фон Шеппинг: «Сима. Отцу Николаю Молчанову. Поздравляем юбилеем. Александр, Маргарита Голицыны». Другая телеграмма пришла из Петербурга от князя Бориса Александровича, его жены Надежды Михайловны и брата Михаила Александровича: «Сима. Отцу Николаю Молчанову. Поздравляем юбиляра. Борис, Надежда, Михаил Голицыны». Третья – из Москвы, от младших Голицыных: «Сима. Отцу Николаю Молчанову. Поздравляем со днём юбилея. Екатерина, Андрей, Дмитрий Голицыны»¹¹⁶.

Через полгода с небольшим после юбилея о. Николая началась I Мировая война, а затем пришла революция.

В годы Гражданской войны о. Николай вместе с другими священниками округа по распоряжению Симского волостного исполкома посылался на заготовку леса и дров и другие принудительные работы.

В 1924 году о. Николай сложил с себя священный сан. В 20–30-е годы немало священников покинули Церковь – под давлением вла-

* Поручик Александр Александрович Голицын в то время служил в расквартированном в Варшаве лейб-гвардии Уланском Его Императорского Величества полку¹¹⁵.

Николай Фёдорович Молчанов с женой Ольгой Ивановной и дочерью Маргаритой. Фото 1939 г.

стей, под угрозой гонений, из страха за детей. Случай с о. Николаем Молчановым особый. Как известно, вдовый священник не имеет права жениться во второй раз, почему до революции вдовцы-священники часто принимали монашество. Вступить во второй брак можно было, только сложив с себя священный сан.

20 октября 1924 года бывший священник вступил в брак с Ольгой Ивановной Батаринной (р. 1900 г.) из соседнего села Фёдоровского¹¹⁷, «женщиной <...> очень доброй и трудолюбивой»¹¹⁸, как писал о ней Борис Викторович Прозоровский.

Николаю Фёдоровичу на момент женитьбы исполнился 61 год, его новой жене – 24 года. Уже 25 октября того же года Ольга Ивановна родила дочь Анастасию (умерла в 1931 г.). 7 ноября 1925 года у Николая Фёдоровича родилась дочь Людмила (умерла в 1927 г.), 29 декабря 1929 года – дочь Маргарита*.

* Маргарита Николаевна умерла в 2002 г.

Зимой 1929–1930 гг. в Симе, как и везде в стране, началась насильственная коллективизация. В ходе её власти закрыли Богоявленскую церковь. 19 марта 1930 года облисполком Ивановской промышленной области принял постановление «о ликвидации» церкви в с. Сима Юрьев-Польского района¹¹⁹. Однако неожиданно для местных активистов процесс затормозился. То ли повлияла сумятица, начавшаяся после публикации в начале марта 1930 года статьи Сталина «Головокружение от успехов», в которой вождь демагогически осуждал одновременное с организацией колхозов закрытие сельских церквей. То ли местная община верующих долго отстаивала свой храм, обращаясь во все инстанции. Лишь 2 марта 1933 года Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) окончательно решил вопрос, утвердив постановление Ивановского облисполкома и постановив «указанную церковь ликвидировать»¹²⁰.

В 30-е годы Николай Фёдорович Молчанов несколько раз подвергался раскулачиванию. 3 февраля 1930 года уполномоченный Симского сельсовета М. Е. Репин произвёл опись имущества, принадлежавшего Н. Ф. Молчанову. Опись подробно перечисляет всё небогатое имущество Николая Фёдоровича (1 корова, 17 кур, 1 ягнёнок и т. п.). Бывший симский священник был известным в округе пасечником: опись фиксирует у него 30 рамочных ульев с пчёлами¹²¹.

Вскоре после этого, в феврале 1930 года, Юрьев-Польский райисполком утвердил «материал Симского сельсовета о дополнительной муниципализации (т. е. конфискации. – Н.З.) дома, погреба, амбара у благочинного Симской волости, духовника кн. Голицына, Молчанова Николая Фёдоровича. Помещение использовать под квартиры педагогического персонала»¹²². Заметим, что в бумаге специально два раза пропущено слово «бывший» – бывший благочинный, бывший духовник князя. Можно подумать, что Н. Ф. Молчанов ещё и в 1930 году оставался благочинным и духовником князя Голицына.

Однако после вышедшей в начале марта 1930 года статьи Сталина «Головокружение от успехов» делу коллективизации был дан задний ход. В связи с этим 4 июня 1930 года комиссия при президиуме Александровского окрисполкома признала хозяйство Н. Ф. Молчанова «трудовым» и восстановила его в хозяйственных правах¹²³.

В 1933 году Юрьев-Польский райисполком вновь слушал «материал о раскулачивании гр. село Сима Молчанова Николая Фёдоровича» и констатировал, что «постановлением собрания группы

*Богоявленский храм в Симе.
Фото 50-х годов*

бедноты и сельсовета, хозяйство Молчанова подлежит раскулачиванию как бывш. попа-эксплоататора. До революции являлся приспешником князя Голицына. Лишен избирательных прав». Казалось бы, всё ясно: бывший поп-эксплуататор, княжеский приспешник, раскулачить его – и дело с концом. Однако всё портило то, что вторая жена Николая Фёдоровича являлась бывшей батрачкой и не могла быть подвергнута раскулачиванию. В результате постановление райисполкома носило половинчатый характер. В нём говорилось: «Решение собрания группы бедноты и сельсовета утвердить, хозяйство Молчанова признать раскулаченным правильно и отнести к 3-й группе*. В отношении его жены Молчановой Ольги как бывшей батрачки и её 2-х дочерей – раскулачивание отменить. Выделить для последней часть имущества»¹²⁴.

Особенно тяжёлый удар Николай Фёдорович получил через год. 30 марта 1934 года президиум Симского сельсовета принял очередное постановление по поводу хозяйства Н. Ф. Молчанова: «Для орга-

* Отнесённые к 3-й группе подлежали выселению без отправки на спецпоселение. (Прим. ред.)

*1969 год. Разборка Богоявленского храма в Симе
близится к концу*

низации сад-питомника передать в пользование ШКМ (школе крестьянской молодёжи. – Н.З.) сады попа Молчанова и дьякона»¹²⁵. Видимо, к этому времени и до Симы дошло всепобеждающее мичуринское учение, в связи с чем у Н. Ф. Молчанова и был отобран сад, где у него стояли ульи с пчёлами.

Борис Викторович писал о деде: «<...> Николай Фёдорович (у которого отобрали сад и огород; пчёл, которых он очень любил, держал во дворе) всё же дожил в своём доме до самой кончины и умер на руках у родных и близких 20-го июля 1946 г. и похоронен в с. Симе»¹²⁶.

Николай Фёдорович очень любил своего внука Бориса. Сохранилось два письма, которые он посылал ему, – от 3 апреля и 22 мая 1941 года.

Несомненно, для Николая Фёдоровича стало тяжёлым ударом известие о том, что в конце 1941 года Борис пропал под Москвой без вести. Несомненно, что все годы войны он молился о спасении «воина Бориса». К счастью, Николай Фёдорович дожил до того дня, когда 8 ноября 1945 года Борис вернулся домой.

Николай Фёдорович видел, как разоряют и оскверняют Богоявленский и Димитриевский храмы, в которых он прослужил 36 лет.

*Сима. 23 сентября 2012 года.
Открытие памятника П. И. Багратиону*

Видимо, еще в 30-е годы была разобрана на кирпич ограда, окружавшая обе церкви. К счастью, до полного разрушения главного храма симского ансамбля Николай Фёдорович не дожил. Богоявленный храм, в котором в 1812–1839 гг. покоился прах генерала П. И. Багратиона, не просто закрыли и осквернили, но и, в конце концов, снесли до основания. И ладно бы его разобрали на кирпич, чтобы сделать какой-нибудь коровник, в 30-е годы. Нет, храм разломали в 1969 году¹²⁷, т.е. уже много лет спустя после возвращения П. И. Багратиона в Пантеон героев советской державы, после знаменитой в истории Великой Отечественной войны наступательной операции «Багратион» (1944 г.), после того, как в 1962 году в Советском Союзе было широко отмечено 150-летие Отечественной войны. Но, видимо, все эти веяния так и не дошли до Симы и местных руководителей, для которых старый храм по-прежнему оставался бывшим «очагом религиозного дурмана».

Уже позднее на месте разрушенного храма установили бетонную плиту с профилем П. И. Багратиона. 23 сентября 2012 года, к 200-летию Отечественной войны 1812 года, в Симе был открыт бюст генерала, чья судьба навсегда связана с этим древним владимирским селом.

РОДИТЕЛИ

На момент рождения Бориса Викторовича его отец, Виктор Васильевич Прозоровский (1875–1950 гг.), был приставом 2-го стана Юрьев-Польского уезда, а мать, Надежда Николаевна Прозоровская (1891–1989 гг.), – учительницей Марковской земской школы Симской волости.

Весьма редкая семейная пара для того времени – становой пристав и земская учительница.

Виктор Васильевич Прозоровский родился 1 октября 1875 года в городе Юрьев-Польском, уездном центре Владимирской губернии. 4 октября в Покровской церкви Юрьев-Польского состоялось его крещение, во время которого он был наречён Виктором. Родители его «Юрьевской почтовой конторы сортировщик Василий Михайлов Прозоровский и законная жена его Людмила Михайлова, оба православные»¹²⁸.

Виктор Васильевич имел брата Дмитрия и сестру Марию. Их родители рано ушли из жизни, и детей поднимали дальние родственники. Дмитрий стал кадровым офицером, а Мария (1877–1956 гг.) в начале 1910-х гг. преподавала рукоделие в частной женской гимназии М. И. Крамаревской в Иваново-Вознесенске, а в конце 1920-х гг. жила в семье Виктора Васильевича и была «технической служащей» в Марковской начальной школе¹²⁹.

*Город Юрьев-Польский – родина Виктора Васильевича Прозоровского.
Фото начала XX в.*

*Владимирское ремесленное училище,
в котором учился В.В. Прозоровский. Фото начала XX в.*

О себе Виктор Васильевич потом напишет: «Образование получил в высшем городском и техническом училищах»¹³⁰. В середине 1880-х годов он поступил в Юрьев-Польское городское трёхклассное училище, обучение в котором было платное и продолжалось шесть лет.

Своё образование Виктор Прозоровский продолжил во Владимире. В 1890 году он поступил во Владимирское земское ремесленно-техническое училище И.С. Мальцова, которое находилось на Большой Московской улице (современный адрес: ул. Московская, д. 27). Училище это, созданное по завещанию и на средства Ивана Сергеевича Мальцова (1807–1880 гг.) – дипломата, фабриканта и действительного тайного советника, было возведено в 1884–1885 гг. Оно открылось 15 ноября 1885 года, в этот день его первые 30 учеников приступили к занятиям. Училище являлось всесословным, платы в нём с учащихся не брали. К началу XX века учебное заведение на Большой Московской было одним из лучших ремесленных училищ России¹³¹. Виктор Прозоровский проучился в училище пять лет и окончил его в 1895 году*.

* В советское время в бывшем училище И. С. Мальцова разместился Владимирский авиамеханический техникум, которому было присвоено имя А. В. Бельшева – комиссара крейсера «Аврора», учившегося в училище в 1908–1913 гг.¹³²

В 1895–1897 гг. Виктор Васильевич служил преподавателем во Владимирской ремесленной школе.

10 ноября 1897 года его призвали на военную службу, которая продолжалась четыре года. Большую часть этого срока Виктор Прозоровский провёл в Москве на артиллерийском складе. Он был уволен в запас 30 сентября 1901 года.

10 ноября 1901 года В. В. Прозоровский поступил на службу по ведомству государственного контроля. С 1 января 1902 года он служил во Владимирской контрольной палате, а затем перешёл на службу в МВД, в полицию. С 19 августа 1903 года Виктор Васильевич заступил временно исправляющим должность надзирателя в посёлке при фабрике Собинской мануфактуры Владимирского уезда. С 5 апреля 1905 года он стал полицейским надзирателем в этом же посёлке.

23 мая 1905 года В. В. Прозоровский был перемещён в губернский Владимир на должность помощника пристава первой части.

Согласно Всероссийской переписи 1897 года, во Владимире проживало 28 с половиной тысяч человек. В городе имелся традиционный комплект учебных заведений: Владимирская духовная семинария, Владимирское духовное училище, Епархиальное женское училище, мужская губернская гимназия, земская женская гимназия,

*Владимир – губернский город Владимирской губернии.
Фото начала XX в.*

Виктор Васильевич Прозоровский – помощник пристава первой части города Владимира. Фото 1906 г.

земское ремесленное училище И. С. Мальцова и др. В 1861 году через Владимир прошла Московско-Нижегородская железная дорога, соединившая город вначале с Москвой, а затем с Нижним Новгородом. У подножия кремлёвских валов находилось возведённое в 1861 году двухэтажное здание железнодорожного вокзала. Во Владимире были расквартированы два полка: 9-й гренадерский Сибирский и 10-й гренадерский Малороссийский. На окраине города пребывала известная Владимирская каторжная тюрьма, она же – Владимирская центральная тюрьма (или Владимирский централ).

Возглавлял Владимирскую губернию упоминаемый выше губернатор Иван Михайлович Леонтьев, а губернским предводителем дворянства был князь Александр Борисович Голицын.

В начале XX века Владимир, несомненно, являлся одним из самых красивых губернских городов. Всё в нём напоминало о тех временах, когда он был стольным градом Владимиро-Суздальской Руси. На раскинувшихся над Клязьмой холмах, среди множества садов, возносились монументальный Успенский кафедральный собор, Дмитриевский собор, уникальные Золотые ворота, главы нескольких монастырей и большого количества церквей.

Во главе Владимирского городского полицейского управления стоял полицмейстер Василий Авимович Иванов. В полицейском отношении Владимир делился на две части – первую и вторую (их можно сравнить с советскими районными отделами МВД). Первую часть возглавлял пристав Дмитрий Николаевич Бунин, одним из трёх помощников которого и стал Виктор Васильевич Прозоровский¹³³.

В другое время перевод из Собинки в губернский город означал успех и продвижение по службе. Однако в мае 1905 года перевод во владимирскую полицию, говоря языком нашего времени, можно было приравнять к службе в горячей точке.

Великая смута начала XX века, вошедшая в историю как Первая русская революция 1905–1907 гг., не обошла, разумеется, и Владимир. Своего пика революционные события в городе достигли в октябре 1905 года. В начале октября страну охватила Всероссийская октябрьская политическая стачка, проходившая под лозунгами свержения самодержавия, созыва Учредительного собрания и установления демократической республики. 10 октября прекратили работу железнодорожники всех губерний, прилегающих к Москве, в том числе и Владимирской. Стачка постепенно затихла после Манифеста императора Николая II от 17 октября 1905 года, которым населению страны даровались основные политические права и свободы. Данный Манифест, как известно, вызвал кровавые столкновения в целом ряде губернских городов, в том числе и во Владимире. 18 октября 1905 года в центре города состоялся митинг, устроенный представителями революционных партий. В тот же день представители крайне правых организаций жестоко избили ряд революционеров, а их квартиры подверглись разгрому¹³⁴. Обострение обстановки привело к закрытию на несколько недель практически всех учебных заведений Владимира. Весь октябрь, ноябрь и декабрь забастовки и столкновения проходили во многих местах губернии. Над Россией в то время встал зловещий призрак братоубийственной Гражданской войны... Естественно, что основная тяжесть по поддержанию

порядка во Владимире в те роковые дни легла на чинов городской полиции, в том числе и на Виктора Васильевича. Лишь после подавления в декабре 1905 года Московского вооруженного восстания революционная волна постепенно пошла на спад.

В. В. Прозоровский прослужил во Владимире около двух лет. 1 декабря 1907 года он был назначен исправляющим должность пристава 2-го стана Юрьев-Польского уезда с центром стана в с. Сима, а 15 марта 1910 года приказом владимирского губернатора утверждён в должности пристава этого стана¹³⁵. Можно предположить, что Виктора Васильевича, как добросовестного и ответственного работника, заметил губернский предводитель дворянства князь А. Б. Голицын и рекомендовал назначить становым в Симу.

«Становой пристав – полицейская должность, учреждённая в 1837 г. Становой пристав возглавлял следствие, судебно-полицейские, исполнительные и хозяйственно-распорядительные дела в стане. Подчинялся уездному исправнику <...> назначался, переводился и увольнялся губернской администрацией. <...> Становой пристав был местным исполнителем предписаний уездной полиции и непосредственным блюстителем общественной безопасности, спокойствия и порядка»¹³⁶.

Становой пристав – это нечто среднее между советским сельским участковым милиционером, в чьём ведении находилось несколько населённых пунктов, и начальником райотдела МВД – ответственным за целый район. В начале XX века в Юрьев-Польском уезде имелось два становых пристава. Во 2-й стан, которым ведал Виктор Васильевич, входило шесть волостей: Симская, Мирславская, Аньковская, Городищенская, Глумовская и Паршинская (всего в уезде было 14 волостей)¹³⁷.

В Симе Виктор Васильевич встретил свою будущую жену – Надежду Николаевну Молчанову, дочь священника Николая Молчанова.

* * *

Надежда Николаевна Молчанова родилась в Симе 12 сентября 1891 года. 16 сентября состоялось её крещение в Богоявленской церкви, при котором новорожденную нарекли Надеждой (её именины приходились на 17/30 сентября, на день памяти мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии). Восприемниками её при крещении были князь Борис Александрович Голицын и родная тётка – дочь умершего священника Авива Леонидова, Александра Авивовна¹³⁸.

Город Александров. Женская гимназия.
Фото начала XX в.

Вероятнее всего, первоначальное образование Надя Молчанова получила в открытой, как писалось выше, в 1892 году Симской женской церковно-приходской школе. Здесь она научилась читать и писать, изучала арифметику, Закон Божий и церковно-славянский язык.

Сельское духовенство, желавшее дать своим детям образование, на рубеже XIX и XX вв. обычно отдавало их в духовные училища и семинарии, в Епархиальные женские училища, в уездные и губернские гимназии. В любом случае это означало ранний отъезд из родного дома в город, находящийся иногда за сотни вёрст от родного села.

В 1900 году во Владимирской губернии имелось четыре женских гимназии (во Владимире, Муроме, Шуе и Иваново-Вознесенске) и три прогимназии (в Александрове, Переяславле-Залесском и Вязниках)¹³⁹.

В 1901 году женская прогимназия в городе Александрове была преобразована в гимназию. Это, по-видимому, и решило выбор о. Николая и Анастасии Авивовны в пользу Александрова. К тому же от Юрьева-Польского до Александрова не так давно – в 1896 году – открылось движение поездов.

В августе 1901 года родители повезли десятилетнюю Надю в Александров. На лошадях они добрались до Юрьева-Польского,

*Город Александров – уездный центр Владимирской губернии.
В центре снимка – трехэтажное белое здание женской гимназии.
Эту открытку Надежда Прозоровская послала
своей сестре Зине в Симу в 1909 г.*

где сели на поезд (вероятно, Надя тогда впервые в жизни поехала по железной дороге). Их путь до Александрова пролегал через станции Келлерово, Кипрево, Бельково и Карабаново. За годы учёбы Надя совершила этот 85-вёрстный путь в оба конца множество раз.

Женская прогимназия* в Александрове, размещенная в здании бывшей ткацкой фабрики на берегу реки Серой, была открыта в 1874 году¹⁴¹. Как уже говорилось, в 1901 году её преобразовали в гимназию**.

Гимназия находилась в центре города, на главной улице Александрова – Большой Московской, неподалёку от Христорожественского собора***. Её большое трёхэтажное здание было вписано в склон холма.

* Прогимназия – это неполная средняя школа. Прогимназии возникли в России в 1864 году и давали своим ученикам незаконченное среднее образование. В них было четыре класса (позднее – пять)¹⁴⁰.

** Гимназия – среднее учебное заведение. Как правило, в них было 8 классов¹⁴².

*** Современный адрес бывшей женской гимназии:
ул. Советская, д. 11.

Надя успешно сдала вступительные экзамены и была принята в гимназию. Она надела школьную форму – коричневое платье с белым воротничком и чёрным фартуком (в праздничные дни надевался белый фартук). В зимнее время гимназистки носили барашковые шапочки со значком с буквами «АЖГ» – Александровская женская гимназия.

Несомненно, что Наде было тяжело впервые в жизни покинуть родной дом и оказаться в чужом городе. Наверняка, в первое время она сильно скучала по Симе, по близким людям.

Со временем она, конечно, привыкла к Александрову, к гимназии, к новым подругам. В общей сложности Надя Молчанова прожила в Александрове восемь лет и, наверное, позднее вспоминала этот город как свой родной.

Женская гимназия в Александрове была единственной в Александровском уезде, в ней учились девочки и из Александрова, и со всех концов уезда, и даже из соседних уездов.

Где жила Надя в Александрове в эти годы, нам неизвестно. Негородские гимназистки обычно жили на съёмных квартирах. Многие гимназистки проживали в кельях Успенского женского монастыря, который традиционно сдавал внаём помещения для учениц гимназии; в последнем, например, жила будущая писательница М. П. Прилежаева (1903–1989 гг.), учившаяся в Александровской гимназии уже после Нади Молчановой (об этом она пишет в автобиографической повести «Зелёная ветка мая»).

Преподавательский персонал Александровской женской гимназии в первые годы XX века был невелик. Начальницей гимназии всё время учения Нади Молчановой являлась Любовь Сергеевна Сергеева*, вдова штабс-ротмистра. Она же преподавала русский язык и литературу. Законоучителем был протоиерей Николай Иванович Флоринский, настоятель Христорожественского собора, иностранный язык преподавала Елизавета Александровна Надеждина, русский язык, географию и естественную историю – Мария Васильевна

* Л. С. Сергеева оставалась начальницей гимназии вплоть до 1917 года. М. П. Прилежаева в повести «Зелёная ветка мая» пишет о ней: «<...> моложавая пышная начальница гимназии, с ямочками на щеках и ясными глазами, слыла доступной и справедливой. Ту приласкает, не считаясь, из бедной или богатой семьи гимназистка, ту похвалит за отличные успехи в ученье. Ту накажет. Не зря, по заслугам»¹⁴³.

*Начальница Александровской женской гимназии
Любовь Сергеевна Сергеева. Фото начала XX в.
Из фондов Музея истории народного образования
г. Александрова и района*

Яковлева, арифметику – Анастасия Андреевна Колпова, рукоделие – Юлия Яковлевна Сергиевская, чистописание и рисование – Дмитрий Николаевич Фелицын¹⁴⁴.

Согласно Всероссийской переписи населения 1897 года, в Александрове проживало менее 7 тысяч жителей. Город являлся важным железнодорожным узлом. В 1873 году через него прошла железная дорога из Москвы на Ростов и Ярославль, а в 1896 году – из Москвы на Иваново-Вознесенск и Кинешму. В 1903 году в Александрове возвели сохранившееся до наших дней здание железнодорожного вокзала.

Главной достопримечательностью Александрова был Успенский женский монастырь, во главе которого стояла игуменья Евфрасия. Этот монастырь возник на месте, где в XVI веке, когда Александрова слобода некоторое время являлась фактической опричной столицей России, находился царский дворец Ивана Грозного. Монастырь высился за рекой Серой – в части города, именуемой Заречьем. От гимназии и из окон её главного фасада открывался прекрасный вид на Успенский монастырь. Надя Молчанова видела эту древнюю обитель

каждый день. Уже упоминавшаяся писательница М. П. Прилежаева так описывала монастырь, увиденный ею в своё первое посещение гимназии: «<...> стал виден монастырь на обширном зелёном холме. Отделяла его от города река Серая, что кружила поперёк и вдоль улиц, осенённая серебристыми сводами ив. Белые стены обнесли монастырь. По углам сторожевые башни. Сверкали синевой и золотом церковные главы. Легко и изящно высились шатры колоколен»¹⁴⁵.

В декабре 1901 года Надя, за которой, вероятно, приехал отец или кто-нибудь из родственников, отправилась домой в Симу на двухнедельные Рождественские каникулы (тогда этого слова ещё не было, и каникулы назывались вакациями). С какой радостью, наверное, она ехала тогда домой! Мы не знаем, ставили ли в доме Молчановых ёлку на Рождество. Среди городского духовенства Владимирской губернии данный обычай к тому времени уже прочно укоренился. В сельской же местности вплоть до начала XX века ёлки на Рождество ставились только в помещичьих усадьбах. Но и без ёлки – как, наверное, радостно было Наде после нескольких месяцев, проведён-

*Успенский женский монастырь –
главная достопримечательность Александрова.
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1911 г.*

ных в Александрове, вновь оказаться в родном доме, в кругу близких людей.

Второй раз она, Надя, жила дома в Пасхальные каникулы, занимавшие две недели – Страстную и Пасхальную седмицы, – в 1902 году (в этот год Пасха пришлась на 14 апреля). Но этот приезд, судя по всему, был нерадостным – её мать, Анастасия Авивовна, была тяжело больна. В Александров Надя, видимо, уезжала с ощущением надвигающейся большой беды...

Как мы помним, Анастасия Авивовна умерла 19 мая 1902 года. Нам неизвестно, успели ли привезти Надю проститься с матерью или же она прибыла в Симу уже только на похороны. Конечно, для одиннадцатилетней девочки смерть самого близкого человека стала тяжелейшим переживанием.

На время обучения Нади в Александрове пришлась гремевшая на сопках далёкой Манчжурии Русско-Японская война 1904–1905 гг. Через биографию Нади прошла и революция 1905 года.

7 декабря 1905 года в Александрове, одновременно с восстанием в Москве, выступили руководимые социал-демократами рабочие ткацкой фабрики С. Н. Баранова. К ним присоединились и ткачи фабрики А. И. Баранова в д. Струнино (в 10 верстах от Александрова). Рабочие разоружили полицию и арестовали исправника Наумова. На некоторое время Александров оказался во власти рабочих дружинников. В историю города эти события вошли под названием «Александровская республика». Одновременно с подавлением восстания в Москве власти подавили и выступление в Александрове. 12 декабря в город прибыла из Иваново-Вознесенска полусотня казаков. Было арестовано около 200 рабочих. 42 из них были осуждены в 1907 году к различным срокам тюремного заключения¹⁴⁶. Таким образом, одно из представлений «генеральной репетиции», как назвал В. И. Ленин Первую русскую революцию, прошло на глазах Нади Молчановой, которой было тогда 14 лет.

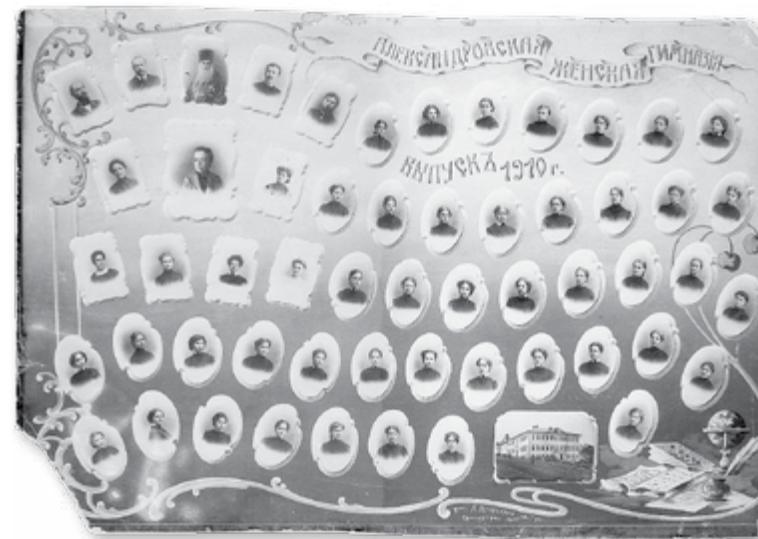
Время шло. Надя переходила из класса в класс. В конце каждого учебного года в гимназии устраивался благотворительный вечер, полученные средства от которого шли в помощь гимназисткам из бедных семей. На таких вечерах силами старших гимназисток проводились концерты или ставились спектакли. На них обычно приглашались гимназисты из мужской гимназии Александрова и семинаристы из Сергиева Посада. В ответ на это гимназисты и семинари-

сты приглашали барышень из Александровской гимназии на вечера в свои учебные заведения¹⁴⁷.

Надя Молчанова окончила в гимназии восемь классов: семь общеобразовательных и восьмой – педагогический.

Дочь симского священника училась хорошо: 8-й класс она окончила с общим средним баллом 4 – с четвёрками по большинству предметов, с тройкой по начальному преподаванию русского языка и с пятёркой по Закону Божию. На основании «Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» от 1870 года, она получила звание учительницы начального училища¹⁴⁸.

В мае 1908 года Надежда Молчанова навсегда оставила Александров. Гимназический период в её жизни остался позади. С собой она увозила большую фотографию на картонном паспарту (такие тогда нередко вешали на стену), на которой были запечатлены все учителя гимназии и гимназистки выпускного класса 1909 года. К сожалению, данная фотография у Надежды Николаевны не сохранилась. В Музее истории народного образования г. Александрова и района сохранилась аналогичная фотография выпуска 1910 года.

Фотография выпускного класса Александровской женской гимназии 1910 года. Такую же фотографию увезла с собой из Александрова в 1909 году Надежда Молчанова

*Сёстры Молчановы. Зинаида (слева) и Надежда (справа).
Фото 10-х гг. XX в.*

В 1918 году Александровская женская гимназия была преобразована в общеобразовательную школу. Позднее в её здании разместилось Александровское медицинское училище (в настоящее время – Александровский медицинский колледж).

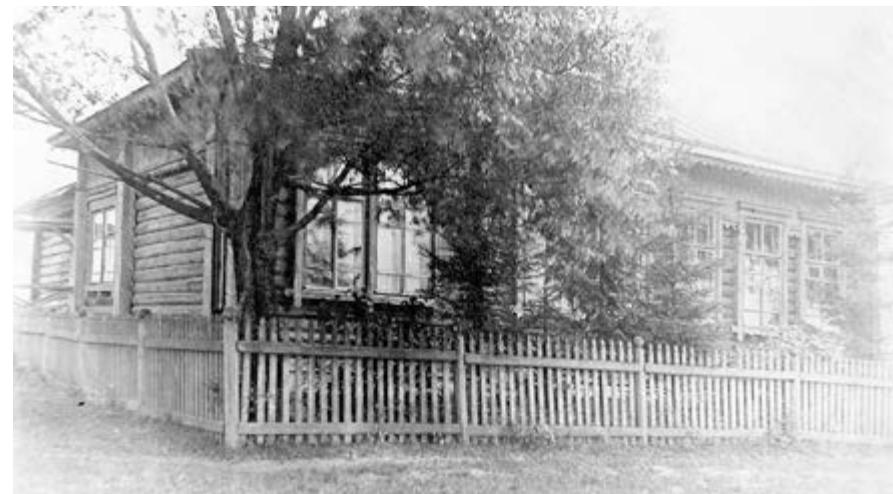
Педагогическая деятельность Надежды Николаевны началась в 1910 году, когда она поступила учительницей в земскую начальную школу в д. Малитино Мирславской волости Юрьев-Польского уезда – в ту самую, в которой 25 лет назад начинал трудовую жизнь учителем её отец.

Возникновение земских школ (в основном начальных) стало следствием земской реформы 1864 года, в ходе которой в каждом уезде и каждой губернии было создано местное (земское) самоуправление. Земство собирало с населения налоги и на полученные средства производило ремонт дорог и мостов, строило больницы и школы, которые содержались на счёт земства и именовались земскими.

Надежда Николаевна проработала учительницей начальных классов более сорока лет, вплоть до 1953 года. В 1949 году за учительский труд её наградили орденом Ленина. Борис Викторович

*Надежда Николаевна Прозоровская – земская учительница.
Фото 10-х гг. XX в.*

*Начальная земская школа в деревне Марково.
Фото начала XX в.*

Прозоровский писал о матери: «Надежда Николаевна была талантливым и одарённым педагогом, как говорят, учительницей от Бога. Она пользовалась необычайной любовью и уважением своих учеников и их родителей. Никто и никогда не знал на её уроках принуждения, насилия или скуки, все учились охотно и в школу шли с радостью»¹⁴⁹.

В Малитине квартира учительницы находилась при школе¹⁵⁰. В 1914 году в Малитинской школе обучалось 119 учеников (68 мальчиков и 51 девочка)¹⁵¹.

Однако в Малитине молодая учительница прослужила только один неполный учебный год. По-видимому, в начале 1911 года освободилось учительское место в земской начальной школе в д. Марково Симской волости, которая находилась в двух верстах от Симы. Желая перебраться поближе к отцу, Надежда Николаевна с 1 марта 1911 года стала работать в Марковской школе¹⁵².

В 1905 году в Маркове было 32 двора и проживало 245 жителей¹⁵³. Начальная земская школа в деревне открылась совсем недавно – в 1907 году. Она размещалась в специально построенном по типовому проекту одноэтажном деревянном здании, крытом железом. При школе же находилась и квартира учительницы. На 1 января 1915 года здесь обучался 21 ученик (10 мальчиков и 11 девочек)¹⁵⁴. В Марковской школе Надежда Николаевна – с перерывом на четыре года из-за рождения детей – проработала вплоть до 1934 года.

В 1911–1912 гг. Надежда Николаевна преподавала в Маркове всего несколько месяцев. Причиной это стало её замужество и рождение детей.

В Симе в доме её отца бывал новый становой пристав Виктор Васильевич Прозоровский. Глава местной полиции и земская учительница полюбили друг друга, и Виктор Васильевич сделал Надежде Николаевне предложение.

Почему-то венчание молодых состоялось не в Симе, не в Юрьев-Польском и не во Владимире. 22 июля 1912 года Виктор Васильевич и Надежда Николаевна обвенчались в Москве в известной Николо-Явленской церкви на Арбате¹⁵⁵. Виктору Васильевичу в то время было тридцать шесть лет, Надежде Николаевне – двадцать. Почему молодые обвенчались именно в Москве, точно неизвестно. Можно предположить, что это произошло по приглашению покровительствующего семье Молчановых старого князя Александра Борисовича Голицына, проживавшего в Москве. Узами брака

Москва. Церковь Николы Явленного на Арбате. Виктор Васильевич Прозоровский и Надежда Николаевна Молчанова обвенчались здесь 22 июля 1912 года. Вид со стороны Арбата. Фото начала XX в.

Виктора Васильевича и Надежду Николаевну сочетал настоятель Николо-Явленской церкви протоиерей Василий Соколов.

На венчании, наверняка, присутствовали родные жениха и невесты: о. Николай Молчанов, брат и сёстры Надежды Николаевны, брат и сестра Виктора Васильевича и др. Вероятно, присутствовал князь Александр Борисович Голицын и некоторые его дети, в том числе и княжна Татьяна Александровна Голицына – сестра Марфо-Мариинской обители, которая дружила с Надеждой Николаевной.

Вероятно, и свадьба Виктора Васильевича и Надежды Николаевны произошла в первопрестольной столице.

* * *

Нельзя не сказать о дальнейшей судьбе и протоиерея Василия Соколова, и знаменитого арбатского храма.

Василий Александрович Соколов был земляком молодых супругов Прозоровских. Он родился в 1869 году в с. Старая Слобода Александровского уезда Владимирской губернии в семье диакона.

*Священномученик протоиерей Василий Соколов –
настоятель церкви Николая Явленного на Арбате.
Фото 10-х гг. XX в.*

В 1882 году он окончил Переяславское духовное училище, а в 1888-м – Вифанскую духовную семинарию (она находилась вблизи Сергиева Посада). В 1888–1890 гг. Василий Соколов служил учителем в Закубежской церковно-приходской школе Александровского уезда. 16 декабря 1890 года состоялось его рукоположение во священника Христорождественской церкви с. Пустое Рождество Переяславского уезда. В 1902 году о. Василий овдовел, оставшись с шестью малыми детьми на руках. В 1906–1910 гг. он учился в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, по окончании которой был назначен настоятелем Николо-Явленской церкви¹⁵⁶.

Кто бы мог представить тогда, в радостный день 22 июля 1912 года, что меньше чем через десять лет о. Василий Соколов будет расстрелян? Протоиерей Василий Соколов стал одной из первых жертв террора, который был развязан в 1922 году в связи с изъятием по всей стране церковных ценностей, проводимым под предлогом помощи голодающему населению Среднего и Нижнего Поволжья. Его

арестовали в апреле 1922 года. С 26 апреля по 8 мая 1922 года в зале Политехнического музея проходил открытый судебный процесс. Перед Московским революционным трибуналом предстали 53 обвиняемых – представителей московского духовенства и мирян. 8 мая трибунал вынес приговор, согласно которому 11 подсудимых (8 священников и 3 мирянина) – в том числе и о. Василий Соколов – приговоривались к расстрелу. В последующие дни судьба о. Василия дважды решалась на уровне Политбюро ЦК РКП(б).

Председатель Моссовета и член Политбюро Л. Б. Каменев, получавший многочисленные послания с просьбами о смягчении участи осуждённых, обратился к другим членам Политбюро с предложением сократить цифру приговорённых к расстрелу с одиннадцати человек до двух. 8 мая данное предложение было вынесено на голосование. Против предложения Каменева проголосовали Ленин, Троцкий, Сталин и Зиновьев. За – Томский и Рыков¹⁵⁷. Через несколько дней М. И. Калинин – формальный глава советского государства, к которому с ходатайством о смягчении участи осуждённых 8 мая обратился обновленческий епископ Антонин (Грановский), вновь поставил перед своими коллегами по Политбюро вопрос о судьбе приговорённых к расстрелу. 18 мая Политбюро обсудило предложение М. И. Калинина. Желая пойти навстречу обновленцам, Политбюро согласилось сократить список приговорённых к расстрелу с 11 до 5 человек. В числе этих пяти осуждённых на расстрел остался и о. Василий Соколов¹⁵⁸.

Приговор привели в исполнение 26 мая 1922 года. В 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви о. Василий Соколов был прославлен в лике святых и включён в Собор новомучеников и исповедников Российских как священномученик¹⁵⁹.

Трагически сложилась и судьба Николо-Явленского храма на Арбате. Один из самых прекрасных храмов Москвы, о котором писали русские классики – А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев и др., был полностью разрушен в 30-е годы: в 1931 году снесли её удивительную по красоте колокольню, а в 1933-м и сам храм¹⁶⁰.

* * *

Счастливая семейная жизнь Виктора Васильевича и Надежды Николаевны продолжалась всего два года – т.е. вторую половину 1912-го, весь 1913-й и первую половину 1914 года.

*В. В. Прозоровский – становой пристав
2-го стана Юрьев-Польского уезда*

В. В. Прозоровский постоянно пропадал на службе. Вспомним, что территория его стана составляла примерно половину Юрьев-Польского уезда и поэтому всевозможных хлопот хватало. Из служебной биографии Виктора Васильевича нельзя не отметить эпизод, когда в мае 1913 года его командировали во Владимир для несения охранной службы во время торжеств в честь 300-летия царствования Дома Романовых.

16 мая 1913 года по дороге из Москвы в Нижний Новгород Владимир посетил император Николай II с семьёй (из Нижнего Новгорода царская семья должна была поехать по Волге с остановками в Костроме и Ярославле, а затем по суше – через Ростов Великий, Переяславль-Залесский и Сергиев Посад – проследовать в Москву). Царский поезд подошёл к перрону Владимирского вокзала в 13 часов дня.

«Владимир <...> – писал в своих воспоминаниях товарищ министра внутренних дел генерал В. Ф. Джунковский, – встретил царскую семью во всём своём блеске и величии. На вокзале царский поезд был встречен гражданскими и военными властями. Государь был в форме лейб-гренадерского Екатеринославского полка, и, выйдя из

вагона, принял почётный караул от 9-го гренадерского Сибирского полка и, обойдя встречавших, со всей своей семьёй в двух автомобилях проследовал по улицам города среди ликующей толпы народа, войск и учащихся в Успенский собор. Здесь государь был встречен архиепископом Владимирским Николаем и, прослушав краткое молебствие, приложился к чудотворной иконе Владимирской Божией Матери, точной копии с древнейшей иконы <...> хранившейся тогда в Успенском соборе в Москве»¹⁶¹.

После Успенского царь посетил Дмитриевский собор и с дочерьми отправился в Суздаль. «День этот, – продолжает В. Ф. Джунковский, – так торжественно начатый в г. Владимире, был поистине праздником всего Владимирского края, так как народ, стекавшийся со всей губернии и не попавший в самый Владимир, толпами шёл и располагался по тридцатичетырёхвёрстному шоссе от Владимира до Суздаля и от Суздаля до Боголюбова. На эту же дорогу выходили и крестные ходы, и ученики сельских школ, и по старому русскому обычаю на перекрестках дорог и против своих изб крестьянки ставили стол с хлебом-солью»¹⁶².

В Суздале Николай II посетил собор и три монастыря. На могиле князя Д. М. Пожарского в Спасо-Евфимиевском монастыре в его присутствии отслужили литию. В 19 часов из Суздаля царь прибыл в Боголюбово. «По дороге в оба конца, – отметил Николай II в своём дневнике, – народ выходил из сёл и деревень с иконами»¹⁶³. Здесь он принял ряд депутатий от земства, хуторян, крестьян, обошёл волостных старшин. Поздно вечером из Боголюбова император убыл в Нижний Новгород.

16 мая во Владимире Виктор Васильевич, наверняка, впервые видел государя Николая II. Несомненно, этот праздничный майский день, наполненный гулом владимирских колоколов, остался в его памяти на всю жизнь. Правда, уже через несколько лет его участие в праздновании 300-летия Дома Романовых пришлось скрывать. Если бы в 1929 году следователь из ОГПУ докопался до данного факта в биографии Виктора Васильевича, то это, скорее всего, обошлось бы ему в пару лишних лет лагеря.

Во встрече царя во Владимире в качестве Юрьев-Польского предводителя дворянства участвовал и Борис Александрович Голицын со своей женой Надеждой Михайловной. Когда императорский поезд остановился у перрона, княгиня Н. М. Голицына вместе с супругами командира расквартированного во Владимире Сибирского полка

и городского головы поднесла букеты цветов императрице Александре Фёдоровне и четырём великим княжнам – Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии¹⁶⁴.

* * *

17 сентября того же 1913 года у Виктора Васильевича и Надежды Николаевны родился первенец – сын Борис, главный герой нашей книги.

Всего в семье Прозоровских родилось шесть детей: в 1913 г. – Борис, в 1914 г. – Николай, в 1915 г. – Василий, в 1918 г. – Михаил, в 1923 г. – Дмитрий, в 1924 г. – Людмила.

Из-за рождения детей с сентября 1912-го по сентябрь 1916 года у Надежды Николаевны был перерыв в педагогической работе. В сентябре 1916 года она вновь вернулась к преподаванию в Марковской школе.

С детских лет Надежда Николаевна была дружна с княжной Татьяной Александровной Голицыной. Позднее они поддерживали переписку, поздравляли друг друга с праздниками. В архиве семьи Прозоровских сохранилась открытка, которую Татьяна Александровна отправила Надежде Николаевне из Москвы 18 января 1917 года. 12 января, в день святой мученицы Татианы, были именины Татьяны Александровны, и о. Николай и Надежда Николаевна поздравили её с днем Ангела. В ответном послании Татьяна Александровна, бывшая тогда сестрой Марфо-Мариинской обители, писала: «Милая Надя! Благодарю тебя за поздравленья. Передай, пожалуйста, от меня Папе, что я его очень благодарю за письмо. Целую тебя и детей. Твоя Т.Голицына». Письмо было адресовано «Её Высокоблагородию Надежде Николаевне Прозоровской, почтовая станция Сима Владимирской губернии»¹⁶⁵. Примечательно, что перед текстом письма стоит крест, каким обычно начинают свои письма церковные люди.

* * *

20 июля 1914 года Германия объявила войну России. Наша страна оказалась втянутой в войну, которую тогда в России называли Великой Отечественной, после революции – Империалистической (в народе – Германской), а сейчас – I Мировой.

Как и у миллионов людей, лето 1914 года резко поделило жизнь семьи Прозоровских на период до начала войны и после.

Уже 22 июля 1914 года Виктор Васильевич добровольцем вступил в 217-й Ковровский полк, который формировался во Владимире

1914 год. Западный фронт.
В. В. Прозоровский – верхом на лихом коне

«на основе кадра», выделенного из состава 9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка. Командиром 217-го Ковровского полка был назначен старший штаб-офицер 9-го гренадерского Сибирского полка полковник Дмитрий Семёнович Наумовский (1862 – после 1914 гг.). В полку Виктор Васильевич занял должность заведующего оружием (в его обязанности, в частности, входила доставка боеприпасов на боевые позиции). 30 июля полк убыл из Владимира на фронт¹⁶⁶.

Вначале полк направили на Юго-Западный фронт, но в пути эшелоны повернули на Ревель (современный Таллин). Здесь, в Эстляндии, 217-й полк в течение трёх месяцев участвовал в охране побережья Балтийского моря. 4 ноября 1914 года его отправили на Северо-Западный фронт в русскую Польшу. 10 ноября полк прибыл в г. Скерневицы (к западу от Варшавы), отсюда ему предстояло походным порядком двинуться в г. Лович.

11 ноября 1914 года в боях под г. Ловичем Виктор Васильевич был ранен осколком снаряда, но остался в строю.

16 и 17 ноября 1914 года немцы прорвали наш фронт и окружили полк. 17 ноября в боях под д. Струченица в плен к противнику попал командир полка полковник Д. С. Наумовский¹⁶⁷. В этих боях Виктор Васильевич отличился: он возглавил полковой обоз и сумел вывести его из окружения, за что 25 апреля 1915 года был награждён орденом святого Станислава III степени «с мечами и бантом».

Хлебнул Виктор Васильевич и другого лиха. 18 мая 1915 года впервые на русском фронте во время боя у д. Воля Шидловская немцы применили удушающие газы. При доставке на позиции боеприпасов Виктор Васильевич был отравлен газами. К счастью, он остался жив и на излечении находился всего четыре дня – с 18 по 22 мая. За это дело 2 июля 1915 года В. В. Прозоровский был награждён орденом святой Анны III степени «с мечами».

А затем началось великое отступление русских войск. Со своим полком Виктор Васильевич с боями отступал к Висле, Бугу и Неману. 26 сентября 1915 года 217-й Ковровский полк был выведен в тыл на отдых и укомплектование, продолжавшееся до конца февраля

*Май 1915 года. Западный фронт.
Отпевание воинов 217-го Ковровского полка,
погибших во время немецкой газовой атаки*

*1915 год. Западный фронт. Группа офицеров
217-го Ковровского полка. Шестой слева – В. В. Прозоровский*

1916 года. В начале марта 1916 года полк вернулся на боевые позиции у озера Нарочь и вновь вступил в тяжёлые бои с немцами¹⁶⁸.

Когда Виктор Васильевич ушёл на фронт, Надежда Николаевна осталась с двумя маленькими детьми, уже после ухода мужа родился третий сын – Василий. Разумеется, все годы войны Надежда Николаевна каждый день со страхом ждала известий о муже.

В сентябре 1916 года, как писалось выше, она вновь вернулась на работу в школу в д. Марково.

В конце 1916 года В. В. Прозоровский получил месячный отпуск (с 30 ноября по 31 декабря 1916 г.). Он провёл этот месяц в Симе с женой и детьми¹⁶⁹.

Виктор Васильевич вернулся на передовую в канун Нового 1917 года, а через два месяца на фронт пришло известие о революции в Петрограде и об отречении царя Николая.

«Полк облетела радостная весть о назначении нового правительства, о чём получен приказ, в котором говорится об отречении от престола Николая II. Впечатление не поддаётся описанию. Пал деспотизм, освободилась из железных оков русская душа. Великий

Русский народ празднует праздник своего освобождения – таково общее настроение в полку»¹⁷⁰. 5 марта 1917 года полк был отведён в тыл на отдых, где личный состав привели к присяге Временному правительству. 16 марта прошли выборы в полковой комитет, председателем которого стал прапорщик Татаринцев¹⁷¹.

1 апреля полк вновь выступил на передовую, где находился до 30 апреля, а потом был отведён в тыл. В это время до полка дошла «Декларация прав солдата», предоставлявшая нижним чинам все гражданские права. С приходом «Декларации» разложение бывшего боевого полка пошло семимильными шагами. К маю 1917 года фактическим хозяином в нём стал полковой комитет.

После целого ряда конфликтов с комитетчиками командир полка полковник К. С. Абрамов 4 мая сдал командование и убыл в распоряжение штаба Западного фронта. Однако его уход не внёс успокоения.

С конца мая участились случаи невыполнения боевых приказов. 4 сентября группа солдат избила нового командира полка И. Д. Алина¹⁷².

В декабре 1917 года 217-й Ковровский полк практически закончил своё существование. Часть личного состава оставалась в полку до марта 1918 года в составе различных ликвидационных комиссий. Окончательно полк считается расформированным 1 апреля 1918 года, когда его документы были сданы в штаб Московского военного округа¹⁷³.

На глазах В. В. Прозоровского происходил развал фронта и деморализация войск. К тому же резко ухудшилось его здоровье, подорванное тремя годами войны. С 7 по 27 октября 1917 года он находился на излечении в полевом госпитале с воспалением правого лёгкого и «сильнейшей неврастенией при угнетённо-подавленном состоянии». С 1 ноября 1917 года Виктор Васильевич вновь получил увольнение домой на месяц, каковой был продлён ему до 31 декабря 1917 года. С 1 по 10 июня 1918 года он находился в Шуйском военно-сводном госпитале¹⁷⁴.

Штабс-капитан В. В. Прозоровский вернулся с разваливающегося фронта в конце 1917 года. Если бы не революция, то его встречали бы как героя, офицера-победителя, защитника Отечества. Сейчас же он возвращался на Родину, на которую легла гигантская тень Ленина, дважды политически и классово чуждым человеком – и как бывший сотрудник царской полиции, и как бывший царский офицер.

Философ Ф. А. Степун (1884–1965 гг.), сам всю войну прошедший на фронте, писал о послереволюционной судьбе русского офи-

церства: «Вместе со всей армией оно годами ждало мира, не блистательного и жестокого, но справедливого и благообразного. Как о чуде мечтало оно о том часе, когда покатаются обратно в родные углы России воинские поезда. В эти минуты духовного предвосхищения “мира” светлела память о погибших, крепла дружба между живыми, и бесконечно дорогим и близким душе звучало пенье в солдатских вагонах, пенье родных, испытанных, любимых рот и батарей. Кроме этого часа ожидаемого мира, у офицерства ничего за душою не было. <...> И этот час был у него большевиками украден. Долгожданный мир всходил над Россией не святым, а кощунственным, не в благообразии, а в безобразии, ведя за своей позорной колесницей со связанными за спиной руками, оплётанными и избитыми тех самых <...> офицеров, которые, многократно раненные, возвращались на фронт, чтобы защищать Россию и час своего мира»¹⁷⁵.

Трагично после революции сложилась и судьба родного брата Виктора Васильевича, Дмитрия Васильевича Прозоровского, офицера, всю войну пробывшего на фронте и дослужившегося до чина полковника. После Октябрьской революции он оказался в эмиграции, жил в Варшаве.

Революция круто изменила судьбу семьи Прозоровских. Из представителя власти и уважаемого члена общества Виктор Васильевич превратился в человека второго сорта.

Как известно, советская пропаганда, особенно в 20–30 годы, всячески демонизировала царскую полицию. Как-то само собой подразумевалось, что полицейские занимались только тем, что преследовали революционеров, подавляли рабочее движение и угнетали крестьян. Игнорировалось то, что служащие полиции, особенно на селе, занимались в основном тем же, чем и позднее сотрудники советской милиции, т.е. бытовыми преступлениями, пьяными драками, кражами, грабежами и т.п.

После Октябрьской революции в нашей стране очень быстро утвердился своеобразный социальный расизм, при котором сам факт службы в царской полиции навсегда ставил на человеке несмываемое клеймо. Подобное клеймо получали и все члены его семьи (если только они официально не отрекались от него).

В случае с Виктором Васильевичем полностью, разумеется, игнорировался тот факт, что во время I Мировой войны он три года защищал Родину на фронте, был ранен и травлен газами (более того, как мы увидим ниже, чекисты считали, что это лишь отягощает вину В. В. Прозоровского).

Что новые времена начались и в Симе, Виктор Васильевич почувствовал сразу: 19 ноября 1917 года Юрьев-Польский Совет рабочих и крестьянских депутатов реквизировал у него для своих нужд печатную машинку, имевшуюся у него со времён, когда он служил станowym приставом¹⁷⁶.

После Октября 1917 года Виктор Васильевич стал в Симе постоянным кандидатом № 1 на арест. В начале сентября 1918 года, вскоре после известного покушения на В. И. Ленина, исполком Юрьев-Польского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял особую резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Пусть знают враги рабочего класса, что выстрелами из-за угла в наших вождей им не задушить пролетарской революции, и на каждый выстрел мы ответим тысячами выстрелов. <...> Смерть врагам! Да здравствует великий вождь всемирной революции товарищ Ленин! <...> Да здравствует всемирная революция! Да здравствует социализм! Да здравствует красный террор!»¹⁷⁷

Слова юрьев-польских советских товарищей не разошлись с делом. 3 сентября 1918 года В. В. Прозоровский подвергся аресту Юрьев-Польской ЧК как заложник. Арест его произошёл с уездной простотой: утром 3 сентября Виктор Васильевич был вызван в Чрезвычайную комиссию. Когда он прибыл туда, его арестовали и отправили в Юрьев-Польскую тюрьму.

Сразу после ареста мужа Надежда Николаевна обратилась с прошением в Юрьев-Польский Совет. «Муж мой Виктор Васильевич, – писала Надежда Николаевна, – прибыл ко мне в ноябре 1917 г. из действующей армии в двухмесячный по болезни отпуск разбитым, издёрганным, с сильным упадком всей нервной системы. Пребывание его три с половиной года на войне настолько отразилось на состоянии его здоровья, что всё проведённое им время у меня было проведено им на поправление своего здоровья.

В январе месяце с/г, когда он послал прошение об увольнении со службы, им были деланы неоднократные попытки подачи прошений в Советские учреждения об определении на службу, но вследствие, видимо, того, что до начала войны он занимал должность станowego пристава, ходатайства его отклонялись, не считаясь с его нравственными качествами и отношением к власти народа. Между тем, должность пристава он сложил с себя в 1914 г. и на войну выбыл добровольно вслед за объявлением мобилизации, следовательно, во время переворота ни у какой власти не состоял. За время десятимесячного проживания его, со дня прибытия с войны до взятия под стражу,

он ни в каких политических организациях не состоял, всегда уклонялся от присутствия на сельских или волостных сходах, несмотря на неоднократные предложения со стороны общества граждан дер. Марково. Против Советской власти никогда не выступал, агитации не вёл и не высказывал оказывать какое-либо противодействие Советской власти, что может подтвердить Симский Совдеп и общество граждан села Симы и дер. Марково.

<...> Вследствие изложенного прошу Совет Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов освободить моего мужа В. В. Прозоровского из заключения, дав возможность и семье его иметь в жизни необходимую опору и помощь. Надежда Прозоровская»¹⁷⁸.

К счастью, в тюрьме В. В. Прозоровский просидел только неделю. Если бы вождь пролетарской революции скончался от полученных ран, то Виктор Васильевич и тысячи других людей, подобно ему взятых по всей стране в заложники, были бы, конечно, расстреляны. Однако Ленин поправился, и Виктора Васильевича выпустили.

В 1918–1919 гг. Виктор Васильевич тщетно пытался устроиться хоть на какую-нибудь работу, однако бывшего станowego пристава никуда не хотели брать. От этого времени до нас дошёл текст, написанный Виктором Васильевичем, видимо, по требованию какого-то учреждения, в котором он касается своих политических взглядов. Бывший штабс-капитан Прозоровский ответил на этот скользкий и опасный вопрос с предельной откровенностью.

«Запрашивая меня о политических убеждениях, – писал Виктор Васильевич, – да, я понимаю, что мне гарантируют полную свободу изложения своих мыслей.

Такого вопроса политически зрелые люди задать, конечно, воздержались бы, и на это другие могут ответить, что никому и никакого дела до моих убеждений нет. Я же отвечу, что, прежде всего, я солдат, а не политик и идейным политическим работником какой-либо партии быть не могу, для этого, по моему мнению, надо иметь особый природный талант и твёрдость в определённых убеждениях.

<...> Я пошёл на войну добровольно; причём, мною руководили самые лучшие чувства, какие только могут быть у гражданина России, любящего свою родину.

По прирожденности я имею склонность и тяготение к порядку, правде и справедливости, а как воспитанный на дисциплине, никогда ею не тяготился, сознательно ей подчинялся, и она не была для меня страшна; отчасти вследствие, может быть, этого на меня и была возложена большая нравственная и служебная обязанность

по своевременному обеспечению полка боевыми припасами и сбережения как их, так равно и всякого оружия, и это мною в точности выполнено без перерыва от начала до конца войны. За это время мне, как единственному почти лицу, пробывшему бесценно на позиции с полком и уцелевшему, приходилось быть и безмолвным свидетелем и лично на себе испытать много неправды и тяжелых испытаний. В не менее тяжелой форме переживаю её и в настоящее время, медленно приблизившись к исключительному по своему ужасу голоду, как бы в ответ на перенесённые невзгоды свыше сорокамесячной войны, а ведь я более чем кто-либо мог ожидать от теперешней власти справедливого к себе отношения <...>.

Где же справедливость и право? Говорят, что его нужно завоевывать.

Для меня достаточно и прошедшей войны; это можно ответить тем, если только они есть, кто, будучи всё время в тылу, за обеспеченное вознаграждение сумел переименовать себя в члены гуманнейшей партии; мне быть последователем таким путём не в моем характере да и потому, что считаю себя интеллигентным пролетарским рабочим и только, потерявшим на войне силы и здоровье, а теперь выброшенный на произвол судьбы, лишённый возможности поступить на работу, т. к. до сего времени не могу получить ни документов из полка, ни причитающегося за несколько месяцев содержания, о чём неоднократно возбуждал ходатайство у Юрьевского уездного комиссара по военным делам»¹⁷⁹.

Летом 1919 года у Виктора Васильевича вновь появился шанс быть арестованным или расстрелянным. В 1919 году повсеместно на советской территории вспыхивали восстания крестьян. Восстания эти в основном возникали из-за трёх причин: политики продразвёрстки, в ходе которой у крестьян отбирали большую часть хлеба, запрета на свободную продажу хлеба и других продуктов и принудительной мобилизации в Красную армию, спасаясь от которой, крестьяне прятались в лесах. Дезертиров ловили специальные красноармейские части. Защищаясь, дезертиры объединялись в отряды, которые начинали боевые действия против красных частей и местных органов Советской власти. Восстания крестьян, как правило, возглавляли члены запрещённой партии эсеров.

10 июля 1919 года в Юрьев-Польский ворвались «контрреволюционные банды кулаков и примкнувшие к ним дезертиры». По-видимому, главной целью нападающих был военный склад, на котором

они захватили более 2500 винтовок. Одновременно разгрому подверглись клуб коммунистов, военкомат, милиция, квартиры партийных и советских работников. Несколько коммунистов было убито. Город находился в руках восставших до 11 июля, когда в Юрьев-Польский прибыл из Иваново-Вознесенска отряд красноармейцев¹⁸⁰.

После событий 10–11 июля 1919 года по всему уезду прошли аресты. Однако каким-то чудом чаша сия миновала Виктора Васильевича. Более того, 16 октября 1919 года он был мобилизован в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) – стал служить заведующим оружием во Владимирском территориальном полку (терполку), в его 2-м батальоне, расквартированном в г. Кинешме¹⁸¹.

В 1921–1924 гг. В. В. Прозоровский служил секретарём и помощником управляющего Юрьев-Польской конторой районного совета потребительских обществ Губсоюза в Юрьев-Польском¹⁸².

23 июля 1923 года. Виктор Васильевич Прозоровский (сидит третий справа во втором ряду) с сотрудниками Юрьев-Польской конторы Владимирского губернского союза потребительских обществ

В апреле 1924 года Виктор Васильевич был уволен из конторы потреббщества¹⁸³. Формально его уволили по сокращению штатов, но фактически он остался без работы как бывший пристав. Все попытки восстановиться в должности ни к чему не привели. С этого времени он уже никогда и нигде официально не работал и занимался только домашним хозяйством.

После принятия в январе 1924 года Конституции СССР В. В. Прозоровский был официально лишён права голоса, став так называемым «лишенцем» – т.е. человеком, лишённым права участвовать в выборах и очень серьёзно ограниченном в гражданских правах. Дети лишенцев, в частности, не имели права поступать в высшие учебные заведения. Лишенцем Виктор Васильевич пробыл 12 лет – до принятия 5 декабря 1936 года новой Конституции СССР (так называемой Сталинской Конституции), которая формально наделила всех советских граждан равными правами.

В 1927 году Виктор Васильевич обращался в исполком Симского волостного Совета с просьбой пересмотреть решение о лишении его права голоса, но получил отказ. В принятом по этому поводу 21 июня 1927 года постановлении исполкома говорилось: «В просьбе отказать как лицу продолжительное время находящемуся на службе в царской полиции и имеющему ряд наград за усердную службу»¹⁸⁴.

В довершение ко всему семью Прозоровских в это время постигло несколько страшных ударов. В начале 20-х годов от дизентерии умерли сыновья Николай и Василий (им обоим было по 6–7 лет). 23 марта 1923 года родился сын Дмитрий, а 22 августа 1924 года – дочь Людмила. Однако в 1925 году дизентерия вновь унесла жизни двух детей: 2 июня умер семилетний Михаил, а 18 июля – годовалая Людмила. Таким образом, за короткий срок Виктор Васильевич и Надежда Николаевна потеряли четырёх из шести своих детей. У них остались только сыновья Борис и Дмитрий.

В 20–30-е годы семья фактически вынуждена была жить на скромную зарплату Надежды Николаевны, продолжавшей работать в школе в Маркове. Только числилась она уже не учительницей. В революционном угаре и стремлении переименовать всё и вся слова «учитель» и «учительница» были тогда отправлены на свалку истории, и педагоги официально именовались изумительным словом «шкраб» (школьный работник). И Надежда Николаевна в ряде официальных бумаг именуется «шкрабом».

Однако бывший становой пристав – слишком крупная фигура, чтобы долго оставаться в стране Советов на свободе. В относительно

либеральные нэповские годы тюрьма, от которой каждому русскому человеку никогда не надлежит зарекаться, каким-то чудом миновала мужа Надежды Николаевны. Но наступил 1929 год – год «великого перелома», и час Виктора Васильевича пробил.

В связи с провозглашённым «наступлением социализма по всему фронту» на места пошли указания об ужесточении политики и арестах «бывших» людей.

18 октября 1929 года уполномоченный секретного отдела Александровского* окружного отдела Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) Емельянов направил своему начальнику, старшему уполномоченному Щедникову, докладную записку, в которой писал: «По имеющимся у меня материалам известно, что б. пристав Прозоровский Виктор Васильевич, проживает при школе д. Марково, Юрьевского района, где жена его учительствует, а сестра его работает технической служащей. Местное крестьянство б. Симской волости, где Прозоровский был становым приставом, высказывает недовольство тем, что б. рьяный царский служака живёт до сих пор в том районе, где проявлял энергичную полицейскую деятельность. Вместе с тем крестьяне д. Марково находятся всецело под влиянием Прозоровских, вследствие чего там туго проходят мероприятия Сов. власти и искривляется классовая линия в вопросах самообложения, хлебазаготовок и т.д., хотя открытых а/сов. (антисоветских. – Н.З.) выступлений со стороны Прозоровского и не наблюдается, но он соответствующим образом влияет на общественную жизнь д. Марково»¹⁸⁵. Далее уполномоченный Емельянов приводит несколько конкретных фактов: «30/VI – с.г. Прозоровский В.В. в беседе с кр-ном д. Марково Козловым Никол. Вас. и др. по вопросу о чистке ВКП(б) говорил, что партия очищает от себя всех умных и работоспособных людей. 4/VII – с.г. в группе кр-н он говорил, что у кр-н будут отбирать хлеб и все крестьянство посадят на паёк, а если кто скроет (хлеб. – Н.З.), тот будет отвечать и власть будет применять к ним тюремное заключение на 4 года. Были и другие случаи его разговоров с отдельными кр-нами по вопросам коллективизации, неправильном нажиме на кулака и т.д., говоря, что из коллективизации хорошего ничего не выйдет»¹⁸⁶. Вывод записки был таков:

* При упразднении в 1929 году Владимирской губернии и вхождении её в Ивановскую промышленную область (ИПО) Юрьев-Польский район около года входил в состав Александровского округа ИПО.

«Находя в действиях б. пристава Прозоровского социально-опасные деяния и принимая во внимание, что он за свою прошлую полицейскую деятельность не судился, я полагаю бы Прозоровского немедленно арестовать, повести следствие, передать дело на рассмотрение Особого Сопровождающего Коллегии ОГПУ»¹⁸⁷.

В левом углу записки старший уполномоченный Щедников наложил резолюцию: «т. Ем. По согласованию с Нач. ОКРО Прозоровского арестовать, заведя на него дело. 21/XI. (подпись)»¹⁸⁸.

Эта докладная записка и резолюция на ней решили судьбу и Виктора Васильевича, и Надежды Николаевны, и их детей, в том числе и Бориса Викторовича, которому тогда было 16 лет.

21 ноября 1929 года в квартиру Прозоровских в Марковской школе нагрянули сотрудники Александровского окротдела ОГПУ во главе с уполномоченным Емельяновым, предъявившим ордер на обыск и арест. Чекисты перевернули всё в доме вверх дном. Согласно протоколу, при обыске было изъято: три полицейских свистка, 550 штук писем, 15 военных топографических карт, дореволюционные газеты («Владимирские губернские ведомости», «Владимирец». «Владимирский край», «Правительственный вестник», «Новое время» и др.), три царских манифеста с портретами царей, различные фотографии (князей Голицыных, самого Виктора Васильевича в форме пристава и др.), книги («Столетие Отечественной войны», «Декабристы и чего они хотели», «Справочник офицера», «Календарь для чинов полиции», «Почему я социалист», «Программа кадетской партии», «Основы государственного устройства Франции», «О рабочем движении в Германии», «За веру, царя и отечество», «Родина гибнет», «Учредительное собрание», «Сущность христианства», «Царь Иудейский») и др.¹⁸⁹

По-видимому, в тот же день 21 ноября Виктор Васильевич оказался в одной из камер Александровского домзака*.

Как уже было сказано, город Александров – это бывшая Александровская слобода, некогда при Иване Грозном фактически ставшая на несколько лет столицей государства. Отсюда царские опричники наводили ужас на всю Россию. Прошло почти четыре столетия, и опричное прошлое словно возвращалось...

* Домзак (дом заключения) – так в то время называли в нашей стране тюрьмы. Ведь тюрьмы существовали только при проклятом царизме, а в стране диктатуры пролетариата могли быть лишь домзаки.

Общее классовое обвинение против бывшего пристава царской полиции требовалось, однако, наполнить конкретным содержанием. В ходе следствия выяснилось, что за годы службы в полиции Виктор Васильевич – что естественно – несколько раз оказался причастен к политическим делам.

Уполномоченный Емельянов в обвинительном заключении поставил в вину В. В. Прозоровскому, что в 1906 году под его руководством было поймано несколько арестантов, бежавших из Владимирской тюрьмы¹⁹⁰. В деле не указано, что пойманные арестанты являлись политическими, следовательно, речь шла об обычных уголовниках (и из текста окончательного обвинения данный эпизод исчез).

В 1907 году во Владимире при обыске у некоего Иодловского Прозоровский обнаружил нелегальную литературу, печатный станок и шрифт¹⁹¹. В том же году за городом он разогнал митинг студентов, арестовав ряд его участников¹⁹². Как особый пункт проходило то обстоятельство, что в 1914 году Виктор Васильевич ушёл на фронт добровольцем. «С началом империалистической войны, – говорилось в обвинительном заключении, – выполнив полицейские обязанности по призыву, Прозоровский под влиянием патриотических чувств (напомним, что в 1930 году слово «патриотизм» ещё не было реабилитировано и являлось синонимом таких слов, как «царизм», «монархизм», «империализм» и т.д. – *Н.З.*) вступил добровольно в действующую армию. Должность пристава до самой Февральской революции числилась за ним, временно её выполнял бывший урядник Красавцев, а жалованье по должности пристава получала его жена»¹⁹³.

Из современных обвинений Виктору Васильевичу было предъявлено то, что в его квартире «часто собирались следующие лица: поп с. Симы Молчанов (тесть Виктора Васильевича. – *Н.З.*), счетовод Симского ЦРК Демидов-Молчанов, председатель Марковского сельсовета Спасенков и учитель Максимов»¹⁹⁴ (как видим, всё отъявленные преступники и матёрые контрреволюционеры).

Уже 27 января 1930 года в Иваново-Вознесенске уполномоченный секретного отдела Постоянного представительства ОГПУ в Ивановской промышленной области Новиков вынес по делу В. В. Прозоровского заключение. Повторив основные обвинения, выдвинутые против Виктора Васильевича Емельяновым («разгромил подпольную типографию в доме Иодловского», «разогнал митинг студенчества», «составлял списки политически неблагонадёжных лиц»),

он опять особо выделил то, что «в 14 году Прозоровский, как истинный патриот Российского Империализма ушёл добровольно на фронт». Вывод тов. Новикова был таков: «дело <...> направить на рассмотрение Особого Сопещения при Коллегии ОГПУ, с предложением применить к нему заключение в концлагерь сроком на 8 лет»¹⁹⁵.

Однако, по-видимому, в это время прохождение дел по контрреволюционным деяниям упростили, и тревожить товарищей из Особого совещания при Коллегии ОГПУ не пришлось: дело было решено на более низком уровне.

15 февраля 1930 года Тройка при Постоянном представительстве ОГПУ по Ивановской промышленной области (ИПО) постановила: «Прозоровского Виктора Васильевича заключить в концлагерь на восемь лет, считая срок с 21/XI 29 года»¹⁹⁶. Тогда ещё представители советской власти не стеснялись слова «концлагерь» – позднее его заменили термином «исправительно-трудовые лагеря», оставив «концлагерь» в применении только к странам капитализма, в первую очередь, к нацистской Германии.

Вскоре Виктор Васильевич оказался в Темниковском исправительно-трудовом лагере – печально знаменитом Темлаге.

Темниковский лагерь был создан 6 мая 1931 года на базе одного из крупнейших в Европейской части страны Темниковского леспромхоза. Бывавший в нём историк А. А. Григоров в своих воспоминаниях пишет: «Этот леспромхоз общей площадью в 96 тысяч гектаров прекрасно сохранившегося леса состоял из 12 первоклассных лесничеств, созданных ещё в 70-е годы прошлого (XIX. – Н.З.) века, и занимал пространство, ограниченное с запада рекой Мокшей и её притоком Парцей, с юга граница проходила почти по линии Московско-Казанской железной дороги (от станции Пичиряево до станции Торбеево), на севере она шла чуть южнее г. Темникова, а на востоке соприкасалась с лесными пространствами Краснослободского района. Административно владения леспромхоза располагались на территории Зубово-Полянского, Темниковского, Торбеевского районов Мордовской АССР и частично Кадомского района, тогда относившегося к Московской области. Центр же леспромхоза находился на станции Потьма Московско-Казанской железной дороги, отсюда вела начатая постройкою ещё в 1915 году ширококолейная ветка, доведённая уже в дореволюционное время до станции Молочница, где располагался лесопильный завод. К 1931 году эта ветка была проложена до отметки “36-й километр”, где и обосновалось Управление Темлага, а станция получила название “Перековка” – название

это символизировало “перековку” бывших преступников в полезных членов общества»¹⁹⁷.

В Темлаге Виктор Васильевич пробыл более трёх лет. Где именно он находился и чем занимался в лагере, нам неизвестно. Вероятно, работал на лесоповале. Постановлением Коллегии ОГПУ от 29 июня 1933 года В. В. Прозоровский был досрочно освобождён из лагеря по состоянию здоровья¹⁹⁸. В личном архиве В. В. Прозоровского сохранилась бумажка с названием «Удостоверение» на бланке Управления Темниковского ИТЛ, датированное 29 июня 1933 года. На её оборотной стороне есть отметка, что Виктор Васильевич прибыл в Юрьев-Польский 5 июля 1933 года и что он обязан периодически отмечаться в Ростовском райотделе ОГПУ¹⁹⁹.

Виктор Васильевич был освобождён «без права въезда и проживания на оставшийся неотбытый срок лишения свободы (т.е. до 21 ноября 1937 года) <...> без прикрепления» в огромном количестве мест СССР, в том числе и в Юрьев-Польском районе тогдашней Ивановской промышленной области²⁰⁰.

В связи с этим Прозоровским пришлось покинуть родные места и навсегда уехать из Юрьев-Польского района. Новое место для жительства искали весьма тщательно. 13 августа 1934 года Надежда Николаевна сдала Марковскую школу²⁰¹, и вскоре семья Прозоровских покинула Марково. 15 августа 1934 года Надежда Николаевна получила назначение на должность заведующей начальной школы в селе Николо-Дор Филкоковского сельсовета Ильинского района Ивановской области²⁰².

Николо-Дор отвечал двум условиям, необходимым для семьи Прозоровских. Во-первых, это было достаточно глухое место, где бы Виктор Васильевич не так привлекал внимание к себе, как бывший пристав. Во-вторых, Николо-Дор находился относительно недалеко от Симы. Их разделяло около двадцати пяти километров, следовательно, сохранялась возможность поддерживать связи и с Николаем Фёдоровичем Молчановым и с другими симскими родными.

ДЕТСТВО И МОЛОДОСТЬ

Борис Викторович Прозоровский родился 17 сентября 1913 года в селе Сима Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. Через четыре дня состоялось его крещение в Богоявленском храме села Сима. Таинство крещения совершил родной дед новорождённого – священник о. Николай Молчанов. Восприемниками, т.е. его крестными родителями, были, как уже не раз писалось, князь Борис Алек-

1915 год. Сима.
Боре Прозоровскому два года

сандрович Голицын и его сестра княжна Татьяна Александровна Голицына²⁰³. Напомним, что Борис Александрович, в это время уже бывший членом IV Государственной Думы, являлся также крестным отцом и Надежды Николаевны: таким образом, у матери и сына был один крестный отец. Княжна же Татьяна Александровна в это время уже четвёртый год состояла сестрой Марфо-Мариинской обители. Судя по всему, для участия в крещении новорожденного Бориса она специально отпросилась в Симу у настоятельницы обители великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

В день крещения Б. А. Голицын сделал своему крестнику поистине княжеский подарок – подарил серебряный, позолоченный изнутри кубок, с выгравированной надписью: «Крестнику от Крестного кн. Б. А. Голицына. 17 сентября 1913 г. Сима». Этот кубок каким-то чудом был сохранён семьёй Прозоровских, несмотря на все аресты и обыски. Ныне он хранится у потомков Бориса Викторовича.

Нельзя не отметить, что Борис Викторович родился в последний мирный год старой России. Позднее в советское время с годом

1915 год. Сима. Николай Молчанов и Надежда Николаевна Прозоровская с детьми. Борис стоит

его рождения будут постоянно сравнивать все наши успехи и достижения.

Если бы не революция, то жизнь Б. В. Прозоровского, наверняка, сложилась бы вполне благополучно. Однако детство и молодость Бориса Викторовича пришлось на первое послереволюционное двадцатилетие, которое «выявило» целый «букет» того, что мешало ему стать полноправным советским гражданином. Во-первых, отец – чиновник царской полиции; во-вторых, дед – служитель культа (то, что последний в 1924 году сложил с себя сан, не имело никакого значения). Решить проблему и стать полноправным гражданином тогда можно было только одним путём – публично и официально отречься от своего отца. Известно, что в 20–30-е годы так поступало немало молодых людей. Причём, нередко это делалось по просьбе самих родителей, не желавших портить жизнь детям. Вспомним, хотя бы будущего маршала А. М. Василевского, который отрёкся от своего отца-священника. 1 сентября 1919 года шестилетний Боря Прозоровский пошёл в первый класс начальной школы в Маркове, где его

мать работала учительницей. В стране полыхала Гражданская война, во Владимирской губернии происходили всевозможные революционные эксцессы, а в бывшей земской, а ныне советской 1-й ступени школе, шли уроки. Пятьдесят лет спустя Б. В. Прозоровский вспоминал о том времени: «Мне повезло: моей первой учительницей была моя мать Н. Н. Прозоровская <...>. Я не видел тогда разницы между мной и моими товарищами: мы были для неё одинаково родными, для всех она была любящая и строгая мать, добрый наставник»²⁰⁴. Борис проучился в Марковской школе четыре года. В пятый класс его не приняли из-за «малолетства» – он окончил 4-й класс в девять лет. В 1924 году он продолжил учёбу в советской школе 2-й ступени в Симе, где проучился четыре года.

В 1928 году Борис поступил в Юрьев-Польскую школу 2-й ступени с педагогическим уклоном. В старшем классе этой школы готовили учителей для начальных школ (или школ 1-й ступени, как они тогда именовались). В числе учебных предметов здесь находились педагогика и педология. Борис был активным мальчиком, он состоял членом президиума старостата школы²⁰⁵.

Борис Прозоровский рано почувствовал в себе призвание к педагогике. В своих воспоминаниях он писал: «<...> я рос в среде глубоко пропитанной педагогическими интересами, и все семейные дела были так или иначе связаны со школой, с обучением и воспитанием детей. Мне довелось на ярких и живых примерах познать особенности и секреты педагогической профессии, и всё это, конечно, не могло не сказаться на формировании моей личности и становления меня как педагога. Уже Юрьев-Польская школа второй ступени (девятилетка) с так называемым “педагогическим уклоном” дала первоначальные знания учительской профессии, там же была организована педагогическая практика в одной из начальных школ. Окончившие школу второй ступени приобретали право работать учителями начальных школ»²⁰⁶.

В 1929 году Борис окончил школу и поступил сразу на 3-й курс школьного отделения Иваново-Вознесенского педагогического техникума²⁰⁷.

Вероятно, он впервые тогда увидел Иваново-Вознесенск – город, в 1918 году по мановению М. В. Фрунзе и небольшой группы его товарищей превратившийся из заштатного города Шуйского уезда Владимирской губернии в губернский город – центр «Красной» Иваново-Вознесенской губернии. В 1929 году, в значительной степени благодаря мифу о том, что Иваново-Вознесенск – родина первого

*31 октября 1931 года.
Борису Прозоровскому 18 лет*

в России Совета рабочих депутатов, город стал центром огромной Ивановской промышленной области (ИПО), в состав которой помимо Иваново-Вознесенской вошли территории упразднённых Владимирской, Костромской и Ярославских губерний.

В переживавшем определённую эйфорию городе, провозглашённом «третьей пролетарской столицей» страны (после Москвы и Ленинграда), разрушались храмы и строились гигантские общественные здания. Никто, конечно, не знал, что это мнимое величие продлится недолго: в 1936 году из ИПО выделяют Ярославскую область, а в 1944 году из Ивановской области выделяют и Владимирскую область.

Иваново-Вознесенский педагогический техникум при Иваново-Вознесенском институте народного образования был открыт в 1921 году и готовил учителей для начальных школ. К сожалению, в этом учебном заведении Борису Викторовичу суждено было пробыть недолго. «Год великого перелома» прошёл и через его судьбу. Как мы помним, 21 ноября 1929 года в Маркове был арестован Виктор Васильевич Прозоровский, которого 15 февраля 1930 года приговорили к восьми годам заключения в лагере. Служба в полиции отца

и его арест не могли не отразиться на судьбе сына. В конце 1930 года Бориса исключили из техникума «за соцпроисхождение». Несомненно, что после ареста Виктора Васильевича это стало для семнадцатилетнего юноши вторым тяжёлым ударом.

Однако помогла наша вечная нехватка кадров для села. Так как Борис являлся без двух минут педагогом, то он смог устроиться на работу в сельской местности. 1 марта 1931 года он был назначен заведующим и учителем начальной школы в д. Лемехово Некоузского района Ивановской области (бывший Кашинский уезд Тверской губернии)²⁰⁸. В июле 1931 года Борису удалось добиться восстановления в педтехникуме (на заочном отделении). 11 июля 1932 года он получил удостоверение об окончании Ивановского педтехникума с квалификацией «педагог школы 1-й ступени и 1-го центра ФЗС* и ШКМ»²⁰⁹.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

В Лемехове Борис Викторович проработал один год. 15 февраля 1932 года Некоузский РОНО перевёл его в с. Бекрень** в школу крестьянской молодёжи (ШКМ) учителем физики, химии и биологии. 18 августа того же года он стал директором Бекренской неполной средней школы (НСШ) – бывшей ШКМ²¹¹.

Бекрень было весьма крупным селом, центром Бекренского сельсовета. В селе высилась Никольская церковь, освящение которой состоялось в 1814 году²¹². Неподалеку протекала знаменитая река Сить; на берегах её в 1238 году состоялась решающая битва русских войск во главе с великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем с монголо-татарами, в ходе которой наше войско было разбито, а Юрий Всеволодович убит.

Бекренская школа находилась в старом приспособленном помещении. При директорстве Бориса Викторовича в селе в 1935 году было построено новое деревянное здание для школы на 160 человек. Строительство, переезд и обустройство в новых стенах – всё это шло под его руководством и живейшем участии²¹³.

* ФЗС – фабрично-заводская семилетка.

** В дореволюционное время и до конца 1920-х годов с. Бекрень находилось в Станиловской волости Мологского уезда Ярославской губернии²¹⁰. С 1938 года д. Бекрень относится к Краснохолмскому району Калининской (ныне – Тверской) области.

*Бекренская школа. Ныне её здание стоит заброшенным.
Фото А. Ф. Тарасовой. 2007 г.*

В Бекрени Борис Викторович прожил более пяти лет, и здесь же он познакомился со своей будущей женой – Александрой Ивановной Смирновой.

Александра Ивановна Смирнова (1917–2009 гг.) родилась 14 февраля 1917 года в д. Скрябино Мышкинского уезда Ярославской губернии (современный Некоузский район Ярославской области). Родители её были крестьяне – Иван Григорьевич и Александра Матвеевна Смирновы²¹⁴. В 1932 году Шура окончила в с. Сменцеве школу-семилетку. В 1932–1935 гг. она училась в Рыбинском медицинском техникуме, получив по его окончании квалификацию фельдшера-акушера²¹⁵. В сентябре 1935 года её направили на работу в Бекренский медпункт.

Молодые люди полюбили друг друга и 15 июля 1936 года вступили в законный брак²¹⁶. Борису Викторовичу было тогда 22 года, Александре Ивановне – 19 лет.

Осенью 1936 года Борис Викторович, съев немытое яблоко, тяжело заболел брюшным тифом, едва не умер. К счастью, молодой организм справился с болезнью. Однако вскоре молодого директора Бекренской школы ждали новые, несравненно более тяжёлые испытания.

Начался 1937 год. В конце февраля – начале марта в Москве состоялся печально известный февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б). Выступая на нём, Сталин выдвинул тезис о том, что по мере продвижения вперёд к социализму классовая борьба в СССР

*Группа учащихся Рыбинского медучилища.
В центре первого ряда – Александра Ивановна Смирнова*

будет не затухать, а, наоборот, всё более и более обостряться и «остатки разбитых эксплуататорских классов» будут идти на «более острые формы борьбы». Тем самым Сталин теоретически обосновал готовившуюся им новую волну массового террора в стране.

Как известно, год двадцатилетия революции отмечен небывалым размахом репрессий. Причём если раньше террор в основном обрушивался на всевозможных «бывших»: интеллигенции, кулаков, духовенства, эсеров, меньшевиков, троцкистов, то теперь его острей, в первую очередь, было направлено против партийно-советских кадров. Жертвами террора стало большое количество членов партии и комсомола, искренне считавших советскую власть своей властью.

После завершения пленума ЦК на места пошли соответствующие указания. Повсеместно, в том числе и в Некоузском районе, чекисты стали выявлять «шпионско-повстанческие группы» – на предприятиях, в колхозах, в учреждениях. Одна из таких групп вскоре обнаружилась и в Бекренской школе.

24 апреля 1937 года был арестован учитель Николай Николаевич Чукаев (1903–1938 гг.)²¹⁷, в ходе следствия «разоблаченный» как

*Молодожены Борис и Александра Прозоровские.
Фото 1936 г.*

агент германской разведки. 10 мая чекисты взяли второго учителя Бекренской школы – Евгения Михайловича Архангельского (1913–1938 гг.)²¹⁸. Позднее, 28 сентября 1937 года, аресту подверглась учительница Анна Михайловна Потехина (р. 1904 г.)^{219*} Всего вместе с Борисом Викторовичем в Бекренской школе было арестовано четыре учителя.

Массовый террор в Ярославской области начался в летние месяцы. 7 июня 1937 года в Ярославле открылась 2-я областная партийная конференция, положившая непосредственное начало разгрому

* 14 августа 1938 года Особое совещание при НКВД приговорило А. М. Потехину к пяти годам заключения в лагере²²⁰. Конец её срока заключения, таким образом, должен был истечь 28 сентября 1942 года. Учитывая, что во время войны тех, у кого истёк срок заключения, не освобождали, а оставляли до окончания войны в качестве так называемых «пересидчиков», Анна Михайловна могла выйти на свободу не раньше второй половины 1945 года. Если, конечно, бывшая учительница Бекренской школы дожила в лагере до 1945 года...

Село Бекрень. 16 июля 1935 года.

Борис Викторович (справа) с коллегами-учителями

областного партийно-советского аппарата*. Её кульминацией стало выступление прибывшего из Москвы Лазаря Моисеевича Кагановича – член Политбюро ЦК ВКП(б), наркома путей сообщения СССР. Печально знаменитый «железный нарком» выступил на конференции 12 июня с погромной речью, в которой «подверг резкой критике работу Ярославского обкома и, в частности, его первого секретаря тов. Вайнова»²²¹. Первый секретарь обкома А. Р. Вайнов (Вайнштейн) был смещён со своего поста, 23 июня арестован и 10 сентября 1937 года расстрелян в Москве²²². Состоявшийся пленум единогласно избрал новым первым секретарём обкома Н. Н. Зими́на – в прошлом видного чекиста.

* 11 марта 1936 года из состава Ивановской области была выделена Ярославская область, включавшая в себя значительную часть территории бывших Ярославской и Костромской губерний. К Ярославской области отошёл и Некоузский район.

Падение А. Р. Вайнова положило начало избиению кадров по всей области. Везде и всюду стали искать затаившихся врагов народа. Повсеместно старались проявить бдительность. В Некоузском районе продолжало раскручиваться дело о «шпионско-повстанческой группе» в Бекренской школе. Жертвой его, как директор школы, стал и Борис Викторович. В июне 1937 года он был исключён из ВЛКСМ* с формулировкой «за сокрытие социального происхождения и политическую беспечность»²²³. По-видимому, кто-то из коллег узнал о том, что его отец – бывший становой пристав. В безумной атмосфере 1937 года исключение из ленинско-сталинского комсомола в большинстве случаев являлось первым признаком скорого ареста.

18 июля 1937 года у молодых супругов Прозоровских родился первенец – дочь Нина. Однако радость от рождения ребёнка омрачила тучи, сгущавшиеся над головой Бориса Викторовича.

Человек, исключённый из комсомола, не мог руководить советской школой, и 24 августа 1937 года Б. В. Прозоровский был снят с должности директора Бекренской школы²²⁴.

Ему ничего не оставалось, как покинуть Бекрень, где прошли пять лет его жизни, и переехать к родителям в Николо-Дор. 25 августа Борис Викторович писал матери и жене, жившей с дочкой уже в Николо-Доре: «Сам я жив и здоров, как только сдам школу, то если ничего не случится (все здесь дивятся, что меня ещё не посадили!) <...> сразу приеду в Николо-Дор»²²⁵.

В том же письме он сообщал, что новый директор школы ещё не назначен: «Пытались послать туда четверых кандидатов, но все четверо согласились “на что угодно”, только не директором школы в Бекрени»²²⁶. Понять этих людей не трудно: идти директором в школу, где органы только что выявили «шпионско-повстанческую группу» и где ещё продолжалось следствие (вспомним, что учительницу А. М. Потехину арестовали 28 сентября 1937 года), было чревато какими угодно последствиями.

3 сентября 1937 года Борис Викторович сдал должность: школу и всё имущество от него приняла временно исполняющая обязанности директора учительница Налетова²²⁷.

По-видимому, в середине первой декады сентября Борис Викторович приехал в Николо-Дор. Приказом заведующей Ильинским

* Из следственного дела 1937–1938 гг. видно, что Б. В. Прозоровский вступил в комсомол в 1932 году, но где именно это произошло, неизвестно.

Николо-Дор. Лето 1937 года. Семья Прозоровских. Справа налево: Виктор Васильевич, Надежда Николаевна с внучкой Ниной, Борис Викторович, Александра Ивановна и Дмитрий Викторович с соседским мальчиком Юркой

РОНО Макаровой Б.В. Прозоровский с 3 сентября 1937 года был назначен преподавателем физики, химии, географии и исполняющим обязанности помощника директора по учебной части Щенниковской неполной средней школы²²⁸.

Однако в новой школе Борис Викторович проработал меньше двух месяцев. Некоузские чекисты, видимо, ещё с весны взявшие директора Бекренской школы «в разработку», не собирались отпускать свою жертву.

25 октября 1937 года помощник оперативного уполномоченного Некоузского райотдела НКВД сержант госбезопасности Ератов вынес постановление, в котором говорилось: «<...> рассмотрев следственный материал по делу № 2448 и приняв во внимание что гр. Прозоровский Борис Викторович достаточно изобличается в том, что состоял в контрреволюционной группе руководимой фашистом ныне репрессированным Чукаевым, вел контрреволюционную деятельность, а потому руководствуясь ст. ст. 145, 147 и 158 УПК,

Село Ильинское-Хованское. В этом здании в 30-е годы размещался райотдел НКВД. Здесь 27 октября 1937 года был арестован Б. В. Прозоровский. Фото Г. Я. Шуликовой. 2013 г.

постановил: гр. Прозоровского Бориса Викторовича привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58 п. 10 и 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Рыбинской тюрьме»²²⁹. В тот же день данное постановление утвердил начальник Некоузского РО НКВД сержант госбезопасности Завьялов.

27 октября 1937 года сотруднику Некоузского РО НКВД В. П. Ценину был вручён ордер на арест и обыск гражданина Б. В. Прозоровского, проживающего в Ильинском районе Ивановской области. Правда, обошлось без обыска. Прибыв в с. Ильинское-Хованское, В. П. Ценин через местных коллег вызвал Бориса Викторовича в райотдел НКВД. Когда он пришёл туда, его арестовали и отправили в Некоуз²³⁰.

Уже 28 октября Борис Викторович оказался в Некоузе. Старинное село Некоуз, бывшее волостное село Некоузской волости Мологского уезда, в 1929 году стало центром Некоузского района. В четырёх верстах от Некоуза находилась железнодорожная станция Харино. В 1931 году Харино переименовали в Новый Некоуз, и сюда был перенесён центр Некоузского района. За годы работы в Бекренской

школе Борис Викторович многократно бывал в райцентре. Сейчас же он был доставлен сюда в качестве арестованного в райотдел НКВД.

В тот же день, 28 октября 1937 года, помощник опер-уполномоченного Горюнов составил «анкету арестованного» Б. В. Прозоровского. Среди обычных биографических данных для его ведомства представляли интерес только два факта: в графе «социальное происхождение» Горюнов отметил: «до революции отец работал полицейским чиновником – приставом в селе Сима», а в графе «партийность» – «исключён из комсомола за скрытие соц. происхождения и политическую беспечность»²³¹.

Любой человек переносит арест и тюремное заключение, мягко говоря, не очень хорошо. Однако в 1937 году чисто психологическая реакция на арест у разных людей была очень различной. Например, арестованный священник совершенно точно знал, что его взяли «за веру» и что те, кто сделал это – его враг. Арестованный же советский человек, искренне преданный партии и государству, оказавшись в тюрьме, переживал катастрофу и долгое время ещё смотрел на тюремщиков и палачей как на своих товарищей.

Как в моральном плане пережил случившуюся с ним беду Борис Викторович, мы не знаем. Однако думается, что психологически он был готов к этому испытанию. Всё-таки Борис Викторович рос в ощущении, что он и его родные являются в стране Советов людьми второго сорта. Преследования деда, лагерная эпопея отца, исключение из педтехникума и комсомола его самого в каком-то смысле морально подготовили бывшего директора Бекренской школы к испытаниям, и, во всяком случае, он вряд ли смотрел на тюремщиков как на своих товарищей.

Первый допрос Бориса Викторовича состоялся 31 октября 1937 года. На допросе он узнал, что в их школе действовала «шпионско-повстанческая группа» во главе с Н. Н. Чукаевым и что в этой группе состоял и он сам.

7 ноября 1937 года весь Советский Союз отмечал 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В Некоузе в этот день, разумеется, состоялась демонстрация. Борис Викторович встретил юбилей революции в камере.

Следующий допрос произошёл 10 ноября. Сколько времени Б. В. Прозоровский пробыл в Некоузе, точно неизвестно – вероятно, около месяца. Затем его отправили в Рыбинск и поместили в местную тюрьму.

Вероятнее всего, Борис Викторович оказался в т. н. «Софийке» – новой рыбинской тюрьме, устроенной в бывшем Софийском монастыре. Софийский женский монастырь возник на окраине Рыбинска в 1860 году. Первый храм в монастыре – в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» – был освящен 9 апреля 1861 года. Во второй половине XIX века возле него выстроили другие храмы, кельи и хозяйственные строения²³². В 1923 году монастырь закрыли. В 1931 году в его строениях была оборудована тюрьма, в просторечии именуемая «Софийкой»²³³.

В Рыбинской тюрьме Борис Викторович просидел пять месяцев, здесь он встретил новый 1938 год. 25 апреля 1938 года его перевели в областной центр, в Ярославль. Вероятнее всего, он оказался в одной из камер тюрьмы в Коровниках на берегу Волги.

Эта тюрьма, открывшаяся в 1803 году, была построена в бывшей Коровницкой слободе – в просторечии Коровники (за тюрьмой также издавна закрепилось название «Коровники»). В послереволюционное время в тюрьме был устроен Ярославский политизолятор. Через стены «Коровников» и до революции, и после неё прошло огромное количество заключённых, в том числе немало известных людей²³⁴.

16 мая 1938 года Борис Викторович писал жене и матери:

«Дорогие мои Саня и мама! С 25-го апреля я был переведён в Ярославль для окончания дела. Какое и было благополучно закончено сегодня. Известить о себе ранее я не мог, т. к. здесь из камер следственных письма домой отправлять не разрешали. Я жив и здоров, по-прежнему чувствую себя неплохо, о делах моих особенно не беспокойтесь.

Я в своих мыслях всё время с вами и всегда думаю о вас. Как ваше здоровье? Как учится Дмитрий? Как вы живёте? – вот вопросы, которые непрерывно меня занимают. Сейчас вы непременно мне обо всем напишите сразу, как только получите это письмо. Письма посылайте по адресу: Ярославль, Областное Управление НКВД, следователю Ширманову* для Прозоровского.

* Следователь Ефим Ефимович Ширманов (р. 1905 г.), ведший в Ярославле дело Бориса Викторовича, совершил в органах госбезопасности успешную карьеру. В 1943 году он стал заместителем начальника Управления Народного комиссариата государственной безопасности (УНКГБ) по Ярославской области. В 1944 году при образовании Костромской области Е. Е. Ширманов был назначен начальником УНКГБ по Костромской области, а в 1951 году – начальником УНКГБ в Архангельск²³⁵.

Денег не посылайте, они у меня есть. Если кто из вас задумает ехать с передачей, то обращайтесь по этому же адресу с предварительным письмом к Ширманову. В письме укажите, что хотите передать. Имейте в виду, продуктовые передачи дают только после суда. Бельё у меня есть.

Суд будет через месяц-два, если будет возможность – предупрежу.

После суда дадут свидание. Так что, пожалуй, пока мне ничего особого не надо, присылайте кратенькие письмишки.

Крепко-крепко всех целую. Любящий вас, Борис Прозоровский»²³⁶.

За эти месяцы в камерах Рыбинской и Ярославских тюрем перед глазами Бориса Викторовича, конечно, прошли вереницы арестованных в 1937 году.

С мая по октябрь 1938 года в одной камере с Борисом Викторовичем сидел Пётр Васильевич Голынец. Они подружились. В октябре 1938 года Петра Васильевича осудили к 5 годам заключения в лагере. Позднее, 7 апреля 1939 года, П. В. Голынец писал Надежде Николаевне в Николо-Дор из Верхне-Вильвенского лагпункта Усольяга (Пермская область): «Шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания. Как живёте? Потерял я из виду Бору. Мы с ним вместе были с мая до октября, и я очень ценил его любезность и внимание ко мне, особенно во время болезни моей (малярии). После мне не пришлось уже ничего узнать о нём. Как здоровье Бори, как он себя чувствует, где работает? Надеюсь, что – если и есть в почте какие-либо заминки – он скоро хорошо устроится и здоровым и бодрым проведёт свой срок.

Я в половине октября получил срок (5 лет по Осо*) и уехал в Пермскую область. Малярия в путешествии до пункта со всеми передрыгками (в пересылке потерял все вещи) очень пошатнули здоровье, приехал больным, а теперь признан инвалидом, не способным к физическому труду.

Лагерь исключительно производственный, передвигающийся через год-два по лесам Урала, и нам, инвалидам, здесь нечего делать; вероятно, нас отправят куда-либо в более подходящее место.

Когда будете писать Боре, передайте ему мой дружеский привет, сердечное спасибо за всё доброе во время нашего знакомства

* Осо – Особое совещание при НКВД СССР.

и наилучшие пожелания. Пишите. Адрес мой: г. Соликамск, Пермской области, Усольлаг, В-Вильвенский л/п, 4-ая командировка, Петру Васильевичу Голынцу. Будьте здоровы, радостны и счастливы!»²³⁷

В первых числах сентября 1938 года Борису Викторовичу было предъявлено официальное обвинение в членстве в «шпионской повстанческой группе». В обвинительном заключении говорилось: «В октябре 1937 года УГБ УНКВД по Ярославской области был арестован участник шпионско-повстанческой группы, существовавшей в Некоузском районе Ярославской области – Прозоровский Борис Викторович»²³⁸. «В состав шпионско-повстанческой группы Прозоровский был завербован в 1936 году руководителем этой группы агентом германской разведки Чукаевым»²³⁹.

«Шпионско-повстанческая деятельность» Бориса Викторовича согласно обвинительному заключению состояла в том, что он «в 1936–37 гг. неоднократно присутствовал на нелегальных сборищах участников группы, устраиваемых по инициативе Чукаева, на которых обсуждались вопросы создания повстанческого отряда по типу “пятой колонны” в Испании, для вооружённого выступления против Советской власти. В обсуждении этих вопросов Прозоровский принимал активное участие»²⁴⁰. Помимо этого Борис Викторович, согласно всё тому же обвинительному заключению, вёл среди местного населения «фашистскую пораженческую пропаганду и распространял к-р (контрреволюционные. – Н.З.) провокационные слухи о положении населения Союза, подвергал к-р критике политику партии и Советской власти»²⁴¹.

Вывод был таков: «Прозоровский Борис Викторович подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, с применением закона от 1-го декабря 1934 года»²⁴². Закон от 1 декабря 1934 года, принятый с поразительной оперативностью в день убийства в Ленинграде С. М. Кирова, предусматривал упрощённое рассмотрение дел, связанных с террором.

Таким образом, судьба нескольких сельских учителей из Некоузского района передавалась на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, по определению, призванной рассматривать дела по государственной измене высокопоставленных военных и государственных деятелей.

Обвинительное заключение утвердил начальник Управления НКВД по Ярославской области майор госбезопасности А. М. Ершов*.

12 сентября 1938 года Борис Викторович был приговорён к высшей мере наказания – к расстрелу.

Потянулись тягостные дни ожидания... Его могли расстрелять каждую ночь, и ожидание гибели не могло не превратиться в попытку для приговорённого.

В то время, как правило, расстреливали в день (точнее, в ночь) вынесения приговора где-нибудь в окрестностях Ярославля, например, вблизи от усадьбы Карабихи, в которой некогда кумир русской интеллигенции поэт-демократ Н. А. Некрасов жил баринком и писал свои пропитанные желчью стихи, зовущие Русь к революции.

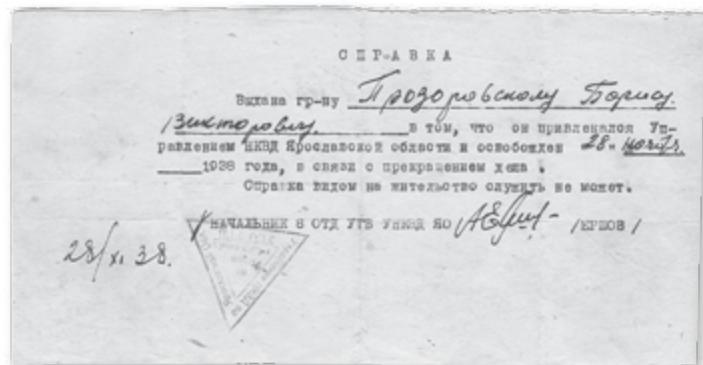
В окрестностях Ярославля в 1937–1938 гг. были расстреляны сотни людей. 3 октября 1938 года обоих его ранее арестованных коллег по Бекренской школе – Н. Н. Чукаева и Е. М. Архангельского – Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу. Приговор привели в исполнение в тот же день. Место гибели обоих учителей, что является крайне редким случаем, известно – их расстреляли неподалёку от д. Селифонтово Ярославского района²⁴⁴. В 1994 году здесь на месте массовых расстрелов и братских могил был открыт один из первых в России мемориалов жертв политических репрессий.

Лишь каким-то чудом Б. В. Прозоровский не оказался в одной из братских могил вблизи Селифонтова.

В истории с Бекренской школой весь террор 1937–1938 гг. отразился как в капле воды. Небольшая сельская школа, в которой учителей было не больше десятка. И вот – двое из них расстреляны, одна угодила в лагерь, где, вероятнее всего, и погибла. Четвёртый арестован, приговорен к расстрелу и уцелел лишь в результате какого-то фантастического стечения обстоятельств.

Террор 1937–1938 гг. неразрывно связан с именем тогдашнего наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова. Когда «кровавый кар-

* Андрей Мартемьянович Ершов (Лурье; 1901–1940 гг.) пришёл на работу в органы ВЧК ещё в период Гражданской войны. В апреле 1936 года он стал начальником УНКВД только что образованной Ярославской области, в ноябре ему присвоили звание майора государственной безопасности (в армии этот чин соответствовал генерал-майору). С именем Ершова-Лурье связаны все массовые репрессии, происходившие в Ярославской области в 1936–1938 гг.²⁴³

Справка об освобождении, выданная Б. В. Прозоровскому 28 ноября 1938 года

лик» выполнил поставленную перед ним задачу, Сталин убрал его. 22 августа 1938 года первым заместителем Ежова был назначен Л. П. Берия, фактически с первых дней ставший полным хозяином в наркомате (окончательно наркомом Берия стал 25 ноября 1938 года). С целью слегка «выпустить пар» часть заключённых решили оправдать и освободить. Борису Викторовичу повезло, и он попал в это число.

3 октября 1938 года было принято решение о возвращении дела Б. В. Прозоровского на доследование²⁴⁵. 23 ноября 1938 года помощник начальника 5 отделения 4 отдела УГБ Управления НКВД лейтенант госбезопасности Зеленов констатировал: «Прозоровский обвинялся в том, что являлся участником а/с (антисоветской. – Н.З.) повстанческой группы и вёл а/с агитацию. Следствием не добыто достаточно данных для привлечения к уголовной ответственности Прозоровского в порядке предъявленного ему обвинения <...>». В связи с этим тов. Зеленов постановил: «Следственное дело № 2448 по обвинению Прозоровского Бориса Викторовича по ст. 58-2, 58-10 и 58-11 УК РСФСР производством прекратить и из-под стражи освободить»²⁴⁶. 26 ноября 1938 года досиживающий последние дни в кресле начальника УНКВД майор госбезопасности А. М. Ершов* утвердил это постановление²⁴⁸.

* После падения наркома Ежова кресло начальника УНКВД пошатнулось и под А. М. Ершовым. 4 декабря 1938 года он был арестован. 24 января Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 25 января 1940 года²⁴⁷.

28 ноября Борис Викторович вышел на свободу. Конечно, ему неслыханно повезло. Уцелеть человеку, арестованному в 1937 году и которому уже вынесли смертный приговор, было почти невыносимо.

В КАНУН ВОЙНЫ

Можно представить, что чувствовали Виктор Васильевич и Надежда Николаевна, узнав об аресте сына, каким тяжёлым ударом стала для них эта весть. Но зато и какая радость пришла в их дом, когда совершенно неожиданно всё кончилось так хорошо!

По-видимому, уже 29 ноября 1938 года Борис Викторович вернулся в Николо-Дор и вскоре вновь стал работать в Щенниковской школе-семилетке.

До конца 20-х годов Николо-Дор с окрестностями входили в состав Щенниковской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. В 1929 году при упразднении Ярославской губернии и вхождении её территории в Ивановскую промышленную область эти места вошли в состав Ильинского района Ивановской промышленной области с центром в селе Ильинское-Хованское.

Николо-Дор, хотя и числился в советское время то селом, то деревней, то посёлком, но фактически, как и прежде, являлся церковным погостом, т. к. кроме храма и кладбища здесь было всего несколько домов. Погост стоял на возвышении, а внизу протекала небольшая речка с древним угро-финским названием Пашма.

Одна из учениц Б. В. Прозоровского так вспоминает о Николо-Доре: «Там было всего 3–4 жилых дома и начальная школа, а неподалёку когда-то была церковь, но в советские времена её разрушили. Дома стояли на возвышенном месте, а внизу протекала небольшая речка Пашма. Это был просто райский уголок, окружённый со всех сторон лесом: тишина, замечательная природа, запах цветов, грибы, ягоды»²⁴⁹.

Двойное название села произошло от наименования Никольского храма и слова «дор», как называли наши предки землю, расчищенную под пашню и покосы²⁵⁰. Так и возникло это звучное и чисто русское название.

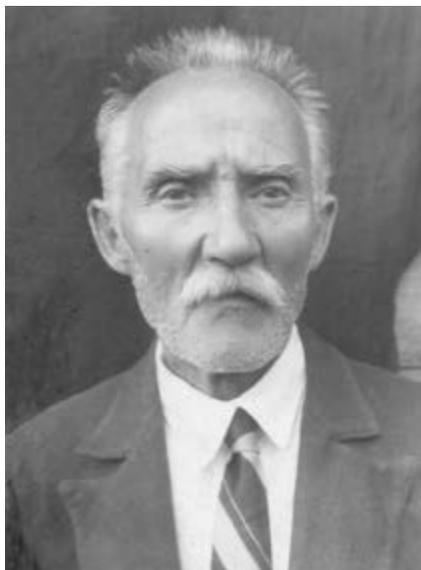
Погост Никольский, что на Дору, или попросту – Николо-Дор, являлся весьма древним селением. До начала XVII века здесь существовал небольшой Никольский монастырь²⁵¹. Его сменил церковный погост. В начале XIX века взамен деревянного был построен каменный Никольский храм, освящённый в 1806 году. Одноглавый,

*Николо-Дор.
Слева – начальная школа, справа – Никольская церковь.
Фото 30-х годов*

*Б. В. Прозоровский. Николо-Дор. 1950-е гг. Картон, масло.
В центре работы – Никольская церковь,
справа – здание школы*

*Виктор Васильевич Прозоровский.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Надежда Николаевна Прозоровская.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Борис Викторович Прозоровский.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Александра Ивановна Прозоровская.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Нина Прозоровская.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Дмитрий Викторович Прозоровский.
Фото 26 июля 1939 г.*

*Пашма у Николо-Дора.
Фото 30-х годов. Из фондов Ильинского краеведческого музея*

*Мельница на речке Пашме в окрестностях Николо-Дора.
Фото конца 30-х годов*

*Щенниковская школа.
Фото 40-х годов*

выдержанный в стиле классицизма, храм являлся центром прихода, состоявшего из 13 селений²⁵².

Никольский храм закрыли в начале 30-х годов. Когда Прозоровские приехали в Николо-Дор, он уже стоял закрытым*.

Неподалеку от церкви стояла Николо-Дорская начальная школа, заведующей которой с 1934 года состояла Надежда Николаевна. Школа в Николо-Доре возникла в конце XIX века. В 1889 году здесь, в центре Никольского прихода, было выстроено деревянное, крытое железом здание Николо-Дорской церковно-приходской школы. При школе имелись учительская квартира и ночлежный приют для далеко живущих детей, которые в непогоду оставались тут на ночлег. В 1900 году в школе обучалось 45 учеников (39 мальчиков и 6 девочек)²⁵³. В 1918 году, как и все церковно-приходские школы, Николо-Дорская была преобразована в обычную начальную школу.

Семья Прозоровских жила в учительской квартире в здании школы, состоящей из двух небольших комнат.

В трёх-четырёх километрах от Николо-Дора находилась Щенниковская школа, стоящая на краю лесочка. В одном километре от школы располагалась деревня Щенниково.

* По свидетельству местных старожил, храм в Николо-Доре был полностью разрушен в 1958 году.

Щенниковская земская школа была открыта в 1909 году и первоначально находилась в съёмном помещении²⁵⁴. Новое одноэтажное деревянное здание школы, крытое дранкой, построили в 1934 году. В 1935 году её преобразовали в школу-семилетку, или школу крестьянской молодёжи (ШКМ). С перерывами на арест и войну Борис Викторович проработал в Щенниковской школе до 1962 года*.

Александра Ивановна работала фельдшером в Щенниковской участковой больнице. 3 ноября 1939 года у Бориса Викторовича и Александры Ивановны родился второй ребёнок – дочь Валентина.

Вплоть до лета 1941 года Борис Викторович преподавал в Щенниковской школе физику и химию и был завучем (заведующим учебной частью) школы.

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1941 ГОДА. ВО ВЛАДИМИРСКОМ ПЕХОТНОМ УЧИЛИЩЕ

В роковой воскресный день 22 июня 1941 года Борис Викторович, как и все, узнал о начале войны.

Уже 23 июня в армию призвали его младшего брата Дмитрия, который только что закончил Симскую среднюю школу. В субботу 21 июня у него в школе состоялся выпускной вечер, а назавтра уже была война. Дмитрий Викторович Прозоровский воевал на Западном, Северо-Западном, 2-м Белорусском фронтах, получил два ранения и в мае 1945 года из пензенского госпиталя вернулся домой в звании старшины, награждённый орденом «Красная Звезда» и медалью «За отвагу».

Бориса Викторовича призвали в армию 31 июля 1941 года. Провожаемый родными, он от стен закрытого храма в Николо-Доре прибыл в райвоенкомат в с. Ильинское-Хованское, где узнал, что его направляют во Владимирское пехотное училище.

Видимо, 1 августа Борис Викторович с группой таких же, как он, будущих курсантов прибыл во Владимир – бывший губернский город Владимирской губернии, а с 1929 года – районный центр Ивановской области.

Владимирское пехотное училище, где ему предстояло учиться, возникло всего несколько дней назад. 20 июля 1941 года на основании директивы Генерального штаба № 1/524719 Владимирские

* Здание Щенниковской школы сгорело в 1967 году.

*Здания Владимирской духовной семинарии.
В июле 1941 года в них разместилось Владимирское
пехотное училище. Фото начала XX в.*

пехотные курсы усовершенствования начсостава были преобразованы во Владимирское пехотное училище²⁵⁵.

Училище находилось на восточной окраине Владимира на улице III Интернационала*.

В нескольких зданиях училища до революции размещалась Владимирская духовная семинария. Так волею судеб Борис Викторович оказался там, где обучались его дед и прадеды по материнской линии. Спустя целую эпоху их внук и праправнук в этих стенах тоже, как и они, учился – учился, правда, военному делу.

Владимирская духовная семинария возникла в 1750 году. В числе выпускников семинарии имелось немало известных людей: государственный деятель граф М. М. Сперанский (1772–1839 гг.), археограф В. М. Ундольский (1816–1864 гг.), историк Н. И. Субботин (1827–1905 гг.), основатель Московского музея изящных искусств И. В. Цветаев (1847–1913 гг.), церковный археолог архиепископ Тверской и Кашинский Савва (Тихомиров; 1819–1896 гг.), епископ

* Современный адрес: ул. Большая Московская, д. 104, 106, 108. В 1919 году улица Большая Московская была переименована в ул. III Интернационала. В 1995 году ей возвращено историческое название – Большая Московская²⁵⁶.

Ярославский и Ростовский Павел (Борисовский; 1867–1938 гг.), поэт Д. Н. Семёновский (1894–1960 гг.) и др.²⁵⁷

Владимирская духовная семинария была закрыта в 1918 году. Огромное количество её выпускников нескольких предреволюционных десятилетий в советское время стали жертвами гонений и террора.

С июля 1941 года старые, овеянные преданиями бывшие семинарские здания служили делу защиты Отечества.

Главной задачей училища, начальником которого являлся полковник Иосиф Иустинович Санковский, являлась подготовка командиров стрелковых и пулемётных взводов. Курсанты были сведены в несколько стрелковых и пулемётных батальонов. По окончании курса им присваивалось звание «младший лейтенант»²⁵⁸.

Один из курсантов, бывший агроном А. Ф. Мишулин, призванный в армию 11 июля 1941 года, вспоминал про свой первый день в училище: «<...> меня зачислили в миномётную роту, выдали шинель до пола, ботинки, длинные обмотки, и началась солдатская жизнь, учёба»²⁵⁹. Такую же шинель и ботинки с обмотками получил и Борис Викторович.

15 августа 1941 года вместе со всеми курсантами Борис Викторович принял присягу²⁶⁰. С этого момента он считался настоящим полноправным военнослужащим.

Как учитель, Борис Викторович, по-видимому, сразу после принятия присяги был назначен командиром отделения из 10 человек и получил звание сержанта.

Из Владимира он написал письмо в Николо-Дор, в котором извещал, где сейчас находится. Получив письмо, его жена Александра Ивановна отправилась пешком во Владимир. Внучка Бориса Викторовича Марина Вадимовна Ахмадзина пишет: «Александра <...> отправилась проститься с мужем. Без устали шла она три дня пешком день и ночь по осенней (вероятно, ещё летней. – Н.З.) разбитой дороге от Николо-Дора до Владимира – а это около 130 километров – плохо одетая и голодная. Когда сил не оставалась – пела. Во Владимире Бог дал свидетелься: мужа на час отпустили из казармы. Прощались они навсегда. Борис попросил передать своей матери последнее письмо, в котором просил Надежду Николаевну прощать жену за всё ведомое и неведомое, “потому что она совершила подвиг”»²⁶¹. Вновь Александра Ивановна увидела мужа лишь через четыре бесконечно долгих года.

24 сентября 1941 года. Борис Викторович Прозоровский – курсант Владимирского пехотного училища

Сводки Совинформбюро, в первый месяц войны сообщавшие главным образом о боях на «направлениях» (Псковском, Новгородском, Смоленском и др.), с августа стали сообщать о сдаче нашими войсками конкретных городов. В первой половине октября бои шли уже на подступах к Москве. 7 октября немцы взяли Вязьму, 14 октября – Калинин (Тверь).

К обороне готовился и Владимир. Курсанты училища ездили на рытьё противотанковых рвов к западу от города. А. Ф. Мишулин вспоминал: «Город Владимир начал готовиться к обороне. С западной стороны стали рыть противотанковые рвы, траншеи. В этих работах участвовали тысячи людей из всех районов области. Работали там как специалисты, так и курсанты училища. В то время вся дорога из Москвы на Владимир и дальше на Горький была забита беженцами. Шли военные, гражданские со скотом»²⁶².

Первый выпуск училища был намечен на вторую половину декабря 1941 года. Однако Борис Викторович пробыл в училище только два с половиной месяца, и получить положенный младшему лейтенанту один «кубик» (в просторечии – «кубарь») в петлицы ему не было суждено.

В 19-Й СТРЕЛКОВОЙ («КУРСАНТСКОЙ») БРИГАДЕ

По-видимому, трагедия советских войск, попавших в начале октября в Вяземский «котёл», решила и судьбу Бориса Викторовича. 14 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О формировании 50-ти стрелковых бригад». В тот же день нарком обороны СССР И. В. Сталин на основании данного постановления издал соответствующий приказ²⁶³. Эти бригады должны были формироваться из курсантов военных училищ и так называемых «политбойцов»*. В состав одной из этих бригад – 19-я стрелковой – включался и батальон курсантов из Владимирского пехотного училища.

Когда курсантов бросают в бой – это верный показатель катастрофичности положения на фронте. Вспомним героических Подольских курсантов, которыми в начале октября 1941 года заткнули брешь, образовавшуюся тогда в обороне Москвы.

Всё-таки, ещё месяц-другой – и выпускников Владимирского училища послали бы в действующую армию командирами взводов. А так, без двух минут красных командиров (слово «офицер» вернулось в армию вместе с погонами лишь в 1943 году) отправляли на фронт рядовыми красноармейцами.

Получив приказ, в училище спешно сформировали сводный батальон. По-видимому, 15 или 16 октября батальон покинул расположение училища и строем проследовал на железнодорожный вокзал, находящийся у подножия древнего кремлёвского холма. Бойцы погрузились в эшелон, и тот тронулся...

Нельзя не отметить переключку судеб Бориса Викторовича и его отца Виктора Васильевича. Тот в 1914 году убывал с этого же Вла-

* «Политбойцы – коммунисты и комсомольцы, направлявшиеся на фронт в первые месяцы войны по специальной партийной мобилизации в качестве красноармейцев <...> для усиления партийно-политического влияния в частях»²⁶⁴.

димирского вокзала на войну с немцами, и вот уже в 1941 году его взрослый сын ехал воевать всё с теми же немцами.

По железной дороге батальон владимирских курсантов перевезли из Владимира в Тамбовскую область – на железнодорожную станцию Рада (в десятке километров к западу от Тамбова). Вскоре сюда прибыл батальон курсантов из Саратовского пехотного училища и группы ополченцев из Тамбовской области (которые и являлись упоминавшимися выше т.н. политбойцами).

Так в Раде из владимирско-саратовских курсантов и тамбовских ополченцев началось формирование 19-й отдельной стрелковой бригады («курсантской»).

Командиром бригады с 10 октября состоял полковник Георгий Петрович Исаков (1896–1961 гг.) – будущий генерал-майор и Герой Советского Союза. Г. П. Исаков являлся одним из немногих командиров формирующейся бригады, имевших большой боевой опыт: участник I Мировой и Гражданской войн, он летом 1941 года командовал 811-м стрелковым полком 229-й стрелковой дивизии, участвовавшей в Смоленском сражении. 23 августа Г. П. Исаков был ранен и после выздоровления получил назначение командиром бригады²⁶⁵.

В 19-й бригаде Борис Викторович попал в Отдельный батальон связи (ОБСВ). Сперва его назначили электриком зарядной базы, а затем направили на курсы санинструкторов, после окончания которых он был переведён в телефонно-кабельную роту на должность санинструктора²⁶⁶.

Все бойцы бригады жили в землянках (неизвестно: они их вырыли или унаследовали от каких-либо своих предшественников).

Уже в Раде Борис Викторович, как и все, узнал о состоявшемся 7 ноября в Москве на Красной площади традиционном параде в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Наверняка, на политзанятиях им зачитывали речь Сталина, с которой вождь в тот день обратился с трибуны мавзолея к армии и народу.

Курсантская бригада пробыла под Тамбовом почти полтора месяца. В это время немецкие войска всё более и более окружали Москву с севера и юга. Казалось, ещё одно усилие – и противник захватит нашу столицу в кольцо. Бригада находилась в резерве, в составе тех войск, которые советское командование накапливало для решающего удара по врагу.

И вот поступил приказ об отправлении на Западный фронт, под Москву. 30 ноября части бригады на станции Рада* погрузились в эшелоны и тронулись в сторону Москвы.

НА ФРОНТЕ: В БОЯХ ПОД МОСКВОЙ

Через два дня бригада прибыла под Москву. А. Ф. Мишулин вспоминал: «По дороге эшелон несколько раз бомбили. Разгружались на станции Химки. Мороз был сильный, нос и уши щипал, да и снегу было по колено. Сапоги заменили на валенки»²⁶⁸.

Так 2 декабря 1941 года Борис Викторович оказался на фронте. В течение нескольких дней бригада перебрасывалась на различные участки: из Химок в Голицыно, а оттуда – в Кубинку и на Можайское шоссе²⁶⁹. Борис Викторович о первых днях на Западном фронте пишет очень кратко: «<...> принимал участие в обороне г. Москвы, сначала на Можайском, потом на Волоколамском направлении»²⁷⁰.

Наконец 19-ю бригаду придали 49-й армии, сосредоточенной на Серпуховском направлении.

49-я армия, сформированная в августе 1941 года, с 13 октября входила в состав Западного фронта. В течение ноября она противостояла 13-му немецкому пехотному корпусу и к началу декабря в тяжёлых боях остановила противника западнее Серпухова. Командовал армией генерал-лейтенант Иван Григорьевич Захаркин (1889–1944 гг.)²⁷¹

Вскоре Борису Викторовичу было суждено стать участником великого события – контрнаступления Красной армии под Москвой. 5 декабря 1941 года в наступление перешли войска Калининского фронта, 6 декабря – Западного фронта. Наше наступление стало полной неожиданностью для немцев, уже готовившихся к параду в Москве на Красной площади.

Армии левого крыла Западного фронта переходили в наступление поэтапно. 8 декабря в наступление перешла 50-я армия, 16 декабря – 49-я армия.

* Ровно через год, в декабре 1942 года, в землянках у станции Рада, где жили бойцы 19-й стрелковой бригады, был размещён крупнейший лагерь № 188 для военнопленных немцев и их союзников. По приблизительным оценкам историков, в этом лагере главным образом от тифа и дизентерии умерло около 60 тысяч человек²⁶⁷.

По-видимому, в начале 10-х чисел декабря по железной дороге в ночное время 19-я бригада была переброшена в Серпухов. Отсюда батальоны совершили длительный пеший марш к югу – через Оку – и расположились в деревнях Паршино и Карпищево²⁷².

К исходу дня 15 декабря части бригады сосредоточились в деревнях Екатериновка (тут расположился штаб бригады), Разаново и Мышенки²⁷³.

Бои, в которых довелось участвовать Б. В. Прозоровскому, вошли в историю контрнаступления Красной армии под Москвой как Тульская наступательная операция.

До конца 20-х годов XX века места, куда перебросили 19-ю бригаду, входили в состав Калужской губернии. В декабре 1941 года эта территория являлась частью Тульской области. Когда 5 июля 1944 года была образована Калужская область (чем фактически возрождалась прежняя Калужская губерния), все эти места вошли в её состав.

Курсантской бригаде противостояли подразделения противника, личный состав которых имел большой боевой опыт. Бойцы же 19-й бригады являлись необстрелянной молодёжью, никогда не бывавшей в бою. К тому же, по-видимому, почти сразу после прибытия на фронт командир 19-й бригады полковник Г. П. Исаков был ранен и временно выбыл из строя. Новым комбригом стал начальник штаба бригады майор Гринь.

В предстоящем наступлении бригаде была поставлена задача прорваться через Оку и овладеть плацдармом на западном (правом) берегу реки, а затем взять город Тарусы.

С рассветом 16 декабря части бригады совершили марш на исходный рубеж. В отчёте штаба 49-й армии говорилось: «Части совершили марш 5–8 км по бездорожью в условиях глубоких снежных заносов, что не позволило ударной группировке своевременно занять исходное положение и начать наступление в 7.00 16.12.41 г. Командарм начало наступления перенёс на 12.00 16.12.41 г. с тем, чтобы обеспечить одновременность наступления всех соединений ударной группировки»²⁷⁴.

Приказ командования Западного фронта предписывал начать наступление в 7 часов утра, но генерал-лейтенант И. Г. Захаркин, чтобы дать возможность всем частям успеть подтянуться к намеченному рубежу, перенёс его на 12 часов, чем в случае неудачи наступления очень сильно рисковал.

Картина В. Д. Поленова «Золотая осень» (1893 г.), на которой художник изобразил Оку в окрестностях Тарусы. В декабре 1941 года в этих благословенных местах шли жестокие бои

При форсировании Оки нельзя было использовать танки; в отчёте штаба 49-й армии сказано: «Толщина льда к моменту начала армейской наступательной операции не допускала переправу через неё средних и тяжёлых танков»²⁷⁵. Поэтому пехоте предстояло идти в атаку одной без поддержки танков.

Наступление началось 16 декабря в 12 часов дня. Соседи 19-й бригады справа – части 133-й стрелковой дивизии – под огнём противника сумели прорваться через Оку на западный берег и продолжали наступление. Однако 19-я стрелковая бригада из-за сильного огня противника преодолеть Оку не смогла.

133-я стрелковая дивизия находилась на фронте с лета, в августе и сентябре воевала под Ельней, а затем – на Калининском фронте, откуда её и перебросили к югу от Москвы. Основная часть её личного состава была давно обстреляна и имела большой боевой опыт. 19-я же бригада находилась на передовой всего несколько дней, и её бойцы, сразу пошедшие в наступление, ещё только учились воевать.

В конце концов, бригада прорвалась через замерзшую Оку и вышла на западный берег в районе д. Игнатовское и с. Кузьмищево, двумя километрами восточнее Тарусы.

Бывший член Военного Совета 49-й армии А. И. Литвин в своих воспоминаниях так описывает этот эпизод: «<...> началось наступление и на тарусском направлении. Нашим частям предстояло по льду преодолеть Оку. Берег здесь был высокий и сильно укрепленный, местность перед обороняющимися лежала как на ладони и хорошо простреливалась. Атака началась днём после короткой артиллерийской подготовки. Гитлеровцы никак не ожидали от нас такой “дерзости”. Особенно отличилась здесь 19-я курсантская бригада <...>. Сняв с себя верхнюю одежду, курсанты стремительно ринулись вперёд и сумели быстро оказаться в мёртвом, недостижимом для огня противника пространстве. Они захватили с небольшими потерями высокий, крутой обледеневший берег реки и подняли на него с помощью верёвок миномёты и пулемёты»²⁷⁶.

Так бойцы 19-й бригады начали бои на захваченном на западном берегу реки плацдарме, который историк 49-й армии С. Е. Михеенков назвал «кровавым плацдармом».

Тарусу – небольшой тихий городок на берегу Оки, бывший уездный город Калужской губернии, а в описываемое время райцентр Тульской области – немцы взяли два месяца назад – 24 октября 1941 года²⁷⁷.

В декабре 1941 года красивейшие места, запечатлённые на полотнах художника В. Д. Поленова, чья усадьба находилась здесь же, неподалёку от Тарусы, – к счастью, на правом, не занятом немцами берегу Оки, – стали местами ожесточённых боёв.

17 декабря немцы нанесли из Тарусы сильный контрудар по частям 19-й бригады. В ходе боя были тяжело ранены и выбыли из строя командиры двух батальонов. О том, что произошло дальше, командир бригады майор Гринь в своём донесении сообщал: «В результате потерь командования в двух батальонах и в некоторых ротах управление батальонами на некоторое время было потеряно, и бойцы, не возглавляемые никем, в панике бежали на исходные позиции»²⁷⁸.

В ходе боёв бригада потеряла 50 человек убитыми и 174 ранеными²⁷⁹. Отметим количество раненых – 174 человека. Как видим, работы у Бориса Викторовича и у других санинструкторов бригады, тоже впервые «на практике» применявших полученные в тылу знания, в дни боёв под Тарусой хватало.

«Краткая медицинская энциклопедия» говорит об обязанностях санинструктора: «Санитарный инструктор (санинструктор) – лицо младшего медицинского состава военно-медицинской службы, про-

шедшее специальную военно-медицинскую подготовку. <...> В военное время санинструктор организует медицинское обеспечение своего подразделения (роты, батареи), используя штатных, приданных или выделенных для этой цели из числа солдат так называемых боевых санитаров. Санинструктор обязан знать боевую задачу своего подразделения, место нахождения батальонного или полкового медпункта <...> санинструктор лично оказывает первую медпомощь. Совместно с санитарями санинструктор должен организовать оказание само- и взаимопомощи, розыск, вынос и вывоз пострадавших с поля боя и принимать меры к их эвакуации. Санинструктор роты (батареи) имеет сумку санитарного инструктора, носилочную лямку, нарукавный знак – красный крест. Санинструктор подчинён командиру, а по специальности – фельдшеру батальона»²⁸⁰.

Майор Гринь был отстранён от командования 19-й бригадой, а её новым командиром стал полковник Яков Никифорович Вронский. Последний до этого командовал 126-й стрелковой дивизией, действовавшей на Солнечногорском направлении. 13 декабря из-за больших потерь эта дивизия была расформирована, оставшийся личный состав влит в 133-ю стрелковую дивизию 49-й армии, а Я. Н. Вронский назначен командиром 19-й стрелковой бригады.

Под командованием Я. Н. Вронского рано утром 19 декабря 19-я бригада ворвалась в Тарусу и к 12 часам дня полностью очистила её от немцев²⁸¹.

Город над Окой, связанный с именами целого ряда выдающихся деятелей русской культуры, был освобождён. Однако окружить находящуюся в Тарусе немецкую группировку нашим войскам не удалось. С. Е. Михеенков пишет: «В районе Тарусы <...> охват немецкой группировки не получился. Противник, воспользовавшись результатами своего контрудара по 19-й стрелковой бригаде и относительно хорошей дорогой на северо-запад, окружения и последующего уничтожения или пленения избежал»²⁸². Немцы отступили в село Недельное, находящееся в 40 километрах к западу от Тарусы.

19-я бригада двинулась на запад в сторону Недельного. Незамеченными бойцы подошли к д. Кожухово, остановившись в двух километрах южнее села. Здесь стояло до роты немцев, прикрывавших подступы к Недельному. При поддержке минометчиков лыжный отряд внезапной атакой выбил противника из Кожухова.

Недельное представляло собой большое село, бывший центр Неделинской волости Малоярославского уезда Калужской губернии. Через него проходил старинный, мощный булыжником тракт

*Центральная площадь Тарусы и Петропавловский собор.
Современное фото.*

(или – Старая Калужская дорога), соединяющий Калугу с Москвой. В Неделе находились отступившие сюда из Тарусы командный пункт 260-й пехотной немецкой дивизии, пункт тылового управления и большое скопление автомашин.

От местных жителей разведчики бригады узнали, что не ожидавшие подхода советских войск немцы в селе готовятся встречать Рождество. На днях к ним прибыли машины с рождественскими подарками.

К вечеру 25 декабря к Кожухову подошли главные силы бригады. В половине 12-го ночи при 30-градусном морозе курсанты пошли в атаку. Немцы, встречавшие Рождество, были застигнуты врасплох и не смогли организовать оборону. Бригада захватила большие трофеи: около 300 грузовиков, 12 танков и 50 орудий и минометов. Было взято в плен около 200 немецких солдат²⁸³.

Немецкое командование не могло примириться с тем, что столь важная для него транспортная артерия оказалась перерезанной. К тому же, захватив Неделе, наши войска оказались с трёх сторон окружёнными опорными пунктами противника. Днём 26 декабря немецкие танки и автоматчики внезапно ворвались в Неделе. В центре села, у церкви, завязался бой.

Бои за Неделе с переменным успехом продолжались ещё четверо суток, и лишь 30 декабря село на Старой Калужской дороге окончательно было занято нашими частями.

В период активных боёв, особенно наступательных, у их участников есть только три наиболее вероятных варианта судьбы: 1) ранение и госпиталь, 2) гибель (первый вариант солдаты называли «в наркомздрав», второй – «в наркомзем») и 3) плен.

27 декабря 1941 года во время боя под д. Кожухово Борис Викторович был тяжело контужен при взрыве артиллерийского снаряда. Напомним, что контузия (от латинского *contusio* – ушиб) или иначе «снарядный шок» – это «общее повреждение организма <...> чаще – при действии ударной воздушной волны. Проявляется потерей сознания (вплоть до комы), последующей амнезией, головной болью, головокружениями, нарушениями слуха и речи»²⁸⁴.

Немцы подобрали Бориса Викторовича и, видимо, отправили его на дивизионный сборный пункт пленных...

Б. В. Прозоровский взят в плен 27 декабря. Считая со 2 декабря, он пробыл на фронте 25 дней. Много это или мало? Во время боевых действий у каждого своя судьба: кого-то убивают в первом же бою, кого-то в последний день войны. Борису Викторовичу выпала судьба пробыть на фронте меньше месяца, попасть в плен и провести в нём три с половиной года.

В 1941 году вермахт взял в плен 3,9 миллионов бойцов и командиров Красной армии. Одним из последних в это непостижимое разном число попал и Борис Викторович. Правда, в отличие от большинства своих сотоварищей, попавших в плен в 1941 году во время отступления и поражений Красной армии, он оказался в плену, когда наши войска наконец-то перешли в наступление и погнали немцев обратно на запад.

* * *

Первым знаком беды для близких Бориса Викторовича стало возвращение письма, которое Надежда Николаевна написала сыну 25 декабря 1941 года. Перечтём отдельные места этого письма, не дошедшего тогда до адресата:

«Дорогой, родной и любимый наш Боренька, будь здоров! – писала Надежда Николаевна. – Наконец-то можно стало написать тебе письмо – получили твоё письмо с адресом. Правда, и оно шло долго – от 9-го до 24. В этот день Шура (жена Бориса Викторовича. – Н.З.) нам прислала сразу два письма – от тебя и от Мити (Дмитрия, брата

Бориса. – *Н.З.*), а сама она осталась в Щеникове*, так как всех своих сотрудников отпустила на рытье рвов около Гарей**. Рады вашим письмам! У нас пока тоже всё благополучно: живы, здоровы, ребятки растут. Нет, нет да завернёт такая лютая стужа, а мы почти всякое дело обсуждаем применительно к вам: нам-то дома тепло, а вот вам, небось, бывает холодно!

Ты, Борисень, пишешь уж очень коротко, хотя и таким бесконечно рады! Митя прислал более подробное письмо. Находится в км от Горького (Нижнего Новгорода. – *Н.З.*). Живёт в землянке. Проживём – пишет – месяца два, а там и на фронт. Что-то уж очень скоро! Привыкает к пайку. Ты ведь знаешь, какой у него хороший аппетит! Он ведь из Шуи, после того, как его взяли, – дня на два опять приходил домой – взял твои валяные сапоги с калошами, шапку, бритву, еду и денег 175 рублей. Ну а в письме пишет, что его дочиста обокрали <...>. Возмущаюсь я! <...> Пишу тебе его адрес: Горький – 7, п/я – 79. Литер 41». Письмо завершали слова: «Пишите, хоть, родные, чаще, все легче, когда приходит весточка! Крепко-крепко тебя обнимаем и желаем быть здоровым! Любящая тебя твоя мама и родные»²⁸⁵.

Однако к тому времени, когда письмо матери пришло на фронт, Борис Викторович уже находился в плену, и письмо вернулось обратно с устрашающей пометкой: «Адресат выбыл».

А вскоре, в первой половине февраля 1942 года, семья Прозоровских в Николо-Доре получила извещение о том, что Борис Викторович пропал без вести. На половинке тетрадного листа в клеточку с синим штампом «НКО СССР. Отдельный батальон связи 19-й отд. стрелковой бригады» с датой 28 января 1942 года под № 9 с писарскими завитушками было написано: «Извещение. Отдельный батальон связи 19-й стрелковой бригады сообщает, что сержант Прозоровский Борис Викторович при обороне села Кожухова Детчинского района

* В те годы название «Щениково» было принято писать с одной «н». (*Прим. ред.*)

** Осенью 1941 года и зимой 1941–1942 гг. силами местного населения и тысяч людей, мобилизованных на трудовой фронт из тогдашних Ярославской и Ивановской областей, в районах, примыкающих к Ростову Великому, было выкопано большое количество противотанковых рвов. Село Гари, упоминаемое Надеждой Николаевной, находится в 15 километрах к северо-востоку от Николо-Дора.

Тульской области в батальон не вернулся. Считаем 27.12.41 г. пропавшим без вести. Нач. штаба ОБС (подпись неразборчива)»²⁸⁶.

После «похоронки» это было самое страшное почтовое извещение того времени. Отличие состояло в том, что семья (жена, дети), получившие «похоронку», пользовались, хотя бы и минимальными льготами. Семья же, получившая извещение о пропаже без вести, не имела никаких льгот. Но дело не в этом. Семья пропавшего без вести автоматически попадала в разряд родственников возможного изменника. Ведь каждый пропавший без вести, как полагали власти, мог перейти на сторону врага.

О том, что произошло с Борисом Викторовичем после 27 декабря 1941 года, его близкие узнали только почти через четыре томительных и бесконечно долгих года.

В ЛАГЕРНОМ АДУ. КРУГ ПЕРВЫЙ: КОНЦЛАГЕРЬ В РОСЛАВЛЕ

Плен – суровое испытание в жизни любого человека. Только что ты, хотя и подвергался постоянной опасности, но находился среди своих, среди товарищей. И вдруг – всё резко меняется, и тебя окружают враги, и некоторые твои товарищи уже и не свои, и не товарищи.

Захваченный в немецкий плен красноармеец сначала направлялся в дивизионный сборный пункт, затем – в корпусной, затем – в армейский. Из армейского сборного пункта пленный направлялся в пересыльный лагерь (дулаг).

Вряд ли все эти перемещения пленных в конце декабря 1941 года производились на автомашинах. Скорее всего, колонна военнопленных, в которой находился Борис Викторович, под конвоем передвигалась по зимним дорогам пешим порядком. Для только что перенёсшего тяжёлую контузию Бориса Викторовича это стало первым тяжёлым испытанием.

Примерно в середине января 1942 года Б. В. Прозоровский оказался в немецком концлагере для военнопленных № 130 в г. Рославле Смоленской области, от которого по прямой до с. Недельного было около 900 километров.

Несколькими месяцами раньше в этот же лагерь попал раненный в ногу политработник Сергей Александрович Голубков (в лагере он, естественно, скрывал, что является политработником, т. к. послед-

ние подлежали немедленному расстрелу). В 1958 году в Смоленске была опубликована его книга «В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного»; второе издание книги вышло в Смоленске в 1963 году*.

В нашем рассказе о Рославльском концлагере мы в основном будем опираться на воспоминания С. А. Голубкова.

История Рославльского лагеря к моменту прибытия в него Бориса Викторовича была такова. Немцы заняли Рославль – древний город Смоленщины (исторический Ростиславль) – 3 августа 1941 года²⁸⁷. Видимо, уже в первой декаде августа на западной окраине города возник лагерь для советских военнопленных.

По-немецки лагерь в Рославле именовался *Durchgangslager* (пересыльный лагерь), сокращённо – *Dulag*. А так как он носил номер № 130, то его полное название было «*Dulag-130*».

Ядро лагеря составили несколько зданий находившейся в Рославле до войны школы младших командиров пограничных войск.

«До войны, – пишет С. А. Голубков, – здесь располагалась школа для младших командиров пограничных войск Наркомата внутренних дел. Для школы было построено два больших двухэтажных здания из серого кирпича. Рядом была оборудована кухня, тоже из такого серого кирпича. Вокруг кирпичных зданий стояли деревянные постройки, где находились различные склады: вещевого, продовольственные и даже оружейные. Несколько складских зданий сделаны тоже из серого кирпича. Два сарая были особенно велики, примерно по 35 метров длиной и шириной до 25 метров.

Всю территорию бывшей школы, вместе с постройками, немцы и отвели под концентрационный лагерь для военнопленных. Кроме того, сюда же они включили и несколько жилых домов, расположенных около шоссе на окраине города. В домах этих, вероятно, раньше жили семьи командно-начальствующего состава школы, и они имели как бы общее архитектурное оформление со школой. Террито-

* Примечательно, что после 1963 года, с окончанием хрущёвской «оттепели», книга С. А. Голубкова, на которую сейчас постоянно ссылаются все историки, касающиеся темы плена и обращения гитлеровцев с нашими военнопленными, ни разу больше не издавалась. Связано это, видимо, с тем, что тема «советские люди в немецком плену» хотя и не являлась уже, как при Сталине, чуть ли не запретной, но всё-таки не входила в число тех тем, на которых надо было воспитывать советских людей.

Рославль. Школа младших командиров пограничных войск. В августе 1941 года на территории бывшей школы немцами был создан концлагерь для советских военнопленных. Предвоенное фото

рия лагеря довольно большая, что-то около 800–900 метров в длину и 600–700 в ширину»²⁸⁸.

Непосредственно рядом с лагерем находилось большое Вознесенское кладбище с Вознесенской церковью, воздвигнутой в начале XIX века. Церковь была закрыта совсем незадолго до начала войны – 14 мая 1941 года. С 1 сентября 1941 года храм вновь стал действовать, в нём приступил к службе семидесятилетний протоиерей Всеволод Михайлович Корицкий (1864–1954 гг.)²⁸⁹ С Вознесенским кладбищем лагерь был связан всю свою историю – на нём производились массовые расстрелы узников и хоронили умерших. За почти два года существования лагеря здесь завершили свой земной путь многие тысячи заключённых дулага-130. Официально считается, что на кладбище похоронено 130 тысяч лагерных узников.

На начальном этапе истории лагеря им ведал вермахт: «<...> лагерем ведали фронтные части, а им было не до управления. Сгнав в одно место большое количество пленных, фронтные части держали собранных как скот, не любопытствуя, что и как происходит там, внутри самого лагеря»²⁹⁰.

Однако вскоре в лагере начался настоящий порядок. «Фронтная часть, организовавшая лагерь, передала его «СД»*. Едва ли не

* СД – немецкая служба безопасности. (Прим. ред.)

*Рославль. Вознесенская церковь.
Фото начала 40-х годов*

первое, что сделали новые хозяева лагеря, – это выделили политработников и евреев. Всех их отправили на Вознесенское кладбище и там расстреляли».

«Что-что, а концлагери фашисты строили крепко, надёжно, с большим искусством. Сразу чувствовалась их опытность в этом деле. Весь лагерь обнесён большой изгородью из колючей проволоки, высота которой доходила до трёх метров. Проволока переплеталась так часто, что пролезть через неё было нельзя. Колючей проволоки для концлагерей немцы не жалели. Через три метра от первой проволочной изгороди шла вторая такая же изгородь. А расстояние между ними переплеталось тоже проволокой в виде паутины. Если бы даже кто, вздумав бежать, и преодолел бы первый ряд изгороди (что исключалось вообще), уж “паутинку” и второй ряд изгороди преодолеть совсем не представлялось возможным»²⁹¹.

Лагерь хорошо охранялся: «Кругом лагеря, с наружной стороны, ходили парные часовые. Участок их наблюдения не превышал 50–60 метров. Через каждые 200–250 метров кругом стояли особые вышки. Там дежурили часовые с пулемётами и с прожекторами. А в поле, около лагеря, со всех сторон оборудованы были специальные блиндажи с дотами и дзотами. <...> Около центральных ворот, в осо-

бом доме, который отделялся от лагеря и от города тоже проволокой, дежурил специально подобранный отряд немцев»²⁹².

Внутренней жизнью в лагере заправляли не немцы, а наши же соотечественники. «Во главе лагеря стоял фашистский офицер. Отдельные службы тоже управлялись офицерами из фашистов, но внутреннее управление передавалось лагерной полиции. Через полицию немцы и осуществляли полное руководство лагерной жизнью. В полицию фашисты подбирали, главным образом, людей, зарекомендовавших себя чем-либо в борьбе против Советской власти. Сюда шёл большей частью деклассированный элемент»²⁹³.

В предвоенные годы советских людей, и в первую очередь молодёжь, готовили к войне, но готовили односторонне. Психологически советские люди были готовы к террору, зверствам оккупантов и т.д. К чему их почти не готовили – это к тому, что врагам будут помогать многие наши соотечественники. Несмотря на все предвоенные поиски предателей, шпионов и врагов народа, то, что вчерашние сотоварищи и сослуживцы станут в лагерях для военнопленных пособниками чуть ли не более жестокими, чем сами немцы, для большинства пленных являлось весьма неприятным сюрпризом.

«Лагерная полиция, – продолжает С. А. Голубков, – была многочисленной, и в ней состояло иногда от 150 до 250 человек. От лагерной полиции выделялась кухонная полиция человек 20–30 и лазаретная – человек 15–20. На вооружении полицейские имели пистолеты, специальные плётки или особые дубинки. Правда, огнестрельное оружие фашисты доверяли не всем полицейским, но и дубинка в руках изуверствующего выродка являлась тяжёлым и грозным оружием»²⁹⁴.

Полицейские составляли элиту среди пленных: «На левых рукавах они носили красные повязки, где белыми буквами было вышито: “полицай”. <...> Жили полицейские отдельно от пленных, рядом с лагерной охраной; но и в город их не всех и не всегда пускали»²⁹⁵. Во главе лагерной полиции стоял Пётр Петрович Макаров – человек необычайной жестокости, ходивший в форме командира Красной армии»²⁹⁶.

Лагерь в Рославле представлял собой своеобразную летопись войны 1941–1943 годов. Подобно тому, как в глубинах земной коры один геологический пласт ложится на предыдущий, так и здесь каждая военная операция прибавляла новый «пласт» советских пленных. По-видимому, основу лагеря составили пленные, взятые в боях под Ельней. Потом пошёл поток пленённых в Вяземском «котле»,

а в ноябре-декабре – те, кто попали в плен в боях на подступах к Москве.

Б. В. Прозоровский ещё учился во Владимирском пехотном училище, а лагерь на окраине Рославля рос и обустроивался, ожидая к себе новых и новых узников...

В воспоминаниях С. А. Голубкова дана целая галерея образов лагерных начальников. В сентябре 1941 года комендантом лагеря был назначен офицер доктор юридических наук Кунц. «Это был человек среднего роста, суховатый, лет 35, с землянистым цветом лица, в пенсне, невзрачный и, как мы убедились очень скоро, злой. На пленных новый комендант не смотрел. В лагере его почти никогда не видели, а если он иногда и показывался среди пленных, то всегда с многочисленной охраной. Всех, кто чуть-чуть нарушал режим лагеря, “учёный” комендант отправлял незамедлительно на кладбище, не вдаваясь в подробности»²⁹⁷.

При комендатуре лагеря было создано «отделение гестапо, целью которого являлось выявление среди пленных политработников и евреев. Начальником гестапо назначили капитана Дидмана. Видной фигурой в комендатуре стал немецкий фельдфебель Курт Миллер, фашист, хорошо владевший русским языком. Курт Миллер официально являлся помощником начальника гестапо, а по существу безраздельным хозяином всего лагеря. Это был настоящий зверь. Он сам расстреливал пленных, не докладывая Дидману, который редко появлялся в лагере. Если же и появлялся, то в пьяном виде, а в этом виде он был ещё страшнее»²⁹⁸.

К концу сентября численность заключенных в лагере составляла около 15 тысяч человек, к концу 1941 года – более 80 тысяч²⁹⁹.

Такова была краткая предыстория лагеря, куда прибыл Б. В. Прозоровский.

Он переступил за его колючую проволоку в середине января 1942 года. Здесь ему предстояло пробыть более полутора лет – вплоть до сентября 1943 года.

О физическом состоянии Бориса Викторовича вскоре после прибытия в лагерь говорит справка, выданная ему 21 января 1942 года доктором Виталием Григорьевичем Поповым и которая каким-то чудом сохранилась у Бориса Викторовича. В ней написано: «Справка. Проведённым 21.01.42 г. медицинским осмотром установлено, что больной Прозоровский Б. В., родившийся 17/IX-1913 г. имеет значительное понижение слуха; затруднение и задержку речи; расстройство двигательных функций и, кроме того, жалобы на сильные

головные боли. Всё это может являться следствием контузии от разрыва артиллерийского снаряда, перенесённого по словам больного, 27.XII-41 года. Врач В. Попов». Самое поразительное, что на справке стоит личный штамп: «Врач Виталий Григорьевич Попов»³⁰⁰.

Как видим, спустя почти месяц после контузии её последствия оставались для Бориса Викторовича ещё весьма тяжёлыми.

Он прибыл в дулаг-130 в один из самых ужасных периодов его существования. На рубеже 1941 и 1942 гг. к главным врагам заключённых – голоду и холоду, добавился третий – сыпной тиф.

С. А. Голубков пишет про это время: «В лагере начался сыпной тиф. Бороться с ним в лагерных условиях вообще не представлялось возможным. Врачей и фельдшеров много, а вести борьбу они не могли. Если раны ещё кое-как и можно лечить, хотя и простой водой, то уж лечение тифа требовало и питания, и лекарств. А в лагерных условиях не было как раз ни продовольствия, ни медикаментов. Лечение проходило, по меткому выражению врача Виталия Григорьевича Попова, “психотерапией”, то есть одним только внушением. “Психотерапия” помогала немногим. Вошь в лагере считалась почти нормальным явлением. Просто снимали бельё и держали его над жаркими углями. Такой способ, конечно, много дать не мог. <...> Трудно было раздобыть дров для того, чтобы развести костёр. Бань в лагере вообще не было. Люди совсем не мылись»³⁰¹.

«Люди быстро заболели, – продолжает С. А. Голубков, – и так же быстро умирали. Вначале для сыпнотифозных отвели одну палату, потом – целый корпус, в конце концов, перестали разбирать, где раненые, а где больные тифом. Во всём лагере, везде лежали сыпнотифозные. Люди в бреду, в беспамятстве поднимались и часто слепозащиты шли к изгороди, где под выстрелами немецкой охраны успокаивались навсегда»³⁰².

Мороз же в конце декабря и январе доходил до 40 градусов ниже нуля. По воспоминаниям С. А. Голубкова, утром 28 декабря 1941 года температура была 43 градуса мороза³⁰³.

За время с 26 декабря 1941 года по 2 января 1942 года из лагеря на Вознесенское кладбище вывезли 16564 трупа. Причиной смерти большинства узников являлся тиф³⁰⁴.

Обязанность хоронить умерших была возложена на бригаду могильщиков (в просторечии – «капут-бригада»), численность которой доходила до 330–350 человек. В эту бригаду немцы отбирали преимущественно уроженцев Средней Азии.

«На “капутчиках”, – пишет С. А. Голубков, – лежала обязанность ежедневно вывозить мертвецов на Вознесенское кладбище, расположенное тут же, рядом с лагерем. Они же должны были рыть могилы. <...> Конечно, рыть такую землю слабым людям трудно. Иногда немцы помогали им, взрывая землю аммоналом, а потом заставляли “капутчиков” образовавшуюся яму углублять, вернее, расчищать. Могилу делали общую, на пять-шесть тысяч трупов. В длину могила иногда достигала 80–100 метров. Трупы укладывали в вырытую яму ровными рядами и засыпали землёй. На месте таких могил впоследствии возвышались большие холмы»³⁰⁵.

Голод же был такой, что в лагере началось людоедство. Одного из тех, у кого нашли человеческое мясо, немцы публично повесили, согнав на казнь всё население лагеря. В течение десяти дней труп висел у всех на виду с табличкой на груди «Повешен за людоедство»³⁰⁶.

У Бориса Викторовича, ещё не оправившегося после контузии, практически не было шансов выжить в эту его первую лагерную зиму, однако его спасли врачи находящегося в лагере госпиталя.

Одним из основателей госпиталя являлся упоминавшийся выше врач Виталий Григорьевич Попов (1904–1994 гг.) будущий знаменитый профессор-терапевт, лауреат Государственной премии СССР и Герой Социалистического Труда.

В июле 1941 года В. Г. Попов вступил добровольцем в 5-ю Фрунзенскую дивизию народного ополчения Москвы. Вначале он работал в госпитальном взводе медсанбата, а затем в военном госпитале. Со своим госпиталем вместе с медработниками и ранеными он попал в окружение, был взят в плен и вскоре оказался в Рославльском лагере.

В тот период, когда лагерь охранял вермахт, и немцам было всё равно, что делают пленные, В. Г. Попов вместе с другими медиками организовал в лагере госпиталь для раненых и больных³⁰⁷.

Борис Викторович хорошо знал доктора. В его послевоенном архиве сохранилось несколько газетных вырезок о В. Г. Попове, следовательно, он следил за судьбой своего спасителя и старшего товарища.

С. А. Голубков свидетельствует: «<...> в концлагере пленные русские врачи организовали госпиталь для раненых и больных. Они пришли на помощь своим товарищам, находящимся в ещё худшем состоянии. Госпиталь, или лазарет, как его часто называли, размещался в обоих двухэтажных зданиях или корпусах, где раньше жили курсанты пограншколы. Никто из немцев, как я узнал впоследствии, не собирался организовывать госпиталь для пленных. Это сами пленные врачи проявили свою инициативу»³⁰⁸.

«Устроен был госпиталь, – продолжает С. А. Голубков, – самым примитивным образом. В каждом здании, или, как мы тогда говорили, корпусе, четыре палаты, две в нижнем этаже, две в верхнем. В палатах стояли сколоченные на скорую руку из неотесанных, к тому же плохо пригнанных друг к другу досок нары в два этажа. Доски были взяты из разобранных тут же в лагере сараев. И делалось всё это самими же пленными»³⁰⁹.

«В такой палате можно разместить 160, от силы 180 человек. А всего в здании могли поместиться человек 640–720. Я говорю про нормальные условия. В действительности же <...> в зимнее время в одно здание вмещалось по 1800–2000 человек. Люди лежали на полу, в проходе, в коридорах и даже на чердаках под железной крышей (зимой-то!). И всё же на чердаке было лучше, чем лежать во дворе на земле в сорокаградусный мороз. Конечно, в госпитале никаких матрацев, одеял, подушек или чего-либо подобного и в помине не было. Не было даже простой соломы и негде было её достать, так как из лагеря никого не выпускали. Раненый лежал на своей шинели, если только она у него имелась. А нет, то просто так, на голых досках или на голом полу»³¹⁰.

«Кроме восьми палат, в двух зданиях-корпусах находилось несколько служебных комнат. Оба здания-корпуса однотипные, в них одинаковые и условия, одинаково они и использовались. По одной маленькой комнате в каждом здании отводилось для аптек. Впрочем, лекарств в них никогда не было. Обычно в аптеку все, кто имел, отдавали бинты, а потом здесь же стирали использованные и опять пускали их в употребление. По одной комнате занимали врачи, фельдшера, а впоследствии лучшие комнаты заняла лазаретная полиция <...>. Кроме того, на каждый этаж полагались санитары, рабочие. Подбирали такой персонал пленные врачи по своему усмотрению, и жили санитары и рабочие где придётся, часто даже в палате вместе с ранеными»³¹¹.

При госпитале существовал и так называемый третий корпус. «Третий корпус, – пишет С. А. Голубков, – это деревянный сарай, где раньше был вещевой склад. Доски здесь неплотно прилегали друг к другу. Большие полки, на которых раньше размещались различные вещи, сохранились, их не убрали, и теперь они назывались нарами. Раненые и пленные лежали в три яруса под самую крышу.

В неотопляемом сарае ветер гулял свободно, а если на дворе мороз доходил до 41–42 градусов, то и в помещении была такая же

температура. Всего здесь лежало около 1800 человек больных и раненых.

Кто раз побывал в третьем корпусе, тот не забудет его никогда, он запомнит его на всю жизнь. Говорят, есть ад, где черти поджаривают людей за земные грехи. Этим адом церковь пугает людей как чем-то страшным, невероятным. <...> Я не был в аду. Но я был в третьем корпусе. Мне казалось, что если бы я из третьего корпуса попал сразу в ад, то ад показался бы мне раем. Говорят, в аду люди мучаются за свои земные грехи. А вот в третьем корпусе советские люди мучились, потому что были русские, а русских немецкие фашисты стремились истребить и, не решаясь это сделать открыто, делали замаскировано, скрытно, медленно, но верно»³¹².

Вот как происходила в третьем корпусе раздача пищи: «В госпитале хлеб выдавался отдельно от баланды и один раз в день. Все были в это время возбуждены. Несколько десятков полицейских, тепло одетых, в рукавицах, с плётками и дубинками в руках, охраняют корзины с хлебом и беспощадно раздают удары плётками налево и направо, отгоняя “ходячих” больных, стремящихся приблизиться к корзинам. Санитары и кухонные рабочие под охраной полицейских разносят хлеб и раздают его больным и раненым.

На всех нарах, даже и под нарами, лежали люди. Страшно холодно. На многих надето по несколько рваных, грязных шинелей. Такими же грязными шинелями укутывали они себе голову, ноги. У некоторых головы повязаны грязными полотенцами, тряпками или рваными женскими платками.

Нары широкие, на них лежало по несколько человек. Рядом на кирпичках стоят немецкие каски, а в них тлеют угли или горят маленькие деревянные чурки.

Небритый, грязный, закутанный больной, в сизом дыме, на большом морозе представлял жуткую картину. При движении на нём начинало громыхать всё его имущество: на поясе привязана тряпочкой консервная банка, через плечо – противогазная сумка, набитая грязным тряпьем. Ничего снять с себя было нельзя, иначе можно лишиться своего “богатства”. Ведь в такой тесноте и непрерывном движении за людьми не уследишь.

Трупы умерших или замёрзших лежали тут же, их убрали только раз в день. <...>

Вот принесли горячую баланду. Всем хочется горячего. А баланда тем и хороша, что горяча. Начинается война за баланду. “Ходячие” устремляются к котлу. Никакой очереди установить не удаётся. Сно-

ва усиленно работают полицейские дубинки, плётки, но и они мало помогают. <...> Получив свою долю, все с жадностью тут же уничтожают её, не вставая с пола или нар, не смущаясь соседства с мертвецом.

Съев свою порцию, пленный голодными глазами следит за раздачей: не будет ли добавки.

Так же происходит раздача пищи и в других зданиях госпиталя. Разница только в том, что там не гулял мороз открыто. Окна в большинстве своём забиты фанерой, в палате темно, больных и раненых набито до отказа. Здесь все тоже держат своё имущество на себе. В палате не так холодно, но зато воздух всегда удушливый, спёртый. При раздаче пищи такие же споры за порции умерших, борьба за добавку. Всё происходило так же, как и в третьем бараке, и всё это вело к истреблению десятков тысяч несчастных пленных людей»³¹³.

В этот госпиталь и попал Борис Викторович в качестве больного. Здесь же он заболел вначале сыпным тифом, потом – дизентерией. Узнав о том, что он по военной специальности санитар, его взяли в госпиталь санитаром. Позднее Борис Викторович вспоминал: «Весь 1942 год я провёл в лагере военнопленных в г. Рославле, валялся в “лазарете” и перенёс сыпной тиф, потом дизентерию и другие болезни, а, оправившись, работал в лагерной амбулатории санитаром»³¹⁴.

В конце 1941 года начальником госпиталя для военнопленных был назначен врач-нацист Франц Лейпельт. «Это был высокий, – пишет о нём С. А. Голубков, – сухой старик на длинных ногах с большим животом, вечно слезящимися глазами и мокрым носом. На первый взгляд он казался безразличным к своим обязанностям и к судьбе советских раненых и больных. Но это только на первый взгляд. На самом деле этот старик был заинтересован в том, чтобы истребить как можно больше советских людей. И этому делу он служил хорошо. Ведь если и была большая смертность среди раненых, больных пленных, если и отсутствовали медикаменты, то заслуга здесь перед фашистами, в первую очередь, Лейпельта. Он ежедневно посещал госпиталь. В сопровождении переводчика Вильгельма Теодоровича Бифеля – немца с Поволжья – и двух немецких санитаров, Лейпельт медленным, старческим шагом проходил по палатам корпусов, выслушивал доклады и просьбы русских врачей, неизменно повторял – “гут”, “гут” и так же медленно уходил обратно, предоставляя времени делать своё страшное дело.

Горе постигало русского врача, осмелившегося пожаловаться на отсутствие медикаментов, на плохое питание в лагере, такого врача немедленно убирали из госпиталя и из лагеря вообще. Бесследно исчезали из лагеря и те военнопленные, которые решались открыто высказать своё недовольство лагерными порядками. Таких людей оккупанты считали коммунистами. А коммунистам из лагеря была только одна дорога – на Вознесенское кладбище»³¹⁵.

Результатом страшной зимы 1941–1942 гг. стала гибель подавляющего большинства узников: «К весне 1942 года в лагере оставалось не более десяти тысяч человек (из 80 тысяч, имевшихся осенью 1941 года)»³¹⁶.

С конца 1941 года каждому пленному в лагере был установлен такой рацион: 200 граммов хлеба и два раза жидкой похлебки (баланды) по 750 граммов³¹⁷. Основным компонентом и хлеба и баланды являлась костная мука.

«Костную муку, – пишет С. А. Голубков, – немцы выделяли где-то у себя, в Германии, и, как видно, предназначалась она для кур, чтобы они лучше неслись.

Мука привозилась в больших бумажных мешках по 15–20 килограммов каждый. Цветом и видом своим она напоминала цемент. На мешках нарисован был большой красный петух с приподнятой головой, стоящий на одной ноге <...>. Пленные называли эту муку “петушком”.

Может, для кур-то она в какой-то мере и была полезна, но человеку примесь костной муки наносила непоправимый вред. При помощи костной муки пленные обрекались на мучительную, верную смерть. А такое положение вело к осуществлению мечты Гитлера, то есть к уничтожению нескольких десятков миллионов славянского населения – лишнего, по его утверждению. И гитлеровской цели уничтожения пленных как нельзя лучше отвечала костная мука.

В муку, из которой пекли хлеб или варили баланду, сначала добавляли 10 процентов костной муки, потом – 30 и, наконец, стали добавлять 50 процентов.

Баланду готовили по такому способу: кипятилась вода, отдельно замешивалось тесто (из костной муки. – *Н.З.*) Потом в крутой кипяток добавляли тесто; чтобы этому тесту не завариться, воду непрерывно размешивали большими деревянными лопатами. В конце концов получалась жидкость, напоминающая клейстер. Иногда вместо муки в баланду засыпали шелуху от гречневой крупы, а потом полностью перешли на “петушка”.

Баланда с примесью “петушка” отличалась едким привкусом, хотя в хлебе этот привкус не сразу можно было ощутить.

Костная мука, через хлеб или баланду введённая в организм человека, в желудке не переваривалась, поступая в кишки, осаждалась там. В конечном итоге после двух-трёхнедельного употребления “петушка” в кишках у человека образовывался камень, и человек неизбежно погибал, спасти его не представлялось возможным.

Мы старались разъяснить массе пленных и через листовки, и через личное общение: не торопиться с принятием пищи. Надо дать отстояться костной муке и остатки баланды не есть, а выбрасывать. Но наше разъяснение существенного успеха не имело. Голодные люди не хотели, да и не могли ждать. Они съедали всё и без остатка»³¹⁸.

В Рославльском лагере, как и везде на оккупированной территории, гитлеровцы, исходя из вечногo принципа «разделяй и властвуй», старались расколоть советских людей по национальному признаку. Весной 1942 года лагерь разделили на национальные сектора. «Лагерь разгородили проволокой, изолировав пленных по национальностям. Прежде всего выделили украинцев и поместили их отдельно от русских. Потом стали отделять казанских татар. Для татар тоже отвели специальный барак и никого к ним близко не допускали <...>. Почему-то народы Средней Азии выделялись все вместе под общим названием – мусульмане»³¹⁹.

Единственным светлым пятном в мрачной лагерной действительности была деятельность упоминавшегося выше о. Всеволода Корицкого, настоятеля соседствовавшей с лагерем Вознесенской церкви. Из пропагандистских соображений немцы на первом этапе оккупации разрешали русскому духовенству посещать лагерь. Престарелый протоиерей делал всё, что было в его силах, для помощи находящимся за колючей проволокой соотечественникам. Он собирал среди прихожан продукты, которые передавал заключённым, чем спасал от голодной смерти многих. Всякими правдами и неправдами о. Всеволод под своё поручительство способствовал освобождению узников, которых местные жители брали в «примаки». После массовых расстрелов, происходивших буквально в двух шагах от его храма, о. Всеволод молился об убиенных³²⁰.

В книге С. А. Голубкова о миссии о. Всеволода Корицкого не сказано ни слова. То ли он, как бывший политработник, не захотел сказать что-то хорошее о служителе Церкви. То ли – что более вероятно – текст про настоятеля Вознесенской церкви вырезала цензура: оба издания воспоминаний С. А. Голубкова вышли в разгар так назы-

*Протоиерей Всеволод Корицкий,
настоятель Вознесенской церкви.
Фото 1953 г.*

ваемых хрущёвских гонений на Церковь, когда в советской печати невозможно было сказать что-то хорошее о священнике, тем более о служившем на оккупированной территории.

В мае 1942 года в лагерь приехало несколько русских офицеров-власовцев из так называемой Русской освободительной армии (РОА), во главе которой немцы символически поставили советского генерала-предателя А. А. Власова. Два офицера посетили и госпиталь, один – в чине подполковника, другой – майор. «Одеты они были в нашу советскую форму с красной окантовкой на брюках и гимнастёрках, но без петлиц. На плечах широкие погоны с двумя просветами. В качестве знаков различия на погонах у подполковника по три прямоугольника, у майора по два. Своих отличительных знаков эти прохвосты ещё не изобрели. Фуражки тоже были наши, советские. Но вместо красной звезды – кокарда, сделанная из белой жести. На руках немецкие перчатки. Оружия не видно, вероятно, немцы ещё не совсем им доверяли. Сопровождал их немецкий офицер в чине старшего лейтенанта, державший себя высокомерно. Подполковник и майор заметно заискивали перед ним, униженно вытягиваясь, если он обращался к ним с вопросом»³²¹.

«Из общей многочисленной массы пленных нашлось несколько десятков человек, изъявивших желание пойти на службу в их отряды. Таких людей отделили от общей массы. Их поместили в отдельную землянку, одели на них новое обмундирование советского образца, без петлиц. Каждый день, недели три подряд, к ним ходил фашистский фельдфебель и обучал их немецкому строю здесь же, на лужайке перед госпиталем. Кормили их несколько лучше, но все той же баландой <...>»³²².

Через некоторое время лагерь посетил ещё один власовец – полковник Григорьев. «По его просьбе выстроили весь лагерь, как на ежесубботный подсчёт. Построили и обслуживающий персонал госпиталя. Григорьев выступил перед выстроившимися с большой речью. Он начал расхваливать “особый порядок” немцев в Европе, хвалил своего начальника обер-изменника Власова, рассказал его никому ненужную биографию, потом долго говорил о себе. Говорил нудно и много. Утомлённые и истощённые пленные почти не слушали, многие сели здесь же на земле и занялись своим делом. В конце концов Григорьев предложил пленным “подумать о вступлении в армию Власова и завтра сказать своё слово”.

Чтобы хоть как-то завоевать доверие пленных, здесь же, на лужайке, Григорьев предложил организовать выступление лагерной “самодеятельности”. Из полиции принесли несколько балалаек, гармонию, да у пленных нашлось несколько губных гармошек»³²³.

Однако к власовцам записались очень немногие. «Тогда Григорьев приступил к насильственному отбору “добровольцев”. Это делалось довольно просто. Пленных выстраивали по баракам, а Григорьев со своей свитой обходил шеренги, выводил оттуда менее истощённых и объявлял, что они “добровольно” зачислены во власовскую армию. Отобранных таким образом “добровольцев” переводили на особый режим под охрану полиции, немного лучше кормили, а потом грузили в вагон и увозили»³²⁴.

И, казалось бы, почему Борису Викторовичу было не примкнуть к власовцам? С его отцом, отсидевшим три с половиной года в Темлаге, с его собственным годом тюрьмы и смертным приговором 1938 года, с его знанием немецкого языка – бывшего сельского учителя приняли бы в РОА с распростёртыми объятиями. Казалось, кому ещё, как не ему, пойти на службу к немцам? И разве не на это, в частности, рассчитывал Гитлер, полагая, что на сторону Германии в начавшей-

ся войне перейдут все, кто пострадал от сталинского режима (а имя им – легион)?

Однако крещённый в церкви, где состоялось отпевание и погребение П. И. Багратиона, сын героя Второй Отечественной войны, Борис Викторович был настоящим патриотом. Он воевал за Родину, а не за политический строй, хотя в то время оба эти понятия и оказались слитыми воедино.

А затем началось тяжёлое время летних успехов 1942 года, когда немецкие войска захватили огромные территории на юге нашей страны и подошли к Волге. Началась Сталинградская эпопея.

В разгар немецкого наступления на фронте, впервые за всё время существования лагеря, на его территории, возле кухни, был установлен громкоговоритель, по которому ежедневно в 7 часов вечера передавались последние известия. «От этих известий, – пишет С. А. Голубков, – руки опускались. Мы старались не ходить к кухне, но голос диктора доносился и до здания госпиталя. Невольно приходилось слушать»³²⁵. Однако постепенно тон сообщений стал меняться, отчего узники понимали, что дела в Сталинграде обстоят для немцев не так хорошо. «Мы понимали, что в Сталинграде решается очень многое и, в частности, решается и наша судьба»³²⁶.

А вскоре все – и узники, и полиция, и немцы – узнали о страшном разгроме армии Паулюса на Волге. Победа Красной армии в Сталинграде окончательно предопределила судьбу войны. Предопределила она и судьбу Рославльского концлагеря и его узников. Последние полгода существования лагеря – это был период его ужасающей агонии.

В апреле 1943 года лагерь разделили колючей проволокой на две части и одну из них освободили от пленных. Вскоре узники узнали, что в освобождённую от них часть лагеря будут заключены перед отправкой на запад мирные жители из партизанских районов Смоленщины.

«Скоро к нам в лагерь, – свидетельствует С. А. Голубков, – потянулись целые обозы женщин, детей и стариков. Трудоспособных мужчин почти не было видно. Они ещё раньше ушли или в леса – в партизанские отряды, или же были отправлены немцами в лагерь, в тюрьмы, а частью расстреляны.

Лагерь гражданских, или пересыльный пункт, организован был большой. <...> Сразу же с утра здесь, под открытым небом, шла проверка и сортировка переселяемых людей. Большая группа немецких офицеров допрашивала и проверяла каждого пересылаемого. <...>

Если то или иное семейство не вызвало сомнений, выписывали особое свидетельство, и семью направляли дальше на запад, обычно на поселение в более “надёжный” район.

Но на поселение отправляли только нетрудоспособных. С трудоспособными обычно решали по-другому. Всех работоспособных женщин, начиная с 15–16-летнего возраста, отделяли от семьи и отправляли на станцию, там их грузили в специальный эшелон и отсылали на каторгу в Германию»³²⁷.

Многие из этих людей навсегда остались в Рославльском лагере, точнее, на находящемся рядом с ним Вознесенском кладбище. Пересыльный пункт проработал весь апрель и май и опустел только к июню 1943 года.

Борис Викторович пробыл в Рославльском лагере до самого конца его существования.

В начале июля 1943 года началась битва на Курской дуге. В Рославльский лагерь ещё успели привезти группу наших бойцов, попавших в плен в первые дни германского наступления. С. А. Голубков вспоминал: «И вот... 5 июля началось... Грохот орудийных раскатов донёсся и до нас. Началось знаменитое немецкое наступление на Орловско-Курской дуге. Лагерь заволновался. Уже на второй день некоторые немцы заговорили об успешном продвижении гитлеровских войск. На третий день в госпиталь доставили новых раненых пленных. Привезли немного, всего человек 12. А немецкое радио, захлебываясь, закричало о неминуемом разгроме Советской Армии и обязательном предстоящем взятии Москвы»³²⁸.

Узники впервые увидели пленных с погонами. «О новой форме, о погонах мы в лагере слышали, но видеть её пришлось первый раз. Слышали мы и о больших изменениях, происшедших в Советской Армии: повышении роли и авторитета командиров и об официальном наименовании командного состава офицерами. Но видеть первого офицера в новой форме, хотя и с полевыми погонами, удалось нам только теперь»³²⁹.

Битва на Курской дуге кончилась для немцев поражением, Красная армия перешла в наступление.

И вот просуществовавшему два года на земле древнерусского Ростиславля дулагу-130 наступил конец. В начале сентября 1943 года началась его эвакуация на запад. Узникам лагеря предстоял пеший переход в несколько сотен километров до самой западной области Белоруссии – Брестской.

*Мемориал на Вознесенском кладбище –
месте захоронения узников Рославльского концлагеря.*

Надпись гласит:

*«Здесь похоронено 130 000 советских граждан,
зверски замученных немецко-фашистскими захватчиками.
1941 – 1943»*

«Однажды ночью, – пишет С. А. Голубков, – в первых числах сентября нас всех подняли и приказали построиться. В лагере оставалось не более четырёх – четырёх с половиной тысяч человек. Это из 100 тысяч пленных! Некоторую часть из них немцы силой отправили на запад. Какая-то мизерная группа пленных добровольно пошла в услужение к немцам. Громадное же большинство пленных умерло от голода, холода и различных эпидемий и осталось лежать в длинных и широких пирамидах Вознесенского кладбища. <...>

Стали выводить из лагеря. Выводили медленно и долго. Начался рассвет»³³⁰.

Узников вывели на Варшавское шоссе, и повели на запад. «Охрана колонны оказалась солидной. Человек 350 фашистов-конвойных, из них человек до 200 с автоматами, да около 80 полицейских. Стояли на дороге и два броневика, а вдоль дороги взад и вперёд курсировали мотоциклетки. Как видно, немцы готовились к долгому, длинному и не совсем безопасному для них пути»³³¹.

«Этап продолжался дней пятнадцать. Втянувшись, мы проходили иногда по двадцать километров в день. Стало уже привычным, что днёвки и ночёвки проходили на открытых загонах, где находилось невыкопанное картофельное поле»³³².

По дороге С. А. Голубкову удалось бежать и найти в лесу партизан. Из-за счастливого для него побега бывший Рославльский лагерь лишился своего летописца. О дальнейшей судьбе и обстоятельствах пребывания в плену Бориса Викторовича нам известно крайне мало.

Рославль был освобождён 25 сентября 1943 года в ходе Смоленско-Рославльской операции Западного фронта, носившей кодовое название «Суворов». Примечательно, что Рославль освободила 49-я армия, в рядах которой Борис Викторович воевал в декабре 1941 года под Москвой³³³. В тот же день 25 сентября Красная армия освободила от оккупантов и Смоленск.

КОНЦЛАГЕРЯ В БАРАНОВИЧАХ, ВИЛЬНЮСЕ, СУДЕТАХ И ГЕРМАНИИ

По географии лагерей, в которых находился Борис Викторович, наглядно видно, как немецкая империя смерти, нацистский ГУЛАГ, вместе со всем III Рейхом пятилась на запад: Смоленская область (Рославль), Брестская область (Барановичи), Литва (Вильнюс), Судетская область (Чехословакия), Германия (Мюльберг-на-Эльбе, Шенфельд).

В начале октября 1943 года Борис Викторович с основной частью бывших узников Рославльского лагеря оказался в лагере в Барановичах в Брестской области.

В Брестской области война началась два с лишним года назад. Немцы взяли Барановичи 27 июня 1941 года. В I Мировую войну в Барановичах некоторое время находилась Ставка Верховного Главнокомандующего, которым был тогда великий князь Николай Николаевич. После советско-польской войны 1920 года Барановичи со всей Западной Белоруссией отошли в состав Польши и вновь вошли в состав Советского Союза в сентябре 1939 года.

О пребывании в плену Бориса Викторовича в период с октября 1943 года по апрель 1945 года мы располагаем только крохами информации. Так, мы знаем, что часть этого пути по лагерям вместе с ним прошёл фельдшер Андрей Кузьмич Белобородов. Борис Викторович познакомился с ним и подружился ещё в Рославльском лаге-

ре. Вместе они были в Барановичах и в Вильне. Они разлучились неожиданно для себя в июле 1944 года, когда узников лагеря из Литвы отправили на территорию Рейха.

В декабре 1945 года, когда Борис Викторович уже вернулся домой в Николо-Дор, на имя Надежды Николаевны от А. К. Белобородова пришло письмо (адрес матери Белобородову дал Борис Викторович).

Вот текст этого письма:

«Здравствуй, Н. Н. Прозоровская!

На первый взгляд покажется странным для Вас, что неизвестно откуда и от кого это письмо. Возможно, я Вас и побеспокою им, но Вы извините меня. Я о Вас ничего особенного не знаю, знаю только одно, что Вы являетесь матерью Бориса Викторовича Прозоровского. Мы с ним жили и работали в одном месте неразлучно 12 месяцев.

В июле месяце 44 г. мы с ним в пути расстались, это произошло неожиданно для нас, так что даже не простились. Знаю, что у него была жена и ребёнок. Знаю я это всё из разговоров с ним. Но всё дело не в этом.

Мне интересно знать, вернулся ли Борис? А если нет, то где он сейчас? По-моему, вы уже имеете от него кое-какое сообщение. Да! Простите меня за рассеянность. Ведь Вы же меня не знаете, кто я? Белобородов Андрей Кузьмич, фельдшер. Ведь Борис же мой коллега. Я должен знать, где он? Как получите это письмо, прошу Вас ответить.

Мой адрес: Полевая почта 52730, фельдшеру Белобородову А.К.

Ваш ответ для меня будет великая радость! Нас с Борисом постигло одно несчастье. Итак, ещё раз извините меня за беспокойство. До свидания. С приветом к Вам. 21.11.45. Пишите обязательно! А. К. Белобородов»³³⁴.

В Барановичском лагере Борис Викторович находился с октября по декабрь 1943 года. Здесь Борис Викторович работал санитаром в хирургическом отделении лагерного лазарета. Впрочем, что лагерь и здесь не просуществует долго, было ясно и немцам, и их узникам.

В декабре 1943 года весь лагерь перегнали в столицу Литвы Вильну (Вильнюс). В июле 1944 года, когда Красная армия в результате операции «Багратион» освободила практически всю Белоруссию и вступила уже на территорию Литвы, узников переправили на территорию Рейха.

В августе 1944 года Борис Викторович оказался в лагере шталаг* IV-C в Судетской области в г. Быстрица (северо-запад Чехии). Поскольку Судетская область с 1938 года считалась территорией III Рейха, то лагеря здесь обозначались римской цифрой, которая указывала на военный округ, и прописной буквой, соответствовавшей очередности его возникновения. Как известно, в 1938 году из-за Судетской области Чехословакии, населённой в основном немцами, произошёл так называемый Мюнхенский сговор, фактически открывший Гитлеру путь к захвату территорий за пределами Германии.

Затем из шталага IV-C Борис Викторович был перемещён в шталаг IV-B близ г. Мюльберга-на-Эльбе (современная германская земля Бранденбург, бывшая территория Германской Демократической Республики), где пробыл до октября 1944 года.

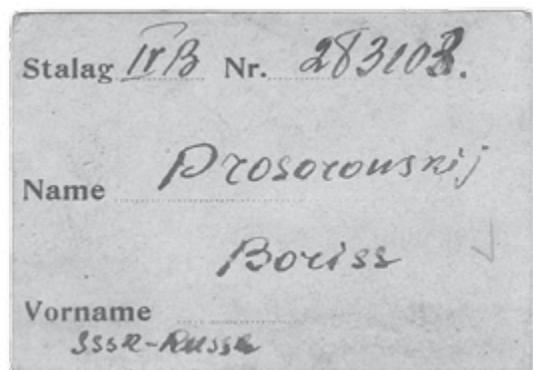
Официально лагерь назывался «шталаг IV-B Мюльберг». Он находился на правом берегу Эльбы примерно в 5 километрах от г. Мюльберг и в 30 километрах южнее г. Торгау, где 25 апреля 1945 года произошла историческая встреча советских и американских воинов.

Шталаг IV-B был не чета Рославльскому дулагу. Он возник ещё во время I Мировой войны при кайзере Вильгельме, и тогда в нём содержались русские, французские и британские военнопленные. Затем, по-видимому, лагерь был законсервирован. В 1939 году он принял партии пленных поляков, а с лета 1941 года сюда стали во множестве поступать советские пленные³³⁵.

Лейтенант Ю. В. Владимиров, оказавшийся в этом лагере в 1942 году, описывает его так: «Вскоре показался в поле лагерь военнопленных <...>. Он был ограждён снаружи со всех сторон двумя рядами колючей проволоки, заканчивавшимися по углам и посередине сторожевыми вышками, на которых сидели с автоматами часовые, и имел множество длинных деревянных барачных секций – блоках, также огороженных колючей проволокой, но только в один ряд»³³⁶.

Как и положено, при въезде на территорию «Великой Германии» все вновь прибывшие в шталаг IV-B получили свой номер.

* Шталаг (Stalag, сокращённо от немецкого Stammlager) – основной стационарный лагерь. В отличие от дулагов, которые являлись временными учреждениями, шталаги теоретически создавались чуть ли не на века.

Учётная карточка заключённого № 283103 шталага IV-B. Она была выписана на Б. В. Прозоровского по прибытии его на территорию Рейха

П. М. Полян пишет: «При поступлении в лагеря на территории Рейха советских военнопленных обязательно регистрировали, присваивая им текущие номера. Эти номера отныне становились их обиходными именами, не вторыми и не первыми, а единственными, которыми пользовались немцы. Номера, впрочем, были строго индивидуальные, и даже после смерти их обладателя вторичное присвоение его номера кому-то ещё не допускалось»³³⁷.

Номер, который получил Борис Викторович, был «283103» (в его личном архиве сохранилась учетная карточка заключенного зелёного цвета с этим номером).

Через какое-то время из головного лагеря близ Мюльберга Бориса Викторовича отправили в его «филиал» – «рабочую команду» (Arbeitskommando). Позднее он вспоминал: «<...> я был в числе других отвезён в <...> лагерь Шенфельд (рабочая команда), где сначала был на общих работах, а потом санитаром команды»³³⁸. Город Шенфельд, вблизи которого находился данный лагерь, – это территория современной земли Саксонии (территория бывшей Германской Демократической Республики). «Рабочая команда» была приписана в шталагу IV-B и являлась одним из его подразделений.

Известно, что весь последний период существования нацистского Рейха в его лагерях шло массовое уничтожение пленных. К счастью, Борис Викторович уцелел. По-видимому, он и его сотоварищи из рабочей команды до какого-то времени были нужны, а в последний момент уничтожить их просто не успели.

ОСВОБОЖДЕНИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Борис Викторович был освобождён из плена 29 апреля 1945 года³³⁹. В своих воспоминаниях он пишет об этом, как и обычно, очень кратко: «В конце апреля 1945 г. по приходе частей Красной Армии лагерь вырвался из немецкого плена, и я вместе со всеми пленными был направлен в сборно-формировочный пункт г. Заган*, а затем поступил в распоряжение военного коменданта г. Прибус, где проходил госпроверку»³⁴⁰.

К счастью, «госпроверку» Борису Викторовичу удалось пройти успешно. Ведь, как мы знаем, многим нашим военнопленным пройти эту самую проверку не удалось, и они из немецких лагерей прямым путем проследовали уже в родные советские лагеря. Многое зависело от личности следователя, и, вероятно, Борису Викторовичу попался нормальный человек, который не видел заранее в каждом бывшем в плену заведомого предателя и немецкого пособника.

«С 15 мая, – пишет Борис Викторович, – я был зачислен на должность командира отделения комендантского надзора, а с 12 июля 1945 г. приказом военного коменданта направлен в качестве санинструктора в 23-ю Подвижную ремонтную мастерскую, откуда и был демобилизован»³⁴¹.

Скорее всего, первое, что сделал Борис Викторович, когда смог, – это послал домой в Николо-Дор весточку о том, что он жив и надеется скоро вернуться. Можно представить, как были рады этой вести и его родители, и жена, и все остальные родные!

В последние дни войны и первые дни мира восточные районы Германии представляли собой поразительное зрелище. Во все стороны двигались массы людей – возвращались домой угнанные на работу в Германию поляки, французы, чехи, югославы, советские люди, проходили войска и техника Красной армии, двигались под конвоем колонны пленных немецких солдат, пробирались на запад группы немецких беженцев. Над дорогами звучали языки всех стран Европы. Незабываемая весна сорок пятого года! И где-то здесь в гуще всего этого находился Борис Викторович, вновь одетый в форму бойца Красной армии.

* Город Заган в настоящее время находится в западной части Польши.

12 июля 1945 года он был зачислен на должность санинструктора 23-й Подвижной ремонтной мастерской Гвардейских минометных частей 1-го Украинского фронта. В этой части он прослужил до демобилизации. Б. В. Прозоровский был демобилизован 31 октября 1945 года³⁴².

С эшелонем демобилизованных воинов он отправился на Родину. Через Германию, Польшу, Белоруссию, Смоленскую и Московскую области эшелон проследовал до Москвы. Поезд шёл с запада на восток через те места, которые возвращающиеся в нём солдаты прошли в предыдущие годы – кто в рядах армии, кто – за колючей проволокой концлагерей.

Из Москвы Борис Викторович с Ярославского вокзала поездом отправился до железнодорожной станции Итларь (она находится на линии Москва – Ярославль, не доезжая Ростова Великого). Из Итлари же около двадцати километров он прошел пешком до Николо-Дора.

Во время войны его семья в тылу, как и все, жила трудно. Александра Ивановна вспоминала: «В военные годы жизнь была тяжёлой. <...> От голода спасало только своё хозяйство – держали коз, разводили пчёл, выращивали овощи»³⁴³. Общие тяготы усугубляло незнание о судьбе Бориса Викторовича, и, наверное, все эти годы его близких поддерживала теплящаяся надежда на то, что он всё-таки жив.

Наконец пришёл великий день 9 мая 1945 года, день Победы, день окончания казавшейся бесконечной войны. Пришло долгожданное известие от Бориса Викторовича из Германии о том, что он жив. Отныне вся жизнь Виктора Васильевича, Надежды Николаевны и Александры Ивановны была подчинена одному: нетерпеливому ожиданию его возвращения.

Борис Викторович вернулся домой в Николо-Дор 8 ноября 1945 года. Шестилетняя дочь Валентина, родившаяся в конце 1939 года, не узнала отца. Александра Ивановна вспоминала о возвращении мужа: «В ноябре, восьмого числа, приехал. Это был выходной день. Все были безмерно рады. А младшая дочь Валя говорит: “Я смотрю, какой-то дядька пришёл”, не сразу и признала отца, ведь четыре года росла без него. Потом дочки получили гостинцы – шоколадки, которых никогда и не видели. Взрослые накрыли стол, и вся семья наконец-то собралась вместе»³⁴⁴.

Сама Валентина Борисовна о возвращении отца вспоминает так: «<...> осень 1945 года. Ранние морозы успели покрыть стёкла в окнах Николо-Дорской школы затейливыми узорами, и я, шестилет-

няя девочка, леплю монетки на замороженные окна, чтобы увидеть мир через маленькие круглые отверстия. Мама печёт блины... Открывается входная дверь, и в кухню входит худощавый мужчина в шинели, с вещмешком за плечами. Мама роняет ухват, вскрикивает и бросается в объятия. Бабушка бежит за моей старшей сестрой. Вот и они повисли на вошедшем. А я сижу в сторонке и с удивлением наблюдаю за происходящим. Через какое-то время мужчина подходит ко мне, берёт на руки, сажает на тёплую лежанку, достаёт из вещмешка свёрток с чем-то тёмным, похожим на кусок патоки или мыла, предлагает попробовать. Это был шоколад! Запах мне понравился, а вкус – нет: горький. Вот такой “шоколадной” была моя первая встреча с отцом»³⁴⁵.

Родителям Бориса Викторовича, его жене и дочерям неслыханно повезло. Расставшись с ними в июле 1941 года, он множество раз мог погибнуть на войне и сгинуть в концлагере, как погибли миллионы наших соотечественников. Но, видимо, дед, мать с отцом и жена вымолили для него спасение.

1 апреля 1946 года Борис Викторович был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Эту медаль давали всем фронтовикам, и Борис Викторович получил её по праву. Ведь он прошёл всю войну – от белоснежных полей под Москвой до лагерей в Смоленской области, Белоруссии, Литве, Чехословакии и Германии.

Удостоверение к медали «За победу над Германией в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.», которую бывший старший сержант Б. В. Прозоровский получил 1 апреля 1946 года

В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В январе 1946 года Борис Викторович Прозоровский стал работать заведующим избой-читальней в Щенникове, а с 10 января – учителем физики, математики и завучем Щенниковской семилетней школы (неофициально). В 1952 году он заочно окончил факультет иностранных языков Ивановского государственного педагогического института по отделению немецкого языка*.

То, что Борис Викторович успешно прошёл госпроверку в Германии, ещё совсем не означало, что для него в этом плане всё кончилось благополучно. Над такими, как он, бывшими в немецком плену, ещё долго висел дамоклов меч советского правосудия.

Известно немало случаев, когда арестовывали людей, счастливо прошедших все проверки и вернувшихся домой. Уже из родного дома через полгода, год, два их выдергивали и давали десятку лет лагерей, в которых бывший пленный находился до смерти великого вождя и учителя.

В каком-то смысле возвращение на Родину Бориса Викторовича напоминало возвращение домой в конце 1917 года его отца Виктора Васильевича. Ведь и Борис Викторович для всевозможных властей был не герой-фронтовик, не чудом уцелевший узник фашистского концлагеря, а личность довольно подозрительная и ненадёжная.

В советской идеологической системе не находилось места пленным. Солдат, лишившийся возможности сражаться, должен был или застрелиться или – ещё лучше – подорвать себя и врагов последней гранатой. Но ведь не у всех имелась такая возможность, к тому же в эту схему не вписывались раненые, контуженные и т. д.

Бывшая ученица Щенниковской школы, В. В. Ефанова, пишет: «По воспоминаниям моего отца – Лапина Василия Константиновича

* Буквально накануне войны Борис Викторович закончил два курса Московских Центральных курсов заочного обучения иностранных языков. В его личном архиве сохранилось свидетельство Центральных курсов об окончании двух курсов, датированное 30 июля 1941 года (свидетельство уже получили родные Бориса Викторовича)³⁴⁶. Конечно, в лагерях знание немецкого языка неоднократно помогало ему. Борис Викторович знал немецкий язык (а также французский и латынь, которые выучил самостоятельно) в совершенстве.

(он был партийным), – я знаю, что после войны Б. В. Прозоровского не раз вызывали в соответствующие органы, и после проведённых там с ним «бесед» всё больше и больше седела его голова»³⁴⁷.

Характерно, что военный билет Борис Викторович получил в Ильинском райвоенкомате лишь 4 марта 1948 года³⁴⁸. И вряд ли дело в бюрократических проволочках. Военный билет – один из знаков гражданской полноправности. Видимо, вплоть до начала 1948 года Бориса Викторовича, как бывшего в плену, всё проверяли и перепроверяли, т. е. дамоклов меч по-прежнему висел над его головой.

20 июля 1946 года в Симе на восемьдесят третьем году скончался отец Надежды Николаевны и дед Бориса Викторовича – Николай Фёдорович Молчанов. Семью Прозоровских вызвали из Николо-Дора, и они проводили патриарха своего рода в последний путь.

* * *

В истории семьи Прозоровских особенно выделяется судьба Надежды Николаевны. Она пережила смерть четырёх маленьких детей. Более трёх лет ждала с фронта мужа, который вернулся израненным. Затем ещё три долгих года ждала его из Темлага. Затем она пережила арест сына и больше года жила, каждый день ожидая самого страшного. А потом наступило воскресенье 22 июня 1941 года, и война забрала обоих её последних сыновей, один из которых в конце декабря 1941 года пропал без вести. Другой сын – Дмитрий – всю войну был на фронте, и она четыре года жила в страхе за него.

Борис Викторович писал о матери: «Несмотря на потерю устроенной и обеспеченной дореволюционной жизни, несмотря на репрессии в отношении отца и мужа, а затем и сына, несмотря на то, что схоронила четверых детей, несмотря на голод и нужду в тяжкие военные годы, Надежда Николаевна не озлобилась, не очерствела, но сохранила в сердце уважение и любовь к людям, сохранила все лучшие качества подлинного российского интеллигента»³⁴⁹.

Через четыре года после войны произошло одно из тех событий, которые, казалось, никак не могли произойти, но, тем не менее, иногда случались в нашей стране парадоксов и перегибов на местах. В 1949 году Надежда Николаевна была удостоена высшего ордена СССР – ордена Ленина.

По всем канонам, Надежду Николаевну не должны были и близко подпускать к этой награде. Дочь попа, жена станового пристава, осуждённого советским судом, мать сына, который три с половиной года пробыл в немецком плену и ещё неизвестно, чем там зани-

*Нина и Валя Прозоровские. Николо-Дор.
Фото второй половины 40-х годов*

мался, никак не могла получить одну из высших наград Советского Союза.

Как мы помним, Прозоровские переехали в 1934 году в Николо-Дор, потому что Виктору Васильевичу было запрещено жить в родном Юрьев-Польском районе. В 1937 году Виктора Васильевича обязательно должны были арестовать. То, что этого не случилось, – просто настоящее чудо. Помогло, видимо, то, что он нигде официально не работал и жил в весьма глухом месте. Таким образом, Надежде Николаевне трудно было рассчитывать на какую-нибудь советскую награду, а уж тем более на высшую. И, тем не менее, орден с профилем основателя советского государства всё-таки в торжественной обстановке был ей вручён.

Произошло это при следующих обстоятельствах. В первые послевоенные годы установилась практика, просуществовавшая до смерти Сталина в 1953 году, когда государство проводило массовые награждения различных групп работников народного хозяйства. По-ви-

*Надежда Николаевна Прозоровская
в Николо-Дорской школе с внучками Ниной и Валей.
Фото начала 50-х годов*

димому, в конце 1948 года в Ивановскую область пришло указание о представлении к наградам лучших учителей. Указание разошлось по районам, и здесь в награждении Надежды Николаевны свою роль сыграли, видимо, две причины: 1) она, действительно, была учительницей милостью Божией, каких никогда не бывает много, 2) стремление властей района выдвинуть на представление к наградам побольше своих людей.

В Москве же, торопясь, видимо, выпустить указ ко дню рождения В. И. Ленина, доверились работникам на местах и не стали очень глубоко «копать» биографии представленных кандидатов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1949 года «О награждении орденами и медалями учителей школ Ивановской области» в Ильинском районе Ивановской области орденами и медалями было награждено семнадцать человек (все женщины). Среди троих награждённых орденом Ленина находилась и Надежда Николаевна³⁵⁰. 10 мая 1949 года руководители Ильинского района – секретарь райкома ВКП(б) Шабров и председателя райисполкома Осипов – прислали ей поздравление, в котором говорилось:

«Приветствуем Вас и поздравляем с награждением Вас правительством орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу. Желаем Вам дальнейшей плодотворной работы по воспитанию молодого советского поколения, беззаветно преданного делу коммунизма, делу Ленина-Сталина»³⁵¹.

Здесь надо учесть, что в это время ещё был жив Виктор Васильевич – бывший сотрудник царской полиции, бывший «враг народа» и бывший узник Темлага.

Виктор Васильевич Прозоровский скончался в Николо-Доре 9 февраля 1950 года в возрасте 74-х лет. Его похоронили на кладбище у стен давно закрытого и разорённого Никольского храма. Позднее Борис Викторович поставил на могиле отца памятник.

* * *

Жизнь Бориса Викторовича в Николо-Доре отмечена великой вехой, разделившей советскую историю на время «при Сталине» и время «после Сталина». В первых числах марта 1953 года наша страна испытала потрясение: по радио был передан бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина и люди сразу же поняли, что великий вождь народов Советского Союза, давно уже воспринимавшийся всеми не как живой человек, а как бессмертное божество лежит при смерти.

Утром 6 марта радио передало обращение ЦК ВКП(б), Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к народу, в котором говорилось, что «перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина». В стране был объявлен траур.

В. М. Жильцова, учившаяся в 1953 году в 5-м классе, вспоминает о том, как 6 марта в Щенниковской школе объявили о кончине вождя: «Была линейка. Вроде, сняли с урока. Нас выстроили в коридоре и объявили. Все были возбуждены, волновалась вся школа. Не помню, чтобы много говорили. Кто-то объявил, что Сталин умер. Кто-то плакал. Глядели друг на друга. Все были грустные, горевали»³⁵².

Т. К. Павлова, в 1953 году бывшая ученицей 6-го класса, вспоминая эту линейку в коридоре школы, говорит: «Видела, что учителя плакали.

Мы жалели Сталина»³⁵³.

*Под взором вождя.
Борис Викторович возле портрета Сталина своей работы.
Щенниковская школа. 1940 г.*

9 марта, в день похорон Сталина в Москве на Красной площади, по всей стране проходили траурные церемонии. Траурный митинг состоялся в тот день и в Щенниковской школе.

Дочь Бориса Викторовича Валентина вспоминает: «На три дня был объявлен траур. На пионерские галстуки все пришили чёрные ленточки. В них мы и вышли на траурный митинг (он проходил в коридоре). Звучала музыка, выступала директор Т. Н. Кукушкина. Многие плакали»³⁵⁴.

Огромное большинство взрослых и детей плакали о покойном вожде совершенно искренне. Конечно, Борис Викторович участвовал во всех траурных мероприятиях, проходящих в школе в эти дни. Однако по поводу кончины великого гения человечества он испытывал какие угодно чувства, но только не скорбь. Смерть Сталина несла надежду на перемены к лучшему и в жизни таких, как он, и в жизни всей нашей огромной страны.

По свидетельству его дочери Валентины, «дома отец сожалел, что Виктор Васильевич не дожил до этого дня»³⁵⁵.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1962 году Борис Викторович с женой и матерью переехал из Николо-Дора в село Черницы Ивановского (ныне – Лежневского) района Ивановской области, где стал работать учителем и завучем в местной средней школе-интернате.

Оставленное им село Николо-Дор неуклонно хирело. В 1958 году, как писалось выше, произошло разрушение Никольского храма. Позднее закрылась Николо-Дорская школа. 17 июля 1997 года село Николо-Дор было окончательно исключено из учётных данных Ильинского района³⁵⁶.

Находящееся в 28 километрах от Иванова село Черницы более всего известно тем, что в 1943–1957 гг. здесь существовал особый «генеральский» лагерь № 48 для военнопленных, через который прошло около 400 немецких, австрийских, итальянских, венгерских, румынских и японских генералов. Лагерь находился в бывшей дворянской усадьбе Митьковых, в которой после революции разместился санаторий для железнодорожников имени П. Л. Войкова. Самым известным заключённым лагеря был фельдмаршал Фридрих Паулюс (1890–1957 гг.), пленённый в Сталинграде бывший командующий 6-й немецкой армией, который находился тут в 1943–1944 гг.

После ликвидации лагеря на его территории разместилась школа-интернат³⁵⁷.

В 1966 году семья Прозоровских переехала в село Котцыно Ивановского района. В этом селе, в центре которого, как и в Симе, и в Николо-Доре, и в Чернцах, возвышался закрытый и постепенно превращающийся в руины Казанский храм, Б. В. Прозоровский прожил последние сорок лет своей жизни.

Надежда Николаевна, как и все старые люди, в последние свои годы во многом жила воспоминаниями. В письме к внучке Марине от 12 мая 1992 года Борис Викторович писал: «За год до кончины бабка Надежда Николаевна в течение нескольких дней подряд, словно чуя свой близкий конец, предавалась воспоминаниям о своей прошедшей жизни, о детстве, об Александровской женской гимназии (где она училась), о Симе, о Молчановых, о Голицыных и многом другом, а я лишь с улыбкой слушал её слова и вместо того, чтобы записать её рассказ на магнитофон или хотя бы в тетрадь, – всё думал, что она вечно будет с нами, гнал от себя мысль, что её не станет. Теперь вот браню себя за легкомыслие – надо было ловить и запоминать каждое её слово...»³⁵⁸

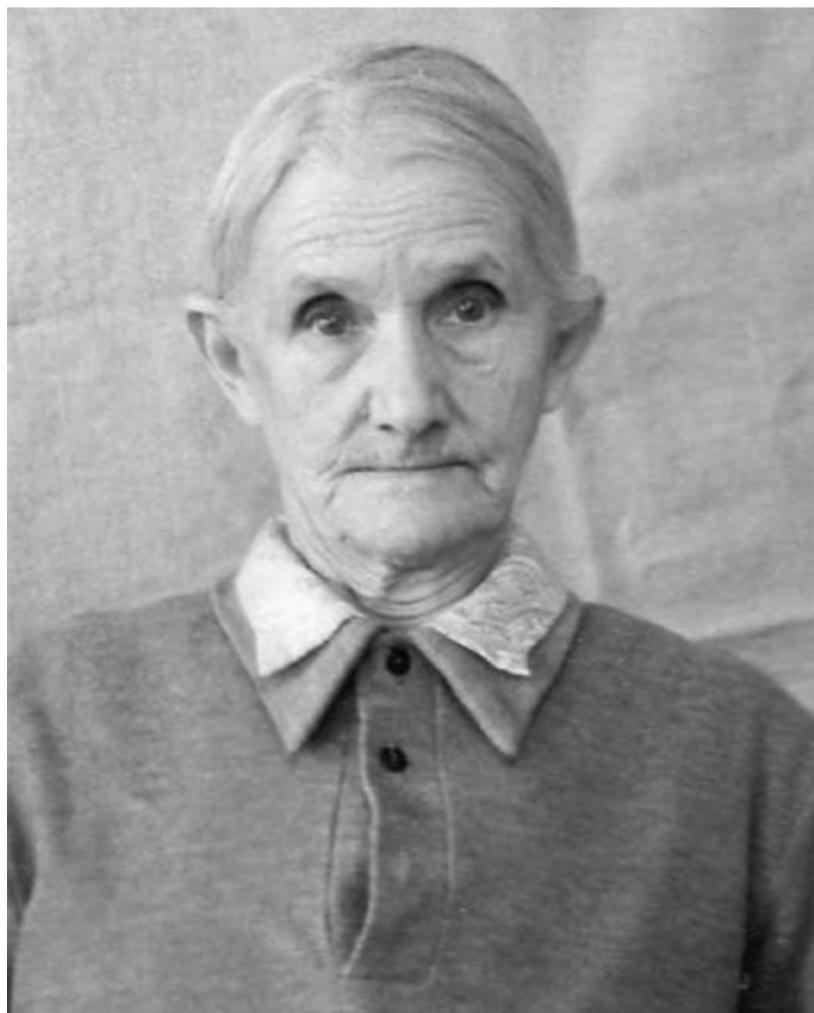

*Село Котцыно.
Фото Б. В. Прозоровского 60-х годов*

*Дом Прозоровских в Котцыне.
Фото 60-х годов*

Надежда Николаевна скончалась в Котцыне 18 декабря 1989 года в возрасте девяноста восьми лет. Перед смертью она оставила Борису Викторовичу и Александре Ивановне последнее письмо. В нём говорилось: «Милые, хорошие! Напрасно за мной ухаживаете – я того не стою. Спасибо вам за всё! Желаю вам долгой и счастливой жизни! Любящая вас Н. Н. П. Живите со всеми дружно»³⁵⁹.

*Надежда Николаевна Прозоровская.
Фото 80-х годов*

30 ноября 1961 года Борису Викторовичу было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». 25 сентября 2003 года он удостоен звания «Почётный гражданин Ивановского района».

С годами Борис Викторович всё больше и больше занимался живописью. Выйдя на пенсию, он посвятил себя ей почти целиком. Борис Викторович писал маслом – в основном пейзажи окрестностей Николо-Дора, Чернц, Котцына. Только изредка он обращался к портретному жанру, когда писал портреты близких людей.

Борис Викторович Прозоровский скончался в Ивановском областной больнице 16 ноября 2005 года на девяносто третьем году жизни.

5 декабря 2009 года на девяносто третьем году жизни скончалась Александра Ивановна Прозоровская. Она умерла на руках дочери в Иванове. Похоронили её на кладбище в селе Котцыне рядом с мужем.

Обе дочери Бориса Викторовича и Александры Ивановны, Нина и Валентина, поступили в Ивановские институты: Нина – в 1954 году в медицинский, Валентина – в 1957 году в педагогический. По окончании вуза Нина в 1960 году была распределена на работу на Урал, а Валентина в 1962 году уехала в Красноярский край, где – также по распределению – уже работал её муж.

*Котцыно. Кладбище. Могилы Надежды Николаевны,
Бориса Викторовича и Александры Ивановны Прозоровских.
Фото 2013 г.*

Младший брат Бориса Викторовича, Дмитрий Викторович Прозоровский (1923–2002 гг.) после войны, демобилизовавшись в мае 1945 года, некоторое время работал в военкомате Ильинского района, а в 1946 году поступил в Ивановский энергетический институт, который окончил в 1952 году.

В последующие годы Дмитрий Викторович вырос в видного деятеля советской энергетики. Под его руководством была построена Нововоронежская АЭС. Дмитрий Викторович удостоен почти всех высших наград СССР: лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина и ордена Трудового Красного Знамени. Он скончался 24 июля 2002 года и похоронен в Нововоронеже (Воронежская область).

*Дмитрий Викторович Прозоровский –
Герой Социалистического Труда.
Фото 1985 г.*

1. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 290, 302, 304, 314.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841, стр. 145.
3. *Тихонравов Н.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857, стр. 117–118 (далее – Тихонравов Н. Владимирский сборник).
4. *Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской губернии. Вып. III. Владимир, 1896, стр. 491–493 (далее Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов).
5. *Голицына Н.В.* Пассионарные личности России. Т. 1. Голицыны (Михайловичи). М., 2004, стр. 175–176 (далее – Пассионарные личности России).
6. Русский биографический словарь (Гоголь – Гюне). М., 1997, стр. 148–149.
7. Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011, стр. 94.
8. Генерал Багратион. Документы и материалы. М., 1945, стр. 246.
9. ГАВО, ф. 556, оп. 106, д. 307, л. 468. Документ любезно предоставлен московским историком Игорем Сергеевичем Тихоновым, заместителем начальника отдела Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), председателем историко-патриотического объединения «Багратион».
10. Письмо И.С. Тихонова А.В. Соловьёвой от 21.06.2013.
11. Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011, стр. 37.
12. Владимирские епархиальные ведомости. 1912, № 34, отдел неоф., стр. 681.
13. *Тихонравов Н.* Владимирский сборник, стр. 118.
14. Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912, стр. 628–629.
15. Там же, стр. 624.
16. Русский биографический словарь (Гоголь – Гюне). М., 1997, стр. 63–64.
17. Петербургский некрополь. Т. IV. СПб., 1913, стр. 272–273.
18. *Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов, стр. 493.
19. Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912, стр. 628.
20. Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. Кн. IV. СПб., 1908, стр. 248.
21. Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912, стр. 629.
22. ГАВО, ф. 556, оп. 109, д. 112, л. 12.
23. ГАВО, ф. 556, оп. 109, д. 357, л. 8 об.

24. Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905, стр. 277.
25. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990, стр. 74.
26. Там же.
27. *Фрейман О. Р.* Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей с портретами. СПб., 1894, стр. 668; *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии. Владимир, 1995, стр. 70–71 (далее – Фролов Н. В. Предводители дворянства Владимирской губернии).
28. Придворный календарь на 1895 год. СПб., стр. 140; *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 71.
29. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 73.
30. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1908 год. М., 1908, стр. 94.
31. Имена московских улиц: путеводитель. 5-е изд. М., 1988, стр. 277–278.
32. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 72.
33. Придворный календарь на 1903 год. СПб., стр. 108; Придворный календарь на 1911 год. СПб., стр. 103; *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 72.
34. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 72.
35. Там же.
36. Там же, стр. 73.
37. *Свирский В. Ф.* Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890, стр. 180.
38. Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию по Владимирской губернии. Вып. II. Владимир, 1900, стр. 278–281.
39. Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Владимир, 1911, стр. 73.
40. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 71.
41. Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. II. Владимир, 1900, стр. 440.
42. Справочник по начальным школам Владимирской губернии на 1 января 1915 года. Владимир, 1915, стр. 183.
43. *Добронравов В.* Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии. Владимир, 1909, стр. 132.
44. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 72.
45. Владимирские епархиальные ведомости. 1898, № 17, часть офиц., стр. 455.
46. Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917–1918 гг.). Сборник документов. Владимир, 1957, стр. 101.
47. *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. М., 2002, стр. 136.
48. Пассионарные личности России, стр. 132.

49. Там же.
50. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах. Т. 2. М., 1999, стр. 136.
51. Там же, стр. 137.
52. Пассионарные личности России, стр. 132.
53. Там же, стр. 127.
54. Там же, стр. 87.
55. *Романюк С. К.* Москва. Утраги. М., 1992, стр. 180.
56. *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М., 1990, стр. 164–165.
57. *Беловинский Л. В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, стр. 77 (далее – Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь).
58. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 74; Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Т. 1. М., 2006, стр. 133.
59. Пассионарные личности России, стр. 131.
60. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1904 год. Ч. I. СПб., 1904, стб. 53.
61. Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области (1778–2009). Кострома, 2009, стр. 89 (далее – Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области).
62. Владимирский календарь и памятная книжка 1903. Владимир, 1903, стр. 52; Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002, стр. 265 (далее – Владимирская энциклопедия).
63. Владимирская энциклопедия, стр. 264–265; Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области, стр. 89–91.
64. *Фролов Н. В.* Предводители дворянства Владимирской губернии, стр. 74.
65. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1912 год. Ч. I. СПб., 1912, стб. 50.
66. Государственная Дума Российской империи 1906–1917. Т. 1. М., 2006, стр. 513–516 (далее – Государственная Дума Российской империи. Т. 1).
67. Там же, стр. 133.
68. Весь Петербург. Адресная и справочная книга. СПб., 1914, стб. 161.
69. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М., 2013, стр. 125.
70. Государственная Дума Российской империи. Т. 1, стр. 133.
71. Там же, стр. 421.
72. Пассионарные личности России, стр. 131.
73. Государственная Дума Российской Империи. Т. 1, стр. 133.
74. Пассионарные личности России, стр. 131–132.

75. Государственная Дума Российской империи. Т. 1, стр. 133.
76. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах. Т. 2. М., 1999, стр. 140.
77. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1905 год. Ч. I. СПб., 1905, стб. 53.
78. Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008, стр. 391.
79. Пассионарные личности России, стр. 84.
80. *Христофоров В.С.* О закрытии Марфо-Мариинской обители милосердия // Вестник церковной истории. 2008, № 1(9), стр. 142 (далее – Христофоров В.С. О закрытии Марфо-Мариинской обители милосердия).
81. *Максимова Л.* «Я принадлежу Москве...» // Московский журнал. 1991, № 2, стр. 51.
82. Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008, стр. 391–392.
83. *Христофоров В.С.* О закрытии Марфо-Мариинской обители, стр. 142.
84. Пассионарные личности России, стр. 84.
85. Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008, стр. 395–396.
86. *Христофоров В.С.* О закрытии Марфо-Мариинской обители, стр. 142.
87. Там же.
88. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области: мартиролог 1937–1938. Т. 2. Тверь, 2001, стр. 209.
89. Пассионарные личности России, стр. 85.
90. Там же, стр. 85, 132.
91. Там же, стр. 87, 132.
92. Там же, стр. 89, 127.
93. *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии. М., 1972, стр. 126.
94. *Кюришнова И.А.* Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVIII вв. СПб., 2010, стр. 348.
95. ГАВО, ф. 556, оп. 1, д. 4892, лл. 83–84.
96. Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905, стр. 276.
97. ГАВО, ф. 556, оп. 1, д. 4892, лл. 87–88.
98. Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г. // Личный архив Надежды Александровны Бондаренко, внучки Н. Ф. Молчанова (далее – Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г.).
99. ГАВО, ф. 556, оп. 109, д. 285, л. 45 об.
100. *Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов, стр. 493.
101. Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905, стр. 275–277.
102. Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г.
103. Там же.
104. Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырёх поколений русских священников). 1814–1937. М., 2004, стр. 721.
105. Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1900, стр. 131.
106. Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г.
107. *Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов, стр. 472.
108. Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г.
109. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись) // Личный архив Марины Вадимовны Ахмадшиной, внучки Б.В. Прозоровского; далее – Прозоровский Б.В. Из воспоминаний (рукопись).
110. Там же.
111. ГАВО, ф. 590, оп. 23, д. 374, лл. 248 об. – 249; Владимирские епархиальные ведомости. 1891, № 23, часть офиц., с. 524.
112. Послужной список Н. Ф. Молчанова за 1913 г.
113. Личный архив Н. А. Бондаренко.
114. Там же.
115. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1914 год. Ч. I. СПб., 1914, стр. 1372.
116. Личный архив Н. А. Бондаренко.
117. Свидетельство о браке от 20 октября 1924 г. // Личный архив Н. А. Бондаренко.
118. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись).
119. ГАИО, ф. 2953, оп. 3, д. 283, л. 1.
120. Там же.
121. Опись имущества Н. Ф. Молчанова от 3 февраля 1930 г. // Личный архив Н. А. Бондаренко.
122. *Гоглов А.* Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008, стр. 332.
123. Постановление Александровского окрисполкома от 4 июня 1930 г. // Личный архив Н. А. Бондаренко.
124. Личный архив Н. А. Бондаренко.
125. Постановление Симского сельсовета от 30 марта 1934 г. // Личный архив Н. А. Бондаренко.
126. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись).
127. *Михайлов К.П.* Золотое кольцо России. Летопись разрушений и утрат. М., 2008, стр. 99.
128. ГАВО, ф. 590, оп. 23, д. 76, лл. 7 об. – 8.

129. ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 5260, лл. 7 об., 15 об. – 16; Архив УФСБ РФ по Владимирской области, д. 1017, л. 2.
130. Учётная карточка В.В. Прозоровского // Личный архив М.В. Ахмадшиной; Архив УФСБ РФ по Владимирской области, д. № 1017, лл. 9, 31.
131. *Чернов Г.И.* Страницы прошлого (из истории дореволюционной школы Владимирской губернии). Владимир, 1970, стр. 51–53.
132. *Скворцов А.И., Строгова Л.П., Шагова О.А.* Владимир. Путеводитель-справочник. Ярославль, 1984, стр. 98–101.
133. Владимирский календарь и памятная книжка на 1906 год. Владимир, 1906, стр. 129.
134. Очерки истории Владимирской организации КПСС. 2-е изд. Ярославль, 1972, стр. 59–68.
135. Послужной список В.В.Прозоровского за 1920 г. // Личный архив М.А. Ахмадшиной (далее – Послужной список В.В.Прозоровского за 1920 г.).
136. *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь, стр. 437.
137. Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1895, стр. 704.
138. ГАВО, ф. 590, оп. 23, д. 371, лл. 16 об. – 17.
139. Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1900, стр. 29, 36, 67, 76, 110, 121.
140. *Беловинский Л.В.* Историко-бытовой словарь, стр. 368.
141. *Куницын М.Н.* Александрова слобода. Ярославль, 1976, стр. 96 (далее – Куницын М.Н. Александрова слобода).
142. *Беловинский Л.В.* Историко-бытовой словарь, стр. 94.
143. *Прилежаева М.П.* Зелёная ветка мая. М., 1986, стр. 60 (далее – Прилежаева М.П. Зелёная ветка мая).
144. Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год. Владимир, 1903, стр. 14.
145. *Прилежаева М.П.* Зелёная ветка мая, стр. 22.
146. *Куницын М.Н.* Александрова слобода, стр. 107–108.
147. Воспоминания *Клавдии Владимировны Блинковой (урождённой Сотсковой)* (рукопись) // Архив Музея истории народного образования г.Александрова и района.
148. Аттестат Н.Н. Молчановой об окончании гимназии от 31 мая 1908 г.; Свидетельство об окончании Н.Н. Молчановой дополнительного класса гимназии от 31 мая 1909 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
149. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись).
150. *Чернов Г.И.* Страницы прошлого: из истории дореволюционной школы Владимирской губернии. Владимир, 1970, стр. 268–270.
151. Справочник по начальным школам Владимирской губернии на 1 января 1915 г. Владимир, 1915, стр. 175.
152. Анкета Н.Н.Прозоровской 1921 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
153. Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905, стр. 276.
154. Справочник по начальным школам Владимирской губернии на 1 января 1915 г. Владимир, 1915, стр. 175.
155. Паспорт Н.Н.Прозоровской (1911 г.) // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
156. Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004, стр. 53.
157. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М., 1997, стр. 113.
158. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. Документы и фотоматериалы. М., 1996, стр. 113.
159. Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004, стр. 53–54.
160. *Романюк С.К.* Москва. Утраты. М., 1992, стр. 336; *Михайлов К.* Взорванная память. Уничтоженные памятники русской воинской славы. М., 2007, стр. 266–276.
161. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997, стр. 192.
162. Там же.
163. *Николай II.* Дневник. М., 2007, стр. 40.
164. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 год. Владимир, 1913, стр. 69.
165. Личный архив М.В. Ахмадшиной.
166. *Самойлов А.В.* Формирование 217-го пехотного Ковровского полка: <http://www.vladregion.info/articles/formirovanie-217-go-pekhotnogo-kovrovskogo-polka>
167. Там же.
168. Послужной список В.В.Прозоровского за 1920 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
169. Там же.
170. *Коллеров А.Л.* 217-й пехотный Ковровский полк в 1-й Мировой войне: (kovrov-museum.ru/uploads/read18kollerov.doc).
171. Там же.
172. Там же.
173. Там же.
174. Послужной список В.В.Прозоровского за 1920 г. // Личный архив В.А. Ахмадшиной.
175. *Степун Ф.А.* Мысли о России // Новый мир. 1991, № 6, стр. 207.
176. Расписка в реквизиции печатной машинки // Личный архив В.А. Ахмадшиной.
177. Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917–1918 гг.). Сборник документов. Владимир, 1957, стр. 235.
178. Архив УФСБ РФ по Владимирской области, д. № 1017, лл. 83–84.
179. Там же, лл. 84–85.

180. Очерки истории владимирской организации КПСС. 2-е изд. Ярославль, 1972, стр. 200–201; Владимирская областная организация КПСС. 1892–1984. Ярославль, 1985, стр. 103.
181. Послужной список В.В.Прозоровского за 1920 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
182. Удостоверение от 16 апреля 1924 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
183. Там же.
184. Выписка из постановления исполкома Симского волостного Совета от 21 июня 1927 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
185. Архив УФСБ РФ по Владимирской области, д. № 1017, л. 2.
186. Там же.
187. Там же, лл. 2–2 об.
188. Там же, л. 2.
189. Там же, лл. 6–6 об.
190. Там же, л. 38.
191. Там же, л. 39.
192. Там же.
193. Там же.
194. Там же, л. 40.
195. Там же, л. 89.
196. Там же, л. 90.
197. *Григорьев А.А.* Из воспоминаний // Григорьев А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, стр. 412–413.
198. Удостоверение из Управления Темниковского ИТЛ от 29 июня 1933 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
199. Там же.
200. Там же.
201. Акт сдачи школы от 13 августа 1934 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
202. Назначение от 17 августа 1934 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
203. ГАВО, ф. 590, оп. 23, д. 378, лл. 100 об. – 101.
204. *Б. Прозоровский.* Неугасимый факел познания // Ленинец (Иваново). 1.09.1971.
205. Удостоверение от 12 июня 1929 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
206. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись).
207. Удостоверение от 19 сентября 1929 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
208. Трудовая книжка Б.В.Прозоровского // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
209. Удостоверение об окончании Иваново-Вознесенского педтехникума от 11 июля 1932 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.

210. Трудовая книжка Б.В.Прозоровского // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
211. Список населенных мест Мологского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1901, стр. 20.
212. *Крылов А.* Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1861, стр. 456.
213. Дар Божий // Наше слово (Иваново). 18.10.2005; Акт передачи Бекренской неполной средней школы от 1–2 сентября 1937 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
214. Свидетельство о рождении // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
215. Свидетельство об окончании Рыбинского медицинского техникума от 15 июня 1935 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
216. Свидетельство о браке // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
217. Не предать забвению. Книга памяти репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль, 1993, стр. 376.
218. Там же, стр. 39.
219. Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 5. Ярославль, 1998, стр. 382.
220. Там же.
221. Выступление тов. Л.М.Кагановича на Ярославской областной партконференции // Северная правда (Кострома). 15.06.1937.
222. Расстрельные списки. Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2005, стр. 80.
223. ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. 7460, л. 5 об.
224. Письмо Б.В.Прозоровского от 25 августа 1937 г. матери и жене // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
225. Там же.
226. Там же.
227. Акт сдачи школы и расписка от 3 сентября 1937 г // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
228. *Прозоровский Б.В.* Автобиография (рукопись) // Личный архив М.В.Ахмадшиной; далее – Прозоровский Б.В. Автобиография (рукопись).
229. ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. 7460, л. 1.
230. Там же, л. 4.
231. Там же, лл. 5–5 об.
232. *Борисов Н.С., Марасинова Л.М.* Рыбинск. Мышкин. Пошехень. М., 2001, стр. 126.
233. *Мурашов С.* «Софийке» – 80 // Рыбинская неделя. 17.08.2011.
234. <http://www.tyurma.com/yaroslavskii-tsentral-korovniki>

235. Родине и присяге верны. Посвящается 90-летию со дня образования органов государственной безопасности. Кострома, 2007, стр. 47.
236. Письмо Б.В. Прозоровского от 16 мая 1938 г. // Личный архив М.В. Ахмадиной.
237. Письмо П.В. Голынца от 7 апреля 1939 г. // Личный архив М.В. Ахмадиной.
238. ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. 7460, л. 76.
239. Там же.
240. Там же.
241. Там же, л. 77.
242. Там же, л. 78.
243. Хаиров А. «Верный ученик сталинского наркома...» // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 5. Ярославль, 1998, стр. 541–544 (далее – Хаиров А. «Верный ученик сталинского наркома...»).
244. Не предать забвению. Книга памяти репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль, 1993, стр. 39, 376.
245. ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. 7460, л. 79.
246. Там же, л. 80.
247. Хаиров А. «Верный ученик сталинского наркома...», стр. 541–544.
248. ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. 7460, л. 80.
249. Коплёнова З.К. Всегда вспоминаю с большим уважением и теплом (рукопись) // Личный архив А.В. Соловьёвой.
250. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977, стр. 322.
251. Каретников А.Л. Ростовская волость Святославль-Караш в эпоху средневековья: итоги и перспективы изучения // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2007, стр. 402.
252. Крылов А. Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль, 1861, стр. 243; Титов А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885, стр. 237.
253. Начальное образование в Ярославской губернии по сведениям за 1896/7 учебный год. Часть II. Ярославль. М., 1899, стр. 8, 32–33; Сведения о начальных училищах Ярославской губернии и об окончивших в них курс за 1899–1900 учебный год. М., 1901, стр. 89.
254. Начальное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль, 1913, стр. 60.
255. Конинский В.А. История Владимирского пехотного училища. Владимир, 1955, стр. 28 (далее – Конинский В.А. История Владимирского пехотного училища).
256. Записки владимирских краеведов. Сборник 2. Владимир, 1998, стр. 54, 69.
257. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Владимирская область. М., 1978, стр. 32–37.
258. Конинский В.А. История Владимирского пехотного училища, стр. 28.
259. Мишулин А.Ф. Вызвал огонь на себя // Война глазами ветеранов: воспоминания владимирцев – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Владимир, 1997, стр. 249 (далее – Мишулин А.Ф. Вызвал огонь на себя).
260. Учётная карточка Б.В.Прозоровского к военному билету // Архив Отдела военного комиссариата Ивановской области по Гаврилово-Посадскому и Ильинскому районам (далее – Учётная карточка Б.В.Прозоровского).
261. Ахмадицина М.В. О моём деде и его семье (рукопись) // Личный архив А.В.Соловьёвой.
262. Мишулин А.Ф. Вызвал огонь на себя, стр. 249.
263. Русский архив: Великая Отечественная война: приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. М., 1997, стр. 117–118.
264. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985, стр. 569.
265. Навечно в сердце народном. 3-е изд. Минск, 1984, стр. 198–199.
266. Прозоровский Б.В. Автобиография (рукопись).
267. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000, стр. 104, 211, 609.
268. Мишулин А.Ф. Вызвал огонь на себя, стр. 249.
269. Пронин А.А. Навесным огнём. М., 1976, стр. 5 (далее – Пронин А.А. Навесным огнём).
270. Прозоровский Б.В. Автобиография (рукопись).
271. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985, стр. 673.
272. Михеенков С.Е. Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941–1942. М., 2012, стр. 14 (далее – Михеенков С.Е. Кровавый плацдарм).
273. Там же, стр. 19.
274. Там же.
275. Там же, стр. 16.
276. Литвин А.И. Под Серпуховом // Битва за Москву. М., 1966, стр. 323–324.
277. Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1985, стр. 238 (далее – Освобождение городов).
278. Михеенков С.Е. Серпухов. Последний рубеж. 49-я армия в битве за Москву. 1941. М., 2001, стр. 171 (далее – Михеенков С.Е. Серпухов. Последний рубеж).

279. Там же.
 280. Краткая медицинская энциклопедия. 2-е изд. Т. 3. М., 1989, стр. 1069.
 281. *Михеенков С.Е.* Серпухов. Последний рубеж, стр. 173.
 282. *Михеенков С.Е.* Кровавый плацдарм, стр. 25.
 283. *Пронин А.А.* Навесным огнём, стр. 9.
 284. Большой энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1991, стр. 624.
 285. Письмо Н.Н.Прозоровской сыну от 25 декабря 1941 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
 286. Извещение от 28 января 1942 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
 287. Освобождение городов, стр. 209.
 288. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958, стр. 33 (далее – Голубков С.А. В фашистском концлагере).
 289. *Рафаил (Ивочкин), иеромонах.* Рославльская земля: православные храмы. Смоленск, 2004. (<http://www.rosavl1.ru/history/kraeved/hram/hram3.htm>).
 290. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере, стр. 35.
 291. Там же, стр. 33–34.
 292. Там же, стр. 34.
 293. Там же.
 294. Там же.
 295. Там же, стр. 35.
 296. Там же, стр. 84–85.
 297. Там же, стр. 71.
 298. Там же.
 299. Там же, стр. 48, 83.
 300. Справка от 21 января 1942 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
 301. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере, стр. 101.
 302. Там же, стр. 102.
 303. Там же, стр. 103.
 304. Там же.
 305. Там же, стр. 104.
 306. Там же, стр. 107–109.
 307. Виталий Григорьевич Попов: www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=11545
 308. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере, стр. 36.
 309. Там же.
 310. Там же.
 311. Там же, стр. 36–37.
 312. Там же, стр. 98.
 313. Там же, стр. 98–100.

314. *Прозоровский Б.В.* Автобиография (рукопись).
 315. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере, стр. 71–72.
 316. Там же, стр. 126.
 317. Там же, стр. 94.
 318. Там же, стр. 94–95.
 319. Там же, стр. 113.
 320. *Дубовский С.* Тихий подвиг отца Всеволода: www.pobeda.ru/content/view/2459/
 321. *Голубков С.А.* В фашистском концлагере, стр. 174.
 322. Там же, стр. 176.
 323. Там же, стр. 177.
 324. Там же, стр. 178.
 325. Там же, стр. 188.
 326. Там же, стр. 189.
 327. Там же, стр. 227–228.
 328. Там же, стр. 234.
 329. Там же.
 330. Там же, стр. 239.
 331. Там же, стр. 240.
 332. Там же, стр. 243.
 333. Освобождение городов, 1985, стр. 209.
 334. Письмо А.К.Белобородова Н.Н.Прозоровской от 21 ноября 1945 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
 335. *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену. М., 2007, стр. 201.
 336. Там же.
 337. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд. М., 2002, стр. 222–224.
 338. *Прозоровский Б.В.* Автобиография (рукопись).
 339. Учётная карточка Б.В.Прозоровского к военному билету.
 340. *Прозоровский Б.В.* Автобиография (рукопись).
 341. Там же.
 342. Учётная карточка Б.В.Прозоровского к военному билету.
 343. День Победы в семье Прозоровских // Наше слово (Иваново). 22.05.2007.
 344. Там же.
 345. *Циркина В.Б.* Борис Викторович Прозоровский – мой отец (рукопись) // Личный архив А.В.Соловьёвой.
 346. Свидетельство от 30 июля 1941 г. // Личный архив М.В.Ахмадшиной.
 347. *В.В.Ефанова.* Я прекрасно помню его облик (рукопись) // Личный архив А.В.Соловьёвой.
 348. Учётная карточка Б.В.Прозоровского к военному билету.

349. *Прозоровский Б.В.* Из воспоминаний (рукопись).
350. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями учителей школ Ивановской области» // Колхозная деревня (Ильинское-Хованское). 19.05.1949.
351. Поздравление от 10 мая 1949 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
352. *Жильцова В.М.* Воспоминания (рукопись) // Личный архив А.В. Соловьёвой.
353. *Павлова Т.П.* Воспоминания (рукопись) // Личный архив А.В. Соловьёвой.
354. *Циркина В.Б.* Воспоминания (рукопись) // Личный архив А.В. Соловьёвой.
355. Там же.
356. Ивановская область. Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 2001 года. Иваново, 2001, стр. 201.
357. *Кужлева М.* Чернцкий молчальник // Наша родина Иваново-Вознесенск. 2006, № 1, стр. 53–59.
358. Письмо Б.В.Прозоровского от 12 мая 1992 г. // Личный архив М.В. Ахмадшиной.
359. Письмо Н.Н. Прозоровской // Личный архив М.В. Ахмадшиной.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области

ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ВИКТОРОВИЧЕ ПРОЗОРОВСКОМ

*Воспоминания – вещь, ценность реальная.
Человек с воспоминаниями – это и есть сама культура.*

Вс. Н. Иванов

*Валентина Борисовна
ЦИРКИНА*

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ – МОЙ ОТЕЦ

Отчий дом – это целый мир, особый и неповторимый. В нём всегда примут и помогут, обогреют и усадят за стол. Даже если я там бывала редко, самой жизнью своею Дом помогал мне издали, делал меня уверенней в себе, отгонял дурные мысли и поступки.

И вот теперь там никого нет, и мне кажется, что мой главный корень обрублен.

Корень этот – мои родители, любовью которых созданы семейные ценности: честность и добросовестность, скромность и порядочность, дружелюбие и гостеприимство, взаимовыручка и душевная теплота. Основа мудрости, строгости и справедливости – мой отец, Борис Викторович.

...Привычка называть его папой пришла не сразу. Пока шла война, я знала, что отец «пропал без вести».

Но вот настала осень 1945 года. Ранние морозы успели покрыть стёкла в окнах Николо-Дорской школы затейливыми узорами, и я, шестилетняя девочка, леплю монетки на замороженные окна, чтобы увидеть мир через маленькие круглые отверстия.

Мама печёт блины... Открывается входная дверь, и в кухню входит худощавый мужчина в шинели, с вещмешком за плечами. Мама роняет ухват, вскрикивает и бросается в объятия. Бабушка бежит за моей старшей сестрой. Вот и они повисли на вошедшем.

А я сижу в сторонке и с удивлением наблюдаю за происходящим. Через какое-то время мужчина подходит ко мне, берёт на руки, сажает на тёплую лежанку, достаёт из вещмешка свёрток с чем-то тёмным, похожим на кусок патоки или мыла, предлагает попробовать. Это был шоколад! Запах мне понравился, а вкус – нет: горький.

Вот такой «шоколадной» была моя первая встреча с отцом.

Вечером следующего дня состоялось семейное торжество, по случаю которого от соседей Кукушкиных принесли семилинейную керосиновую лампу. Тогда же я впервые попробовала торт «Наполеон», над которым долго колдовали бабушка и мама.

Семейная жизнь изменилась. Теперь мы с сестрой знали свои обязанности: не просто быть рядом с мамой, а во всем помогать ей; не хватать беспорядочно сухари и овощи, а ждать обеда; ежедневно поливать цветы и раз в неделю мыть с речным песком некрашеный деревянный пол; носить воду с колодца; перед сном мыть ноги... Эту процедуру особенно сложно было делать летом: бегали босиком и отмыть зелёные от травы пятки было почти невозможно.

Наказывал папа редко, но строго: за ложь – ремень. Было это, правда, лишь однажды.

*Валя Прозоровская с родителями – Борисом Викторовичем
и Александрой Ивановной, и бабушкой Надеждой Николаевной.
Конец 1940-х гг.*

Жили скромно. Иждивенцев трое: я, сестра, бабушка. Работающих тоже трое: бабушка – учительница начальных классов Николо-Дорской школы, мама – фельдшер Щенниковской больницы, папа – сначала «избач» в Щенникове, потом учитель немецкого языка в Щенниковской школе. Дед, Виктор Васильевич, ежедневно вёл записи расходов, чертил какие-то графики, планировал необходимые покупки из одежды и обуви, но денег не хватало. Тем не менее, когда младший брат отца, Дмитрий Викторович, пожаловался, что он единственный среди студентов энергоинститута носит до сих пор шинель, отец на все свои отпускные купил ему костюм и пальто. Пара капроновых чулок, привезённая отцом из Москвы, была подарена маме, поскольку «ноги у подростков-девочек ещё недостаточно красивы». Из дядиной меховой куртки мама сшила нам зимние шапки и воротники, прикрепила к стареньким пальто – вот и обновка!

Как-то летом в деревню пришли из Иванова «менялы» и предложили в обмен на хлеб и картошку детские поношенные вещи. Я упросила маму купить ситцевое платье в горошек и сандалии. Она это сделала. Но в тот же день оказалось, что платье расплзлось по швам, а сандалии малы. Я всё равно их носила, поджимая пальцы, – очень хотелось быть похожей на горожанку.

С завистью мы смотрели на нашего сверстника Витьку Климова, по прозвищу Генерал, когда он поедал на улице домашние горячие ватрушки (он называл их «туболками»*) и ехидно улыбался.

Но и к нам пришёл праздник – купили корову Нежданку с тузом треф на боку, которая стала любимицей бабушки. Молоко, сметана, творог, простокваша, масло – всего в изобилии! Но хлопот-то сколько! Ранним утром надо отогнать корову в стадо в деревню Кутнево (за 3 км), в полдень к реке на дойку, вечером снова в Кутнево – забрать корову домой. Но самой сложной была заготовка сена. Делянок для косябы колхоз не выделял. И ходили мама с папой с косами, а бабушка с серпом по обочинам дорог, по перелескам и болотам, чтобы наполнить мешок-другой скошенной травой. А потом были предъявлены такие налоги, что выплатить их не было никакой возможности, и от коровы отказались.

* Туболками коренные жители этих мест называли ватрушки. (Прим. ред.)

*Надежда Николаевна с коровой Нежданкой.
2-я пол. 1940-х гг.*

Уныния не было: у нас оставался сад с яблонями, сливами, вишнями и ежевикой, огород со всеми необходимыми овощами, картофельная полянка, небольшая пасека, две козы и куры. Рядом с домом – лес с ягодами и грибами, рыбная речка Пашма. Помню, как по утрам я брала удочку, ведерко и с радостью бежала на речку ловить пескарей – клевали отменно! А нужны они были папе в качестве наживки. Он ставил жерлицы и ловил щук.

Собирали на открытых местах первую землянику и представляли, как отец насыплет несколько ягод в ладошку, понюхает, отправит в рот и похвалит не столько ягоды, сколько того, кто их собрал. Было принято в обед разделить лесное лакомство всем поровну, даже если количество составляло всего один стакан.

О заморских деликатесах не мечтали, потому что никогда их не видели, а вот природные угощения ценили. Любили, к примеру, ароматные конфеты из вяленой тыквы и свёклы, которые готовила в русской печи бабушка. Долго смаковали кусочки белого хлеба, когда папа привёз из Москвы батон...

При всей своей занятости отец находил время играть с нами, дочками, и с деревенскими ребятами, среди которых летом были москвичи – моя лучшая подруга Тоня Логунова и её брат Саша.

Как-то папа предложил изготовить мебель для нашей единственной куклы-санитарки, которую купил, возвращаясь из госпиталя, дядя Дмитрий Викторович. Красавица санитарка была в гимнастёрке, туго подпоясанной ремнём, в сапогах, в пилотке, с полевой сумкой на плече. В этой сумке с красным крестом лежали настоящие бинт, вата и флакончик с йодом. Вместе с отцом мы сделали для неё из фанеры и картона жилую комнату с кроватью, столиком и табуретками. Однажды склеили и раскрасили огромного змея. Когда он взвился над никола-дорскими просторами, сбежались не только дети, но и взрослые.

Отец научил нас играть в шахматы, в лапту и горелки, передвигаться на ходулях, велосипеде и мопеде. Его руками был сделан чудо-калейдоскоп из разбитого зеркала и фильмоскоп с рисованными бумажными лентами. Потом появился фотоаппарат, научились печатать фотографии – это было волшебство. Одно время я увлеклась выпиливанием, и моя резная шкатулка была отправлена школьной комиссией в качестве сувенира на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, открывшийся 28 июля 1957 года в Москве.

*Александра Ивановна с дочками – Ниной (слева) и Валей.
Конец 1940-х гг.*

По просьбе отца его ученик Митя Соловьёв смастерил из берёзы чудо-лыжи. Я не только каталась на них с гор, но и участвовала в районных лыжных гонках и занимала призовые места.

Мама научила вязать крючком. Первой моей работой была сеточка-футляр для чернильницы-непроливайки, которую каждый день приходилось носить в школу. Мы вместе вышивали крестиком и гладью (мама была замечательной рукодельницей). Рисунки для вышивки готовил папа: для мамы – цветы, дракона, Жар-птицу, а для меня – сюжетные картины (например, «Бой Руслана с Головой»).

Отец был большим шутником. Однажды позвал меня в огород и показал висящую на плети огромную тыкву: «Пора срезать!» Взял нож и с большим усилием долго отделял плод от ножки. Принесли домой, чтобы во время обеда съесть тыкву. Взмах ножом – и красная мякоть с черными семечками повергла меня в шок: АРБУЗ! Вот диво!

Как-то ранней весной привёз из Иванова тепличные огурцы. Увидел, что тётка Марья Кукушкина прошла на колодец, и поспешил в огород. Дождлся, когда женщина с полными вёдрами на коромысле приблизилась к калитке, вышел навстречу ей с пригоршней огурчиков. Тётка Марья остолбенела: «Ваши?! А у нас только всходят!» – «Мы, Марья Егоровна, давно едим. Не горюйте – поделимся...» Половину огурцов он отдал соседке.

В гостях на новогодней ёлке были у нас дети из Никитинки. Тома Морозова впервые увидела за окном снегирей и спросила: «Что это за птицы?» Получила мгновенный ответ: «Попугаи. Прилетели к нам из Африки»... Девочка поверила.

Отцовские небылицы все принимали за чистую монету, потому что говорил он с большим артистизмом, делая серьёзное лицо.

Помню наши совместные поездки в разные города: в Москву, Ярославль, Иваново. Самые яркие впечатления остались от посещения города Ростова Ярославской области. Добирались с папой до железнодорожной станции Итларь (20 км от Никола-Дора) на велосипеде, потом несколько часов ехали до города на поезде, но усталости особой не почувствовали: успели походить по старин-

ным улочкам города, были на озере Неро, а потом отправились в художественный музей, где папа должен был написать копию с какой-то картины. Сначала вместе спустились по узким ступенькам в тёмное подземелье, где лежал «каторжник» в цепях и кандалах. Мне он показался живым. Я очень испугалась! Но рядом был папа... А вот когда я одна бродила по залам ростовского музея, всякий раз при виде манекенов вздрагивала и сжималась от страха. Эти ощущения почему-то сохранились до сих пор.

*Валя на дороге, идущей из Хлебниц.
Фото Б. В. Прозоровского. Начало 1950-х гг.*

Одна из велосипедных прогулок была в деревню Хлебницы Ильинского же района. Отец впервые ввёл меня в действующий храм. Захватило дух от величия и красоты внутреннего убранства: сияние золочёных окладов, мерцание свечей, запах ладана... До той поры моё представление о церкви было ограничено двумя картинами: развалинами храма Архангела Михаила возле деревни Колчигино и разрушенной церковью в Николо-Доре. Два мужичка

по велению правления колхоза (нужен был кирпич) целую неделю вели подкоп её колокольни, и она рухнула на наших глазах. Грохот, пыль и ... монолитные глыбы, разбить которые не удалось никому.

Отец был страстным радиолюбителем: собрал громкоговоритель, потом ламповый радиоприёмник. Вечерами в натопленной комнате при свете керосиновой лампы мы всей семьёй слушали спектакли, оперетты, эстрадные концерты. Нередки были и музыкальные вечера, когда слушали классику: Шопена, Чайковского.

Большой знаток и ценитель художественной литературы, отец собрал большую библиотеку, содержащую не только беллетристику, но и книги по искусству, философии, религии – на русском и немецком языках. Привычка читать ежедневно, сидя за столом с карандашом в руках, сохранилась у отца до последних дней жизни. И домочадцы любили книгу, а мы, дети, читали под его постоянным контролем.

Папа был музыкально одарённым человеком: в юности работал тапёром, позднее прекрасно играл по нотам на баяне, а мама пела. Благодаря их урокам мой сын Александр закончил музыкальное училище по классу гитары.

Не могу не рассказать о событии осени 1950 года, когда во время нашего завтрака ворвался запыхавшийся мальчонка и сказал, что ученик 3 класса, переходя реку по первому льду, провалился под воду. Отец отреагировал мгновенно: выскочил из-за стола, выкатил из чулана приготовленный к зимовке велосипед и по снегу покатил к реке. Толпа собравшихся на берегу молчала. Отец со слесгой в руке кинулся в реку, разбивая ею лёд, дотянулся до мальчугана (тот зацепился деревянным ранцем за край полыньи и держался на поверхности воды), вытащил бездыханное тело на берег. Глаза остекленели, изо рта пузыри... Тут и мама с бабушкой подоспели. Завернули Борю* Мозжухина в чьё-то пальто и понесли в деревню, в первый дом тети Марьи Кукушкиной, бабушки Тони Логуновой, где мама часа два приводила паренька в сознание. И задышал-таки, заговорил...

* Ошибка памяти: это был младший брат Бориса – Виталий Мозжухин. (Прим. ред.)

Отец этого не видел, потому что, переодевшись в сухую одежду и разложив промокшие документы на письменном столе, поспешил в школу. Часа через три мама, по пути в больницу, сообщила отцу радостную весть: «Жив!»

Как были счастливы родители мальчика, как были рады сами спасатели!

За медицинской помощью постоянно обращались к маме. Помню, как она вправляла вывих плеча мужчине, как принимала роды у женщины, не успевшей добраться до больницы, как врачевала девочку, задыхавшуюся от попавшего в горло ореха, как обрабатывала раны мальчику, которого лягнула лошадь... Зимой, бывало, заскрипят полозья саней – мы знали: едут за мамой. Без промедления, не раздумывая, она отправлялась в соседние деревни спасать людей. Такая самоотверженность и милосердие были для неё естественными. Мы же проникались всякий раз ещё большей любовью к ней.

Школьные годы были радостными и пролетели совсем незаметно. Более талантливого преподавателя, чем мой отец, я не встречала, хотя мой педагогический стаж 50 лет. Глубокие знания, принципиальность, воспитанность, умение слушать и слышать, желание помочь, научить каждого – это было присуще Борису Викторовичу, и он пользовался непререкаемым авторитетом среди коллег и учащихся.

Школьная стационарная электростанция, радиоузел, стенгазета, кружки по интересам, тематические вечера отдыха, заседания учкома, выездные концерты для родителей – всё это заслуги завуча Прозоровского.

Я тоже была его ученицей. Когда сдала на отлично вступительные экзамены в ИГПИ, преподаватель спросила: «Кто Вас так хорошо научил немецкому языку?» – я с гордостью ответила: «Мой папа». До сих пор помню наизусть «Лорелею» Гёте:

Не знаю, что стало со мною,
Печалью душа смущена.
Мне всё не даёт покоя
Старинная сказка одна.

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten
das ich so traurig bin.
Ein Marchen aus alten Zeiten,
das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Die Luft ist kuhl und es dunkelt,
und ruhig fliesst der Rhein.
Der Gipfel des Berges funkelt
im Abendsonnenschein.

Многочисленные публикации отзывов, воспоминаний учеников и коллег об отце создают образ настоящего Учителя.

Школу я закончила в 1957 году, уехала учиться в Иваново и дома бывала только в каникулы. В 1962 году закончила ИГПИ, вышла замуж и отправилась с мужем в Сибирь. Родилась дочь,

*Валентина Прозоровская (2-ая слева в первом ряду)
с подругами у здания Щенниковской школы.
Фото Б. В. Прозоровского. Середина 1950-х гг.*

*Валентина Борисовна
с мужем Вадимом Вячеславовичем Циркиным.
Начало 1960-х гг.*

потом сын – семейная жизнь удалась на славу. С родителями общалась, в основном, с помощью писем.

Изменилась и их жизнь. Из Николо-Дора переехали в село Чернцы Лежневского района, где отец работал завучем школы-интерната, затем в село Котцыно, что расположено в 20 километрах от Иванова.

Как бывает во время переезда, многие вещи были выброшены или утеряны. Мне жаль оставленные в Николо-Доре чердачные сокровища: старинные ёлочные игрушки и подшивки журнала «Сатирикон».

Отцу предлагали работу и квартиру в Иванове – отказался. Деревня, тишина, безыскусность жизни, простота отношений, тёмная гладь реки и шатёр кудрявой ольхи, трели жаворонка – вот что всегда ценил и от чего не мог отказаться Борис Викторович.

*Внучка Марина Циркина в гостях у Прозоровских в Чернцах.
Слева направо: Александра Ивановна, Марина, Валентина Борисовна,
Надежда Николаевна.
Середина 1960-х гг.*

*Борис Викторович с внуками Мариной и Сашей Циркиными.
Котцыно. 1968 г.*

«Природа никогда не обидит, – говаривал он. – Болит голова? Идите в лес – всё пройдёт». Так оно и было.

Маленький школьный домик в Котцыне был обустроен в прежних традициях: старинная мебель, книги, картины, грампластинки, ручная швейная машинка «Зингер»... Позднее, благодаря хлопотам Н. Н. Москалёвой, председателя Обкома профсоюзов учителей, дом с участком был передан в собственность семьи Прозоровских.

Непрерывная работа над собой, поддержание физической формы, добросовестное выполнение служебных обязанностей – эти привычки тоже сохранились. Огород, пасека, саженцы яблонь, кормушки для птиц напоминали Николо-Дор, переставший существовать, к великому сожалению, сразу же после отъезда Прозоровских. На месте моей родины сохранились лишь кладбище, где похоронен дед Виктор Васильевич, да яблоня-антоновка, превратившаяся в дичок. Заросли иван-чая на развалинах домов, высохший ручей вместо реки Пашмы, молодые берёзы и сосны на прежних полях – всё производит удручающее впечатление...

*В. Б. Циркина с сыном Александром
на могиле В. В. Прозоровского в Николо-Доре.
2-я пол. 1990-х гг.*

В начале 80-х моя семья переехала в Иваново, встречи с родителями стали еженедельными, и котцынский дом начал обретать черты Отчего.

Здесь облегченье ты найдёшь
Печалам и недугам.
Ты добрым гостем в дом войдёшь,
Уйдёшь хорошим другом.

Расул Гамзатов

Сюда я ехала, прежде всего, за советом. Наши беседы не были длинными, но всегда откровенными и поучительными. Говорили о детях, о друзьях, о переписке, о досуге, о политике, но самой злободневной была педагогическая тема.

– У Вас нет постоянного расписания уроков? Как же так? От хорошо продуманного расписания зависит вся работа школы. У меня постоянное расписание было готово уже в августе.

– Кто твои помощники в классе? Создай актив из самых непослушных детей, сумей расположить их к себе, и они станут твоими друзьями.

– Никогда не отступай от своих требований, выполняй обещания, контролируй отрицательные эмоции, будь искренней и справедливой.

– Беседуя с родителями, назови все лучшие качества ребёнка и лишь потом говори о недостатках.

– Как бы ты поступила в такой ситуации? А в такой?

Живо рисовал картинку начала урока:ходишь в класс, а дети не замечают тебя – кричат, прыгают, кидаются линейками. Как быть?

– Начни спокойно и тихо разговаривать с учеником, сидящим за первой партой.

Пробовала не раз – помогало.

Отец отдал мне свои планы воспитательной работы, книги, вырезки из журналов и газет, необходимые для проведения классных часов и родительских собраний.

Как-то краем уха услышала, как папа в разговоре с гостями похвалил меня: «Валентина у нас талантливая учительница». Жаль,

что он не порадовался моей победе в конкурсе «Лучший учитель России» и «Ордену детских сердец».

Мои успехи – это его заслуги.

Отца часто спрашивали: почему он изображает пейзаж, природу, а не портрет или жанровую картину. Он говорил, что пейзаж – это самая эмоциональная, самая выразительная часть изобразительного искусства, что пейзаж никого не оставляет равнодушным, он близок и понятен каждому человеку. При этом отец ссылался на слова знаменитого художника Шишкина, который говорил, что «истинный художник – это пейзажист, его чувства глубоки и чисты; только пейзажист может по-настоящему показать единство человека и природы и выразить радость жизни». Земля и деревья, вода и отражения в ней, туманные дали и солнечный свет – всё это волнует и восхищает душу.

В 1987 году в областном Доме учителя, директором которого была Альбина Фёдоровна Козлова, прошла персональная выставка Б. В. Прозоровского. Все свои работы он подарил Дому учителя, где они, до момента закрытия учреждения, находились в постоянной экспозиции.

Точно так же поступил он в 1999 году и с работами другой выставки, 16-ой по счёту, передав их Ильинскому Дому народных ремёсел. Я была вместе с отцом на открытии выставки и видела его радостные встречи с пришедшими сюда ильинцами, среди которых были представители районной администрации, коллеги из Щенниковской школы, бывшие ученики. Отец был тронут искренним признанием Валентина Хрящёва, директора Аньковского совхоза, в том, что его карьера и должность – заслуги учителя Прозоровского*. Отец обрадовался и покупке своей картины известным ивановским коммерсантом Власовым.

Очередная персональная выставка из сорока произведений живописи проходила в феврале 2002 года в здравнице ИСПО (Ивановского станкостроительного производственного объединения). И снова Борис Викторович безвозмездно передал свои произведе-

* Не раз посещая деревню Бордовое, Борис Викторович убеждал родителей Валентина и его самого в необходимости учиться, а потом помог успешно закончить среднюю школу.

*Открытие выставки работ Б. В. Прозоровского
в Ильинском доме ремёсел. 5 мая 1999 г.
Стоит лицом к зрителю – В. В. Хрящёв*

ния профилакторию объединения. Во время банкета, на котором отец отсутствовал, директор ИСПО В. М. Бажанов обещал взять шефство над семьёй Прозоровских.

Автор книги «Рассказы о художниках» Владимир Алексеевич Степанов дал справедливую и верную оценку отцовскому жизненному кредо: «Дарственные приношения художника Б. В. Прозоровского сопоставимы с гражданским подвигом, который вполне заслуживает широкого признания со стороны общественности... Потребность своими глазами видеть приятное удивление человека, которому ты доставил радость, – это для Бориса Викторовича формула жизни».

Его картины разлетелись по всему миру. В Америке, во Франции, в Израиле, в Германии, на Украине, в Сибири его скромные пейзажи с дарственными надписями греют душу соотечественников. Как-то я спросила: «Тебе не жаль расставаться с работами?» «Нет, – ответил он, – картины должны жить, а я получил удовольствие, когда писал».

Его милосердие и бескорыстие проявлялись в благотворительности. Всю жизнь в нашей семье не было материальных излишеств, но отец щедро делился накопленным не только с родственниками. В последние годы по просьбе Бориса Викторовича я не раз посылала от его имени денежные переводы чужим людям, попавшим в беду: матери инвалида Чеченской войны, лишившегося зрения; многолетней женщине, оставшейся без мужа; семье, потерявшей кров из-за наводнения. Знаю, что он перечислял деньги на строительство храма Христа Спасителя. «И мой кирпичик в нём есть», – радовался отец. А на девяностом году жизни он посылал денежные переводы и посылки в тюрьму вору, обокравшему его в Иванове!*

В отчем доме постоянно бывали гости: деревенские ребяташки, которым отец давал уроки рисования; сельские учителя; люди из районной администрации; художники, журналисты.

* Случай этот действительно уникальный, произошедший в магазине. Лишившись внезапно портфеля с покупками (в момент оплаты поставил его на пол), отец тут же по совету кассира отправился в отделение милиции в районе Меланжевого комбината и увидел за магазином двух спешащих мужчин, а в их руках свой портфель! Крикнул. Догнал. Воры кинулись в подъезд ближайшего дома, пытаюсь закрыть дверь. Отец схватился за ручку портфеля и не выпускал до тех пор, пока на шум не прибежал милиционер, оказавшийся неподалёку. Один из воров пустился наутёк, а второй был задержан. Втроём пришли в милицию, где был составлен протокол и заведено уголовное дело. Отец приехал домой, стал рассказывать маме о происшествии, разложил покупки на столе, и в этот момент в дом вошли милиционеры. Портфель отдать! «Вещдок» должен быть в учреждении! Через пару дней портфель вернули. Привезли на очную ставку и вора, который долго раскаивался и просил прощения. Отец угостил его чаем с пирогами, простил, но суд состоялся, и вора отправили в колонию, куда отец в течение двух лет отправлял денежные переводы и посылки. (Было отцу в ту пору 89 лет). Мы удивлялись такому благородству, а Борис Викторович неизменно отвечал: «В тюрьме плохо», очевидно, вспоминая ужасы собственного заключения в Рыбинской и Ярославской тюрьмах 1937–1938 гг.

*С родителями и сыном в День Победы.
Слева направо: А. В. Циркин, Б. В. Прозоровский,
В. Б. Циркина, А. И. Прозоровская.
2-я пол. 1990-х гг.*

*Очередные проводы гостей.
Фото Б. В. Прозоровского. Октябрь 2003 г.*

Как-то отец рассказал о встрече с Ларисой Ивановной Щасной, ивановской поэтессой. Беседа, как обычно, велась за накрытым столом. В разгар застолья отец неожиданно продекламировал:

Продышала маленькая речка
Толщу снега и наплывы льда.
Словно бы пульсирует сердечко –
Так толчками движется вода...

Лариса Ивановна была тронута до глубины души и расплакалась. И было отчего: в глухой деревне незнакомый человек преклонного возраста знает наизусть её стихи!

Однажды приезжаю утром и слышу музыку в доме: «...где встречала с мамой я рассвет»... Оказывается, папа купил магнитофон

Б. В. Прозоровский за работой над портретом А. П. Чехова.
1970-е гг.

«Sony» и записи песен Маши Распутиной. Хвалил за естественность и простоту телевизионную передачу «Играй, гармонь!» С восторгом отзывался о кинофильме Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок» и концертах танцевального ансамбля Игоря Моисеева. Радовался победам братьев Кличко. А вот о прочитанной книге Со рокина «Голубое сало» заметил: «Будто руки в дерьме испачкал. Умылся – и открыл Чехова...» Ко всему, что стояло за порогом порядочности, он был непримирим.

* * *

В последние годы начали одолевать хвори: болела поясница после того, как чистил снег во дворе; отекали ноги после сна – стал ходить с палочкой; тряслись руки; в глазах не стало обычной ласки. «Осталась одна оболочка», – с горечью признавался отец. Тело отказывалось жить, но дух не был сломлен. Мне он по-прежнему казался Титаном, нестигаемым и вечным...

Папа умер 16 ноября 2005 года.

Мы успели попрощаться, прикоснулись руками и по-христиански попросили друг у друга прощения. Но ощущение вины у меня не исчезает. Наверное, не всё я делала так, как хотел папа. Одновременно я не перестаю благодарить судьбу за то, что моя жизнь была подарена замечательными людьми. Родители научили меня, моих детей и внуков жить по совести, ценить Вечное.

Валентина Борисовна Циркина (урожд. Прозоровская) родилась в 1939 г. в Николо-Доре Ильинского района Ивановской области. В 1947–1951 гг. училась в Николо-Дорской начальной школе (учительница – Н. Н. Прозоровская), в 1951–1957 гг. в Щенниковской средней школе. В 1962 г. окончила Ивановский педагогический институт. Работала учителем в г. Назарове Красноярского края, городах Нововоронеже Воронежской области, Сургуте Тюменской области. С 1976 г. живёт в Иванове, с 1994 г. работает учителем в лицее № 67. Почётный работник общего образования Российской Федерации.

*Антонина Ивановна
ВАСИЛЕВСКАЯ*

ПРОЗОРОВСКИЕ НА ПОГОСТЕ НИКОЛО-ДОР

Погост Николо-Дор располагался на высоком месте (на взгорье). Местность была привлекательной – с берёзовыми перелесками, орешником, хвойным густым лесом и речкой с названием Пашма, которая вытекала из болота ярославского села Караш и впадала в реку Нерль. Летом – грибы-ягоды, купание в речке. Все прелести деревенского лета были в изобилии. И каждое лето в деревню родные привозили детей из городов Ярославля, Москвы и др. на летний отдых и помощь взрослым по хозяйству: сенокос, заготовка грибов и сбор ягод. В деревне стояла заброшенная церковь «Святитель Николай», было в то время 4 дома (избы) и школа.

Деревянная школа стояла на высоком фундаменте. Две комнаты были отведены под классы: одна для 1-го и 3-го классов, другая – для 2-го и 4-го; окна их смотрели на церковь. Коридор отделял школьные комнаты от двух комнат Прозоровских, обращённых в противоположную сторону. В одной комнате располагались родители с детьми, а в другой – старшие в семье.

Справа от дома (если смотреть от церкви) стоял сарай, его называли «сарайка».

Условия для Прозоровских старших были таковы, что здесь же, кроме русской печки, была лежанка с водяным баком, который предназначался для разогрева питания школьникам, т. е. прежде надо было истопить дровами подтопок. Эту обязанность выполня-

ла техническая работница Мария Голованова, которая приходила, открывала тяжёлую деревянную дверь в эту комнату и, истопив лежанку, готовила горячую пищу (картофель, кашу, чай) ученикам, приходившим в школу из разных деревень.

Семья Прозоровских состояла из шести человек. Самый старший – Прозоровский Виктор Васильевич, отец Бориса Викторовича. Помню его как старичка с белой «лунной» сединой, покашливающего. Он постригал деревенских детишек, которые приходили в Николо-Дор, и мне приходилось у него тоже постригаться. Вспоминаю, как он любил спрашивать: «А что сегодня на обед у вас было – щи и каша?» Я отвечала, что похлёбка или окрошка и каша и что каша была с пенкой. От взрослых слышала, что Виктор Васильевич был офицером царской армии. Он на 10 лет был старше жены*, вероятно, воевал в 1-ю Мировую войну.

Надежда Николаевна – жена Виктора Васильевича (мать Бориса Викторовича) – была учительницей в начальных классах Николо-Дорской школы, она начала учительствовать ещё в дореволюци-

*Здание Николо-Дорской начальной школы.
Фото 2-й пол. 1930-х гг.*

*Правильно: на 16 лет. (Прим. ред.)

онное время. Высокого роста, со статной фигурой, в блузочке с выточками и рюшками. Летом дети нашей деревни (детей было очень много, т. е. около десятка) ходили за три километра в Щенниково в клуб, там показывали кино через день, а начиналось оно в 10 часов вечера. Возвращались мы за полночь. Иногда совсем поздней ночью – в тех случаях, когда требовалось переждать грозу, чтобы можно было начинать просмотр фильма. С нами частенько ходила в кино и Надежда Николаевна.

Хочу заметить, что Надежда Николаевна была той счастливой матерью, у которой оба сына вернулись с войны. (Младший сын – это Дмитрий Викторович).

Александра Ивановна – жена Бориса Викторовича. В Щенниковской округе все были наслышаны о ней как о прекрасном докторе, хотя она по специальности – фельдшер-акушер. А я только добавлю, что видела её всегда спокойной и, как пчёлка, работающей в огороде. Знаю также, что она прекрасно умела расшивать занавески на окнах (в то время такое шитьё было в моде и называлось ришелье). По дороге с работы к обеду могла принести отборную землянику. Мне приходилось иногда у Прозоровских чаёвничать. Александра Ивановна ставила самовар на стол, и к чаю подавалась коврижка, испечённая с ягодами или на меду.

Нина и Валя, дочери в семье Прозоровских, были меня постарше на 6 и 4 года. Конечно, мне с ними общаться было интересно. Впоследствии Нина выучилась на врача, а Валя стала учительницей.

У моей бабушки мне пришлось бывать в дошкольное время и каждое лето с 1951 по 1962 гг. Изба была почти новая, большая, срубленная из крупных сосновых брёвен. Когда-то она принадлежала священнику, но после революции приход разорили. Горько было священнику в то время такое пережить. Яблоня в огороде после этого события стала плодоносить горькими яблоками. Дом был продан моему дедушке.

...Однажды поздней осенью, когда уже выпал снег, был такой случай. Дети шли в школу из деревни Кутнево и переходили речку по первому льду. Один мальчик, Мозжухин Боря*, провалился в речку. От нашего дома это было примерно в четырёхстах метрах. Дети примчались к Борису Викторовичу за помощью.

* Правильно: Мозжухин Виталий. (Прим. ред.)

Он, в чём был одет, в том и бросился к речке. Знаю, что он прыгнул в воду и вытащил из проруби ребёнка. А так как наш дом был ближе всего от места происшествия, утонувшего мальчика внесли прямо к нам и положили на лавку. У нас закипал как раз самовар и с медицинскими инструментами уже ждала Александра Ивановна. Я наблюдала с высокой печки, как мальчику стали делать искусственное дыхание, сделали укол, и он через некоторое время открыл глаза. Его спасли. Подъехала подвода, завернули ребёнка в тёплое одеяло и посадили в сани. А Борис Викторович заболел воспалением лёгких. Знаю, что у него пошаливало сердце ещё с тех пор, как вернулся с войны. Но рядом всегда был свой доктор.

Александра Ивановна и Борис Викторович Прозоровские.
Николо-Дор

Позже я вспоминала педагогические способности Бориса Викторовича: он мог заметить в том или ином ребёнке качества, присутствующие именно ему. Например, у одного из детей он отметил ловкость ловить рыбу в речке (щук, плотву и т. п.) Знаю, что этот ученик до преклонного возраста был лучшим рыбаком в округе. Или такой пример: моя двоюродная сестра стала поварским работником. Возможно, повлияло то, что он однажды в разговоре с ней, ученицей, упомянул о том, как готовят мясное блюдо с названием «слоновые уши»*. Её тогда очень заинтересовало такое приготовление.

*Антонина Василевская с Борисом Викторовичем
в свой первый приезд в Котцыно. 1970 г.*

---

* Несомненно, очередной розыгрыш Бориса Викторовича. (Прим. ред.)

У Бориса Викторовича была обаятельная улыбка и мимика, он любил шутить, был остроумен.

В летнее время в школу съезжались знакомые семьи Прозоровских – художники на этюды. Две классные комнаты пустовали, и художники располагались в них, развешивая свои этюды, а иногда и портреты.

В семье Прозоровских, состоящей из врачей и педагогов, были исключительно уважительные отношения. Мне не приходилось встречать семей с подобными взаимоотношениями. Позже, приезжая в Николо-Дор, не могла смириться с положением, что там не было Прозоровских. И дважды, разыскав их в деревне* Котцыно, заезжала с ними повидаться.

Антонина Ивановна Василевская (урожд. Логунова) родилась в 1943 г. в Москве в семье железнодорожника. Окончила среднюю школу и поступила в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, по окончании которого до 2013 г. работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте железнодорожного транспорта. Живёт в Москве.

---

* Правильно: селе. (Прим. ред.)

*Руфина Александровна
ФИЛИППОВА*

ТАЛАНТЛИВЫЙ, СТРОГИЙ, НО ДОБРЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ ПЕДАГОГ

С 1946 г. по 1949 г. я училась в Щенниковской семилетней школе, где Борис Викторович Прозоровский преподавал в то время уроки физики и рисования.

Борис Викторович запомнился мне как талантливый, строгий, но добрый и справедливый педагог, разносторонне образованный человек. Он свободно владел немецким языком, хорошо рисовал.

Запомнился мне один из его воспитательных приёмов. Была у нас контрольная работа по физике. Контрольные задачи были даны, как обычно, в двух вариантах. Мне удалось свою задачу решить быстро, а у моей подружки по парте возникли затруднения. Тогда я решила и её вариант. Замечаний от Бориса Викторовича не последовало, и мы были уверены, что всё обошлось. На следующий день мы получили тетради с оценками: моей подруге Борис Викторович поставил «пятёрку», а мне «двойку», хотя ошибок у меня не было.

Вёл свои уроки Борис Викторович увлекательно. Физика для многих из нас была любимым предметом.

Организовывал и вёл различные кружки, где ученики что-то собственноручно мастерили, изготавливали. Устраивал конкурсы по рисованию. Лучшие рисунки учеников «выставлялись» на стене в классе. На лето Борис Викторович выдавал задание «написать картину» на произвольную тему.

Володя Шарков (ныне Владимир Михайлович Шарков), с которым я училась в одном классе, недавно говорил мне, что он нередко вспоминал Бориса Викторовича. «Он был хорошим учителем, воспитателем, вёл с нами кружок радиотехники. Мы делали детекторные радиоприёмники, и мне один раз в то время удалось услышать голос Америки!»*

В конце 1940-х годов газетой «Пионерская правда» проводилась Олимпиада юных физиков. Борис Викторович предложил двоим

*Мальчики-пятиклассники Щенниковской семилетней школы. 1946 г.
Крайний слева в последнем ряду – Володя Шарков,
рядом с ним – Дима Соловьёв.
В центре (сидит) – директор школы А. В. Малеев*

* Владимир Михайлович Шарков (род. 1934 г.) в 1949 г. окончил Щенниковскую семилетнюю школу, затем – Ильинскую среднюю школу и Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева. 3 года работал на заводе в Туле; в 1961 г. поступил мастером на Липецкий завод, выпускающий кинескопы (г. Елец), на котором позднее был 13 лет главным инженером и 15 лет генеральным директором. Награждён орденами: Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и орденом Знак Почёта. (Прим. ред.)

ученикам нашего класса, Соловьёву Дмитрию и мне, принять участие в этой Олимпиаде (разумеется, под его руководством). Нам повезло – мы с Димой оказались в числе победителей. У меня сохранилось письмо из «Пионерской правды» с поздравлением с победой от 17 мая 1949 года. Я получила от газеты в декабре 1950 года ещё и подарок – собрание сочинений А. С. Пушкина (к сожалению, я не помню, какие подарки получил Дима Соловьёв*).

Выпускники Щенниковской неполной школы 1949 года.

Начало 1950 или 1951 г.

1-й ряд (слева направо):

*неустановленное лицо, Маруся Аксёнова, Руфа Филиппова,
Тоня Лаврова, Т. Н. Кукушкина, неустановленное лицо.*

*2-й ряд: 5-й слева – Саша Мазурин (в «кубанке»),
рядом с ним – Борис Мозжухин*

*О Диме (Мите) Соловьёве см. на стр. 251–252.

По окончании 7-го класса Борис Викторович пригласил меня прийти к ним летом домой в гости. Тогда Борис Викторович с семьёй жили на Дору, примерно в 3-х километрах от школы. Я очень стеснялась, долго колебалась, идти или нет, но набралась храбрости и решила идти. Борис Викторович и его семья встретили меня очень приветливо. Запомнилось, что Борис Викторович делал «наброски» моего портрета, а я «как бы позировала».

Перед моим уходом из Щенниковской школы Борис Викторович подарил мне на память крупноформатный том сочинений Н. В. Гоголя.

Я поступила в 8-й класс Ильинской школы. В ней, кроме меня, учились другие выпускники Щенниковской школы: Маруся Аксёнова из Васюкова, Тоня Лаврова (жила вначале в лесу на кордоне – недалеко от Щенникова, потом в Филюкове), брат и сестра Игорь и Таня Успенские – дети учителей Рожновской начальной школы, братья Александр и Юрий Мазурины из Щенникова.

На сохранившейся фотографии бывшие ученики Бориса Викторовича, навестившие любимого учителя и школу в новогодние каникулы 1950 или 1951 года.

Руфина Александровна Филиппова родилась в 1934 г. в деревне Спас-Нерль Ильинского района Ивановской области. Окончила Спас-Нерльскую начальную школу, в 1946–1949 гг. училась в Щенниковской семилетней школе, в 1949–1952 гг. – в Ильинской средней школе. В 1957 г. окончила Ярославский технологический институт по специальности инженер-технолог и была направлена на работу в г. Новокуйбышевск, на новый строящийся Куйбышевский завод синтетического этилового спирта, где в должности технолога цеха участвовала в освоении и пуске одного из основных технологических цехов. В 1963–1998 гг. работала главным технологом отдела в филиале проектного института «Гипрокаучук», в 1998–2003 гг. – в фирме «Нефтяные технологии» (г. Самара). Живёт в Ярославле.

*Николай Алексеевич
КАЛИНИН*

НАШ УЧИТЕЛЬ

Когда я в 1948 году поступил в 5-й класс Щенниковской семилетней школы (в то время ШКМ – школа крестьянской молодёжи), Борис Викторович вёл кружок радиотехники в 7-м классе. Тогда в нём учились братья Мазурины (Юрий и Александр), Воронин Юрий, Соловьёв Дмитрий и др. Учась ещё в 5-м классе, я завидовал им: они изготавливали самостоятельно детекторные приёмники, которые могли принять радиоволны, если поставить антенну.

По моему мнению, не случайно Мазурин Юрий Николаевич стал доктором наук (атомщик) и неоднократно – лауреатом Государственной премии. Считаю, что основу этих достижений «заложил» именно наш учитель*.

В 1948 году Борис Викторович учил и наш класс. Хотя классным руководителем у нас была Н. М. Субботина, Борис Викторович взял наш класс под свою ответственность и начал учить с нами морзянку.

---

*Юрий Николаевич Мазурин (1935, Щенниково – 2004, Снежинск) – специалист в области разработки, создания и эксплуатации вычислительных комплексов, систем и сетей, с 1956 г. сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института технической физики имени академика Е. И. Забабахина (Российского Федерального Ядерного Центра). Доктор технических наук, лауреат Государственных премий СССР (1986 г.) и РФ (2003 г.), Почётный гражданин г. Снежинска Челябинской области. В Щенникове на доме Мазуриных установлена мемориальная доска, ему посвящённая. (Прим. ред.)

Б. В. Прозоровский (в центре последнего ряда) с шестиклассниками Щенниковской неполной средней школы. 14 октября 1947 г.

1-й ряд (слева направо):

Борис Мозжухин, Дмитрий Соловьёв, Юрий Мазурин.

Справа от Б. В. Прозоровского – В. Ф. Варламова;

2-й ряд 2-я справа – директор Т. Н. Кукушкина.

Перед Д. Соловьёвым стоит прибор («ворот»), изготовленный в кружке, которым руководил Б. В. Прозоровский

Через некоторое время он заменил кружок радиотехники фотокружком. Из обычной фанеры он смастерил свой фотоаппарат и учил нас фотографировать. Всем участникам кружка давал производить самостоятельную съёмку, а лучшие фотографии помещал на стенде в коридоре школы.

В 6–7-м классах Борис Викторович преподавал у нас немецкий язык. В начале каждого урока мы должны были разговаривать только на немецком языке. Мне и в педучилище легко было на нём общаться.

С 3-го по 7-й класс я учился со старшей дочерью Бориса Викторовича, Ниной. Поблажек ей учитель-отец никогда никаких не делал.

Будучи завучем, он давал нам информацию о событиях в нашей стране и за рубежом. От него я впервые узнал, кто такие были мученики за науку – Джордано Бруно, Галилео Галилей и другие. Узнал о том, что наша Ивановская область в те годы производила 2/3 всех тканей, выпускаемых в стране.

Когда я в начале 1950-х годов учился в педагогическом училище в Ростове-Ярославском, то, приезжая домой на каникулы, часто заходил к нему на Николо-Дор. Меня всегда поражало, что на стенах комнаты висели картины, им же написанные – Николо-Дорская церковь и окружающая природа.

У Прозоровских был свой сад, несколько семей пчёл. Борис Викторович мог угостить медовухой. Он был очень хозяйственным и приветливым человеком.

*Мотоцикл Б. В. Прозоровского. Фото конца 1950-х гг.
Слева направо: А. И. Кабанов, В. Ф. Варламова, В. А. Никитина,
А. И. Прозоровская, Б. В. Прозоровский*

Перед уходом в армию я познакомился с учительницей Муравьёвой Людмилой Михайловной, которая в то время в Щенниковской школе преподавала физику. И вот как-то раз я зашёл в её

кабинет, открыл шкаф, взял фотоаппарат и оглянулся: сзади меня стоял Борис Викторович. Он сказал: «Ты – посторонний человек, что ты здесь делаешь?» Мне было очень неудобно перед ним, и я объяснил, что открыл шкаф по просьбе учителя. Борис Викторович немного пожурил меня, но фотоаппарат всё же разрешил взять.

Он казался строгим, но мог и пошутить. ...Августовская учительская конференция в Ильинском-Хованском. Встретившись по её окончании с Борисом Викторовичем, я спросил его: «Почему Вы, имея “Яву”, не уехали домой?» Он в шутку ответил, что мотоцикл забрала милиция.

В 1962 году Прозоровские переехали в село Чернцы Ивановского района, но наша связь с Борисом Викторовичем ещё долго не прекращалась.

Николай Алексеевич Калинин родился в 1936 г. в деревне Филуково Ильинского района Ивановской области. В 1951 г. окончил 7-й класс Щенниковской школы, в 1955 г. – Ростово-Ярославский педагогический техникум. После службы в армии в 1959–1973 гг. работал учителем труда и физкультуры Хлебницкой восьмилетней школы Ильинского района. В 1973–1991 гг. – секретарь парткома совхоза «Щенниковский», в 1992–1996 гг. – глава администрации Щенниковского сельсовета. Живёт в деревне Щенниково Ильинского района Ивановской области.

Вера Михайловна
ЖИЛЬЦОВА

О ЛЮБИМОМ УЧИТЕЛЕ

*Чтобы быть хорошим преподавателем,
нужно любить то, что преподаёшь,
и любить тех, кому преподаёшь.*

Василий Ключевский

Вот таким учителем и был Борис Викторович Прозоровский. О талантливом, принципиальном, трудолюбивом, отзывчивом учителе я и буду писать свои воспоминания.

Семью Прозоровских я узнала в раннем детстве, когда пошла в первый класс Николо-Дорской начальной школы. Учила нас прекрасная женщина и знающий учитель Шарова Ольга Александровна, которая учила в это время 1-й и 3-й классы, а 2-й и 4-й классы учила Прозоровская Надежда Николаевна. Надежда Николаевна была и заведующей этой школы. За свою работу она была награждена орденом Ленина. Надежда Николаевна была матерью Бориса Викторовича.

Семья Прозоровских жила при этой школе. Коридор школы был общим как для учеников, так и для семьи Прозоровских. Так что мы знали всех членов их семьи. Борис Викторович работал в Щенниковской средней школе учителем немецкого языка и завучем школы, а его жена – Прозоровская Александра Ивановна – работала в Щенниковской амбулатории фельдшером. Часто Александра Ивановна со своими коллегами бывали в нашей начальной школе: делали уколы, прививки и разные обследования.

Так что Александра Ивановна знала хорошо всех учеников, которые приходили в школу из разных деревень: Никитинки, Горяшина, Кутнева, Инархова, Филюкова. У них было две дочери – Нина и Валя. Нина училась в средней школе, а Валя в начальной школе, у своей бабушки Надежды Николаевны.

Помню, Борис Викторович ходил из одной комнаты в другую по коридору большими шагами, не торопясь, а вот Александра Ивановна словно бегала через коридор, спешила. Борис Викторович был высокого роста, худощавый, лицо серьёзное, строгое, умное лицо. Мы побаивались его. Но на самом деле он был добрым и внимательным к нам. Мой старший брат Анатолий (мы с ним из Никитинки) учился вместе с Валею Прозоровской у Надежды Николаевны. Как-то Валя пригласила нас с ним в гости на Новый год. У них было интересно, мы веселились около ёлки, а потом довольные с гостинцами пошли домой. (Позднее, когда я уже училась в средней школе, я бывала в гостях у Бориса Викторовича и всегда узнавала что-то новое. Здесь я впервые увидела и попробовала редиску). А снегирей, которых они подкармливали, представили нам как попугаев, ведь они такие же красивые! Это надо было видеть, какой был Борис Викторович: весёлый, озорной, как смеялся, прикрывая рот!

Хочу сказать и о жене Бориса Викторовича, Александре Ивановне, самые добрые и самые искренние слова благодарности. В любую погоду, в любое время года она спешила к больным. Ведь тогда не было «скорой помощи». Часто наш папа ночью, когда маме было плохо, из Никитинки через лес и речку шёл на Дор за Александрой Ивановной. И она пешком (3 км в одну сторону) всегда приходила и помогала. А мы с тревогой с печки смотрели на доктора и ждали помощи от неё. И помощь была, и не один раз!

Километрах в трёх-четырёх от начальной школы находилась Щенниковская средняя школа, куда мы переходили в 5-й класс. Вот здесь Борис Викторович был наш учитель. Учил он нас немецкому языку и рисованию, вёл радиокружок, где занимались в основном мальчишки, среди них и мой брат Анатолий. Так у нас в деревне появились радионаушники. Мы по очереди утром слушали гимн Советского Союза и другие передачи. Какая это была радость! Это были послевоенные годы – 1950-ые. У нас тогда даже электричества не было, а были керосиновые лампы и фонари.

*Б. В. Прозоровский.
1950-е гг.*

В 8–10-х классах Борис Викторович вёл у нас немецкий язык. Если Борис Викторович входил в класс и не садился за стол, а ходил по классу около доски взад-вперёд, мы знали, что можно расслабиться, сидеть и слушать что-то интересное или новый материал по уроку. Но если Борис Викторович садился за стол, удобно ставил его для себя – тишина! – сейчас будет спрашивать пройденный материал, и строго! Помню, однажды на уроке он по очереди вызывал к столу переводить текст троих учеников из нашей деревни, потом очередь дошла и до меня. Я встала и спокойно сказала, что текст они перевели правильно. На что мне он заметил: «Вера! А кто у вас в деревне бригадир?» Я всё принимаю за чистую монету и отвечаю: «Муравьев Семён Васильевич!» А Борис Викторович говорит: «А я думаю, что это ты». Было стыдно – ведь все они у меня перевод списали.

На уроках всегда было интересно, Борис Викторович умел ответить на все вопросы учеников, даже не по теме урока. Он был не только учителем, он был другом для детей. В большую перемену Борис Викторович выносил стул из учительской, садился на него с гармошкой, а чаще с баяном, и играл танцевальную музыку. Вся школа танцевала 20 минут переходный вальс, яблочко и другие танцы. А весной вся школа выходила на улицу в большую перемену и танцевала на площадке около школы, а организатором этих танцев были старшая пионервожатая Павлинова Галина Ивановна и учителя.

Надо сказать, что учили нас замечательные учителя: Варламова Вера Фёдоровна, Малеева Анна Дмитриевна, Муравьева Людмила Михайловна, Шеногина Лидия Алексеевна, Субботин Василий Степанович, Кукушкина Татьяна Никандровна, Аверина Мария Ивановна, Вялова Галина Михайловна, Журавлёва Антонина Пав-

5-й выпуск Щенниковской средней школы. 22 июня 1958 г.

В 3-м ряду 1-я слева – классный руководитель Г. М. Вялова (за ней стоит Л. А. Шеногина), 5-я слева Вера Морозова – автор воспоминаний.

Во 2-м ряду 2-я слева – А. Д. Малеева, далее – Ю. В. Родионова, Б. В. Прозоровский. 1-й ряд (слева направо): Нина Аверина, Владимир Морозов, Людмила Талакова, Тамара Морозова, Вячеслав Чумаков

ловна, Малеева Анастасия Алексеевна и другие, о каждом из них можно писать книги. И этим замечательным педколлективом руководили в разное время директора школ: Малеев Александр Васильевич, Кукушкина Татьяна Никандровна, Субботин Василий Степанович. А завучем школы был заслуженный учитель РСФСР Прозоровский Борис Викторович.

Василий Степанович Субботин – директор Щенниковской школы в 1955–1967 гг.

Невольно наблюдая за его работой как завуча, я видела, как много он давал полезных советов любому учителю – часто на ходу; отвечал на любой вопрос учителя, провожая учителя в класс на урок, особенно помогал молодым учителям. Но и спрашивал за работу строго. На этом и держалась наша школа – передовая школа района. На базе нашей школы проходили летом пионерские слёты, спортивные соревнования, где наша школа почти всегда занимала 1-ые места.

Вспоминаю урок физики, которой нас учила Муравьёва Людмила Михайловна, а на её урок пришёл завуч школы Борис Викторо-

вич. Услышав тему урока «Электрический ток», он корректно попросил разрешения учителя объяснить эту тему. Никогда я не забуду, как доходчиво, на конкретных примерах из жизни он объяснил нам про этот ток: что был он, Борис Викторович, в Иванове, решил зайти в парикмахерскую, где только что появилась машинка для стрижки волос и электробритва, и все это он связал с темой урока. Урок для нас был жизненным, познавательным.

Школа принимала на педпрактику студентов из Шуйского пединститута. Я в то время работала в школе старшей пионервожатой и училась заочно в Ярославском пединституте имени К. Д. Ушинского. Я общалась со студентами, которые проходили у нас педпрактику, а потом с некоторыми и переписывалась. С какой теплотой и благодарностью они вспоминали Бориса Викторовича, который как завуч научил их педагогическому мастерству ведения урока и воспитанию учащихся. Они оценили это, начав работать в школе самостоятельно.

Не был он в стороне и от внеклассной работы. Борис Викторович помогал учителям в подготовке концертов для родительских собраний и для выступлений в деревенских клубах. С концертами ездили на лошадях зимой в Бордовое, в Хлебницы, в Рожново, в Спирки и, конечно, ходили и в Щенниково. А где концерт, там и Борис Викторович – он играл на баяне, и под его музыку все танцевали (он умел играть на многих инструментах). С концертов приезжали поздно, бывало и в 12-м часу ночи, а ведь от Щенникова Борису Викторовичу нужно было идти на Николо-Дор, дорога не ближняя – 3 или 4 километра. А утром снова на работу пешком к 9 часам утра.

Особенно дороги были нам, ученикам, встречи с Борисом Викторовичем по дороге в школу («место встречи изменить нельзя») – это Щенниковская роща, или Попиха, около школы, где сходились наши пути: учеников из деревень Никитинки, Кутнева, Инархова, Антушкова и учителя – Бориса Викторовича Прозоровского из Николо-Дора. Его путь шёл через лес, реку Пашму, где одно время стояла мельница, где мололи муку, а потом подъём к роще: один крутой, другой – пологий. Так Борис Викторович чаще выбирал крутой подъём (теперь я понимаю – тренировал себя).

Утренние встречи были подробными ответами на все вопросы Бориса Викторовича: «Кто где гулял? Кто плясал? Кто поздно

*В. В. Прозоровский. Дорога в школу. Попиха.
1950-е гг. Картон, масло*

пришёл с гулянки? Как родители? И т. д.» Его интересовало всё... Да разве утаишь что-то перед таким человеком?! Он знал, что нас волнует, что творится в наших детских душах.

Иногда и сам что-нибудь рассказывал.

Любил Борис Викторович подшутить над учителями. Помню, выходит в перемену из учительской учитель русского языка и литературы Варламова Вера Фёдоровна и идёт по нашему длинному школьному коридору. Была зима, в коридоре прохладно, на ней пальто, накинутое на плечи. Проводя рукой по пальто, Вера Фёдоровна обнаруживает, что наверху пальто висят две медали! Быстро возвращается она в учительскую, откуда раздаётся смех Бориса Викторовича – ведь это он пошутил. Вера Фёдоровна ответила на шутку так: положила в его большой жёлтый портфель молоток, клещи и ещё что-то тяжёлое. Борис Викторович шёл домой и всё понять не мог – почему портфель такой тяжёлый?

Об этом узнала я, когда уже работала в своей родной школе.

Ещё помним я и все, кто учился в нашей Щенниковской школе: если идёт по коридору Борис Викторович, то должен быть полный порядок, а если случайно он открывал в перемену дверь в класс и видел беспорядок в классе, то молча манил пальцем провинившегося и вёл его в учительскую. Все знали, что лучше не нарушать правила для учащихся и никого не обижать!

На вопрос, почему был строгим и требовательным, можно ответить, зная его. Был требовательным к себе, любил порядок в своём доме – всё на своих местах: целая стена книг и все аккуратно расставлены на полках, койки заправлены ровно, без подушек, ничего лишнего.

Он много знал, много читал, любил рисовать. У него очень много картин о природе нашего края. Свои картины он дарил друзьям. Я горжусь тем, что у меня есть его картины с дарственной надписью, и я храню их как память о любимом учителе.

И в моей профессиональной судьбе Борис Викторович сыграл решающую роль – я окончила Ярославский пединститут имени К. Д. Ушинского и стала учителем.

Его дочери пошли по стопам своих родителей: старшая – Нина Борисовна – стала врачом и живёт со своей семьёй в Крыму; младшая – Валентина Борисовна – стала учителем и живёт в Иванове.

Всю свою жизнь я поддерживала отношения со своим дорогим учителем и его родными. Чаще обменивались письмами и открытками, но иногда мы навещали Бориса Викторовича уже на последнем месте его работы в селе Котцыне Ивановского района Ивановской области. Мы – это: я, мой муж Виктор Константинович Жильцов, моя сестра – Бураменская Тамара Михайловна, её муж – Бураменский Анатолий Сергеевич, их сын – Миша, и бывшая ученица нашей Щенниковской средней школы из Косякова (теперь она живёт в Костроме) Соловьёва Антонина Васильевна.

Первый раз мы отправились в гости, наверное, летом 1974-го или 1975-го года через Иваново на общественном транспорте. Когда в Котцыне вышли из автобуса, то увидели красивую сельскую местность, большое разбросанное село, полуразрушенную церковь. Что-то напоминало Николо-Дор, только размеры были больше. Нам показали, где проживает Борис Викторович. Дом оказался весь в зелени, за домом огород: грядки и ульи для пчёл, цветники. Встретил нас Борис Викторович, он как раз был на улице – провожал дочь Валентину с семьёй, они приезжали на машине. Показал вслед машине и сказал: «Вон попылили!» Вышла Александра Ивановна, и они оба пошли показывать нам свои владения. Чувствовали они себя хорошо. В доме было так же чисто, всё на своих местах, как всегда было на Дору. Нас встретила мама Бориса Викторовича – Надежда Николаевна, высокая художавая

женщина. Сначала она приветливо нас рассматривала, ведь мы не виделись около 20 лет, а ей тогда было уже за 80, но все-таки вспомнила всех.

Захлопотали, стали собирать на стол. Борис Викторович хвалил свою жену Александру Ивановну, как хорошо она маринует белые грибы. Грибы действительно были очень вкусные, как свежие. Поговорили за столом, а потом Борис Викторович показал нам свои картины и фотоальбом, он занимался ещё и фотографией. Нам было всё интересно. Вечером нам показали реку, где они отдыхают. Ночевали мы у них, а утром поехали в Иваново. На прощанье Борис Викторович подарил нам всем по картине, а Александра Ивановна – по баночке мёда.

Второй раз были где-то в 1988 году, осенью, на своей машине. Как всегда, были воспоминания, разговоры на все темы.

А последняя наша встреча была 30 сентября 2003 года, в год юбилея – 90-летия Бориса Викторовича. Мы подъехали к школе, где он работал последнее время – нам подсказали жители деревни, что юбилей Бориса Викторовича отмечают в школе, там

*Первый наш приезд в Котцыно в августе 1975 г.
Слева направо: Н. Н. Прозоровская, А. Соловьёва,
В. Жильцова (Морозова), Т. Морозова*

Борис Викторович с Верой Жильцовой

*30 сентября 1988 г. – в день рождения нашего учителя.
Слева направо: В. М. Жильцова, Б. В. Прозоровский,
Т. М. Бураменская, А. В. Соловьёва. Фото В. К. Жильцова*

и районная администрация. Когда мы вошли в зал, Борису Викторовичу повязывали ленту «Почётный гражданин Ивановского района Ивановской области». Мы тоже поздравили Бориса Викторовича с юбилеем, нам было что сказать и подарить в этот день дорогому учителю! В школе был весь педколлектив Котцынской средней школы, представители администрации Ивановского района, а также жена Александра Ивановна и дочь Валентина Борисовна. После мы сидели в их доме за столом, слушали этого замечательного человека и удивлялись его памяти в 90 лет. В конце нашего посещения мы сфотографировались с Борисом Викторовичем и Александрой Ивановной у их дома, попрощались, получили подарки от Бориса Викторовича и поехали домой.

Это была наша последняя встреча, потом только письма и открытки. Своё последнее письмо он послал за месяц до смерти. Тогда моя семья переехала в новый дом. В том письме он радовался вместе с нами, что мы переехали в новую квартиру.

*30 сентября 2003 г. В последний раз нас провожают
Александра Ивановна и Борис Викторович.*

Слева направо:

*А. С. Бураменский, В. М. Жильцова, Т. М. Бураменская,
А. И. Прозоровская, Б. В. Прозоровский, А. В. Соловьёва*

Долгую, трудную, но очень интересную жизнь прожил Борис Викторович. Он для нас, его учеников, всегда останется любимым учителем и другом.

* * *

Хочется сказать и о том, что жена его – Александра Ивановна – умерла в 2009 году. Сейчас я держу связь с дочерью Бориса Викторовича Валентиной Борисовной Циркиной; у нас много общих знакомых, так как Валя была только на 1 класс старше меня.

А ещё мы все хотим побывать на могиле Бориса Викторовича и Александры Ивановны Прозоровских. Да, кстати, на Дору на Филюковском краю кладбища могила отца Бориса Викторовича – Прозоровского Виктора Васильевича, на которой лежит в ограде мраморная плита, под большой елью.

Вера Михайловна Жильцова (урожд. Морозова) родилась в 1941 г. в деревне Никитинке Ильинского района Ивановской области. В 1952 г. окончила Николо-Дорскую начальную, в 1957 г. – Щенниковскую среднюю школы. По окончании Щенниковской школы работала в ней библиотекарем и старшей пионервожатой. В 1966 г. окончила Ярославский педагогический институт и 40 лет работала учителем географии в Костроме, где и продолжает жить.

Тамара Константиновна
ПАВЛОВА

ВСЕГДА ПОМНЮ

В этих краях, которые я считаю родными, мы с мамой, Еленой Фёдоровной Николаевой, жили с 1947 по 1959 год. Сначала в Спасе, а потом – в Косякове. Своего дома не имели, скитались по квартирам. Я жила в школьном интернате, в Филюкове, с 5-го по 10-й класс.

Любимой учительницей с 5-го по 7-й класс была наша классная руководительница Журавлёва Антонина Павловна. Замечательная женщина! Очень заботливая, всегда интересовалась, как нам живётся дома и в интернате. По её предмету – математике – у меня были только пятёрки. (Потом она уехала на родину, в Фурманов.)

Любила Анну Дмитриевну Малееву (литература) и, конечно же, Шенюгину Л. А.

А о Борисе Викторовиче я всегда помню. Мы очень долго переписывались. Он прислал мне своё фото и книгу «Старая крепость».

Я не была примерной ученицей по немецкому языку, а он старался мне помочь. На лето давал читать небольшие книги на немецком и говорил: «Осенью мне перескажешь их содержание тоже на немецком!» А я такая была нерадивая ученица!

Закончила Юрьев-Польское педагогическое училище, работала воспитателем, старшим воспитателем, заведующей детским садом и задумала поступать в институт. Борису Викторовичу написала, что опять на моём пути «немецкий», и несколько слов на нём (знаю, что написала с ошибками).

До 7-го класса мы дружили с Валей Прозоровской, я несколько раз была у них в гостях. Как-то была с Милей Куликовой. Однаж-

Ученики 6-б класса Щенниковской школы с А. П. Журавлёвой.
Осень 1952 г.

1-й ряд 2-я слева – Валя Прозоровская;
2-й ряд 1-я слева – Тамара Титова

ды мы с Валей сидели у них на лежанке. Валя брала аккорды на гитаре, а я пела «По диким степям Забайкалья...» Бабушка* сидела и слушала и хвалила нас.

Помню Александру Ивановну. Она была фельдшером в Щенниковской больнице и лечила меня от полиартрита и от заболевания почек. Прекрасная женщина!

Борис Викторович был такой домашний! Знаю, что занимался пчёлами. Знаю, что очень хорошо рисовал. У них дома было много пейзажей: лес, Николо-Дор – написаны масляными красками, и много-много книг.

На выпускном вечере Борис Викторович мне сказал: «Если так случится, что ты не сможешь поступить в учебное заведение, – не теряйся, возвращайся в родную школу. Здесь сможешь работать или пионервожатой, или преподавателем истории».

* Надежда Николаевна Прозоровская. (Прим. ред.)

Услышать это было очень приятно, и очень нужные слова им были сказаны.

Наш одноклассник Валя Хрящёв был у него много раз и всегда говорил: «Он – мой кумир. Но такой стал старенький. Его мечта – встретиться с бывшими учениками, со всеми, кого он учил».

Тамара Константиновна Павлова (урожд. Титова) родилась в 1938 г. в Москве. С 1944 г. жила в Ивановской области, куда в начале Великой Отечественной войны эвакуировалась её мать. Училась в Чанниковской начальной школе Аньковского района, Лазарцево-Фоминской и Спас-Нерльской начальных школах Ильинского района; в 1951–1957 гг. в Щенниковской средней школе. После окончания Юрьев-Польского педагогического училища в 1959 г. больше 35 лет проработала в детском саду госплемзавода имени 17 МЮДа Суздальского района Владимирской области. Живёт в посёлке Садовый Суздальского района Владимирской области.

*Людия Алексеевна
ШЕНОГИНА*

БОРИС ВИКТОРОВИЧ БЫЛ СТРОГИЙ, ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ

В 1953–1954 учебном году я была переведена из Гарской семилетней школы на работу в Щенниковскую среднюю школу. Борис Викторович тогда работал завучем школы, преподавал он немецкий язык в старших классах – имеются в виду 8-е – 10-е классы.

Я – по образованию историк, но нас распределили всех как преподавателей истории и немецкого языка (и только в Ивановскую область), хотя в институте нас не готовили к преподаванию немецкого языка. В Гарях я вела только немецкий язык, в Щенниковской – сначала немецкий, а когда прислали специалиста по немецкому языку – Людмилу Григорьевну Монову, преподавала историю. Людмила Григорьевна была прекрасный специалист, они с Борисом Викторовичем общались только на немецком языке.

Учащиеся приходили в Щенниковскую среднюю школу из разных начальных и семилетних школ – в 5-й класс из Рожновской, Борисовской и Спас-Нерльской школ; в 8-й класс – из Лучков Владимирской области, Петриловской и Хлебницкой школ. Классы были большие, параллельные, детей было много. В моём 8-м классе в 1953–1954 году училось 42 человека, а во всех классах – около 300 учеников.

Мне дали несколько часов истории и в 5–7-х классах уроки немецкого языка. Чтобы выровнять знания учащихся всех школ по немецкому языку, Борис Викторович помогал мне составлять план

работы – мы с ним вместе составляли его на целый год. Тогда главным считалось изучение грамматики, знание слов, умение понимать и переводить текст с немецкого языка на русский. Борис Викторович сам в совершенстве владел немецким языком и старался мне помочь, за что я ему очень благодарна.

Большое внимание уделял Борис Викторович внешнему виду учителей и культуре поведения учащихся. Считал, что учителям в платье-кимоно, когда руки открытые, на уроки ходить неприлично, а с коротким рукавом – это нормально. Борис Викторович обращал внимание на то, чтобы дети обязательно здоровались. Когда он шёл по коридору, дети: «Здравствуйте!», «Здравствуйте!» И когда кто-нибудь в школу приходил – дети так же все здоровались. Тогда ученики относились с большим уважением и к классному руководителю.

На 8-ое марта желал, чтобы дети делали подарки своими руками, а не покупали на деньги родителей: выпиливали, из открыток делали вазы, рисовали букеты цветов. Сам он очень хорошо писал пейзажи и букеты цветов. Мне лично он подарил картину «Букет цветов».

Борис Викторович был тактичный, вежливый, доброжелательный, пользовался большим авторитетом у родителей, учителей и учащихся. Настолько его уважали и ценили – если он пройдёт по коридору, сразу абсолютная тишина. На уроках и на переменах в школе всегда был порядок. Дежурный класс следил за чистотой и порядком. У дежурного учителя и дежурных по школе учащихся вместе с их классным руководителем были на рукавах красные повязки. Санитары также следили за чистотой в классах, выставляли оценки, соревновались – один класс с другим.

А чтобы дети не уставали на уроках, Борис Викторович сам развлекал их музыкой – играл на гармошке, и все танцевали. Когда Тамара и Надя Морозовы* выступали на сцене (это был класс: внизу учили, а наверху была сцена), он сам им подыгрывал, репетировал, и все вместе готовили концерты. Их показывали в клубе Щенниковском и в другие деревни ездили.

* Тамара Морозова жила в деревне Никитинка, а Надя – в деревне Спас-Нерль. (Прим. ред.)

Борис Викторович был строгий, требовательный. Работая завучем, стремился к тому, чтобы ученикам давали глубокие и прочные знания по своему предмету. Если случались какие-то недостатки, то он, конечно, требовал с учителя, но на районных совещаниях всегда учителей своей школы хвалил, никогда ни об одном учителе плохого не говорил. Ко всем учителям относился одинаково, не было у него любимчиков. Бывало, что он и выговаривал учителю за что-то, но выговаривал спокойно, твёрдо и уверенно, а не то, чтобы кричал, я никогда этого не слышала. Дистанция учителями всегда чувствовалась.

*Линейка во дворе Щенниковской школы.
Фото В. М. Морозова. 1961–1962 г.
В группе учителей, стоящих спиной к зрителю,
крайний справа – Б. В. Прозоровский,
рядом с ним – Л. А. Шеногина*

Не помню, чтобы отчитывал учеников прилюдно. Они и так его слушались, и учителя тоже слушались.

За большую творческую работу ему было присвоено звание «Заслуженный учитель» РСФСР в 1961 году.

К себе в Николо-Дор он учителей приглашал, и учителя ходили – особенно Вера Михайловна, она недалеко жила, в Никитинке. Вера Фёдоровна Варламова тоже, по-моему.

Любил иногда пошутить. Однажды и над ним Вера Фёдоровна подшутила. Он жил – километра, наверное, два с половиной будет до Николо-Дора, – и портфель у него был большой, там было много книг, и туда же положили молотки, клещи – в общем, железные предметы, и он донёс их до дома. Как ответить? А школа была деревянная, и зимой, конечно, холодновато было, учителя иногда набрасывали на плечи пальто. И он на пальто Вере Фёдоровне приколот медали – несколько медалей: две или три, точно я не помню. И она быстренько пальто надела, вышла в коридор, и они загремели, эти медали. Она вернулась – все, конечно, смеялись над этой шуткой, в том числе и Борис Викторович смеялся.

Однажды, когда сдавали экзамены по немецкому языку его ученики, меня включили в комиссию, и я была у Бориса Викторовича ассистентом. Кто-то отвечал неправильно – не совсем точно, как хотелось бы ему. И он обиделся на отвечавшего и занервничал.

В 1999 году в Ильинском доме ремёсел была организована встреча с Борисом Викторовичем, она прошла интересно и очень содержательно. Все присутствующие, приглашённые, были довольны этой встречей. Было очень много картин показано, которые были написаны Борисом Викторовичем, и все остались очень и очень довольны. Организовал эту встречу Виктор Михайлович Воробьёв, заместитель главы района.

Борис Викторович работал в Щенниковской школе при мне с двумя директорами – Татьяной Никандровной Кукушкиной и Василием Степановичем Субботиным.

*Открытие выставки Б. В. Прозоровского
в Ильинском доме ремёсел 5 мая 1999 г.*

Слева направо (лицом к зрителю): А. В. Шабанов – зав Ильинским РОНО, С. В. Коноплёв – глава администрации Ильинского района, Б. В. Прозоровский, В. М. Воробьёв – заместитель главы администрации Ильинского района, В. Б. Циркина, А. С. Кузьмичёв – заместитель главы администрации Ивановского района, Л. М. Морозова – завотделом культуры Ильинского района

Лидия Алексеевна Шеногина родилась в 1930 г. в деревне Ивашево Ильинского района Ивановской области. Окончила Аньковскую среднюю школу, Ивановский учительский (1950 г.) и Ивановский педагогический институты (1953 г.) С 1953 по 1969 г. работала учителем, а с 1970 г. и завучем Щенниковской средней школы Ильинского района. Живёт в деревне Щенниково Ильинского района Ивановской области.

*Вячеслав Михайлович
МОРОЗОВ*

ВСЯ ШКОЛА ДЕРЖАЛАСЬ НА АВТОРИТЕТЕ БОРИСА ВИКТОРОВИЧА

В Щенниковскую школу я пришёл в 6-й класс, Борис Викторович вёл у нас немецкий язык. Я в 4-м и 5-м классе учился в Измаиле (Одесская область)* и изучал там английский язык, а когда пришёл сюда на немецкий, я немножко отставал и особенно им не увлекался.

В 1961-1962 гг. в Щенниковской школе я работал учителем физкультуры и рисования. Тогда учеников было много и поэтому было весело и интересно работать. Ученики помогали копать картошку, сажать молодые деревца – будущий лес, и т. д.

Спортивного инвентаря почти не было. За посадку саженцев для лесхоза деньги были израсходованы на закупку лыж и ботинок и, конечно, футбольной формы. Для ребят это была неописуемая радость (но мы и в валенках всегда брали 1-ые места в районе по лыжам).

В это время я выступал на районных и областных соревнованиях, был чемпионом района по лыжам 1961–1962 гг. Любил волейбол, шахматы.

В мае 1962 г. организовал с мальчишками велопробег Щенниковская школа – Ярославль, ночевали там у родственников. Борис Викторович это мероприятие поддержал – он всегда поддерживал

* В Измаиле остался мой брат после войны, и он взял меня туда. Я жил у него два года.

*Девятиклассницы Щенниковской школы
после посадки саженцев сосен около Рожнова. Весна 1962 г.
Слева направо: Т. Соловьёва, Л. Сечина, Н. Юрова, Ш. Богачёва*

*Первая футбольная команда Щенниковской школы.
Фото В. М. Морозова. 1961/1962 г.
Капитан команды – Александр Майоров,
вратарь – Александр Власов (с мячом)*

инициативу учителей, если, конечно, она была разумная и приносила пользу детям.

На районные соревнования ездили на лошади; совхоз лошадёнку даст, мы – раз и туда! Там, в Ильинском, был Дом крестьянина какой-то, там иногда и ночуем. С утра соревнования пройдут – и обратно. Нормально всё было, всё хорошо.

Борис Викторович, несмотря на мою молодость, звал меня Вячеславом Михайловичем – никакого «Славы». Это такой официоз, который не обсуждался. То же было и с другими учителями.

Бориса Викторовича любили и ученики (а иногда и побаивались) и учителя. Его аккуратность, педантизм, допустимая строгость и преданность профессии подкупали всех, кто с ним работал. Особенно он обращал внимание на молодых учителей, которые после его поучительных бесед иногда вытирали слёзы – так «доходчиво» он объяснял основы педагогики. Самым большим наказанием для

Выпускной вечер 10-б класса Щенниковской школы. 24 июня 1957 г.
В 1-м ряду крайний слева – Вячеслав Морозов; во 2-м ряду вторая слева – Л. А. Шеногина, третья справа – А. И. Прозоровская.
4-й ряд (слева направо): Валентин Хрящёв, А. Д. Малеева, неустановл. лицо, Н. М. Субботина, Тамара Титова.
Б. В. Прозоровский – 3-й справа в 3-м ряду

учеников был вызов к Борису Викторовичу, вызов к нему их родителей или посещение им учеников на дому.

У меня тоже иногда проверял планы уроков, подсказывал, как эффективнее проводить их – с учётом особенностей нашей сельской школы: не было спортивного зала (его заменял длинный школьный коридор), но имелся стадион со спортивной площадкой.

Вся школа – учебный процесс и дисциплина – держалась в основном на авторитете Бориса Викторовича. Бывший в это время директором В. С. Субботин ему уступал значительно.

Напрашивается вопрос: а почему директором не был Б. В. Прозоровский? Видимо, здесь играл роль факт его нахождения в плену, правда, подробностей об этом никто не знал, а спрашивать не осмеливались.

Вячеслав Михайлович Морозов родился в 1939 г. в деревне Рожново Ильинского района, в 6–10 классах учился в Щенниковской средней школе. По окончании школы и службы в армии работал на разных работах; в 1961–1962 учебном году преподавал физкультуру и рисование в своей же школе. Позднее окончил Ярославское военное финансовое училище, Московскую военную финансовую академию (1975 г.), служил на должностях по специальности. Вышел в отставку в звании полковника. Каждое лето живёт в Рожнове, где создал Фонд развития и благоустройства родной деревни и возглавил его. Постоянное место жительства – Москва.

*Виктор Николаевич
ГОЛОВАНОВ*

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Прозоровский Борис Викторович проживал в здании Николо-Дорской начальной школы. Семья занимала две комнаты из четырёх с общим коридором (в двух других проходило обучение школьников).

Семья Бориса Викторовича состояла из жены – Александры Ивановны, работавшей фельдшером в Щенниковской больнице и имевшей высокий профессиональный авторитет среди населения, и двух дочерей – Нины и Валентины. Первая пошла по материнской линии, окончила Ивановский мединститут; Валентина – по линии отца: окончив Ивановский педагогический институт, до сих пор работает учителем.

С ними проживала мать Бориса Викторовича, Надежда Николаевна, – тоже педагог, она была моей первой учительницей в 1-ом и 2-ом классах.

Борис Викторович был эрудированным и интеллигентным человеком, тактичным и общительным. В Щенниковской школе он был завучем и преподавал немецкий язык и рисование, вёл различные кружки: радио- и фотокружки и другие. В школе пользовался авторитетом, был строгим, но справедливым, никогда не повышал голоса. По своим деловым и профессиональным качествам он заслуживал более высокой должности, но какая-то сила ставила

*Н. Н. Прозоровская (в центре) с коллегами – З. Г. Масловой (слева) и В. И. Павлычевой (Зубковой). Начало 1950-х гг.
Фото Б. В. Прозоровского*

крепкий заслон на его карьерном росте. По этому поводу он очень переживал*.

Говорят, если человек талантлив, то он талантлив во всём. Борис Викторович был прекрасным педагогом и воспитателем, в совер-

* Думается, что автор ошибается: если бы Б. В. Прозоровский так стремился к «карьерному росту», он непременно вступил бы в КПСС, т. к. беспартийному в советские времена быть руководителем «не полагалось». В начале 1990-х Борис Викторович писал о себе (в 3-м лице): «В КПСС не состоял, чем очень гордится» (архив М. В. Ахмадщиной). (Прим. ред.)

шенстве знал немецкий язык, был художником-пейзажистом, писал прекрасные картины, которые выставлялись на выставках различного уровня, хотя законченного художественного образования не имел. О его мастерстве художника говорит тот факт, что к нему приезжали для обмена опытом профессиональные художники*.

В 1962 году Борис Викторович с семьёй переезжает к новому месту работы в школе-интернате – в село Чернцы Ивановской области. Через 4 года переезжает в село Котцыно Ивановской же области и продолжает свою профессиональную деятельность в местной школе.

Везде, где жил и преподавал Борис Викторович, он оставил глубокое впечатление интеллигентного, справедливого и порядочного человека, умелого педагога и воспитателя.

Моё общение с Борисом Викторовичем происходило по месту жительства (на Николо-Дору мы были соседями) и во время учения в Щенниковской средней школе. Кроме того, я навещал его в селе Чернцы в 1964 году, будучи в отпуске курсантом Тамбовского высшего военного авиационного училища лётчиков им. Марины Расковой, и в 1984 году в селе Котцыне, приехав в отпуск уже полковником. В память об этой встрече у меня хранятся две фотографии. На одной из них Борис Викторович с женой Александрой Ивановной, справа от них моя сестра Вера с дочерью Олей. На другой фотографии Вера с дочерью, Борис Викторович и я. Фотографировались на фоне дома, в котором жили Прозоровские.

Хочу сказать, что Борис Викторович был человек трудной судьбы, но с активной жизненной позицией; человек с большой буквы. Я с теплотой и уважением вспоминаю этого талантливого человека, разносторонне развитого учителя и воспитателя.

* Ср.: А. И. Василевская. Прозоровские на погосте Никол-Дор (стр. 208).

В гостях у Бориса Викторовича в Котцыне.

Слева направо:

*В. Н. Воронина (Голованова), Оля Воронина, В. Н. Голованов. 1984 г.
Фото Б. В. Прозоровского*

Виктор Николаевич Голованов родился в 1944 г. в деревне Кутнево Ильинского района Ивановской области. Учился в Николо-Дорской начальной школе и Щенниковской средней школе, которую окончил в 1961 г. В 1965 г. окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков им. Марины Расковой, в 1976 г. – Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина. Проходил военную службу на должностях: командира авиационной эскадрильи и командира авиационного полка по лётной подготовке в ТВВАУЛ им. Марины Расковой, старшего военного советника в авиагруппе Шиндат (Афганистан), главного специалиста управления Межведомственной комиссии Единой системы управления воздушным движением СССР, начальника Центра руководства полётами в Западную группу войск (Германия). В 1995 г. уволен из рядов ВВС в звании полковника. Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени (1978) и орденом «Красная Звезда» (1980). Живёт в Москве.

Антонина Васильевна
СОЛОВЬЁВА

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ: КАКИМ ЕГО ЗНАЮ И ПОМНЮ

О Борисе Викторовиче Прозоровском я знала ещё до поступления в 5-й класс Щенниковской средней школы – он учил обоих старших моих братьев (Дмитрия и Валентина) и сестру Руфу, и в нашем доме имя его было хорошо известно**.

А встретились мы с Борисом Викторовичем следующим образом. Он как завуч в начале учебного года пришёл на урок (какой – не помню) в 5-й класс, меня вызвали к доске, о чём-то спрашивали. После урока Борис Викторович ушёл не сразу, и ещё даже не встал из-за парты, за которой сидел, а молча подозвал меня к себе – как он и всегда это делал: поманил согнутым указательным пальцем. Когда я подошла и встала перед ним, он спросил, не сестра ли я Мити Соловьёва. Я ответила утвердительно, на этом наше общение на этот раз и закончилось. Не сомневаюсь, что он знал о нашем родстве и до этого разговора, почему я и была вызвана. (А брата он до конца жизни называл только Митей – и насколько это мягче, теплее и более «по-русски», чем Дима – имя, в то время в деревне ещё не принятое.) Этот разговор с ним (всего лишь краткий вопрос – и ещё более краткий ответ) произвёл на меня большое впечатление и запомнился мне надолго. (Не на всю ли жизнь?)

* Только самая старшая из детей – Нина, родившаяся в конце 1929 года, – не была его ученицей.

Здесь к месту рассказать, как завуч Б. В. Прозоровский появлялся в классе – я и сейчас мысленно вижу эту картину. Он всегда входил уже тогда, когда учитель, пришедший на урок, поздоровавшись, усаживал нас. Но вот неожиданно открывалась дверь, и на пороге появлялся высокий, с серебряной головой, в хорошо отглаженном костюме, подтянутый и в меру строгий Борис Викторович. Класс дружно поднимался для приветствия, он здоровался, и нас снова усаживали за парты. Тишины в классе заметно прибавлялось.

Должна я сказать и о том, что отношение всех учеников Щенниковской школы к Б. В. Прозоровскому было особенное – его явно выделяли из всего учительского коллектива, более всех уважали, даже малейшее его внимание особенно ценили. Это особенное отношение, в главном, определяло всю школьную атмосферу, и новые ученики Щенниковской школы, пришедшие из нескольких начальных школ, быстро и верно усваивали «приоритетное» в этой атмосфере. Я же была подготовлена ещё и домом.

Мне было известно о расположении Бориса Викторовича к брату Диме (род. 1931). Тот был хорошим и, видимо, небесталанным учеником, успешно занимался физикой, которую в ту пору Борис Викторович преподавал, и под руководством учителя изготавливал приборы для уроков, а для себя собрал радиоприёмник с наушниками, по которому я в детстве очень любила слушать разные радиопостановки. Брат увлекался тогда и фотографией, думаю, что и это шло от учителя. Во время обучения в Ростовском техникуме, готовившем специалистов сельского хозяйства, и службы в Советской армии, Дима, навещая родной дом, навещался и в родную школу и встречался со своим главным учителем*.

* Брат, Д. В. Соловьёв, всю свою не очень, к сожалению, долгую жизнь (умер он в 1985 г.) тепло и с искренним уважением вспоминал своего учителя, интересно о нём рассказывал, писал Борису Викторовичу, но нечасто, письма, т. к. писать их весьма не любил. В 1976 г., работая в это время директором крупнейшего совхоза в Омской области, брат был избран делегатом 25-го съезда КПСС и из Москвы отправил Борису Викторовичу письмо, в котором приглашал его приехать повидаться; учитель охотно откликнулся на это приглашение, и в конце февраля они встретились в гостинице «Россия», где поселили омскую делегацию. 1 марта брат написал мне: «Был в гостях Борис Викторович».

Ещё о брате. Попав по распределению в Омскую область в 1956 г., он работал там до самой смерти – сначала техником-электриком, потом главным инженером известного тогда в области ОПХ «Сосновское», 14 лет был директором совхоза «Комсомольский» Одесского района, а последние 3 года – заместителем директора Омского областного Центра научной организации труда. Был награждён орденами Октябрьской революции и «Знак Почёта».

Во всех деревнях, где со своими родителями жили ученики Щенниковской школы, знали, конечно, её учителей и весьма уважительно к ним относились, но наибольшим уважением и авторитетом всего нашего населения неизменно пользовался Б. В. Прозоровский.

Б. В. Прозоровский был учителем «широкого профиля»: в разные годы он преподавал разные предметы – физику, рисование, немецкий язык. Иногда замещал заболевшего учителя, и тогда

*Ученики Щенниковской семилетней школы с приборами по физике.
Конец 1940-х гг.*

1-й слева – Борис Мозжухин, рядом с ним – Дмитрий Соловьёв

Тогда же с Борисом Викторовичем

упорный двоечник получал законную четвёрку – этот учитель умел разбудить, казалось бы, навсегда исчезнувший интерес к предмету.

Учитель явно выделял того или иного ученика или ту или иную ученицу из общего числа остальных не только из-за хороших успехов в школе, но и по другим «основаниям». Так, он явно любил Шуру Юрову из нашей деревни Косяково, бывшую на 2 класса младше меня. Когда я, уже взрослая, заговорила об этом при очередной встрече с Борисом Викторовичем, он объяснил это чувство к Шуре её большой ласковостью. Интересно, что предпочтения Бориса Викторовича у остальных учеников никогда не вызывали ни зависти, ни насмешки, всеми это воспринималось как должное, и слова «любимчик» в нашей школе мы не знали и не произносили. Не любимчиков, а любимцев у него одновременно было немало, и в самых разных классах, но поблажек он никаких им не делал.

Иногда он приглашал их к себе домой, в Николо-Дор. Была и я там один раз где-то в классе 5-ом. Конечно, сильно волновалась и мало что запомнила. В памяти остались только чистые комнаты с узкими чистыми кроватями, белая (кафельная?) лежанка, на ко-

*Выпускники 1949 г. Щенниковской неполной средней школы, в гостях у Б. В. Прозоровского на Николо-Дору. 1 мая 1950 г.
Слева направо: Юрий Мазурин, Дмитрий Соловьёв,
Б. В. Прозоровский, Борис Мозжухин, Александр Мазурин*

тору Борис Викторович присел, продолжая со мной «беседовать». Тогда я впервые увидела и попробовала шоколадное масло. Он, конечно, прекрасно знал нашу полугодную жизнь, и однажды – вижу это до сих пор, – идя какую-то часть пути из школы вместе со мной (шёл в тот раз, весной, на Николо-Дор – где жил – через Филюково), положил мне в карман майского* пальто горсть молочных ирисок, которые, видимо, именно с этих пор я и полюбила.

Они же. Фото Б. В. Прозоровского

* Майским в наших местах называли демисезонное пальто; значит, начинали его носить после зимы в апреле-мае.

Он был талантливый педагог и талантливый человек. Я уже упоминала предметы, которые он преподавал, но он ещё и играл – и с удовольствием! – на баяне. На больших переменах он выходил в коридор нашей деревянной одноэтажной школы, садился на стул и всю перемену наигрывал простенькие танцы, которые мы охотно танцевали. Без его игры немыслима школьная самодеятельность той поры, поездки с концертами по деревням.

И был он прирождённым художником, знал все живописные уголки Щенниковской округи и после уроков на мотоцикле ездил туда на этюды. Однажды он в разговоре со мной, школьницей, заметил, что у нашей мамы, Анны Васильевны Соловьёвой, голубые глаза. Тогда это замечание вызвало у меня некоторое удивление, и только гораздо позднее я поняла, отчего были сказаны эти слова. При тёмных волосах мамы голубые глаза явно привлекали его внимание художника.

Несомненно, он любил всех нас, незамысловатых, робких и в основном послушных деревенских детей, любил свою работу. Поэтому он часто улыбался нам и часто шутил. Шутил и улыбался больше, чем другие учителя. Из его шуток мне запомнилась одна, о ней несколько раз я слышала от моей сестры Руфы (род. 1934). Она, учась на агронома в том же Ростовском техникуме, что и брат, также однажды пришла в школу и, поджидая Бориса Викторовича, уселась на подоконнике. А была она тогда девушкой «при формах», и он, увидя такую картину «с тыла» и, видимо, не узнав бывшую свою ученицу, спросил: а не проломит ли она подоконник? Рассказывала это Руфа всегда с удовольствием.

А улыбка у него была особенная – несколько золотых зубов, делали её более яркой и радостной, казалось, что улыбка освещала не только его лицо, но и всё вокруг.

В памяти на всю жизнь осталось то наше особое, приподнятое состояние и нетерпеливое ожидание прихода Бориса Викторовича в интернат, находившейся на другом берегу реки Пашмы в полукилометре примерно от школы – в деревне Филюково, где мы жили в холодное время года с короткими днями. Обычно нам о его предстоящем посещении сообщала воспитательница Анфиса Фёдоровна Лабутина после того, как мы приходили после уроков из школы, и мы сразу же «подтягивались», но ничего специально «не улучшали» ни в наших занятиях, ни в поведении – может быть, только по-

правляли и без того с утра старательно (как и всегда) заправленные кровати и прилежнее сидели за столом, за которым обычно готовили уроки, и с затаённым нетерпением ждали его появления. И вот он входил в нашу комнату, спокойный, неторопливый, внимательно смотрел на нас, о чём-то спрашивал, мы с готовностью отвечали, и он шёл в соседнюю. Посещения это не были частыми, мы к ним не успевали привыкнуть, и потому они нас волновали и запоминались.

Читал ли он нам нотации, распекал нас? Видимо, нет – я этого не помню. Помню, что, учась уже в 8-м классе, мы как-то стали более резвыми, в переменках возились и шумели, даже, бывало, стучали друг друга книжками, и если в разгар шума и возни становилось вдруг очень тихо, я знала, что это Борис Викторович вошёл в класс и молча наблюдает за нами. Утихомирив нас таким образом, он также молча выходил.

Иногда же он хотел почему-то доискаться виновника проказ. В школе нашей как-то так повелось, что хороший (или лучший) ученик или ученица обязательно были старостой класса или секретарём комсомольской организации. Мне довелось быть тем и другим (секретарём – всей школьной организации, благо она была небольшая), хотя ни сейчас, ни тогда во мне никаких задатков лидерства не проявлялось. И вот как-то (это было в 7-м классе) Борис Викторович неожиданно вошёл в наш класс, а в это время кто-то из мальчишек что-то бросил, но учитель не успел заметить, кто это сделал. Не увидела этого и я, но Борис Викторович, естественно, спросил сначала всех, а потом меня, кто это был. Никто не признался, я же ответила, что не знаю – не видела. Но он на этом не успокоился и потом ещё несколько раз спрашивал меня уже одну, отвечала я всегда одно и то же, и не было заметно, чтобы он сердился на мои ответы или у него как-то менялся тон «при дознании». Прошло немало времени, и мучивший его вопрос был задан мне ещё один раз – последний.

Училась я уже в 9-м классе, он был небольшой – его составляли в основном «остатки» 5–7-х классов («а» и «б»); в это время я и была секретарём маленькой школьной комсомольской организации. В школе праздновался Новый (1962-й) год. На школьный праздник пришёл пьяным ученик нашего класса М. (мы вместе учились ещё в Спас-Нерльской начальной школе). Это было исключительное

событие в жизни нашей школы и первое и единственное за всё время моего пребывания в ней. Борисом Викторовичем мне было сказано, что М. надо «обсудить» на комсомольском собрании, что, естественно, и было сделано. Но я так старательно (и искренне) это выполняла, что «обсуждаемого» после этого не могла уже и видеть*. Хорошо, что он этого не почувствовал, и впоследствии мы, хотя и не часто, встречались с ним в высшей степени дружелюбно.

Тогда я не знала, что обращение к школьному активу в подобных случаях было педагогическим приёмом Б. В. Прозоровского.

Помню моё вступление в комсомол в 8-м классе. Хотя быть комсомолкой я уже не хотела, не видя разницы между комсомольцами и некомсомольцами, но, задетая за живое словами тогдашней старшей пионервожатой Г. И. Павлиновой, что все лучшие ученики вступают в комсомол, подала заявление, набрав к нему изряд-

*Ученики 7–9 классов Щенниковской школы. 1961/62 уч. год.
Первый ряд (слева направо): Таня Юрова, Шура Серебрякова,
Валя Аверина, Тоня Соловьёва, Лида Сечина,
Валя Колотилова, Тамара Юрова.
Второй ряд (слева направо): Слава Грачёв, Валя Савельев,
Миша Филиппов, Слава Кочешков*

* К сожалению, наше обсуждение ему никак не помогло.

ное количество «рекомендаций». Конечно, Борис Викторович на приёме присутствовал, и когда кто-то из учителей указал на излишек «подписантов», а я заволновалась, он меня и их успокоил: «Кашу маслом не испортишь».

Как-то при встрече Борис Викторович, вспоминая нашу школу, сказал, как бы ожидая от меня подтверждения: «А ведь, Тоня, в Щенниковской школе всё было по-настоящему».

К началу нового учебного 1962 года он ушёл из Щенниковской школы и стал работать в Чернцкой школе-интернате под Ивановом. В это же время и я уехала к брату в Омскую область, где закончила 10-й класс, но уже в следующем году поступила в Ивановский педагогический институт (ИГПИ) на филологическое отделение. Студенткой я ездила к нему один раз в Чернцы* и виделась с ним в Котцыне в 1967 году в мае и во время институтских государственных экзаменов в июне. Из Котцына была одна моя сокурсница и приятельница, и перед последним экзаменом, диаматом, она пригласила меня к себе домой. Здесь и была вторая моя встреча с учителем после свидания в Чернцах, и была она короткой – Борис Викторович провожал меня утром до автобуса, на котором мы уезжали в Иваново на госэкзамен.

А в 1971 году, когда я работала научным сотрудником в музее-заповеднике А. Н. Островского «Щельково», он – проездом из Костромы – навестил и меня. Ночевал только одну ночь и уже рано утром ушёл «на этюды». Потом я показывала ему бывшую усадьбу драматурга, а он фотографировал.

В Котцыне я была у Бориса Викторовича и Александры Ивановны Прозоровских (а вместе с ними всегда жила и его мама, Надежда Николаевна) несколько раз – и одна, и с сёстрами Верой и Тамарой

* Это те самые Чернцы, о которых в Википедии говорится следующее: «В июне 1943 года в усадьбе (Митьковых. – А.С.) был создан генеральский лагерь для военнопленных, в котором в течение 13 лет находились более 400 офицеров высшего командного состава немецкой и японской армий. Среди известных заключённых были фельдмаршал Паулюс, генерал Императорских вооружённых сил Японии Ямада Отодзо, член японской императорской семьи Фумитака Коноэ и другие».

Первый приезд в Котцыно. 8 мая 1967 г. Фото И. Д. Лапина

Морозовыми из деревни Никитинки, тоже бывшими ученицами нашей Щенниковской школы*.

Борис Викторович нашим появлениям бывал рад, он признавался, что ему не хватает общения. Помню, в один из приездов я осталась ночевать, и весь вечер он поднимался на чердак и возвра-

* Ныне Вера Михайловна Жильцова (см. её воспоминания на стр. 222) и Тамара Михайловна Бураменская (род. 1944 г.), почти всю трудовую жизнь проработавшие учителями в Костроме (где имеют жительство и по сей час): первая – учительницей географии, вторая – учительницей начальных классов.

Август 1975 г. Котцыно. В огороде у пасеки.

Слева направо:

Т. Морозова, В. Жильцова, А. И. Прозоровская, А. Соловьёва.

Фото Б. В. Прозоровского

щался оттуда со своими живописными работами, с удовольствием показывая их даже такому, не весьма «продвинутому» в живописи человеку.

Думаю, что в этот же приезд я попросилась к нему на урок. Один мальчик вёл себя не очень-то «адекватно», и Борис Викторович терпеливо пытался урезонить его, а после сказал мне, что не применил к нему более строгие меры только лишь потому, что на уроке присутствовала я, т. е. чужой для ребят человек.

Свои работы он нам дарил, предоставляя право выбора. У меня имеются 4 его работы – пейзажи, натюрморт – с тёплыми дарственными надписями. На последней подаренной картине «Осенний перелесок» (2001 г.) он написал: «Дорогой моей Тоне Соловьёвой на добрую память от автора. 30.09.03. Прозоровский». Я заказала для них хорошие рамки, и теперь они – украшение не только моей квартиры, но и моя радость. А память об этом незаурядном чело-

веке и учителе – действительно добрая, и пребудет такой до конца моих дней.

Увлечение живописью и интерес к художникам сопровождали всю его жизнь. Как-то я рассказала ему, что была в Охотине (Ростовский район Ярославской области), где до революции (тогда это была Владимирская губерния) находилась дача Константина Корovina – в начале 1980-х его дом ещё был цел, – и Борис Викторович радовался этому и сожалел, что, зная о коровинской даче, он, в своё время (когда жил на погосте Николо-Дор)* не сумел там побывать.

Он вообще многим интересовался, немало читал. Желая доставить ему радость, я посылала ему (сейчас каюсь, что редко) разные книги. Последней подарила книгу известного розанововеда В. А. Фатеева «С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова», к изданию которой в Костроме (в 2002 году) я имела некоторое отношение. И эта большого формата, в 640 страниц, книга была им с интересом прочитана, о чём он не преминул мне с благодарностью сообщить. Библиотека его не была огромной, но книги, как думается, были «отборные». В Котцыне они стояли на стеллаже, закрытые занавесом.

Вообще, обстановка в доме Прозоровских в Котцыне, которую я хорошо помню, отличалась некоторой аскетичностью, характерной для крестьянской избы; да и жили они в обычном крестьянском доме. В передней части избы, занимающей её половину, стояли: по смежным стенам диван и кровать, покрытая белым пикеиным покрывалом; напротив кровати у передних окон – письменный стол, на нём телевизор; у стены напротив дивана – книжный стеллаж. В прихожей (и столовой одновременно) круглый стол со стульями и холодильник в углу у двери. За перегородкой, отделяющей прихожую от остальной части второй половины избы, узкая кровать, небольшая печь, буфет, умывальник. Отличительной особенностью были копии живописных работ, выполненные хозяином и висевшие в прихожей. (Пишу и мысленно вижу картину Ф. А. Малявина над круглым столом.)

* В советское время слово «погост» было отменено, и Николо-Дор официально назывался то деревней, то посёлком и селом, но жители Щенниковской округи по-прежнему звали его погостом.

За свою жизнь, повидав немало разных жилищ разных людей, я в памяти бережно храню облик их котцынского дома, где ничего лишнего, только необходимое, ничего напоказ, всё просто, чисто и во всём порядок.

Нельзя не сказать, что Надежда Николаевна, Александра Ивановна и Борис Викторович Прозоровские – это последние могикане. Такую семью теперь вряд ли возможно встретить. Великая скромность, воспитанность, интеллигентность, великое доброжелательство к людям, неиссякаемое трудолюбие – всё соединилось в этой семье.

Трудились они немало. Сам Борис Викторович, кроме уроков в школе и обязанностей завуча или классного руководителя, много времени отдавал своим занятиям живописью; у них всегда был ухоженный огород; они имели ульи, за пчёлами тоже ухаживал сам хозяин.

О семье А. И. и Б. В. Прозоровских, к большому моему огорчению, мы (и, в первую очередь, я) знаем слишком мало. Ещё учась в школе, уловили какие-то глухие разговоры о том, что Борис Викторович был во время Отечественной войны в плену. В последние годы их жизни узнали, что Надежда Николаевна – дочь священника из села Сима Владимирской губернии. О себе они почти не рассказывали, вообще, рассказывали меньше, чем спрашивали. Мне бесконечно жаль, что я слишком поздно предложила Борису Викторовичу написать воспоминания о своей жизни, и простить себя за это опоздание я никогда не смогу.

Если на время забыть этот печальный факт, то, оказывается, вспоминать и писать о Б. В. Прозоровском радостно – как о родном и близком человеке.

Мне хочется процитировать его письма ко мне. Мы с ним переписывались более 40 лет, из большого количества я выбрала 4 письма, отправленные из Котцына, где Борис Викторович работал сначала учителем, потом завучем в средней школе. Первые два написаны мне в Комаровскую восьмилетнюю школу Заволжского района Ивановской области через год после окончания мной института и во второй год моей работы учителем, третье – в музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково», где я, уйдя из Комаровской школы, работала научным сотрудником, и последнее – в Берёзовскую среднюю школу Красноярского края (посёлок Канифольный), в ко-

торой я работала после перерыва в учительской работе (2,5 года). Как станет понятно из его писем, к работе в школе я была готова плохо, если не сказать, что совсем не готова; отчего в 1972 году я и ушла из неё окончательно. Думаю, что если бы я попала к нему в школу, этого могло бы и не случиться. (Мне говорили, что Борис Викторович надеялся, что я в школу всё же вернусь).

Письма интересны тем, что в них имеются биографические сведения, упоминаются факты его педагогической деятельности. Письма «говорят» его голосом, в них слышится его незабываемая интонация. Он спокойно и рассудительно сообщает азы педагогики, говорит о своих профессиональных приёмах, разбавляя серьёзный «текст» шуткой. Нельзя не отметить и его особый почерк – довольно крупный и разборчивый, стремительный и очень выразительный*.

– * * * –

24 декабря 1968 г.

Дорогая Тоня,
здравствуй!

Письмо твоё получил и пишу ответ, которого ты, как говоришь, очень ждёшь.

То, что ты написала, я перечитывал много раз, т.к. всё не мог понять – что с тобой? что там у тебя происходит? Как ты могла дойти до таких странных рассуждений?

Ты пишешь, что ребята не учат уроков, что они не занимаются с первого дня. Но почему же? ПОЧЕМУ? Разве ты не постаралась добраться до причины этого? Ведь в природе каждого ученика, каждого ребёнка, лежит естественный интерес к науке, к знанию. Попробуй выйти в коридор в перемену и начни копать над каким-нибудь делом – вмиг соберутся вокруг тебя любопытные детские лица.

---

* Работая – при подготовке этой книги – с архивом Б. В. Прозоровского, я встретила несколько черновиков писем Бориса Викторовича (коллегам, друзьям-художникам) и поняла, что все его отправленные письма писались вначале начерно. Думаю, что так же писал он и мне, своей неразумной ученице, бывшей его моложе на целых 33 года.

Ты жалуешься, что дети ваши не развиты и не умеют думать. Неужели так уж все до одного не развиты и нет ни одной светлой головы? Быть этого не может! Да если даже и так, то кто же их не развил и не научил думать? Скажи-ка, а сколько у вас работает литературных и других кружков и «отрядов математической смекалки»? Бывает ли заседание КВН? А как ты сама учишь думать? А другие учителя?

То, что вы превратились в мамок и нянек, зависит только лишь от вас самих, вы сами этого хотите.

Ты пишешь даже, что дети живут лениво и не чувствуют никакой ответственности, – так как же вы терпите их такую жизнь и не добьётесь серьёзного отношения к учёному?

Тоня, милая, пойми, что твёрдым требованием и настойчивостью этого можно всегда добиться; дети, как правило, уступают и привыкают к требованиям педагога.

Если в школе много плохих и ленивых учеников, то их надо сделать хорошими и трудолюбивыми – в этом и состоит наша работа, **А ИНАЧЕ НА ЧТО МЫ НУЖНЫ?**

Причина неважного состояния с учёном у вас, видимо, состоит в том, что низок уровень воспитания, нет должного настроения, нет опоры на здоровый ученический актив, плохо работает школьный комсомол, и ученики и учителя просто не понимают друг друга, сложились неверные отношения.

Ты пишешь, наконец, что, посещая родителей, вы браните ребят, – да это же прямо обратное тому, что вам надо делать! Ибо если мать любит сына, то она возненавидит учителя, если не любит, то сын его возненавидит, – ты всё это знаешь сама!

И домой из школы надо вовремя ходить, т.к. только тогда хорошо поработаешь, когда хорошо отдохнёшь, а если ты ходишь «как шальная», то – что проку?

Надо, чтобы работа радовала, а не тяготила!

Подумай обо всём этом и делай, как надо. А начальство пусть ругает, обойдётся!

Интересно, а есть ли у тебя школьный театр? (Любители этого дела всегда найдутся!) А пишут ли твои ученики стихи? А есть ли в школе литературный рукописный журнал или хотя бы порядочная стенгазета? Сколько раз ты была с ребятами в театре, ходила в поход?

Интерес к учёному и прилежание, ответственное отношение к делу ты сумеешь выработать не нравочениями и упрёками (их не любили дети ещё до нас), а живыми и интересными делами.

Многое хотел бы я тебе ещё сказать – и об уроках, и о родителях, и об отношениях с детьми, но обо всём не напишешь – приезжай-ка к нам сама, заходи на перепутье, вот и поговорим.

Пока же будь здорова, не вешай голову, ищи на всякую трудность выход.

Поздравляем с Новым Годом и желаем тебе здоровья, успехов и радостей.

БПрозоровский

P.S. Я в зимние каникулы буду, по всей вероятности, дома, заезжай!

– * * * –

2.III.69

Дорогая Тоня, здравствуй!

Письмецо твоё получил – спасибо за приветы и добрые пожелания!

В примечании ты пишешь, что моё письмо тебя “задело” – рад, что мои послания не оставляют тебя равнодушной, иначе не было бы смысла и писать, не так ли?

Хочу ещё раз вернуться к тому же вопросу.

Тоня, милая, я так решительно ответил тебе в прошлый раз, потому что я бесповоротно убеждён, что при правильной постановке школьного дела, воспитания, можно наладить работу любой, даже самой запущенной, развалившейся школы и, наоборот, если не организовать воспитательного процесса, то самые хорошие и дисциплинированные дети превратятся в диких зверей.

Я часто вспоминаю Черницкую школу-интернат, которую соби- рались закрыть из-за развала дела и в которую я приехал из Щеникова. Это был натуральный Куряж: мимо проносились ватаги грязных и лохматых существ – то ли мальчишки, то ли девочки? – в лохмотьях и пыли. Я не думал, что в наше время может быть такое... Никто никого не слушал, и никто ничего не хотел делать. Процветало воровство, сквернословие и т.п., а все громко требова- ли еды и условий.

Но ведь мы сделали школу! Спустя два года, в 1964 г., в школе был проведён первый, районный семинар, потом был областной, потом приехали завучи перенимать опыт постановки воспитательной работы.

А в 1965 г. в школьном саду было собрано 3,25 тонн отличных яблок – ребята сами охраняли сад (яблоки ели до Нового года!), а прежде их растаскивали, когда они были ещё зародышами с горшину величиной! Вот так.

И как только мы приучили ребят к порядку и труду, так они и учиться стали нормально.

Несколько слов о школе, где я сейчас работаю. Как ты знаешь, я с половины сентября взял классное руководство в 8а классе. Скажу прямо, не ахти какие ангелы попали мне в руки – ни понятий об ответственном отношении к ученью, ни о долге, ни умения подчиниться товарищу не было. Однако же вот, учатся потихоньку. В 1-й и 2-й четвертях успевали все, полагаю, что и в 3-й четверти успевающих не будет. В классе удалось настроить на работу актив, комсомольцев, и я теперь посматриваю на них как бы со стороны и улыбаюсь себе в усы, глядя на их работу. Я давно уже не имею дела с отдельным конкретным нарушителем правил нашей жизни, и если, например, Лебедев получил двойку, то я спрашиваю комсорга, или старосту, или ответственного за учебную работу и др. В чём дело? Что у вас с Лебедевым? Разберитесь, примите меры и т. д.

Приезжай, я тебя познакомлю с моими активистами, порадуемся вместе.

Надеюсь, что тебе ясно, что все эти мои рассуждения говорят лишь об одном – причина не в детях, как бы плохи они ни казались, а в том, что у нас иногда не хватает опыта, умения (профессионального) – но ведь это дело наживное, Тоня. Пройдёт пара лет, и ты сама будешь удивляться тому, как не получались на первых порах некоторые вещи и как надо делать, чтобы всё было хорошо, что этому не так уж трудно научиться!

Поздравляю с праздником 8-го марта, желаю тебе здоровья, успехов в делах, радостей.

Пиши о себе.

PS. А есть ли у вас грипп? Здесь мы все болеем, и учителя, и ученики, а я больше всех, теперь поправился.

БПрозоровский

4 марта 72

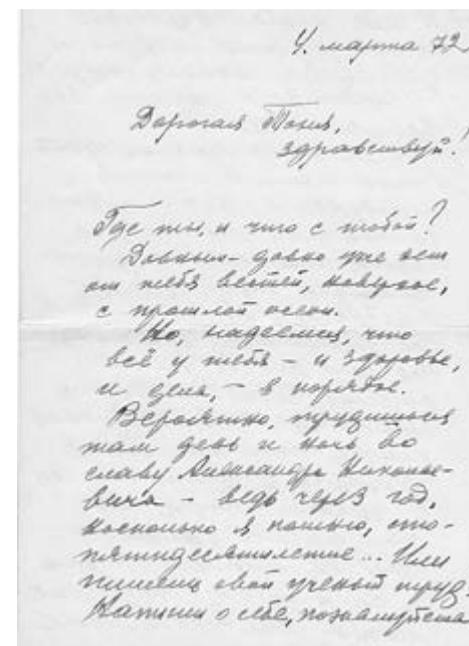
Дорогая Тоня,
здравствуй!

Где ты и что с тобой?

Давным-давно уже нет от тебя вестей, наверное, с прошлой осени.

Но надеемся, что всё у тебя – и здоровье, и дела – в порядке.

Вероятно, трудишься там день и ночь во славу Александра Николаевича – ведь через год, насколько я помню, столетие...* Или пишешь свой учёный труд? Напиши о себе, пожалуйста.

Письмо Б. В. Прозоровского от 4 марта 1972 года

* Имеется в виду юбилей драматурга А. Н. Островского, 150-летие со дня рождения которого отмечалось в 1973 году. Борис Викторович писал мне это письмо, думая, что я продолжаю работать в Щелькове, а я уже два месяца как была учительницей в Красноярском крае, мучимая всё теми же проблемами (см. следующее письмо).

А мы живём здесь без особых перемен, трудимся, устаём, а главное, стареем. Ничего не попишешь, бег времени неумолим.

Мне очень хочется, чтобы в школе стало лучше, чем прежде; кое-что уже сделано, но мало: уж очень велика сила устоявшихся традиций и привычек. Новое подчас воспринимается как ненужное или плохое, и лишь спустя какое-то время становится ясна реальная польза этого начинания.

Торчу в школе подолгу, и знаешь, Тоня, мне уже начали сниться сны на школьные темы...

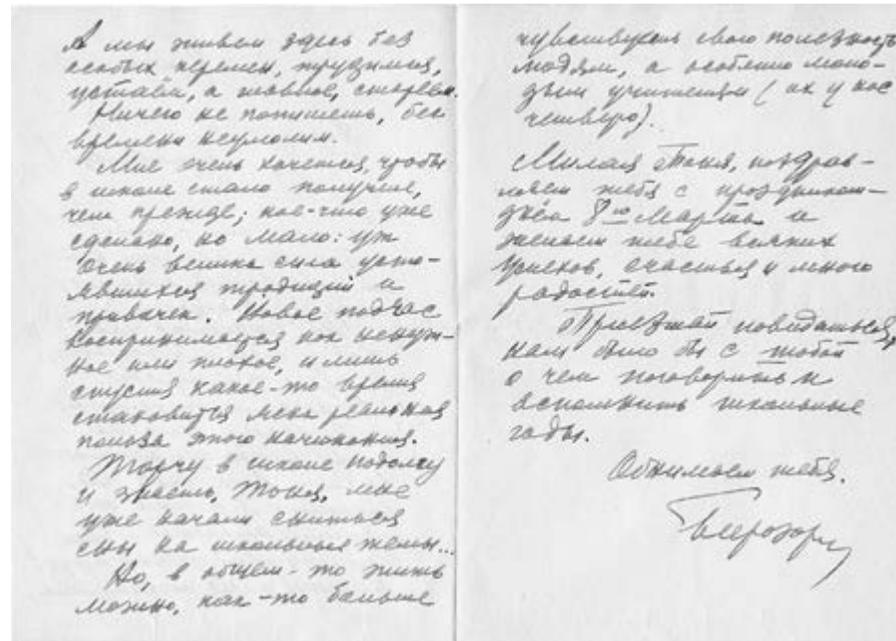
Но, в общем-то, жить можно, как-то больше чувствуешь свою полезность людям, а особенно молодым учителям (их у нас четверо).

Милая Тоня, поздравляем тебя с праздником – днём 8-го Марта и желаем тебе всяческих успехов, счастья и много радостей.

Приезжай повидаться, нам было бы с тобой о чём поговорить и вспомнить школьные годы.

Обнимаем тебя.

БПрозоровский

8 марта 1972

Дорогая Тоня,
здравствуй!

Вот наконец-то ты и объявилась, – и кто мог подумать, где, – в Сибири?! И когда среди других писем увидели и твоё, то я долго клялся и божился, что у меня нет, ну поверьте же, нет знакомых на Канифольном заводе, – а вот, поди ж ты, оказался там близкий человек. А я тебе шлю письмо за письмом в Щелыково, и был уверен, что ты, по крайней мере, засела за трёхтомный труд об Островском к его юбилею 73-го года...

Милая Тоня, письмо мне твоё не очень понравилось, видно, что тебе порой бывает нелегко и что ты слишком близко к сердцу принимаешь разные неизбежные в нашем деле неприятности.

Ну, во-первых, что у тебя там много трудных и ленивых учеников. Да где ж их нет? И стоило ли ради такого открытия уезжать за тысячи вёрст от насиженных мест... Один мой знакомый уверял меня, что если хочешь увидеть дикаря, то совсем не обязательно ехать в Австралию.

Ты пишешь, далее, что и дисциплина плохая. Тоня, ну как мне объяснить тебе, так называемая дисциплина – это результат воспитания, результат работы прежде всего школьного коллектива, что там, где правильно поставлено дело, дети ведут себя нормально. Что-то у вас там в целом не так.

Уверяю, что в самом разбойном городишке, самых разболтанных ребят МОЖНО и надо привести к порядку (по крайней мере, в стенах школы), и это не так уж трудно и не так уж долго, если правильно взяться за дело.

Во-вторых, ты пишешь, что ты привязалась к детям, любишь их – это же замечательно, это и есть то самое главное качество, которое нужно учителю. Но учительская любовь (так же, как, впрочем, и родительская) не должна быть безграничной или слепой: её надо обязательно контролировать разумом. И разве мы знаем мало примеров, когда у матерей, слепо и безгранично любящих своих детей, именно в силу этой любви, вырастали отвратительные эгоисты?

Извини, что я напоминаю давно известную тебе азбуку педагогического дела, но первое, что надо научиться делать, это предъявлять требование. Пусть дети видят и знают, что ты их любишь и уважаешь, но они так же хорошо должны знать и то, что ты им

предъявляешь требование и во что бы то ни стало добьёшься его выполнения. Если уж ты сказала, что стихотворение должно быть выучено наизусть или что работа, сделанная на двойку, должна быть переписана, то обязательно (понимаешь, обязательно!) надо добиться, чтобы это требование было выполнено: ставь на ноги классный актив, оставляй после уроков, зови, наконец, на помощь завуча, директора, родителей – но добейся своего. И если ты заранее знаешь, что чего-либо не добьёшься – не требуй этого совсем.

И когда дети увидят настойчивость учительницы, они, как правило, уступят педагогу и начнут делать всё то, что она велит.

В-третьих, советую тебе приучать побольше твоих старшеклассников самих добывать знания – пусть они читают, пишут, конспектируют, отвечают на вопросы и делают выводы, словом, пусть работают на уроке.

Избегай, по возможности, конфликтов, если они не вызваны крайней необходимостью, не фиксируй внимание на плохом и на плохих учениках, почаще общайся с хорошими, в них вкладывай жар души своей...

Ты спрашиваешь о школе, где я работаю. Внешне здесь всё более или менее выглядит неплохо, была инспекторская проверка, и даже хвалили, но мне работа пока не нравится. Казалось бы, что много всего делается, но всё почти идёт вторым, а то и третьим сортом, многое делается “по-деревенски”, ТОПОРНО.

В школе 4 молодых учителя, выпускники ИГПИ. И пока у трёх из них ещё неважная “дисциплина” на уроках – не научил ещё я их всему, чему надо, но всё же стало много лучше, по крайней мере, в главных вопросах.

Есть в школе один класс (восьмой), где ленивые и плохо выученные школьники задавили численно хороших, и здесь уж мало что можно поправить – это грехи начальной школы и пятого класса; лишь бы подготовить их к экзаменам.

Много работаю с детским активом, в этом вся наша сила (комсомол), и часто устаю, старею...

Когда же мы теперь увидимся?

Тоня, до свидания,
крепко тебя обнимаем,
и будь здорова, дорогая.

БПрозоровский

...В последний раз мы увиделись 30 сентября 2003 года, когда с сёстрами Морозовыми приезжали, чтобы поздравить Бориса Викторовича с 90-летием. В этот день его чествовали в Котцынской школе не только как юбиляра, но – впервые – и как Почётного гражданина Ивановского района.

30 сентября 2003 г. Котцынская школа.

В день 90-летия Бориса Викторовича и присвоения ему звания Почётного гражданина Ивановского района Ивановской области.

Фото А. Бураменского.

Сидят (слева направо): В. М. Жильцова, Б. В. Прозоровский,
Т. М. Бураменская.
Стоит А. В. Соловьёва

*Александра Ивановна и Борис Викторович в своём доме
после торжеств.*

Фото А. Бураменского

Кострома, 15 ноября 2010 г.

Прошло 1,5 года с тех пор, как я написала эти воспоминания. Но, собирая для книги воспоминания других людей, беседуя с ними о Борисе Викторовиче, я не раз слышала и читала о его строгости, которая в моей памяти как-то «не отложилась». И я задумалась и стала отыскивать такие случаи и в моей жизни. И нашла. Один.

Как-то зимой, когда мы учились в 9-м классе, несколько девочек из него, и я в том числе, не занимались на уроке физкультуры (я от физкультуры была освобождена ещё несколько лет назад) и празднично сидели в классе. Зашёл Борис Викторович, это «сидение» ему не понравилось, и он послал нас прогуляться до Щенникова. Школа наша, хотя и называлась Щенниковской, но была расположена не

Воспоминания о Борисе Викторовиче Прозоровском

в самом Щенникове, а на опушке небольшого лесочка, на расстоянии от деревни примерно в километре. И мы пошли, с неохотой, конечно. Когда же, разруганные и уже довольные этой прогулкой, мы возвратились в школу, то в коридоре повстречали снова Бориса Викторовича, которого порадовал наш вид, и он удовлетворённо сказал что-то вроде следующего: «Вот видите, как хорошо, что вы не сидели в классе, а прошлись».

И о другом.

Среди моих многочисленных фотографий имеется отлично сохранившаяся фотография Беттины Бидерман с надписью: «Andenken an Deine Deutsche Freundin Bettina Biedermann». Это память не только об очень милой немецкой девочке из ГДР, – совершенно не похожей на нас, русских деревенских девочек конца 50-х годов, ни красивым с вышивкой платьицем, ни короткой стрижкой (у нас – только косички!), ещё и серёжки в ушах! – но, в первую очередь, о Борисе Викторовиче. Именно он дал мне её адрес (интересно сейчас знать: откуда взял?) и порекомендовал переписываться с ней. Я помню, что написала и послала несколько писем. Писала их на немецком языке (какой знаток, однако!) и давала на проверку Борису Викторовичу. Получала, кажется, тоже написанные на немецком.

Мне довелось дважды публично говорить о моём учителе – осенью 1961 года, когда я от имени учеников поздравляла его на линейке в коридоре Щенниковской школы с присвоением ему звания Заслуженного учителя, и в 1987 году на открытии его первой выставки живописных работ в Ивановском доме учителя, на которую он меня пригласил. Я не помню обеих своих «речей», о чём – особенно сейчас, когда пишу эти воспоминания, – очень жалею (правда, ничего умного и оригинального, думаю, что не произнесла). Но запомнила, что, прощаясь со мной в Доме учителя, он сказал: «Ты, Тоня, стала хорошо говорить».

Я смотрю на фотографии, снятые в последний приезд к Борису Викторовичу – 30 сентября 2003 года. На них – лицо и фигура старого человека, соответствующие его 90-летнему возрасту. Это я вижу сейчас. Но при встречах с учителем в 1988 и 2003 годах этого наступления старости я почти не замечала – на весь облик его падал

ответ тех, ещё 50–60-х годов, и казалось, что это всё тот же Борис Викторович, которого впервые я близко увидела – теперь уже в таком далёком! – 1957-м.

*Последняя фотография с учителем.
30 сентября 2003 г.*

Антонина Васильевна Соловьёва родилась в 1946 г. в деревне Косяково Ильинского района Ивановской области, в 1957 г. окончила Спас-Нерльскую начальную школу, в 1957–1962 гг. училась в Щенниковской средней школе. В 1967 г. окончила Ивановский педагогический институт. Работала учителем, библиотекарем, научным сотрудником музеев Костромской и Ярославской областей, редактором и научным редактором. В 1987–2004 гг. возглавляла Костромской общественный фонд культуры. Живёт в Костроме.

*Вера Васильевна
ЕФАНОВА*

Я ПРЕКРАСНО ПОМНЮ ЕГО ОБЛИК

П о окончании семилетней Лучковской школы в 1960 г. я пришла Щенниковскую среднюю школу, в 8-й класс. Борис Викторович Прозоровский у нас не преподавал, но его знали все ученики, так как он был завучем школы. Если он заходил в класс, шум сразу же прекращался, и все со вниманием смотрели на него, и все всё понимали без каких-либо окриков.

Когда я первый раз встретила его в коридоре школы, то почему-то решила, что он – директор школы. По коридору шёл элегантно одетый, очень красивый седовласый мужчина.

От Бориса Викторовича шёл какой-то магнетизм. Это был глубоко интеллигентный с умными глазами учитель. Прошло 50 лет, но я прекрасно помню его облик.

Про таких учителей, как Б. В. Прозоровский, надо говорить и помнить, и я рада, что хотя бы краем коснулась его жизни.

По воспоминаниям моего отца – Лапина Василия Константиновича (он был партийным), – я знаю, что после войны Б. В. Прозоровского не раз вызывали в соответствующие органы, и после проведённых там с ним «бесед» всё больше и больше седела его голова.

*Восьмиклассники на аллее, ведущей от школы к Щенникову.
Весна 1961 г.*

*1-й ряд (слева направо): Ш. Богачёва, Т. Шумилова, Н. Муравьёва,
Г. Лобанова, Л. Сечина, Н. Юрова; 2-й ряд (слева направо): неустан-
новл. лицо, В. Аверина, Г. Удалова, Н. Морозова, Т. Соловьёва,
В. Лапина (автор воспоминаний), Т. Данилова, Г. Шошина;
3-й ряд (слева направо): Н. М. Субботина, М. Тютяев, В. Малеев,
В. Савельев, М. Филиппов, С. Кочешков, В. Чумаков;
сидит на дереве (слева) – В. Максимов*

Вера Васильевна Ефанова (урожд. Лапина) родилась в 1945 г. в деревне Полуево Ильинского района Ивановской области. Окончила Крутцовскую начальную школу Ильинского района и Лучковскую семилетнюю школу Юрьев-Польского района Владимирской области. В 1960–1961 гг. училась в 8-м классе Щенниковской средней школы. После окончания в 1964 г. Юрьев-Польского финансового техникума работала по специальности: инспектором, заместителем главного бухгалтера, главным бухгалтером в Тульской области и Воркуте. Живёт в Сергиевом Посаде Московской области.

*Александра Васильевна
ВИЛКОВА*

ОН КО ВСЕМ ОТНОСИЛСЯ С ЛЮБОВЬЮ

В Щенниковскую школу я пришла в 5-й класс. Меня привезла мама на лошади, так как мы жили в лесу в 15 километрах от школы*.

Папа в то время работал лесником, а мама по хозяйству. У нас было много скотины и была своя лошадь.

Первым, кто из учителей нас встретил, это был Борис Викторович. Мы встретились с ним в коридоре, а потом он нас пригласил в учительскую. Мама с ним разговаривала, а меня повели показывать, где будет мой класс. Он был такой добродушный и добрый, так мне это сразу запомнилось.

А потом я и мой младший брат Коля жили в интернате, так как было нам ходить домой очень далеко. И нас Борис Викторович брал к себе домой на выходные, когда за нами не приезжала мама. Это было несколько раз до 8-го класса. А там мы находились целыми днями с его мамой и женой, а Борис Викторович был к нам очень добр и внимателен.

Когда я бывала у них в гостях, то я рассматривала его картины, альбомы; один он мне подарил – альбом Васнецова.

Когда он писал какой-нибудь пейзаж (это было возле их дома), то я смотрела, мне это очень нравилось. А Борис Викторович расска-

*Родители автора воспоминаний к этому времени переехали из деревни Косяково Ильинского района и жили на лесном кордоне во Владимирской области. (Прим. ред.)

зывал, как это нужно делать. (Я любила рисовать, но судьба меня не связала с этой профессией). В честь нашей дружбы, уже когда я кончила учиться, в 1961 году, он мне подарил картину, которой я часто люблю и вспоминаю его доброту и любовь ко мне.

Когда он жил под Ивановом, в Лежневе, я к нему несколько раз ездила. Его доброта нисколько не утратилась. А первый раз я ездила, ещё была жива его мама, и она, несмотря на свой преклонный возраст, меня узнала, хоть мне было уже за 40 лет*.

И вот за эту доброту эта семья и жила долгие годы, Бог им давал здоровья за их любовь.

А вот ещё я вспомнила. Весной разлилась речка Нерль, а мне надо было её переходить. Я всю почти перешла, а у берега провалилась в речку. Когда пришла в школу, я сильно заболела, поднялась температура. Меня положили в больницу, которая находилась в Щенникове, а врачом была Александра Ивановна, жена Бориса Викторовича.

В больнице, благодаря этой семье, я была не обделена заботой. А Борис Викторович был очень озабочен, что я отстану в учёбе, и он навещал меня в больнице несколько раз, приносил мне задания, а я их выполняла. А то – задание передавал с Александрой Ивановной.

Я с большой любовью относилась к этой семье, а особенно к Борису Викторовичу – за его любовь, доброту и заботу.

А вот ещё одно воспоминание. Когда заболел Борис Викторович, а у нас в классе должен был быть немецкий язык, то мы почти всем классом пошли к нему домой, а он и не ожидал.

Мы все его очень любили, и я не знаю, кто его не любил – наверное, все любили, так как он ко всем относился с любовью.

Все эти воспоминания об этой прекрасной семье доставляют одну радость...

* Борис Викторович жил не в Лежневе, а в селе Чернцы Лежневского района, и жил он там в 1962–1966 годах, в это время автору не могло быть за 40 лет, а не было ещё и 20. (Прим. ред.)

Автор воспоминаний Шура Юрова (во 2-м ряду первая слева) с учениками своего седьмого «б» класса. Щенниковская школа. 1962 г.

*В третьем ряду – (слева направо):
Л. А. Шеногина, А. Д. Малеева, Г. А. Бубнова*

Александра Васильевна Вилкова (урожд. Юрова) родилась в 1947 г. в деревне Косяково Ильинского района Ивановской области. Окончив Спас-Нерльскую начальную школу, в 1958–1963 гг. (5–8 классы) училась в Щенниковской средней школе. В 1964 г. окончила Юрьев-Польское СПТУ № 7 по специальности бухгалтерия, в 1986 г. заочно окончила Юрьев-Польский финансовый техникум; работала бухгалтером, маляром, продавцом. Живёт в местечке Лучки Юрьев-Польского района Владимирской области.

*Зоя Константиновна
КОПЛЁНКОВА*

ВСЕГДА ВСПОМИНАЮ С БОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ И ТЕПЛОМ

У Бориса Викторовича Прозоровского я обучалась с 5-го по 7-ой класс (1959–1962 гг.)

*Семиклассницы Щенниковской средней школы. Фото 1962 г.
Справа налево: Зоя Талакова (автор воспоминаний),
Аня Поморская, Тамара Юрова, Таня Юрова, Галя Лабутина,
Нина Шопыгина*

Э то был высокий, стройный, красивый и уже немолодой человек. В те годы он вместе с женой и двумя дочками жил в живописном местечке Николо-Дор. Там было всего 3–4 жилых дома и начальная школа, а неподалёку когда-то была церковь, но в советские времена её разрушили. Дома стояли на возвышенном месте, а внизу протекала небольшая речка Пашма. Это был просто райский уголок, окружённый со всех сторон лесом: тишина, замечательная природа, запах цветов, грибы, ягоды. В 50-х – 60-х годах прошлого века в том местечке располагался пионерский лагерь.

Когда начинался учебный год, Борис Викторович, невзирая на погоду, на расстояние в 2–2,5 километра, ходил в нашу школу на любимую работу. Он вёл у нас уроки немецкого языка и рисования. Он хорошо знал характер каждого ученика и к каждому мог подобрать свой «ключик». Учебный материал излагал понятно и доходчиво, поэтому мы слушали его с большим интересом.

Борис Викторович приходил к нам на урок всегда чисто выбритым, опрятно одетым: чёрный костюм, белая рубашка и галстук.

Он был спокойным, уравновешенным и серьёзным человеком. На первый взгляд, он казался даже строгим, но я не помню ни одного случая, чтобы Борис Викторович разговаривал на повышенных тонах, а, наоборот, иногда шутил на уроках.

Как-то я была дежурной по классу. Он вошёл в класс и в самом начале урока спросил, кто отсутствует в классе. Я перечислила отсутствующих и добавила: «Остальные все». Он посмотрел на меня с улыбкой и переспросил: «Что “все”?.. Разбежались?» Я засмузилась и добавила: «Остальные все в классе». Ребята долго потом смеялись. Прошло уже много лет, но я до сих пор помню его добрый взгляд и тот шуточный вопрос.

Мне кажется, что ученики его не боялись, а, наоборот, уважали и немножко стеснялись.

Он не считался со временем, так как, кроме преподавательской работы, он выполнял ещё работу завуча.

Борис Викторович хорошо играл на гармошке. Очень часто в большую перемену выходил из учительской с гармошкой под мышкой и играл для нас в школьном коридоре танцы. Мы становились в большой круг и, взявшись за руки, танцевали «Яблочко» или «Берёзку». Мы танцевали, веселились, было много впечатлений, и уроки проходили, казалось, как-то незаметно.

Борис Викторович был прост в общении с людьми, никогда не зазнавался, не расставлял взрослых людей по рангу, принимая во внимание занимаемую ими должность.

Я не могу умолчать и о том, что он был чутким и отзывчивым человеком. В 1961 году мой старший брат Юрий строил для нашей семьи новый дом. Семья была многодетной (5 человек детей), мама в то время работала уборщицей в нашей школе, получала мало, поэтому денег всегда не хватало, и брат часто обращался к Борису Викторовичу с просьбой дать денег в долг. И он прекрасно понимал брата, никогда не отказывал ему в просьбе и не торопил с возвращением долга. За это наша семья была очень благодарна Борису Викторовичу. Моя мама была старше его лишь на один год, но Борис Викторович всегда называл её по имени-отчеству: «Александра Терентьевна», а мне, её дочери, было это приятно слышать, я даже гордилась ею.

Вот таким я запомнила его на всю жизнь.

Я знаю, что Борис Викторович – замечательный художник, но его картины мне не довелось видеть, так как летом 1962 года он с женой и мамой переехали в село Чернцы Лежневского района*.

С тех пор прошло 50 лет, но я всегда вспоминаю Бориса Викторовича Прозоровского с большим уважением и теплом.

Зоя Константиновна Коплёнкова (урожд. Талакова) родилась в 1947 г. в деревне Хотенцево Ильинского района. В 1966 г. окончила 11-й класс Щенниковской средней школы. После окончания в 1973 г. Юрьевецкого сельхозтехникума без малого 30 лет проработала зоотехником в совхозе «Щенниковский». Живёт в деревне Щенниково Ильинского района Ивановской области.

* В то время – Ивановского. (Прим. ред.)

*Тамара Васильевна
МАКИНА*

*Татьяна Витальевна
ШУРУПОВА*

ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ УЧИТЕЛЕМ

Он был очень добрым и хорошим человеком. Борис Викторович раньше учил даже наших мам немецкому языку. Они были с 1925 года: Канаева Шура и Бардонова Маша, обе из Куминова.

Нас он учил в 5-ом классе, вёл физику и уроки рисования. Както он заболел и не был в школе, мы к нему пошли в Николо-Дор – нас было четверо: Тамара, Таня и две Шуры (Юрова и Серебрякова). Он так обрадовался, что мы к нему пришли, стал нас расспрашивать про школу. А его жена давай быстрее чай ставить, с тортом мы пили чай.

Косяковских Борис Викторович любил.

У нас в классе мальчишки были двоечники, а когда Борис Викторович учил, они все тянули руки, и он ставил им «5» и «4»; и потом все полюбили физику, даже кто учился плохо.

По рисованию у кого не получалось, он всегда помогал – обнимет, успокоит.

В общем, мы считаем, что он был настоящим учителем, с большой буквы. Сейчас таких учителей нет.

*«Косьяковские» по дороге домой (на мосту через речку Пашму).
Осень 1961 г.*

*Слева направо: Таня Юрова, Тамара Юрова, Тоня Соловьёва,
Шура Серебрякова, Нина Юрова*

Тамара Васильевна Макина (урожд. Юрова) родилась в 1948 г. в деревне Косьяково Ильинского района Ивановской области. Окончив Спас-Нерльскую школу, в 1959–1963 гг. (5–8 классы) училась в Щенниковской средней школе. В 1964 г. окончила Юрьев-Польское СПТУ № 7 по специальности бухгалтерия и в 1971 г. Кинешемский экономический техникум. Работала главным бухгалтером в организациях Ильинского района. Живёт в посёлке Ильинское-Хованское Ивановской области.

Татьяна Витальевна Шурупова (урожд. Юрова) родилась в 1947 г. в деревне Косьяково Ильинского района Ивановской области. После окончания Спас-Нерльской начальной школы в 1959–1963 гг. (5–8 классы) училась в Щенниковской средней школе. В 1966 г. окончила Юрьев-Польское педагогическое училище, работала воспитателем в детском саду в селе Гари Ильинского района, позднее – главным бухгалтером в организациях Ильинского района. Живёт в посёлке Ильинское-Хованское Ивановской области.

*Людмила Григорьевна
МОНОВА*

ЕГО НАЗЫВАЛИ «ХОДЯЧЕЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ»

О Щенниковской школе у меня самые хорошие воспоминания, она часто снится – даже сейчас, через много лет. Очень хотелось побывать в ней, но не пришлось.

Перед моими глазами: Борис Викторович идёт в школу по тропинке от Николо-Дора со своим жёлтым портфелем и в школе раздаётся: «Борис Викторович идёт!» – и наступает тишина, баловство ребят прекращается.

Я приехала в школу в конце августа 1959 года. Поселили меня на квартиру в Щенникове к Марии Митрофановне (фамилию забыла)*, на краю деревни – на той же стороне, что и дом Талаковых. Смотрю в окно: идёт высокий мужчина, заходит в дом – тут мы и познакомились. Борис Викторович зашёл посмотреть, как я устроилась, поинтересовался, что я могу, а именно: петь, плясать, рисовать, заниматься спортом (каким?) – всё это, по его словам, требуется сельскому учителю (так оно и есть).

Борис Викторович приглашал нас к себе домой в гости, мы бывали у него не один раз.

Он советовал нам обязательно находить друзей среди учеников, дарил мне книги на немецком языке – с надписью, конечно.

Учителя между собой называли его «ходячей энциклопедией», я помню, что обращались к нему за советом и историки, и физики –

*Краснова. (Прим. ред.)

в общем, все. Сам он приглашал к себе на уроки, были мы на уроке физики, где надо было вычислить вес золотой короны Архимеда. (Борис Викторович постоянно повторял, что надо поддерживать у учащихся интерес к предмету, в этом был смысл и этой задачи.)*

*Учителя Щенниковской средней школы. 1962 г.
Фото В. М. Морозова.*

*1-й ряд (слева направо): О. П. Смирнова, В. С. Субботин,
В. М. Морозова, В. И. Мазурина, Л. Г. Монова;
2-й ряд (слева направо): Л. А. Шеногина, А. Д. Малеева,
М. И. Аверина, Б. В. Прозоровский*

Уроки учителей после посещения «разбирал» строго, учителя говорили: «Только бы не ко мне на урок!», а я: «Только бы ко мне!» – так как при нём идеальная дисциплина, веди урок по плану, и никто не помешает. При первом разборе урока (моего) просил завести тетрадь и записывать все его замечания, чтобы потом они не повторялись.

*Задачу Борис Викторович, несомненно, взял из книги Перельмана Я. И. «Знаете ли вы физику? (Физическая викторина для юношества)», изданной в 1934 году. (Прим. ред.)

Особенно трудно приходилось учительнице физики. Она работала после института в республике Таджикистан, там ученики полгода собирали хлопок, контроля за работой учителей не было. Борис Викторович посещал её уроки часто, иногда кончалось всё слезами. Мы с ней жили вместе и вечерами ходили в школу делать практические работы, опыты; в конце концов всё наладилось.

Строг был, но справедлив, душа его болела за знания учеников.

На педсоветах говорил по существу вопроса, очень чётко и понятно. А когда бывали в августе районные учительские конференции и ему предоставляли слово, зал затихал, муха пролетит – слышно. «Тише! Прозоровский будет говорить!» – таким было уважение к нему.

*Б. В. Прозоровский.
1961 г.*

Мы с ним общались на немецком языке, это было интересно. Что-нибудь скажет шутливое, и мы с ним: «Ха-ха-ха!» А всем интересно – о чём это мы. Например, пришёл из армии (фамилию забыла, звали Николай; потом он уехал в Хлебницы) молодой парень с «усиками» – Борис Викторович говорит мне: «А усики будут мешать целоваться» (на немецком, конечно), и мы опять смеёмся.

Знания и навыки, приобретённые в Щенниковской школе, мнегодились – особенно разумная требовательность и уважительное отношение к коллегам и ученикам. За 21 год моего директорства никогда не было серьёзных конфликтов ни с коллегами, ни с родителями и учениками, хотя они были всякие – приходилось и поругать. А смотрю на него (ученика) и в душе говорю: «Какой же ты хороший», а ругаю за баловство.

...После отъезда Бориса Викторовича из школы я тоже уехала, но мы встречались в Иванове в институте усовершенствования учителей – он руководил кустовым объединением учителей немецкого языка Ивановского района, а я Гаврилово-Посадского – на секции учителей иностранных языков как добрые друзья. А потом его больше не было на занятиях.

Щенниковские учителя говорили, что школа держалась на Борисе Викторовиче Прозоровском.

Людмила Григорьевна Монова родилась в 1936 г. в селе Бережок Гаврилово-Посадского района Ивановской области. После окончания факультета иностранных языков Ивановского педагогического института в 1959 г. семь лет работала учителем немецкого языка в Щенниковской средней школе. С 1966 г. работала учителем немецкого языка, а с 1981 г. по 2002 г. директором Бережецкой средней школы. Живёт в селе Бережок Гаврилово-Посадского района Ивановской области.

*Людмила Васильевна
МУХАНОВА*

НАМ ЗДОРОВО ПОВЕЗЛО

Окончив Владимирский государственный педагогический институт им. Лебедева-Полянского, я приехала в 1974 году работать в Котцынскую среднюю школу учителем математики.

Б. В. Прозоровский работал там же учителем по рисованию. Раньше он был завучем школы и преподавал иностранный язык, а когда вышел на пенсию, остался «в строю» и стал бессменным руководителем ИЗО-студии. Внешне всегда был очень подтянут, доброжелателен, внимателен и элегантен.

Здание Котцынской школы. Начало 2000-х гг.

*Б. В. Прозоровский с учителями
и выпускным классом Котцынской средней школы. 1980 г.*

*1-й ряд: 2-я справа – А. А. Морозова;
2-й ряд: 4-я справа – Л. В. Муханова*

Он такой талантливый художник! Его картины запечатали красивейшие уголки нашего родного края. В любую погоду Бориса Викторовича – с этюдником в руках – можно было встретить в окрестностях Котцына. Дети, заражаясь его оптимизмом, его видением окружающей красоты, тянулись к нему, и он с удовольствием принимал их.

Я очень благодарна Борису Викторовичу – мои дочери Ольга и Наталья занимались живописью с ним. Как они ждали следующего занятия! Как собирались!*

Раньше я думала, что научить рисовать невозможно – это даётся природой. Ан, нет! Успехи моих дочерей просто поражали. И пусть они не стали художниками, но с ними навсегда осталась любовь к родной природе, умение видеть прекрасное, умение соперничать и тонко чувствовать окружающий мир.

* Рассказ О. Мухановой о занятиях живописью с Б. В. Прозоровским см. на стр. 479.

Но некоторые ученики Бориса Викторовича посвятили себя искусству, пошли по стопам своего учителя и стали художниками.

Борис Викторович был человеком с широкой, щедрой и доброй душой. Сейчас, когда жизнь так резко изменилась, особенно видно, каким он был чистым и прекрасным человеком. Ведь за ИЗО-студию и занятия вне школы с учениками он не получал никаких зарплат. Это был его великолепный вклад в развитие и воспитание наших детей. А сколько картин своих он дарил и ученикам и нашим жителям! Уверена, что и сейчас почти в каждом доме найдутся подаренные им пейзажи.

А как внимательно он умел выслушать любого.

...Вспоминаю начало своей работы: хоть знания есть, а как лучше «донести» их до учеников – опыта никакого. Удивительно, но и по математике, по методике проведения урока, мог дать такой дельный совет. И всё это по-дружески, по-доброму и совсем не назойливо.

*Б. В. Прозоровский на этюдах.
Март 1967 г.*

За всю жизнь ни разу не слышала от него повышенного тона на детей, на коллег, но как его уважали, обожали и даже побаивались. Прийти на урок к Борису Викторовичу с невыполненным или невыученным заданием было просто невозможно, неудобно и ужасно стыдно! Как он этого добивался? Просто загадка...

Я думаю, что нам здорово повезло, что рядом с нами жил такой редкий – талантливый, прекрасный, скромнейший – человек.

Людмила Васильевна Муханова (урожд. Торлова) родилась в 1951 г. в городе Юрьеве-Польском Владимирской области. В 1974 г. окончила Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского, в 1974–2003 гг. работала в Котцынской средней школе учителем математики. Живёт в селе Котцыне Ивановского района Ивановской области.

*Александра Арсеньевна
МОРОЗОВА*

ОБЩЕНИЕ ВСЕГДА БЫЛО ПРАЗДНИКОМ

В Котцынскую среднюю школу я приехала осенью 1976 года, уже имея немалый опыт работы учителем русского языка и литературы. Ещё никого не знала, даже из учителей. А через несколько дней приносит мне целую корзину спелых отборных яблок один из учеников Бориса Викторовича, ныне признанный художник Слава Дунаев (Пешев).

Я приняла яблоки, спрашиваю:

– Сколько я должна заплатить?

– Да что Вы? Это прислал Борис Викторович. Он ни с кого денег не берёт, это подарок.

Я подумала: «Какой хороший человек – этот Борис Викторович», – и очень захотела с ним познакомиться. Но домой к нему прийти было неудобно, а в школе он вёл только уроки рисования, и мы не встречались.

И вот однажды я захожу в класс, в котором до меня был урок рисования, и вижу такую картину. На столе стоит осенний букет, а за столом сидит элегантный седовласый человек, чем-то похожий на Чайковского или Чехова. Из окна льётся тёплый осенний свет, от которого и букет и учитель сияют какой-то радостью. Борис Викторович улыбается.

Я поблагодарила за яблоки, Борис Викторович сказал: «Да что Вы – не стоит», и пригласил меня прийти к ним, «поближе познакомиться».

В класс с букетом

Но по разным обстоятельствам я сумела прийти в дом к Борису Викторовичу и Александре Ивановне только лет через пять. Это было 30 сентября – день рождения Бориса Викторовича. Со мной пришёл весь мой 8-ой класс. Борис Викторович всех одарил яблоками и конфетами.

Потом мы поздравляли его каждый год, классы были разные.

В школе ежегодно менялись директора. И с приходом молодого, энергичного Сергея Игоревича (не помню фамилии) – тоже настоящего учителя, которого так полюбили и ученики и учителя, Борис Викторович стал «негласным» завучем, так как нашей маленькой (уже восьмилетней) школе завуч был «не положен по штату». Он, без зарплаты, просто помогал школе.

Бывал на уроках учителей, и больше не с целью проверки, а помощи. Мы, учителя, сами приглашали Бориса Викторовича на свои открытые уроки, так как он мог дать полный беспристрастный анализ, сказать, «где поработать», что «удалось». И мы, конечно, его мнением очень дорожили.

Был он и у меня. Я уже знала, что Борис Викторович не просто Учитель, а Колосс в педагогическом деле, поэтому особенно вол-

новалась. Про урок он сказал «хороший», и впоследствии я всегда чувствовала его поддержку. Он мне советовал, как в разных ситуациях разговаривать с учениками, чтобы «не сели на голову».

На педсоветах, родительских собраниях иногда он высказывал своё мнение, которое нам, учителям, было особенно дорого. Говорил Борис Викторович всегда по существу, был очень корректен; не «давил», а советовал – мягко, с искренним уважением. Его слова очень помогали. Вообще, с Борисом Викторовичем мы чувствовали себя за надёжным щитом. Он мог возразить директору, защитить учителя. И говорил доказательно, убедительно – так, что с ним не могли не согласиться.

Вёл он до меня ещё уроки немецкого. Маргарита Константиновна, его преемница, вспоминает, что очень помог в становлении её как учителя именно Борис Викторович. А он знал немецкий в совершенстве, Гёте, например, читал в подлиннике. Самостоятельно изучил французский, жаль только – говорил, – что «не с кем было поговорить по-французски».

Ко всем ученикам он относился одинаково, помогая и «особо одарённым» и «средним».

А ученики (и учителя, и родители – все жители Котцынской округи) относились к нему с большим уважением и почтением.

Сам он, встречаясь с односельчанами, доброжелательно здоровался и кланялся и называл всех по имени-отчеству. Поэтому с ним было приятно всегда встретиться. По исконной русской манере – приостановится, кивнёт головой и улыбнётся «от душевной приязни». У хорошо знакомых справится о здоровье, самочувствии.

Ситуация изменилась с приходом нового очередного директора – Т.П., ныне покойной, при которой вся «демократия» была «задушена», жили как при сталинском режиме. Уроки у Бориса Викторовича она забрала себе. А уроки рисования у неё были другие – даст задание и уходит по своим делам. Выставка картин Бориса Викторовича была снята, картины куда-то убраны, и он уже не мог даже приходить в школу. Мы пытались «бунтовать», но всё было напрасно.

А у Бориса Викторовича – какие это были уроки! Даже те, кто раньше не любил рисовать, теперь изменились... Я как-то вспомнила учителя-художника из другой школы, так мне ученики не дали

«слова выговорить». «А у нас Борис Викторович – вот уж настоящий художник!» И наперебой говорили о нём как художнике, настоящем учителе и человеке.

Однажды мы, учителя, были приглашены к нему на открытый урок. Это была сказка. Два часа подряд прошли быстро*. Сколько мы сами узнали о художнике, которого представил Борис Викторович! (Каждый урок Борис Викторович знакомил учеников с каким-либо художником: давал краткие биографии, а также обзор творчества). Все ученики «с упоением» работали, никто не отвлекался, и в то же время каждый чувствовал себя непринуждённо, раскованно.

Не знаю, ставил ли он ученикам какие-либо «двойки», знаю, что к двойкам он относился отрицательно, говоря: «Это учитель “2” себе поставил – значит, не научил. Надо всё делать, чтоб ученик рос, верил в себя, свои силы».

По изобразительному искусству у него были только «4» и «5». Полагаю, что и по немецкому языку были такие же оценки – иначе у Бориса Викторовича учиться, по-моему, нельзя.

Теперь связь со школой он держал через немногих учителей и учеников, которые к нему продолжали приходить домой, на уроки, и они вместе ходили на этюды в лес, к реке...

Таких учеников было немало: Дунаевы (Пешевы) – Слава, Андрей, Анатолий; Аракчеева Маша, Хохлова Анастасия, Муханова Ольга. Под руководством учителя они написали множество пейзажей, а главное – по-доброму относились ко всему живому.

Уйдя из школы, скучал ли он по ней? А разве по ней можно не скучать? Когда меня «проводили» на пенсию – хотя я ещё могла и хотела работать, – я не спала ночами, бредила школой; словом, была не в своей тарелке. А Борис Викторович особенно скучал, ведь школа и ученики для него – это душа его, смысл жизни.

Слава богу, что у него были Александра Ивановна и его творчество. В любое время года Александра Ивановна и Борис Викторович вместе гуляли, неторопливо шагая – чаще по лесной дороге.

Никому не отказывали эти люди в помощи: кому-то денег взаймы, кому-то уколы, советы по медицинским вопросам. Кислякова

* Обычно открытые уроки в нашей школе проводились последними, иногда сразу по 2 часа, как того требовала специфика урока.

Лидия Александровна всегда благодарит Александру Ивановну – «спасла от смерти», вовремя разглядев у той признаки рака.

Да что люди? Птицы, обездоленные кошки, собаки – все испытывали на себе доброту этих людей. Прямо из форточки с руки Борис Викторович кормил синиц, воробьёв. Была кормушка и для животных.

Он всегда интересовался делами школы. Ученики его никогда не забывали. Даже окончившие школу давно приезжали к нему, писали и поздравляли с праздниками.

Часто Борис Викторович встречал меня из школы, просил зайти. Был уже накрыт стол со всякими «вкусностями», Александра Ивановна и он «хлопотали». Я поражалась и по-хорошему завидовала их единению во взглядах по всем вопросам в жизни.

Однажды (это было 9-ое Мая) Борис Викторович пригласил в гости. Отказать ему я не могла.

И в обычные дни Борис Викторович всегда был элегантен, прям, с походкой молодого человека. А в праздник, да ещё 9 Мая, выглядел особенно нарядно: в чёрном костюме, галстук, орден...

*Борис Викторович и Александра Ивановна
9 мая 1997 года*

Достаёт баян, играет старинный вальс, затем русские народные песни, да ещё и запекает!..

Любили они с Александрой Ивановной хорошую музыку: Чайковского, Бетховена, Шопена...

Общение с Борисом Викторовичем всегда было праздником.

...До сих пор, проходя мимо их дома, я чувствую, как щемит сердце. Очень-очень жаль, что никогда больше не увидишь их лица, не услышишь их гóлоса.

Александра Арсеньевна Морозова родилась в 1937 г. в деревне Родинка Юрьевоцкого (позднее – Сокольского) района Ивановской области. В 1955 г. окончила Ивановское культпросветучилище, в 1967 г. – Ивановский пединститут (заочно).

Работала заведующей избой-читальней в селе Святове Нагорьевского района Ярославской области, заведующей клубом в родной деревне, зав. отделом учащейся молодёжи в Сокольском райкоме комсомола, учителем русского языка и литературы в Кургинской средней школе Сокольского района, 2 года учила детей в Краснодарском крае. В 1976–2000 гг. – учитель русского языка и литературы Котцынской средней школы. Живёт в селе Котцыне Ивановского района Ивановской области.

*Ида Гамальевна
БОНДАРЕВА*

ВСЕ СЕЛО ИХ ЛЮБИЛО ЗА ВНИМАНИЕ И ДОБРОТУ К ЛЮДЯМ

Когда я училась в 9-м классе, у нас в школе не было учителя немецкого языка, занятия с нами проводила бывшая выпускница школы Ковалёва Люда, а так как впереди нас ожидали выпускные экзамены и многие мечтали о поступлении в ВУЗ, то это приводило нас в обоснованное уныние.

Надо сказать, что школа наша в селе Котцыне Ивановского района была одной из сильнейших в районе, ежегодно около 87% её выпускников поступало в ВУЗы и техникумы в разных регионах СССР. Поэтому, когда к нам в 10-й класс пришёл преподавать немецкий язык Борис Викторович Прозоровский, мы были очень обрадованы, тем более что Борис Викторович оказался учителем хоть и строгим, но лояльным. Учились мы не ахти как – сказывалось отставание из-за отсутствия учителя в предыдущих классах, но, тем не менее, экзамен я лично сдала на «4», и в аттестате у меня хорошая оценка по немецкому языку.

Больше всего мне Борис Викторович запомнился тем, что он редактировал нашу школьную стенную газету, помогал оформлять её очень красиво, подбирал материал для опубликования на её страницах.

В то время я начинала писать стихи, и единственный человек, которому я не стеснялась показывать их, был Борис Викторович. Он вносил предложения и поправки, и я запомнила, что стихи ему нравились.

*Ида Колесова (5-ая слева) с девятиклассниками
Котцынской средней школы на слёте ученических
производственных бригад в Богородской средней школе.
1966 г.*

В дальнейшей моей жизни Борис Викторович был постоянным участником и советчиком.

Судьбе было угодно, чтобы я вышла замуж за мальчика, который жил в селе Котцыне. Дом его был напротив – через дорогу от дома Прозоровских, а родители моего мужа Володи были участниками Великой Отечественной войны и дружили с ними.

Моя свекровь Екатерина Семёновна Бондарева и свёкор Виктор Осипович Бондарев каждый год 9 мая обменивались с Борисом Викторовичем и Александрой Ивановной поздравлениями с Победой и подарками. Помню, что каждый вечер именно 9 мая Борис Викторович выносил в сад баян и наигрывал мотивы военных песен – воистину говорят, что талантливый человек во всем талантлив.

Дружить Прозоровские умели, все село их любило за внимание и доброту к людям. Александра Ивановна, будучи отличным врачом, никогда не отказывала в своей помощи. А это на селе дорогого стоит.

Мы с уважением относились к тому, что наши соседи почти что ежедневно вместе, вдвоём, ходят на прогулки в поле, в лес, на речку. Борис Викторович всегда брал с собой этюдник. Картин он рисовал много и дарил их односельчанам. У нас в доме несколько его работ, в том числе вид нашего деревенского дома. Несколько картин мы приобрели на выставке его работ в бывшем Доме учителя на площади Пушкина в городе Иванове. Борис Викторович был

Супруги Прозоровские на прогулке. Котцыно

членом Союза художников* и у него были друзья и ученики среди художников.

Ещё при жизни Бориса Викторовича были встречи в Котцынской школе, когда мы поздравляли Бориса Викторовича с юбилеями, говорили о нём только хорошее. Когда я на этих встречах читала стихи, посвящённые учителю, мне всегда казалось, что эти стихи про Бориса Викторовича.

Учитель

Весь шар земной держал он на ладони.
Пред нами был не глобус, а простор
Дорог, событий, дней...
Нас мчали кони...
Мы шли и шли, стремясь к вершинам гор.
Всё сбудется при имени Учитель.

<...>

Самозабвенно честен и бесстрашен,
Был увлечён и полон был огня.
Он призывал: любите землю нашу,
Но не сказал: Любите и меня!
Прошли года, пусть опытен и стар ты,
И больше ты Учителя постиг,
Но, как магнит, притягивает парта...
Учителю ты верен – ученик!
Он не заискивал: Меня любите!
Всё отдавал, не требуя наград...
Но кто ж ещё так сказочно богат?
Душ золото в твоих руках, Учитель!!!

...Прошли годы, нет наших соседей, Бориса Викторовича и Александры Ивановны. И нет наших родителей, Екатерины Семёновны и Виктора Осиповича. Но мы всех помним и навещаем по мере возможности; и на кладбище они опять «соседи».

---

* Автор ошибается. (Прим. ред.)

В нашем селе есть церковь Казанской Божией Матери, поэтому престольный праздник в нашем селе 21 июля – «Казанская». В этот праздник в селе гулянье. Люди собираются на праздник к клубу – бывает концерт, администрация Куликовского поселения поздравляет заслуженных людей с успехами и праздником – жизнь продолжается...

Ида Гамальевна Бондарева (урожд. Колесова) родилась в 1950 г. в деревне Васильевское Ивановского района Ивановской области. По окончании Семиновской начальной школы в 1961 г. поступила в Котцынскую среднюю школу, которую окончила в 1967 г. В 1974 г. окончила Ивановский индустриальный техникум, позднее – Институт повышения квалификации руководящих работников (Пушкино) по специальности экономист. Работала электромонтёром и экономистом на ивановской прядильно-ткацкой фабрике им. С. И. Балашова (ныне Большая Дмитриевская мануфактура). Живёт в селе Котцыне Ивановского района Ивановской области.

*Людмила Витальевна
САДОВСКАЯ*

СПАСИБО ЕМУ ЗА ПОДСКАЗАННЫЙ ВЫБОР

Я училась у Бориса Викторовича с 7-го по 10-й класс в Котцынской средней школе – с 1967-го по 1970-й год. Он преподавал у нас немецкий язык. Он и сам был похож на немца: во всем аккуратен, выдержан, спокоен, но ни в коем случае не равнодушен.

Конечно, возрастная дистанция и правила поведения для учеников в те годы не предполагали каких-то близких отношений с учителями, но то, что Борис Викторович – это Личность, ни у кого не вызывало сомнения. Как мне сейчас кажется, многие учителя нашей школы были ими по призванию и дали нам крепкую основу знаний. К сожалению, уже все они ушли из жизни, но я уверена: многие бывшие ученики вспоминают их с благодарностью.

Но Борис Викторович стоял в их ряду особняком. Он был не таким, как все, – чувствовалась, что это не рядовой человек. То ли у него трудное прошлое, и здесь в глуши, в деревне, он был как бы на отдыхе, то ли сослали его сюда за то, что слишком много знал, но определённо – что-то необычное должно было быть в его судьбе. Уж точно он не простой, не деревенский и даже не ивановский, а откуда-нибудь из Москвы или даже заграницы. Так рисовало моё воображение.

Никто из учеников не сомневался в его уме (а что ученики видят учителей лучше всяких аттестационных комиссий – неоспоримый факт).

Борис Викторович с десятиклассницами на выпускном вечере в Котцынской средней школе. 1970 г.

Слева направо: Галина Кулёва, Надежда Шапатина, Б. В. Прозоровский, Людмила Дудорова (автор воспоминаний)

На уроках немецкого Борис Викторович голоса никогда не повышал. В памяти осталось многое: *Steh auf; Setzen sie sich; Hoite ist der siebte September; Ich habe heute Klassendienst...* На доске висит картинка по теме урока... Мальчишки: «пык-мык» – и ни с места... Но я благодарна Борису Викторовичу – мне знаний школьной программы хватило, чтобы без особых усилий справиться с вузовским курсом и помогать своим детям в изучении немецкого. До сих пор дома лежат (правда, так и не осиленные до конца) красивые книги на немецком языке, подаренные мне Борисом Викторовичем как подающей надежды ученице.

Помню нашу радость, когда после окончания 7-го класса, в июне, Борис Викторович возил нас всех на Волгу. Помню, как сейчас: мы фотографируемся в Плесе у причала, обедаем – тем, что родители собрали, – на горе Левитана, потом на «Метеоре» несёмся по Волге до Кинешмы, там гуляем по набережной (здесь я впервые ус-

лышала колокольный звон). Проходя мимо ЗАГСа, одноклассник мне кричит: «Людка! Пойдём распишемся!», а Борис Викторович долго смеётся на этот призыв. Потом мы едем в поезде домой в Иваново. Для многих из нас это путешествие, по значимости, сравнимо с поездкой, например, в Чехию для нынешних школьников.

Если человек талантлив, то талантлив во многом. Помню: на Новый год украшали школу, Борис Викторович разрисовывал окна коридора праздничными сюжетами, привлекая и учеников. Здорово у него получалось! Да, ведь он и рисование как-то нам преподавал! Ещё: мы готовили для праздничных концертов танцы под аккомпанемент на аккордеоне того же Бориса Викторовича.

А как-то на Новый год он поздравил наш класс своей фотографией зимнего леса. Было удивительно и приятно. Фото долго висело на стене у доски. Этот лес помню до сих пор.

Всё это мелочи (другие, наверное, помнят что-то другое), но каждый этот миг или впечатление оставляли след не только в памяти, но и в душе; формировали чувства; они как бы открывали дверь в другой мир, в другие возможности. А это дорогого стоит. Вспоминаю и других учителей. Многие из них дали знания своего предмета, и люди вроде бы хорошие. Но и всё...

По моему мнению, среда, в которой ты живёшь (а тем более растёшь), люди-личности, с которыми ты встречаешься, оказывают большое влияние на то, как сложится твоя жизнь. Если общаешься с одной посредственностью, скорее всего, так же тускло и бездарно пройдёт и твоя жизнь. А такие неординарные личности своим примером вызывают в нас что-то хорошее (может быть, ещё недоразвитое) и направляют к более светлой, интересной и небестолковой жизни.

Позднее, после школы, встречалась иногда с Борисом Викторовичем в автобусе, он всегда был приветлив, расспрашивал о жизни. Кстати, уже разменяв десятый десяток (!) жизни, он помнил весь наш класс поимённо. Вот это память!

А потом появились в доме моих родителей удивительные картины. Эти картины теперь составляют часть моей жизни, я вижу их каждый день дома и на работе. Чем старше становишься и чем дальше от тебя не искорёженная ещё человеком данная нам Богом природа, тем дороже эти неброские, но такие родные и тёплые ме-

ста, они греют почти физически, как бок деревенской печки в холодный день. Слышала от людей, что его картины есть у многих односельчан, и, значит, его вспоминают ежедневно сотни людей. Вот это Память!

Сейчас, на пенсии, когда появилось у меня свободное время, я опять вспоминаю Бориса Викторовича. Он снова подсказывает мне, что и на склоне лет можно прожить ещё одну интереснейшую жизнь. Сколько радостных минут он испытал, подыскивая сюжет, воспроизводя это в картине, любуясь готовой работой, показывая её близким людям, даря или представляя на выставке. А ведь можно, как многие, сидеть на лавочке или перед телевизором и, захлёбываясь желчью или потягивая известную жидкость, ругать всё и вся за свою единственную несостоявшуюся жизнь.

Спасибо ему ещё раз за подсказанный выбор.

Людмила Витальевна Садовская (урожд. Дудорова) родилась в 1953 г. в селе Большое Протопово Томского района Томской области. В 1–6 классах училась в школе родного села. В 7–10 классах – в Котцынской средней школе, которую окончила в 1970 г. В 1977 г. окончила педиатрический факультет Ивановского медицинского института. Работала врачом в разных лечебных учреждениях нашей страны. В настоящее время – в Ивановском областном онкологическом диспансере. Живёт в Иваново.

*Вячеслав Леонидович
ПЕШЕВ*

ПРИ МЫСЛИ О НЁМ ЖИТЬ ЛЕГЧЕ

Бориса Викторовича Прозоровского я, Пешев Слава, знаю всю свою жизнь, а мне пятьдесят. В селе Котцыне Ивановской области я вырос и учился в школе, где преподавал Борис Викторович рисование. Но и до школы я знал, что буду художником. Откуда? – спросите вы. – Не знаю, но знал. Благодаря ему, Человеку и Интеллекту, – именно с большой буквы, – я и стал художником. Он развил во мне этот дар – видеть и чувствовать, ощущать тепло человеческих отношений, которые были в его семье.

*Борис Викторович с Вячеславом Пешевым (слева)
и внуком Александром Циркиным. Котцыно, 9 мая 1997 г.*

Приезжая к нему, никогда не испытывал чувства «нежданного». В последние годы его жизни я всегда был у него 9 Мая – на праздник День Победы. Приезжали также и другие художники: Агеев Михаил Сергеевич – народный художник России, хороший художник Степанов Владимир Алексеевич*. Они вспоминали войну и, конечно, много говорили о жизни, о живописи.

*На этюды с М. С. Агеевым.
1970-е гг.*

* Михаил Сергеевич Агеев (1918–2007) родился и жил в Иваново-Вознесенске. Он окончил Ивановское художественное училище, с 1947 г. член Союза художников. «<...> Был влюблён в природу и верен реализму. До последних лет жизни Михаил Сергеевич сохранял ясность ума, молодость таланта, взгляда, кисти...» (<http://art.ivanovoweb.ru/index.php?cat=2>)

Владимир Алексеевич Степанов родился в 1925 г. в Орле. В 1961 г. окончил Ивановское художественное училище, работал школьным учителем, преподавал рисование и черчение в Ивановском педучилище. В 1972–1988 гг. работал художником-оформителем в Ивановском художественном фонде. Автор книг о художниках. С 1953 г. живёт в Иванове. См. его статью «Художник Борис Викторович Прозоровский» на стр. 386.

С художником В. А. Степановым. 1-я пол. 1990-х гг.

Хочу сказать, что Борис Викторович путёвку в жизнь мне дал не только как художнику, но и как пчеловоду. Ведь он держал небольшую пасеку – четыре улья. Всегда предлагал подарить пчёл, но я не мог тогда взять такой дорогой подарок, т.к. часто отсутствовал в Иванове – в связи с командировками по стране, а также отъездами на этюды с друзьями-художниками.

Запомнился случай 1993 года. Приезжаю, как всегда, на День Победы. Погода была удивительная, светлая, тёплая. На душе благодать. В 10 часов утра мы все сели за круглый стол поминать погибших. (Борис Викторович считал этот праздник не очень весёлым, поминальным.) А в 12.00 вышли в сад. Там была скамейка, а рядом ульи. Пчёлы занимались «делом». Борис Викторович спросил, видел ли я, что творится в улье, и хочу ли я посмотреть. Я ответил: «С удовольствием», и пошёл к ульям. Предварительно выслушал инструктаж. Вот в чём он заключался: не думай о мёде; не бойся пчелы; двигайся очень плавно, и пчёлы не ужалят. Я жутко боялся, подходя к улью. Сразу вылетели четыре пчелы из «роты охраны» и начали кружить у головы. А у меня нет ни лицевой сетки, ни перчаток, только рубашка с коротким рукавом. «Замри! – услышал я Бориса Викторовича. – Медлен-

но поднимай крышку улья и клади на землю». Пчёл вокруг меня заметно поприбавилось, но я не мог показать страх учителю. Он говорит: «Видишь что? Подушку очень медленно приподнимай и холстик». Я так и сделал, а пчёлы просто повалили на меня. Я положил холстик и подушку на место и замер. Через минуту Борис Викторович разрешил установить крышку на улей и присесть рядом на скамейку. Я закурил, помолчали минут пять, и Борис Викторович сказал: «Я не понимаю, почему тебя не ужалили пчёлы? Это хорошо, тебе надо заниматься пчеловодством». Эти слова засели в моей голове так крепко, что в прошлом, 2011-ом году я купил четыре семьи. К осени у меня стало семь полноценных ульев, и эту зиму они перезимовали.

...Идёт весна 2012 года. Мне Бориса Викторовича очень не хватает. Когда была какая-то неясность, я приезжал к нему, и всё вставало на свои места. У него всегда был ответ на любой вопрос.

Иногда думаю, как бы он поступил в той или иной ситуации, и, поверьте, жить легче при мысли о нём.

Вячеслав Леонидович Пешев родился в 1962 г. Учился в школах г. Иванова и в Котцынской средней школе, из которой ушёл после окончания 8-го класса в 1979 г. Окончил Ивановский химико-технологический техникум в 1981 г. по специальности художник-колорист набивных тканей. Член Союза дизайнеров России. Живёт в Иванове.

Альбина Фёдоровна
КОЗЛОВА

ВЫСШИЙ ДАР СУДЬБЫ

Есть люди на земле, общение с которыми – высший дар судьбы. Память о Борисе Викторовиче будет жить в сердцах всех тех, кто знал его, кто знаком с его творчеством, кто учился у него, кто имел счастье быть вхож в дом Прозоровских.

...Однажды в мой кабинет (кабинет директора Ивановского областного Дома работников просвещения) вошёл статный, красивый, седовласый мужчина и представился: «Прозоровский Борис Викторович – учитель, художник». Мы разговорились. Беседа затянулась, было огромное желание слушать и слушать этого незаурядного человека. Борис Викторович рассказывал о себе: где учился, где работал, где живёт, что пишет, о любви к природе.

Я предложила сделать выставку его работ для учителей, дошкольных работников, студентов и учащихся в нашем Доме учителя. Борис Викторович охотно согласился.

Это был 1987 год.

Презентация выставки, работы с которой он позднее подарил Дому учителя, прошла с огромным успехом, о чём свидетельствуют восторженные записи в Книге отзывов.

В день рождения Бориса Викторовича мы организовали вечер-портрет с приглашением руководителей города и области. Выступали руководители города; от учителей – Л. Н. Добрякова, Н. Н. Москалёва; художники. Вечер прошёл в очень тёплой обстановке.

Все времена года отражены в картинах Бориса Викторовича, и ученики музыкальной студии ОДРП играли на фортепьяно

*Б. В. Прозоровский во время передачи своих работ
Областному дому работников просвещения (Дому учителя).
15 декабря 1987 г. Фото В. Беляева*

«Времена года» Чайковского, читали стихи, и был великолепный синтез живописи, музыки и поэзии.

Выставки учителя-художника проходили в Иванове в Доме учителя (ОДРП), энергоуниверситете, областном Доме культуры, Доме художников, Шереметев-центре, Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (в городе Суздале).

Щедрость души этого великолепного человека безгранична. Он с лёгкостью раздаривал свои картины, которые сейчас украшают дома многих его поклонников.

С председателем Обкома профсоюзов работников просвещения, Надеждой Николаевной Москалёвой, мы не раз приезжали в гости к Прозоровским в село Котцыно. В доме – везде идеальная чистота. Много книг, на стенах картины самого Бориса Викторовича и подаренные художниками.

*Подписание акта передачи работ Б. В. Прозоровского
ОДРП (Дому учителя). 15 декабря 1987 г. Фото В. Беляева.
Слева направо: А. Ф. Козлова, Б. В. Прозоровский, Л. Н. Добрякова,
Н. Н. Москалёва*

Уют этого дома создавал впечатление, что ты в гостях у интеллигентнейших людей 19 века – нет современной безвкусной роскоши, есть что-то русское, настоящее.

Хозяева – два любящих, внимательных друг к другу единомышленника – с годами стали похожими друг на друга, хотя Борис Викторович – стройный, высокий, а Александра Ивановна – маленькая, очень уютная, трогательная и по-русски очень гостеприимная. Каждый наш приезд они угощали нас обедом из печки и обязательно дарили деликатесы из своих огородно-садовых заготовок.

Дружные, приветливые, гостеприимные, Борис Викторович и Александра Ивановна нам всегда казались нашими близкими и любимыми родственниками. Уезжая от них, мы всегда увозили тепло

этого уютного, милого дома, и каждый раз Борис Викторович подписывал и дарил свои замечательные работы.

В 2004 году с нами в гостях была и ивановская знаменитая поэтесса Лариса Щасная. Каково же было наше удивление, когда Борис Викторович стал читать её стихотворение о природе, восторгаясь лиричностью её стихов, которые льются свободно, непринуждённо.

...Бориса Викторовича не стало, он скончался в областной больнице. В день похорон шёл проливной дождь, а в тот момент, когда гроб опускали в могилу, выглянуло яркое солнце. Оно тоже прощалось, озарив природу, которую так любил этот необыкновенный человек.

Альбина Фёдоровна Козлова (род. 1935) – комсомольский работник, педагог. В 1975–1989 гг. – директор Ивановского областного дома работников просвещения (Дома учителя). Живёт в Иванове.

Юрий Павлович
ШИЛОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО БЕСКОРЫСТНЫЙ, ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Чистый, светлый, мудрый, добрый... Как много можно было бы назвать положительных эпитетов об этом удивительном человеке, с которым мне довелось близко познакомиться и подружиться почти три десятка лет тому назад. Чем более близкими были наши отношения, тем всё больше мне казалось, что этого человека я знал почти всю свою трудовую жизнь.

Начав работать в Ивановском районе в 1974 году, я слышал о Борисе Викторовиче как об очень интересном человеке и талантливом педагоге. Уже находясь на заслуженном отдыхе, он продолжал учительствовать в Котцынской средней, а затем неполной средней школе, прививал местным детям и их родителям любовь к людям и окружающему миру.

В нашей Ивановской области до Бориса Викторовича я не знал ни одного столь почтенного (с 1961 года) Заслуженного учителя, который и в двухтысячных годах продолжал бы «сеять разумное, доброе, вечное».

Особенно близко мы стали знакомыми в конце 80-х годов прошлого столетия. Мне посчастливилось довольно часто бывать у Бориса Викторовича и его жены Александры Ивановны – в доме, где всегда было тепло, уютно, скромно и очень гостеприимно.

Их деревенский домик с чистым и всегда ухоженным двориком, аккуратно уложенными дровами, с несколькими грядками в огороде – всё здесь выглядело так, что ни у кого из приходящих сюда лю-

дей не возникало вопроса, кто же здесь живёт. Жили в этом домике заслуженные и очень уважаемые люди: учитель и медицинский работник. Борис Викторович всю жизнь преподавал немецкий язык и рисование*, а Александра Ивановна работала фельдшером в сельском медпункте.

Любовь к изобразительному искусству у Бориса Викторовича давняя. Как-то раз на одном из областных совещаний, проходившем в Ильинском районе, я посетил местный краеведческий музей, в котором увидел две картины, датированные сороковыми и пятидесятыми годами прошлого столетия и подписанные Б. В. Прозоровским. Так я узнал о том, что Борис Викторович в послевоенные годы был завучем в местной школе-интернате, где учились дети беженцев, переселенцев, а также сироты тех тяжёлых лет**. Именно этот период его жизни был замечен и оценён правительством РСФСР.

Поделившись своими впечатлениями о поездке в Ильинское, я познакомил Бориса Викторовича с тогдашним руководством Ильинского района, и ему захотелось повидать район, где прошли, видимо, самые сложные годы его жизни. Были несколько встреч с ильинскими руководителями, переписка и, наконец, организация выставки картин Б. В. Прозоровского в только что открывающемся Доме ремёсел.

Так повелось, что после каждой выставки Борис Викторович несколько полотен, а то и все картины, оставлял в дар учреждениям, организующим выставки.

Мне всегда хотелось помогать этой семье. К тому же наши встречи мне давали огромный заряд энергии для работы с людьми.

Я считал, что большое количество картин, в которых Борис Викторович воспевал красоту нашего района, окрестности местной речки Молохты (о которой писал знаменитый наш земляк, Герой

* В более ранние годы Б. В. Прозоровский преподавал и биологию, химию, физику, географию. (Прим. ред.)

** Речь идёт о Щенниковской школе. Собственно школой-интернатом она никогда не была, а только школой. В интернате (школьном общежитии) ученики отдалённых от школы деревень жили с осенних до весенних каникул – примерно с середины ноября до середины апреля (в те времена весенние каникулы в сельских школах начинались в пору активного таяния снега и разлива рек). (Прим. ред.)

Социалистического Труда поэт Михаил Дудин), должны стать доступными для людей. Через подключение отдела образования нашего райисполкома, а затем районной администрации начались регулярные встречи и выставки в дошкольных учреждениях, школах, Домах пионеров, и каждый раз Борис Викторович оставлял свои произведения в дар. Сегодня в районе практически во всех учебных заведениях имеются его работы.

Но по-прежнему в доме Прозоровских оставалось много картин, видели которые только члены семьи и многочисленные знакомые. Мне же хотелось, чтобы о Борисе Викторовиче узнало много людей, чтобы они знали человека, который является гордостью района.

Однажды, побывав на базе отдыха в профилактории Ивановского станкостроительного производственного объединения, я обратил внимание на отсутствие картин в оформлении и сразу же предложил генеральному директору Бажанову В. М. познакомиться с Прозоровским Б. В. В результате появилась новая выставка из 30-ти полотен, которые остались здесь навсегда. Производственное

Открытие выставки работ Б. В. Прозоровского в профилактории Ивановского станкостроительного производственного объединения (ИСПО). 1 февраля 2002 г. Ленточку разрезают В. М. Бажанов (слева) и Ю. П. Шилов. Справа – В. Б. Циркина

На выставке в ИСПО

объединение взяло шефство над семьёй Прозоровского Б. В. Появилась постоянная мобильная связь, обеспечение топливом, лечением, бытовыми мелочами – всё это стало предметом заботы ИСПО.

Миру увлечений Бориса Викторовича мог бы позавидовать любой целеустремлённый молодой человек. И за какое бы дело ни брался он, всё у него получалось красиво. Бесконечные этюды на природе и виды села Котцына – даже из окна своего дома; натюрморты: букет ромашек на окне, садовые ягоды на столе, только что принесённые из лесу грибы и многое-многое другое. Умел хорошо играть на баяне. Зная мою увлечённость пением и детскую любовь к творчеству Робертино Лоретти*, он разучил несколько итальянских мелодий, которые затем мы вместе исполняли, – он играл, а я пел.

В свои 90 лет он оставался энергичным, полным оптимизма. Учитель-интеллигент, он и в почтенном возрасте выглядел под-

* Я был солистом детского хора, знал чуть не всё, что пел Робертино Лоретти – почти мой ровесник и наш общий кумир, – и исполнял песни его репертуара.

тянутым, стройным, с какой-то военной выправкой человеком и невероятно живыми и добрыми глазами.

Борис Викторович гордился своим братом – Прозоровским Дмитрием Викторовичем, который был начальником управления строительства Нововоронежской АЭС и за свой труд был удостоен званий Героя Социалистического Труда и лауреата Государственной премии СССР. Фотография брата, запечатлённого вместе с Председателем Совета Министров СССР Косыгиным А. Н. и руководителем Кубы Фиделем Кастро во время их визита на Нововоронежскую АЭС, висела на самом видном месте – рядом с письменным столом Бориса Викторовича*.

В канун 90-летия Бориса Викторовича у общественности района и депутатов районного Совета не было сомнений в справедливости присвоения ему звания «Почётный гражданин Ивановского района».

*Почётный гражданин Борис Викторович Прозоровский.
30 сентября 2003 г.*

* Фотография брата, как и рядом висящая фотография их деда – Николая Фёдоровича Молчанова, – и сейчас продолжают находиться на прежнем месте. (Прим. ред.)

*Фотография на память. 30 сентября 2003 г.
Первый ряд (слева направо): А. И. Прозоровская, Б. В. Прозоровский,
Ю. П. Шилов, В. Б. Циркина.
Третий ряд: 3-й слева – В. А. Степанов, 4-й – А. С. Кузьмичёв,
7-я – А. А. Морозова*

В эти юбилейные дни в Ивановском фонде культуры была организована выставка работ Б. В. Прозоровского, в открытии которой мне довелось принимать участие*. Много было сказано тогда хороших и правильных слов о юбиляре. А я вспомнил один эпизод из жизни Бориса Викторовича, о котором поведала мне его жена – Александра Ивановна.

Было это в послевоенные тяжёлые годы. Тогда по заявлению Бориса Викторовича о краже было возбуждено уголовное дело, итогом расследования которого явилось осуждение одного молодого человека. Борис Викторович очень переживал этот случай, особенно когда узнал о тяжёлом положении семьи осуждённого;

* Ошибка памяти: выставка в Фонде культуры проходила в мае-июне 2005 года. (Прим. ред.)

он стал помогать и семье и осуждённому. Посылал посылки в колонию, писал письма и получал ответы*.

...За всю его большую жизнь многим людям посчастливилось пообщаться с этим замечательно бескорыстным, честным человеком.

Светлый образ Бориса Викторовича золотыми буквами вписан в летопись нашего Ивановского района.

Юрий Павлович Шилов родился в 1950 г. в городе Унеча Брянской области. Окончил 3 высших учебных заведения. Работал лесничим (1972–1975 гг.), инструктором и заведующим отделом пропаганды и агитации Ивановского райкома КПСС (1975–1987 гг.), заместителем председателя исполкома и первым заместителем главы администрации Ивановского района (1987–1996 гг.) С 1996 по 2010 г. возглавлял Ивановский район. Почётный гражданин Ивановского района Ивановской области. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Живёт в Иванове.

---

* Об этом эпизоде см. воспоминания В. Б. Циркиной на стр. 204.

*Надежда Николаевна
МОСКАЛЁВА*

ЗДЕСЬ ВСЁ БЫЛО В ГАРМОНИИ

Моё знакомство с Борисом Викторовичем Прозоровским состоялось в период моего прихода на работу в Ивановский обком профсоюза в качестве председателя. В это время проходила выставка живописных работ Прозоровского, которая была организована директором Дома учителя Альбиной Фёдоровной Козловой.

На открытие выставки были приглашены представители исполнительной и законодательной власти, Союза художников, различных общественных организаций. Участников и организаторов выставки приветствовала начальник управления образования области Людмила Николаевна Добрякова. Мне также выпала честь поделиться своим восприятием и пониманием увиденного. Сделать это было чрезвычайно сложно, поскольку я не являюсь профессионалом в области изобразительного искусства. А вот почувствовать глубину души художника, откликнуться на его работы сердцем – на это имеет право каждый человек, безотносительно к его занятиям и профессии.

Мне помог понять работы Бориса Викторовича он сам – накануне открытия выставки автор рассказал практически о каждой работе: о месте, где писал этюд, под каким впечатлением находился и что побудило его к изображению того или иного пейзажа. И сейчас, спустя более 25-ти лет, в моей памяти очень свежи те чувства, которые я испытала от увиденного и услышанного. Это было моё первое потрясение от встречи с Борисом Викторовичем и его пейзажами,

наполненными светом и теплом, красотой и радостным восприятием окружающего нас мира.

Второе потрясение, которое я испытала от встречи с его работами, было вызвано изумлением от схожести мира, красок его пейзажей с картинами моего родного края. На одной из работ был изображён уголок практически нашего дома – дома, где я родилась и выросла, где прошли мои детские и юношеские годы. (Моя родина в украинском Полесье, загубленном страшной Чернобыльской аварией и где Борис Викторович никогда не был.) А поскольку Борис Викторович Прозоровский был человеком, тонко чувствующим не только окружающую природу, но и людей, то, увидев, как я растрогалась, он подарил мне этот пейзаж после закрытия выставки. Подарок этот я берегу как самую дорогую частичку своего – украинского и русского – отчего дома, как символ единения двух родных для меня народов.

Выставка имела большой успех не только у педагогической общности. Все, кто хотя бы только раз взглянули на картины Бориса Викторовича, возвращались на выставку вновь и вновь – чтобы ощутить радость жизни, почерпнуть новые силы и духовно окрепнуть, ибо встреча с прекрасным, на мой взгляд, это всегда праздник души для тех, кто умеет видеть, слышать и чувствовать.

Своё продолжение выставка получила в стенах Ивановского педагогического училища, куда она переместилась как подарок Бориса Викторовича будущим коллегам по педагогическому сообществу. В настоящее время часть данных работ украшает стены областного комитета профсоюза, чем мы очень гордимся.

Борис Викторович был очень щедрым человеком: всякий раз, когда мы с Альбиной Фёдоровной Козловой приезжали к нему в гости, привозя с собой интересных людей, он непременно всех одаривал теми своими работами, которые особенно понравились гостям. Видя такую расточительность, я очень переживала, что нам не хватит запасов его пейзажей на новую, 2-ю областную выставку, к которой мы начали готовиться совместно с областным Фондом культуры, возглавляемым тогда Надеждой Михайловной Свиязовой. Выставка состоялась в дни празднования 90-летнего юбилея Бориса Викторовича* и имела потрясающий успех. Я счастлива, что

* Автор ошибается: выставка в Фонде культуры проходила в мае-июне 2005 года. (Прим. ред.)

*Картины Б. В. Прозоровского в кабинете председателя Обкома профсоюза работников образования и науки Ивановской области Н. Н. Москалёвой.
Фото А. Ю. Ахмадщина. 2012 г.*

мы смогли её организовать ещё при жизни Бориса Викторовича. К сожалению, он уже болел и не участвовал в открытии этого замечательного праздника. Однако нас радовало, что на нём присутствовала его дочь, Валентина Борисовна, и внук Александр – Циркины.

Спустя полгода Борис Викторович ушёл от нас, оставив после себя богатейшее педагогическое и художественное наследие. И слава богу, что его дочь, внуки, а теперь и правнуки, многочисленные благодарные ученики берегут память об этом незаурядном человеке и его жене, удивительно скромной, гостеприимной, очень сердечной Александре Ивановне.

Возвращаясь памятью ко временам нашей дружбы с Борисом Викторовичем, я часто думаю о том, что общество, государство, мы, его близкие и друзья, мало сделали для облегчения жизни семьи Прозоровских. Лишь неким утешением для меня служит тот факт, что по ходатайству Областного комитета профсоюза администрация Ивановского района передала в собственность Борису Викторовичу дом, где они жили с Александрой Ивановной до последних своих дней. Я до сих пор с благодарностью думаю о бывшем гла-

ве администрации Ивановского района Юрии Павловиче Шилове, который в лихие 90-е годы XX века взял на себя эту ответственность и в какой-то мере упокоил их старость*.

* * *

Моя память при воспоминаниях о Борисе Викторовиче на удивление активна. Возможно, потому, что каждая наша встреча была праздником и радостью для души – радовали любовь к своему дому и красота отношений в семье: такие отношения, как у супругов Прозоровских, встречаются далеко не часто. Должно быть, что эта тихая и нежная любовь друг к другу и позволила прожить Борису Викторовичу и Александре Ивановне много лет в дружбе и согласии.

Дом Прозоровских для нас был действительно учительским в прямом и переносном смысле. Здесь всякий раз было чему и у кого поучиться: благородству, мудрости, такту, щедрости и трудолюбию. От общения с Борисом Викторовичем и Александрой Ивановной хотелось стать чище, сердечнее, добрее в отношениях с людьми.

Несмотря на твёрдость, а иногда и жёсткость характера, Борис Викторович тонко чувствовал и воспринимал поэзию, часто цитировал наизусть строки любимых поэтов. Вспоминается один из моих приездов в Котцыно вместе с Ларисой Ивановной Щасной, которой Борис Викторович несказанно обрадовался и сходу прочитал наизусть несколько строк из любимшегося ему одного стихотворения поэтессы, чем потряс и растрогал нас:

Пьяна от слез, слепа от боли,
Как сумасшедшая в бреду
Уйду, качаясь, в чисто поле,
В полынь седую упаду...

* А годы были действительно чрезвычайно сложные: ломка старой привычной жизни, наполненной человеческой отзывчивостью, нравственной чистотой, духовностью, и переход на новые социально-экономические отношения не могли не отразиться на учительстве. Многие педагоги не приняли новую идеологию, почувствовали свою невостребованность, ушли на заслуженный отдых. Ушёл на пенсию и Борис Викторович – учитель, как говорят, от Бога.

И буду я с тобой прощаться,
И будет горечь губы жесть!..
И будет в песню возвращаться
Моя беспамятная речь*.

К сожалению, я ничего не могу сказать о Борисе Викторовиче как о педагоге. Я его знаю как художника. О том же, что это был потрясающий учитель, говорили все его ученики и коллеги – и в школе, и на открытии выставок.

Н. Н. Москалёва с внучкой Б. В. Прозоровского – М. В. Ахмадщиной.
Фото А. Ю. Ахмадщина.
Май 2012 г.

* Ошибка памяти. Несомненно, Б. В. Прозоровский цитировал другое стихотворение Л. Щасной. См. воспоминания В. Б. Циркиной на стр. 206 и А. Ф. Козловой на стр. 315. (Прим. ред.)

Судьба не всегда была благосклонна к Борису Викторовичу, но выпавшие на его долю испытания не сломили его дух, талант педагога и художника.

В народе говорят, что талантливый человек талантлив во многом, и жизнь Б. В. Прозоровского является наглядным свидетельством этого. Здесь всё было в гармонии, да и осталось – в его детях, внуках и, бесспорно, в его учениках.

Надежда Николаевна Москалёва родилась в 1944 г. в Житомирской области. Партийный и общественный деятель, по образованию учитель истории. С 1986 года – председатель Ивановского обкома профсоюза работников образования и науки. Живёт в Иванове.

*Татьяна Анатольевна
ПРОСКУРНИНА*

НАШИ МИЛЫЕ СОСЕДИ

Борис Викторович и Александра Ивановна Прозоровские были нашими соседями в селе Котцыне. Наши дома в селе стоят рядом. Знакомы мы были более сорока лет, но близко с Прозоровскими стали общаться с 1983-го года, когда умерла мама мужа. Они для нас стали вторыми родителями, которые могли нас и пожалеть, и дать совет, а иногда и поругать (правда, всегда за дело).

Борис Викторович был очень интеллигентным человеком, строгим, но справедливым. Он очень любил, когда мы к нему обращались за советом, и всегда с радостью делился своими знаниями и умениями. Однако сам за помощью обращался крайне редко, стеснялся обременять других людей своими проблемами. Когда наша семья предлагала им помощь в обработке земли в огороде, они редко соглашались, говоря нам «мы сами все потихоньку сделаем».

Вспоминая Бориса Викторовича, нельзя не вспомнить Александру Ивановну. Это была удивительная пара. Я их называла «наши маяки». Мне всегда хотелось брать пример с их образа жизни, очень нравилось, как они обращались друг к другу. Я никогда не слышала, чтоб кто-то из них повысил голос на другого. Мне никогда в голову не приходило (даже мысленно) назвать их бабушкой или дедушкой, несмотря на их преклонный возраст, только по имени-отчеству, потому что эта пара была настолько интеллигентной. Эта интеллигентность проявлялась буквально во всем: во внешнем виде, походке, разговоре. Борис Викторович даже в огород выходил в чистой рубашке с галстуком.

Я очень любила вести с ними беседы, сидя на лавочке под яблоней. Однажды я спросила у Бориса Викторовича, что можно, а что нельзя делать, чтобы прожить долго. Он мне ответил, что можно делать всё, но в меру. Но только он сам был без меры разносторонним человеком. То он спешил на природу рисовать этюды, вначале на мотоцикле, позже пересел на велосипед, то подолгу засиживался за книгами, журналами, то много времени проводил около своих пчёл. Он и нас уговаривал заняться пчеловодством, но мы не решились, потому что за пчёлами нужен постоянный уход, а мы в деревне живём только летом.

У наших милых соседей было обострённое чувство ответственности за всё, что бы они ни делали. А уж если мы о чём-либо их просили, то можно было не беспокоиться: всё будет в порядке.

Я вспоминаю один случай. Мы с мужем тогда ещё только начинали самостоятельно заниматься огородом. Насажали огурцов, помидоров, закрыли их плёнками, прижали кирпичами. А приез-

*Проскурнины и Прозоровские 9 мая 1997 г.
Слева направо: Т. А. Проскурнина, Б. В. Прозоровский,
В. Б. Циркина, А. И. Прозоровская, Ю. А. Проскурнин.
Сзади – А. В. Циркин*

жали мы только по средам и на выходные. И мы попросили Александру Ивановну и Бориса Викторовича присмотреть за нашими грядками, а именно – на день приоткрыть плёнки, а вечером закрыть. Они согласились, и уезжали мы со спокойной душой. И вот однажды вечером поднялся ураган, да такой сильный, что деревья гнулись чуть не до земли. Я не помню почему, но мы тогда не поехали в огород, решили: будь, что будет; пропадут – значит, пропадут наши овощи. Каково же было моё удивление, когда я с замиранием сердца зашла в огород и увидела свои грядки в полном порядке. Оказывается, Александра Ивановна и Борис Викторович весь вечер бегали по нашему огороду, ловили плёнки и прижимали их, чем только могли. Эх, тогда нам и попало от Бориса Викторовича – как говорится, по первое число! Тихая Александра Ивановна молчала, а уж Борис Викторович – да! Он кричал: «Вы что, не видели, что на улице творится, почему не приехали?!» А когда я ответила, что не надо было ничего делать, пусть бы и погибли, он чуть не задохнулся от ярости: «Как это погибли?! Это же живые существа!» Но дело было, наверное, не только в том, что им жалко было, что погибнут овощи, а в ответственности за порученное дело. Как же так: их попросили приглядеть, а они не доглядели? Хотя, если что и случилось бы, то у меня не было бы никакого осуждения (сами виноваты, что не поехали). Я долго благодарила их и просила прощения – как говорится, «подлизывалась». Борис Викторович побурчал ещё немного, а потом простил нас. Несмотря на свой строгий вид, в душе он был очень добрым человеком.

Борис Викторович очень любил природу – и живую, и неживую (а для него всё было живое). Свою любовь он привил и нам. И с той поры, ухаживая за растениями, я разговариваю с ними, ласкаю, хвалю, а иногда и журю.

Дом Прозоровских был окружён разными деревьями, создавая тень в доме. Но Борис Викторович не разрешал не только вырубать какое-либо дерево, но даже ветку нельзя было срубить нигде, и в нашем огороде тоже.

У нас за забором растёт берёза. Это сейчас она стоит, как пальма, а тогда была раскидистая, широкая. И вот муж у меня решил её, как говорится, «подкудрявить», то есть обрезать нижние ветки. Борис Викторович как увидел, так опять отругал и долго на нас

сердился, повторяя, что «не надо природу обижать». И с тех пор (простите нас, Борис Викторович!), если надо было что-то вырубить или обрезать, мы это делали по вечерам, когда наши милые соседи уходили отдыхать.

Дом Прозоровских всегда был открыт для односельчан. К Борису Викторовичу шли местные пчеловоды и начинающие художники, а к Александре Ивановне как к врачу шло практически всё село. И никому они не отказывали в помощи в любое время дня и ночи.

У Прозоровских был – и сейчас есть очень хороший яблоневый сад. Таких вкусных яблок не было ни у кого на селе. Что интересно, даже озорные мальчишки никогда не залезали к ним в сад воровать яблоки, да в этом и не было нужды. Борис Викторович и Александра Ивановна всегда сами раздавали всем желающим свои вкуснейшие яблоки. Ну а нас, как самых близких соседей, они угощали ещё и мёдом.

Однако самыми ценными подарками для нас были картины, которые Борис Викторович писал сам. Он очень редко продавал свои картины, в большинстве своём он их дарил.

Светлая память о нём хранится в наших сердцах, её хватит и на всю оставшуюся жизнь.

Татьяна Анатольевна Проскурнина (урожд. Климова) родилась в 1949 г. в селе Котцыне. Окончила школу рабочей молодёжи и Ивановский текстильный институт. 25 лет работала инженером-конструктором в СКБ, в настоящее время – бизнесмен. Живёт в Иванове, лето проводит в Котцыне.

*Вера Николаевна
ГОЛОВАНОВА*

ПРОЗОРОВСКИЕ И ГОЛОВАНОВЫ

Я, Воронина Вера Николаевна, проживала на погосте Николо-Дор с 1958 года, тогда мне было три года. Было на Дору раньше пять домов, но, на моей памяти – только четыре, и в них жили: Кукушкина Лидия Георгиевна (муж – Алексей Васильевич), Гомагина Мария Васильевна (муж – Куликов Николай Александрович), Голованова Мария Петровна (моя мама; папа – Николай Иванович) и Прозоровские: Борис Викторович, его жена Александра Ивановна, мама Надежда Николаевна и дети, Нина и Валентина. Жили Прозоровские в школе. Нина и Валентина в то время где-то учились, поэтому я их не помню.

По рассказам моей мамы, на погосте была Никольская церковь, которую в 1958 году сломали; сейчас на этом месте поставлена стела (доска с названием села Николо-Дор).

*Стела на месте селения Николо-Дор.
Современное фото А. Манина*

Моя мама работала техничкой в Николо-Дорской начальной школе. У Надежды Николаевны в комнате была русская печь, я любила погреться на ней и маме говорила, что у неё печь высокая и просторная. С Надеждой Николаевной мы ходили за грибами.

Борис Викторович работал в Щенниковской школе завучем, а Александра Ивановна фельдшером в Щенниковской больнице. Когда мы болели, то Александра Ивановна всегда приходила нам на помощь и лечила нас, а в семье нас было семь человек.

Когда Прозоровские уехали, то дружеские отношения с нами всегда поддерживали – писали письма, присылали открытки поздравительные.

Борис Викторович приезжал к нам на Дор (есть фотография), навещал могилу отца. Мы с братом Виктором ездили к ним в Котцыно. Тогда ещё жива была Надежда Николаевна, ей было 94 года, и она меня узнала, хотя я маленькая была на Дору.

*Приезд Б. В. Прозоровского в Николо-Дор. Около 1971 г.
Слева направо: Женя Голованов, Борис Викторович,
Вера Голованова, Мария Петровна Голованова
с внучкой Юлей Головановой*

*Николо-Дорская начальная школа
в начале 1970-х гг.*

В 1993 году Борис Викторович привёз мраморную плиту (помо-ему, из Иванова), был он тогда на машине. Его возил на Дор из Щенникова мой муж Коля на тракторе, на Дор тогда можно было только на тракторе проехать. Борис Викторович установил на могилу своего отца плиту с надписью. Он сказал: «Я приехал сюда последний раз, мне надо попрощаться». Мы отошли в сторонку, он остался один и минут через 15 пришёл, и мы поехали в Щенниково.

В это время моя мама жила у нас в Щенникове, она была очень рада пообщаться с Борисом Викторовичем.

Мы Борису Викторовичу пообещали, что могилу его отца будем навещать.

Мамы моей нет с ноября 1993 года, папы – с 1981 года. Слово своё мы держим: навещаем своих родителей и других родных и всегда – могилку отца Бориса Викторовича.

Вера Николаевна Воронина (урожд. Голованова) родилась в 1955 г. в деревне Кутнево Ильинского района Ивановской области. Живёт в деревне Щенниково Ильинского района Ивановской области.

*Евгений Дмитриевич
ПРОЗОРОВСКИЙ*

ЖИЛ В ЛАДУ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ

Шестьдесят второй год. Лето. Наша семья в полном составе: папа, мама и четверо братьев – едем и идём пешком из села Ильинское-Хованское, а это более двадцати километров, в Николо-Дор. Для шестилетнего мальчика масса впечатлений. Это и широкое поле, и могучий лес, и «бурная» река, через которую меня переносит отец. Уставшие, к вечеру мы достигаем намеченной цели.

Дни, проведённые в Николо-Доре, до сих пор у меня в памяти. Огромная школа, которая, как мне казалась, стояла прямо в лесу, а в ней жили моя бабушка, Надежда Николаевна, и Борис Викторович Прозоровский, старший брат моего отца, со своей семьёй. Встреча была радостной и долгожданной, родители приезжали в гости не чаще одного раза в год во время отпуска.

Борис Викторович всегда находил время, чтобы уделить его нам, детям. Запоминающимся моментом был поход в лес за грибами. Это было настоящее соревнование: кто найдёт больше белых грибов! В силу своего богатого опыта и знания здешних мест, он наводил нас на грибные места, а потом вместе с нами радовался нашим успехам.

Промчаться на мотоцикле в те годы была мечта каждого мальчишки. И она у нас сбылась. У Бориса Викторовича техника была всегда «на ходу» и в идеальном состоянии. Кто постарше, тому разрешалось «порулить» самостоятельно по местным дорогам, а кто помладше – того катал он сам.

*Московские Прозоровские в гостях у Николо-Дорских. Около 1960 г.
Фото Б. В. Прозоровского.*

*2-й ряд (слева направо): Валя, Надежда Николаевна,
Вера Ивановна – жена Дмитрия Викторовича, их сын Владимир,
Дмитрий Викторович.*

*1-й ряд (слева направо): Александр, Евгений и Виктор –
сыновья Д. В. и В. И. Прозоровских*

Д. В. Прозоровский с сыновьями в Котцыне. 1966 г.

А вечернее чаепитие – это ритуал. Земляничное варенье и липовый мёд – главные герои торжества. Их запах и аромат в комнате приводил в восторг всех присутствующих.

Став постарше, я ещё не один раз бывал в гостях у Бориса Викторовича уже в Котцыне.

Запомнился свой первый приезд в девяностые годы. Как обычно, мы приезжаем – как «снег на голову». Естественно, хозяин был «на этюдах». Мы с женой и дочерью вышли посмотреть на цветущий сад. Через небольшой промежуток времени к дому на велосипеде подъехал мужчина, лихо на ходу перекинул ногу через раму, спрыгнул с него и проследовал во двор. «Кто бы это мог быть?» – подумали мы и продолжили рассматривать местные достопримечательности. Через минут десять нас позвали в дом. Каково было наше изумление, что этим мужчиной оказался Борис Викторович, – ему шёл уже девятый десяток.

Дышать полной грудью, общаться с природой и людьми – это был его лозунг жизни.

Обычно после обеда наступал «момент истины». Мы, гости, рассаживались в комнате – кто на стул, кто на диван, а художник

*Дмитрий Викторович и Надежда Николаевна Прозоровские.
Котцыно. 1980 г.*

Прозоровский открывал импровизированную выставку своих произведений живописи. О каждой картине он с вдохновением рассказывал и потом определял ей место для обозрения. «А вот эта!..» – говорил он, доставая следующий холст, и все понимали, какое безграничное чувство любви к природе управляло художником при создании этих пейзажей.

А в конце показа каждому позволялось выбрать на память наиболее понравившуюся картину, на которой автор оставлял дарственную надпись. Ему очень было интересно узнать, чем именно привлекла каждого та или иная картина. Кто-то не смог оторвать глаз от отражения в водах реки пробуждающейся природы, кого-то увлекла вдаль лесная дорога, кому-то запал в душу осенний закат.

Вот и сейчас – сижу и люблюсь красотами средней полосы России, изображёнными на картинах сельским художником Борисом Викторовичем Прозоровским, и вижу, что художник всегда жил в ладу с окружающим миром.

Евгений Дмитриевич Прозоровский родился в 1956 г. в городе Курске. В 1973 г. окончил Нововоронежскую среднюю школу № 1, в 1980 г. – энергофизический факультет Московского энергетического института. В 1980–1982 гг. служил в Советской Армии на Крайнем Севере. В 1982–1988 гг. работал на экспериментальной МГД-электростанции инженером, в 1988–1995 гг. – в Центральном научно-исследовательском институте комплексной автоматизации предприятий (ЦНИИКА) научным сотрудником. С 1995 г. по настоящее время работает в ЗАО «Нуклеарконтроль» на должности ведущий инженер, главный специалист, начальник технологического отдела, главный инженер. Занимается разработкой проектов современных автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП) для атомных станций. Живёт в Москве.

Сын младшего брата Бориса Викторовича – Дмитрия Викторовича Прозоровского. В семье дяди часто бывал и в Николо-Доре и в Котцыне.

Надежда Александровна
БОНДАРЕНКО

РАСТЁТ ЧУВСТВО ОГРОМНОЙ ПОТЕРИ

С самого раннего детства я знала, что мой дед по материнской линии – священник. Об этом нельзя было говорить за пределами дома. Бабушка, которая очень его любила и с благоговением относилась к мужу, всегда рассказывала мне о том, как его уважали в Симе, советовались, спрашивали его мнение по любым вопросам. А она вышла за него замуж уже в годы Советской власти, годы гонения на церковь и притеснения священнослужителей, пусть даже и сложивших сан. Но люди несмотря на это общались с Николаем Фёдоровичем.

С раннего детства я знала и о том, что у нас есть родственники по линии деда.

Сначала я узнала о Надежде Николаевне Прозоровской. О том, что она была дочерью моего деда и, значит, моей тётёй, – как-то не говорилось. Для мамы и бабушки это было очевидным фактом. Я же осознала это гораздо позже.

Помню, как все гордились тем, что Надежда Николаевна – «заслуженная учительница» (так говорила баба Оля) и награждена орденом Ленина. А я рассказывала об этом подружкам.

В детстве почему-то не нравилось мне моё имя, но мне сказали, что имя своё я получила в честь Надежды Николаевны, и это меня как-то с ним примирило.

Я, конечно, знала, что у Надежды Николаевны есть семья. Но мы не ездили к ним, и, не помню, чтобы они бывали у нас. Но помню чувство не одиночества, что ли, чувство того, что есть кто-то настоящий, на кого можно опереться, и чувство большого

уважения к родственникам. Мне же они казались людьми другого, лучшего мира.

Лично с Борисом Викторовичем я познакомилась уже довольно-таки взрослой. Осталось ощущение необыкновенной простоты в общении и внутренней чистоты, которые присущи по-настоящему интеллигентному человеку.

А до этого были редкие письма.

Времена дефицита в 70-е годы XX века известны старшему поколению. Видимо, с нашей стороны прозвучала какая-то жалоба. Через короткое время приходит извещение на посылку. Мы в недоумении. Оказалось, это «скорая продуктовая помощь» от Бориса Викторовича! Запомнились сливочное масло (дошло и не испортилось!) и гречневая крупа. Что-то было ещё, но не помню. Прекрасно понимая, что семья учителя живёт скромно, впредь были осторожны в письмах.

Борис Викторович всегда приглашал меня побывать у них. Но в силу не очень общительного характера и стеснительности я так и не доехала до Котцына. О чём очень сейчас жалею.

Представляю себе, что и в быту семья Прозоровских была по-хорошему проста. И вот почему.

Когда я уже начала работать, а мама ещё работала технологом на спиртзаводе, материальное положение стало более или менее нормальным. В моде тогда были ковры: на стенах и на полу. Вот и мы купили, вернее, с трудом «достали» большой красный ковёр.

Висел этот ковёр на стене в пустой маленькой комнате. Приехал Борис Викторович и почему-то сразу открыл дверь в эту комнату. А там, на стене – этот ковёр, который кажется ещё больше из-за того, что комната маленькая.

– «А ЭТО откуда у вас взялось?»

Две «мещанки», потупив взор, не нашлись, что ответить. Нет, злополучный ковёр мы не сняли. Он ещё долго висел.

Но неловкость я чувствую и сейчас, когда вспоминаю этот случай.

Однажды Борис Викторович приезжал на встречу с кем-то в Юрьеве-Польском и заезжал к нам. Переночевал и поехал в Юрьев. Вот тогда я узнала, что Борис Викторович занимается живописью, потому что на эту встречу он привёз картину. Кажется,

*Б. В. Прозоровский с тётёй Маргаритой Николаевной Трусовой.
Сима, август 1982 г.*

это был лесной пейзаж. Потом в письме он рассказал, что встреча не состоялась, и картина, по-видимому, вернулась домой.

Помнится приезд Бориса Викторовича в Симу вместе с внучкой Мариной и её мужем Сашей – совсем тогда юными. Чувствовалось, что дед хотел показать молодёжи родные места – места, где он появился на свет, где жили их предки.

Мгновение (а в нём уместилась почти четверть века) – и Марина Вадимовна с Александром Юрьевичем приезжают в Симу для сбора материала к будущей книге о Борисе Викторовиче Прозоровском. Книге, посвящённой столетию со дня его рождения, которая, «обнажив» наш общий корень, ещё более упрочит родственные связи.

*Марина Вадимовна Ахмадзина (слева)
и Надежда Александровна Бондаренко. Май 2012 г.*

Время уходит, но такие моменты, которые характеризуют Бориса Викторовича как человека отеческой доброты и большого ума, не тускнеют в памяти и становятся ещё ярче.

*Приезд в Симу в конце 1990-х гг.
Слева направо: Маргарита Николаевна, её внук Денис Бондаренко,
Валентина Борисовна Циркина, Борис Викторович.
Фото Н. А. Бондаренко*

А ещё растёт чувство огромной потери.

*Надежда Александровна Бондаренко (урожд. Трусова) родилась в 1956 г. в селе Сима Юрьев-Польского района Владимирской области. В 1974 г. окончила 11-й класс Симской средней школы. В 1975 году поступила во Владимирское культурно-просветительное училище на библиотечное отделение. Окончила его в 1977 году и была направлена на работу в Юрьев-Польскую централизованную библиотечную систему. С 1978 г. – заведующая Симской детской библиотекой-филиалом. После очередной «оптимизации» учреждений культуры (2006 г.) – заведующая детским отделом Симской библиотеки-филиала.
Двоюродная сестра Б. В. Прозоровского.*

*Александр Юрьевич
АХМАДШИН*

НЕСКОЛЬКО УРОКОВ БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО

Пролог

О Борисе Викторовиче Прозоровском я услышал в начале знакомства с его внучкой Мариной, настоящей русской красавицей, поразившей меня своей очаровательной улыбкой с ямочками на щеках. Неожиданно для обоих у нас начался роман, который стал причиной проведения моего очередного отпуска на молодёжной базе отдыха «Берёзовая роща», что в Ивановском районе: мне предстояло знакомство с Мариной семьёй, живущей в Иванове, и с «Дедом» – так Марина с почтением и любовью говорила о Борисе Викторовиче в узком кругу.

Моя подготовка к встрече с Дедом была похожа на подготовку секретного агента: Марина подробно проинструктировала меня, как я должен себя вести: что говорить и о чём не стоит, как держаться за столом, как выглядеть. Она это делала для того, чтобы в результате «смотрины» меня «приняли»: Марине важно было, как отнесутся родные, а особенно Дед, к моему появлению в её судьбе. Мне же после «живописных» рассказов о её необыкновенных родных, их быте очень хотелось увидеть всё своими глазами.

Так с самого начала Борис Викторович и Александра Ивановна Прозоровские стали для меня настолько близкими и желанными, что и сегодня, вспоминая их, я получаю невероятный заряд духовной силы, помогающей жить.

*Александр Юрьевич и Марина Вадимовна Ахмадцины.
2000 г.*

Для меня и наша первая встреча в 1988 году, и последующие плавно слились в одну, наполненную упоительным комфортом, гармонией и ясностью бытия. Все они проходили по традиционному сценарию этого дома.

Встреча гостей, или Уроки этикета

Гостей в этом доме всегда ждали, но о предстоящей встрече принято было договариваться заранее. Хотя и неожиданные гости – а их было немало в связи с уважаемыми профессиями хозяев (учитель и фельдшер) – не оставались без внимания.

Помню, как в нелёгкие годы перестройки – и в постперестроечное время тоже – приходившие сельчане получали от Бориса Викторовича не только дельные советы, но и деньги – не всегда займы, – а то и горячительный эквивалент. А Александра Ивановна, будучи уже 90-летней и не совсем здоровой, чётко консультировала меня, как вывести из гипертонического криза почти глухую соседку Лидию Ефимовну, позвонившую ей зимним вечером по мобиль-

ному телефону и что-то пробормотавшую. (Я застал больную в удивительном состоянии: бедная женщина, чтобы открыть мне дверь, из-за головокружения передвигалась по своему дому, лёжа на табуретке. Слава богу, Лидия Ефимовна до сих пор здравствует).

Но вернёмся. Итак, нас ждут. (Я излагаю события во множественном числе, потому что редко посещал дом Прозоровских один. Чаще это бывало вместе с Мариной, нашей дочерью Александрой, названной в честь прабабушки, и с ивановской роднёй). Мы отрываем калитку, подходим к дому и стучим в окошко. «Батюшки мои!» – восклицает Александра Ивановна, с улыбкой открывая дверь на крыльцо. Здравуемся; уже войдя в дом, обнимаемся. Внимательно всматриваемся друг в друга, ища тревожные знаки, и немного успокаиваемся после ироничного замечания Бориса Викторовича: «Одна оболочка осталась...». Все понимают, что жизнь продолжается и пока «всё так!»

*Приезд внуков и правнучки в Котцыно. Ок. 2000 г.
Слева направо: Александр Юрьевич, Марина Вадимовна
и Саша Ахмадцины, Александр Вадимович Циркин*

С дедом и прадедом в Котцыне. Ок. 2000 г.

*Слева направо: Борис Викторович, Марина Вадимовна,
Александр Вадимович, Саша*

Мы стараемся побаловать стариков и привозим с собой городские гостинцы. Какие-то вкусности вручаем адресно: например, конфеты – Александре Ивановне. Ритуальное выкладывание продуктов сопровождается аханьем Александры Ивановны и фразой Деда «О-о-о, ребята, да откуда же всё это?!» Затем Борис Викторович задаёт вопрос: «Так, ребята, сколько я должен?» – «Нисколько, это всё к столу». Все остаются довольны.

Проходим по приглашению хозяина в комнату, рассаживаемся на старенький скрипучий диван и венские стулья. Осматриваем обстановку. В доме всегда уютно и чисто, несмотря на периодически чадающую печку. Начинается беседа...

Беседа, или Урок самоидентификации

Меня здесь называют Александр Юрьевич – так, как я представился в первый раз. Так же, по имени и отчеству, обращался Борис Викторович к своей матери Надежде Николаевне, жене Александре Ивановне, соседям и знакомым – не только публично, но и в быту.

Хозяин выбрит; всегда в галстук; чётко формулирует вопросы, в которых чувствуется искренний, неподдельный интерес; старается добиться внятного ответа; последовательно ведёт беседу дальше. Нередко комментарии Деда бывали резки и нелюбезны, но, как показывала жизнь, прозорливы.

Б. В. Прозоровский

Мы часто приезжали к Борису Викторовичу за советом как к старейшине семьи. Это касалось существенных вопросов: работы, обучения, каких-либо серьёзных событий и спорных ситуаций.

В частности, в первые годы Дед постоянно выяснял мой статус по отношению к Марине: несколько лет мы жили в «гражданском браке». И в очередной раз услышав, что я (по сути, являясь для Марины «сожителем») понимаю всю меру ответственности за семью, доказывая это делами, Борис Викторович успокаивался до следующего свидания. После нашей официальной регистрации брака эта тема больше не поднималась, но проговаривались другие

важные семейные вопросы: отношений между родными, помощи и поддержки близких. Например, Борису Викторовичу было важно знать, кто сколько зарабатывает. Думаю, это помогало ему вычислить «слабое звено» в нашей семье и оказать помощь, что никогда не афишировалось.

Беседа плавно переходила от глобальных жизненных вопросов к интересам и увлечениям, а завершалась непременно показом новых живописных работ Бориса Викторовича. Это тоже был ритуал. Картины готовились заранее. Для лучшего освещения с окон отодвигались занавески, затем отгибался полог белоснежного покрывала с кровати (её ножка служила опорой для работ). Пейзажи, «конёк» художника Прозоровского, показывались по одному. «А вот-а!» – восклицал он, выставляя очередной. От присутствующих ждал впечатлений. Мы, кучно сидя на диване, подбадривали друг друга жестами или словами. К примеру, вопросом: «Александр Юрьевич, а что Вы скажите об этом пейзаже?» – и мне приходилось выискивать отсутствующие в привычном лексиконе фразы, а все с улыбкой ожидали ответа, который часто был неоправданно скуп. Просмотр всегда проходил весело и часто завершался

*Показ новых работ Б. В. Прозоровского.
Демонстратор – А. Ю. Ахмадзин. 1996 г.*

подарком, заказом копии или покупкой понравившегося пейзажа. Покупка происходила с нарочитым торгом. Начиналось всё с предложения художника: «Работа продаётся, трясите кошельком». Мы тут же предлагали сумму, превышающую ожидаемую. «Ну, ребята, это много!» – отвечал Дед (он очень скромно оценивал свой труд). Но мы, особенно в последние годы, настаивали и, наконец, сходились в цене: нам очень хотелось деликатно помочь старикам. Хозяин дома, понимая это, шёл на компромисс.

Иногда Борис Викторович просил нас о помощи по хозяйству. Я, под его присмотром, научился колоть дрова, складывать их в поленицу (думаю, на «удовлетворительно»), выполнять элементарные действия по уходу за пчёлами, гонке мёда. Фронт работ и их план также продумывался и готовился Дедом заранее: рассчитывалось всё, включая время. Мы должны были поспеть с делами до обеда, потому что застолья с душевной беседой все ждали с нетерпением!

Не знаю, чем я обязан расположению Прозоровских, но, проходя разные перипетии семейной жизни, я однажды услышал от Бориса Викторовича фразу, поразившую мою жену: «Александр Юрьевич, мы Вас будем рады видеть ВСЕГДА, независимо от того, как сложатся Ваши отношения с Мариной». Однако при этом твёрдо добавил: «Мы ни жён, ни убеждений не меняем».

Так сложилось, что из-за потерянных, разорванных войной, репрессиями и ссылкой в Сибирь собственных родственных связей я тянулся к Прозоровским, сохранившим настоящий семейный дух. Мне очень хотелось, чтобы семья Марины меня приняла. Окончательно это произошло после нашего венчания в Покровском соборе Свято-Покровского женского монастыря в Суздале. Событие было камерным, сугубо семейным (на таинстве присутствовали лишь моя любимая тёща Валентина Борисовна, брат Марины – Александр, и наша дочь Саша). Праздник отмечали в котцынском доме Прозоровских, где мне для торжественного символического вкушения был поднесён старинный серебряный кубок, щедро наполненный водкой. Кубок был подарен Борису Викторовичу его крестным отцом – симским князем Борисом Александровичем Голицыным – и бережно хранился как семейная реликвия. Этим жестом Борис Викторович дал всем понять, что моя семейная самоидентификация завершена.

*Кубок, подаренный князем Б. А. Голицыным крестнику Борису Прозоровскому в 1913 г.
Фото 2012 г.*

Застолье, или Урок самоконтроля и умеренности

Каждому, кто побывал у Прозоровских, особенно за обеденным столом, есть о чём вспомнить. Я могу поделиться некоторыми деталями быта и выразить свои ощущения от пережитого.

Вдохновение, радость бытия, наслаждение вкусами всегда можно было получить у Прозоровских: в атмосфере тепла сердец хозяев дома и истопленной печки; за круглым столом, покрытым скатертью, с зелёной лампой на нём, уютно освещающей поверхность, заставленную тарелками, рюмками, серебряной посудой; в ароматах истомившегося в печи супа. Со стены, на правах хозяйки, на нас смотрит краснощёкая пышнотелая женщина – копия работы Кустодиева, выполненная Борисом Викторовичем. Рядом висят этюды «коллег по кисти», и среди них особенно милая мне весенняя акварель с протаявшей речушкой Сергея Куприянова.

Стол сервируется Александрой Ивановной при обязательном участии Бориса Викторовича с его острейшим перочинным ножом. Мы тоже помогаем, как можем, под присмотром хозяйки. Овощи нарезаются порционно по тарелкам согласно количеству присутствующих. Из подпола, как из шляпы фокусника, достаются великолепные, уже даже по виду, солёные огурцы. Ах, эти бабушкины огурчики: один к одному, крепенькие, пупырчатые и «проворные, как лягушатики», так и просящиеся в рот! Счастливики получают по огурцу ещё до начала трапезы: хрустят, радуясь и восхищаясь искусством хозяйки, вождедея повторить, но уже «под рюмочку». Водка всегда подаётся ледяная и самая лучшая из того, что можно «достать». Иногда, для улучшения вкусовых качеств, добавляется сок из собственной черноплодной рябины, но предпочтение отдаётся «чистому продукту». Рюмки расставляются по индивидуальным возможностям: с учётом пола, возраста и здоровья присутствующих. Мне доставалась самая большая и наливалась до краёв. Я не имел смелости – да и желания – отказываться.

Рассаживаемся по «своим» местам. Когда именно мне отводилось почётное место рядом с Борисом Викторовичем, я бывал очень доволен. Но часто рядом с Дедом сидел его единственный внук

*Александра Ивановна и Валентина Борисовна собирают на стол.
1996 г.*

Александр и, случалось, не выпивал, потому что был за рулём; терпел и немного раздражался, что не может присоединиться, но за эту выдержку мы все были ему благодарны.

Трапеза начинается после приглашения хозяина садиться за стол. Выпив за общим разговором под тосты «За встречу» и «За здоровье», уже ощутив разливающееся по телу тепло, не потеряв ещё ясности мысли, обязательно поминали ушедших. Вспоминали события, связанные с ними, и просили для них мысленно Царствия Небесного.

Среди любимых закусок на столе были и маринованные опята с тмином – волшебное «произведение» Александры Ивановны, испробовав которое, мы неудержимо поглощали всю порцию. Отказаться от добавки, тут же предложенной внимательными хозяйками, было невозможно. Следом за закусками, среди которых были также домашняя квашеная капуста и селедочка под маслицем с луком, подаётся горячий суп прямо из печи. Особенно изысканным был суп с белыми грибами: каждая ложка приносила новый оттенок вкуса, дополняя и изменяя уже полученные ощущения. Вторые блюда особо не помню, однако картошка с жареными грибами сама по себе не требовала уже ни аперитива, ни дижестива. (Последнюю банку великолепных жареных грибов мы доели только через год после смерти бабушки). Потом был кофе с десертом. В качестве «сладкого» могли быть ватрушки, плюшки или пироги, испечённые Александрой Ивановной, печенье или конфеты, привезённые нами. Кофе во время обеда в последние годы не варился: Борис Викторович собственноручно раскладывал серебряной ложкой желаемую для каждого дозу растворимого напитка, но на этом демократия заканчивалась. Далее следовало авторитарное раскладывание 2–3 чайных ложек сахарного песка, сопровождаемое после нашего протестного ропота аргументом: «А то невкусно будет». Затем Александра Ивановна разливала по чашкам кипяток и деревенское молоко, предварительно спросив: «Кому со сливками?» Желающие всегда охотно находились. Были ситуации, когда по приведённым выше причинам я не мог досидеть до десерта и по-английски уходил из-за стола. И если это была не зима, меня находили сладко спящим в саду на скамейке. Не будили, давали немного «подумать о вечном», а затем я возвращался к реальности и столу и допивал свой кофе. Надо мной подтрунивали, но я не обижался.

Эпилог, или Урок памяти

К памяти об ушедших близких в семье Прозоровских всегда относились очень заботливо. Я усвоил несколько семейных правил: лаконичный памятник, цветочница с живыми цветами (именно с живыми!), окрашенная не в угрюмый цвет ограда, чисто убранная пригородная территория, никаких конфет и еды.

Борис Викторович часто посещал могилу своей матери Надежды Николаевны: у ограды выкуривал сигарету; молчал, а иногда и вёл диалог, наблюдая за тем, как кто-нибудь из нас меняет цветы, убирает опавшие листья и ветки.

Помню, как в один из печальных периодов Мариной семьи мы с её братом Александром устанавливали памятник на могиле их отца Вадима Вячеславовича Циркина, рано ушедшего из жизни и тоже похороненного в Котцыне. Нам предстояло сделать прочный фундамент, установить памятник и цветочницу. За долгой работой молча наблюдал Дед. Он был сосредоточен, курил, скупно ронял фразы, а в конце сказал: «Всё так, ребята!» И нам показалось, что он думал и о своём уходе...

...Мы хоронили его 17 ноября 2005 года. В момент прощания на кладбище с Борисом Викторовичем пошёл проливной дождь. Я держал над гробом два зонта и рыдал...

Летом следующего года, желая поддержать Александру Ивановну, мы с Мариной жили в их доме. Я спал на кровати Деда, выполнял его дела по дому, носил его рабочий халат, резал его ножом. Наблюдая за моей работой в пчельнике, Марина и Александра Ивановна ощущали как бы зримое присутствие Бориса Викторовича. Однажды утром я почувствовал покалывания в щеке: симптомы начинающегося неврита – те же, что были и у Бориса Викторовича в начале болезни, которую он так и не смог преодолеть. Я понял, что сам спровоцировал болезнь, с головой погрузившись в роль хозяина дома и много на себя взяв. Посоветовавшись с близкими, я навсегда изменил стиль поведения.

Сейчас дом Прозоровских хоть и живёт своей жизнью, но тихо дряхлеет. Каждая вещь в нём навеивает воспоминания о хозяевах и шепчет о своем сиротстве. Приводя в порядок оставшуюся одежду Деда, я нашёл пиджак с боевыми и юбилейными воинскими

наградами, рука не поднялась снять их: не я прикрепил, не мне и снимать. Я почистил и снова убрал пиджак в шкаф...

*Дряхлеющий дом Прозоровских.
Фото 2012 г.*

Сегодня в ограде семьи Прозоровских стоят три лаконичных памятника – Надежде Николаевне, Борису Викторовичу и Александре Ивановне. Борис Викторович смотрит на нас внимательно и строго. Бабка и бабушка – ласково и нежно.

Всегда чистота и живые цветы – дело заботливой
и неутомимой Валентины Борисовны.

Окрашенная нами в яркий зелёный цвет ограда.

Тишина и покой...

Александр Юрьевич Ахмадзин родился в 1963 г. в посёлке Октябрьском Октябрьского района Тюменской области. В 1980 г. окончил среднюю школу № 9 г. Сургута, в 1986 г. – лечебный факультет Тюменского государственного медицинского института, в 1987 – интернатуру. В 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности генетика.

С 1987 г. живёт и работает врачом в Сургуте Тюменской области.

Близко знал Бориса Викторовича и Александру Ивановну Прозоровских с 1988 г., когда стал постоянно у них бывать. В последние годы жизни Бориса Викторовича навещал Прозоровских всякий раз, когда приезжал с Крайнего Севера в Москву или Иваново (несколько раз в год). После его смерти свои отпуска проводил в Котцыне у Александры Ивановны.

*Марина Вадимовна
АХМАДЩИНА*

О МОЁМ ДЕДЕ И ЕГО СЕМЬЕ

Борис Викторович Прозоровский – мой дед. Я вспоминаю о нём каждый день, соотнося свои решения с его принципами: «А как бы поступил Борис Викторович?»

Семейные традиции – та духовная атмосфера дома, которую составляют распорядок дня, обычаи, уклад жизни и привычки его обитателей.

Я беру на себя смелость – с искренней благодарностью к Дому, где меня учили, во имя чего должен жить человек и какие ценности для него важны, – заглянуть в него и рассказать о семье моего деда – через детали и мелочи, запомнившиеся с детства...

* * *

Дом Прозоровских – островок домашнего тепла, согласия и понимания, словно в противовес страшному XX веку с его революциями, репрессиями, войнами, перестройками... Совсем по Булгакову: «Кремевые шторы... Они отделяют нас от всего мира...»

...Милый сердцу деревенский домик в Котцыне, в средней полосе России – без городских удобств, выкрашенный в «весёлый» цвет и с необыкновенным, уютным запахом затопленной печи, масляных красок и мёда, с мерным боем старинных часов; полный чудесных книг, музыки и живописи. В доме две скромные комнаты: кухня-столовая и гостиная-кабинет, в которых стоят перешедшие по наследству (Борис Викторович с горечью замечал: «Вещи переживают людей») старинные письменные и ломберный столы, венские стулья, буфет красного дерева, сказочный «Дядька-нос» (крю-

чок для полотенец), огромный и таинственный стеллаж с книгами; в центре – расписанная рукой деда печь...

Дом Прозоровских. Фото 2012 г.

*Кабинет-гостиная в доме Прозоровских в Котцыне.
Фото 2012 г.*

*Борис Викторович и его внук Александр Циркин
в кухне-столовой (прихожей тож). 1990-е гг.*

В доме живут трое: глава семьи – Борис Викторович, его матушка Надежда Николаевна и жена Александра Ивановна. Дочки выросли и разлетелись: одна – на юг, вторая – на север. Лишь иногда гостят внуки. Чаще – я, старшая.

Идёт 1974-й год, мне 10 лет. Родители работают за границей, я живу у Прозоровских.

...Раннее зимнее утро. Каждый домочадец без напоминаний и просьб выполняет свои обязанности. Первым в доме встаёт дед: выходит в ледяной двор за дровами и затапливает печь; расчищает от снега тропинки; приносит воду из колонки.

Дружно поднимаются женщины; пока топится печь, вместе готовят еду на весь день. В этом им всегда помогает Борис Викторович: острым перочинным ножиком с геометрической точностью режет продукты. Когда дом немного прогревается, будят меня: обязательная зарядка вместе с дедом, умывание холодной водой

*Борис Викторович с первой внучкой – Мариной.
Котцыно, 1968 г.*

Борис Викторович с внуком Сашей Циркиным. 1977 г.

и общий завтрак, всегда в один и тот же час, без утренней спешки – мы обсуждаем планы на день и «сверяем часы». На столе – каша на деревенском молоке, пирожки и ватрушки, крепкий чай или кофе. Борис Викторович любил повторять: «Завтрак съешь сам. Обед раздели с другом. Ужин отдай врагу».

Убираем со стола: Александра Ивановна моет, Надежда Николаевна вытирает, а я отношу посуду в старинный буфет. Дед тем временем собирается в школу – он завуч. Я иду вместе с ним – учусь в 4-м классе той же деревенской школы. Александра Ивановна служит фельдшером в сельской больнице за 4 км, куда каждый день ходит пешком. Домовничать остаётся прабабушка Надежда Николаевна – «бабка» (она любила, чтобы так, по-домашнему, называли ее внуки и правнуки). Несмотря на очень преклонные годы (прожила 98 лет), ежедневно моет полы, кормит птиц оставшимися после завтрака крошками (а в морозы – поддерживает салом), следит за печкой; хранит дом и ждёт к обеду своих.

*У кормушки Надежда Николаевна.
Конец 1960-х гг.*

Обед традиционно в 14 часов. Настенные часы отбивают срок, и все члены семьи обязаны быть за столом. Опоздания недопустимы, потому что это важнейшее время единения и общения, семейного совета: когда обсуждаются дела и поступки; принимаются решения; читаются вслух пришедшие письма; ведутся нравоучительные и философские беседы. Опоздать к столу – значит, выказать неуважение к семейному распорядку и трудам хозяйки. Главный принцип общения – почтение к старшим, искренность, правдивость: «Кто обманет, тот и сворует. Кто сворует, тот и убьёт», – так говаривал Борис Викторович. Взрослые обращаются друг к другу на «Вы» и по имени-отчеству. Младшим вступать в разговор взрослых неуместно: спросят – ответишь. Запретных тем нет. Табуированы лишь разговоры о болезнях, отношении к которым сформулировано любимым афоризмом деда: «Чтобы ходить по докторам, нужно иметь лошадиное здоровье!» Обед нетороплив: традиционно – 4 подачи блюд. Первая ложка – прабабушке, вторая – деду, третья – бабушке, а младшей – в последнюю очередь.

Для меня семейный обед был и великой ценностью, и серьёзным испытанием: за общим столом строился полноценный воспитательный процесс. С одной стороны, я должна была рассказать о своих поступках, услышать им откровенную и мотивированную оценку (не всегда комплиментарную), с другой – могла задать любой вопрос и получить понятный, «энциклопедический» ответ.

Анализируя мои проступки, Борис Викторович непременно интересовался у матери (дочери священника, жены царского офицера и подруги княжны Голицыной): «Надежда Николаевна, а Вы как считаете? Поступали ли так девушки в Ваше время?» И не было случая, чтобы она не развила мысль сына в нужном воспитательном русле.

В поддержку нравственным принципам, принятым в семье, дед приводил жизненные и литературные примеры. Объяснял, что такое долг и репутация, порядочность и интеллигентность, мораль и этические нормы.

Часто от стыда и раскаяния я опускала голову и плела косички из бахромы на скатерти. И только замеченные краем глаза сочувственные улыбки взрослых утешали меня и поддерживали в искреннем желании не повторить ошибку, соответствовать нормам семьи, стать её достойным членом.

Однажды Борис Викторович присутствовал на открытом Совете отряда класса, председателем которого я была. Сбор был посвящён двоечникам и прогульщикам, и я по праву лидера с воодушевлением отчитывала своих одноклассников. Была уверена, что дед похвалит меня за принципиальность. Однако когда наступило время обеда, получила «рваниду»: нельзя судить и унижать людей, разговаривать менторским тоном, безапелляционно вещать о том, «что такое хорошо и что такое плохо»... Лучше – говори меньше и больше слушай: это самое умное правило, придерживающийся которого никогда не кается.

*Марина Циркина (3-я справа в первом ряду)
со своим четвёртым классом.
Котцыно, 1975 г.*

А под конец бесед дед всегда обнимал меня и, чтобы разрядить обстановку, шутил: «Замнём для ясности». Вообще, «телячьи нежности» и всякого рода сюсюканья в семье считались пошлостью и выражением «куриной» любви. Дед учил, что «всему своё место и время».

* * *

Важным моментом воспитания было обучение хорошим манерам и этикету.

Сам Борис Викторович был идеалом мужчины: всегда элегантен и свеж, аккуратно подстрижен, чисто выбрит, с ухоженными руками (это в деревне-то!), в светлой сорочке и при галстукке, до блеска начищенных ботинках, которые умудрялся сохранять чистыми даже после грязной дороги до школы.

Меня всегда завораживало лицо деда, с детства я бессознательно ощущала его одухотворённость и благородство. Борис Викторович никогда не рассказывал о происхождении Прозоровских, по многолетней привычке охраняя членов семьи от возможных репрессий. Я бесконечно приставала к нему с просьбой составить генеалогическое древо. Дед неизменно отвечал: «Я про себя знаю, а другим доказывать незачем». И лишь в конце жизни он сделал для меня Альбом с биографиями и фотографиями наших близких, где, в частности, писал: «По словам Марии Васильевны Прозоровской (тёти деда. – М. А.), семья их – потомок старинного дворянского рода, восходящего к крупным деятелям Российского государства, вплоть до Петровских и более ранних времён. Не случайно в старом доме Прозоровских висел и бережно хранился портрет князя Александра Александровича Прозоровского, генерал-фельдмаршала и героя Крымской войны, и другие старинные портреты из рода Прозоровских (к сожалению, семейные «бумаги», документы и переписка отца были «изъяты» при его аресте). Надо отметить, что Прозоровские были в родстве с Голицыными, об этом Мария Васильевна говорила неоднократно и определённно, об этом помнили и Голицыны, и кн. Борис Александрович Голицын был крестным отцом одного из сыновей В. В. Прозоровского. Сам же Виктор Васильевич был принят в доме Голицыных на правах близкого и родственного человека».

Позже, уже в 90-х годах, Борис Викторович вместе с внуками (мной, моим братом Сашей и моим мужем Александром) ездил в Симу показать свои родные места: дома́ отца Виктора Васильевича и деда Николая Фёдоровича (где нас тепло приняли родственники), особняк и сад князей Голицыных, могилу Багратиона... Для нас поездка стала откровением, приоткрыла семейную историю! А дед был очень расстроен симской разрухой, запустением храмов,

*Борис Викторович показывает копию герба князей Прозоровских правнучке Саше (слева) и внучке Марине Ахмадзиным.
Конец 1990-х гг.*

Копия выполнена Б. В. Прозоровским

разбитостью дорог и сказал нам по дороге обратно, что больше сюда не вернется...

За трапезой полагалось сидеть с ровной спиной (примером служила Надежда Николаевна, воспитанница Александровской гимназии), не ставить локти на стол (Борис Викторович взглядом напоминал мне о правиле), смотреть в глаза собеседнику, говорить чётко и внятно. Небрежность в сервировке считалась неуважением к самому себе: круглый стол был застелен скатертью, ели серебряными ложками и вилками, чай дед пил только из стакана в резном подстаканнике, дамы – из чашек, всегда с блюдцами. Даже во время еды Борис Викторович практиковал меня в немецком, вдруг обращаясь с просьбой: «Bitte, gib mir eine Salz». Вставая из-за стола, все благодарили хозяйку и предлагали свою помощь.

Наконец, обед закончен, насущные вопросы решены, стол убран. Пора на прогулку.

Деревенская жизнь – бесконечный физический труд. Однако ежедневно мы втроём (прабабушка в это время читала) после обеда выходили пройтись до леса или ближайшей деревеньки. По дороге Борис Викторович учил меня примечать изменения в природе, видеть неброскую красоту родного края, цитировал известных русских поэтов.

Иногда прогулку совмещали с делами. Помню, как ходили вместе на речку за 2 км полоскать бельё. Дед нёс тяжеленную бельевую корзину. Бабушка одевала 2 пары перчаток (шерстяные и резиновые) и полоскала в ледяной полынье пододеяльники и простыни. Когда в последние годы жизни (бабушка прожила 92 года) я смотрела на её натруженные и больные руки, у меня сжималось сердце и невольно вспоминалась эта картина.

После моциона был сладкий полдник: свежий кофе и десерт. (Кстати, про запас у каждого был «свой» набор сладостей. Во времена тотального советского дефицита часть продуктов покупалась только в городских магазинах. Особыми лакомствами у Прозоровских считались бородинский хлеб и пастила из Москвы. А когда удавалось привезти конфеты, они делились поровну между всеми членами семьи: свою долю можно было съесть в один присест,

*Александра Ивановна, Борис Викторович и Марина на прогулке.
Ок. 1975 г.*

растянуть удовольствие надолго или оставить храниться в качестве «средства» расчёта при проигрыше в споре или карточной партии. Свой выбор каждый делал сам).

Но вот силы восстановлены, и все снова заняты делом: Борис Викторович готовится к завтрашним урокам, отвечает на письма, читает; Александра Ивановна и Надежда Николаевна хлопочут по хозяйству; я делаю домашнее задание. В доме очень уютно: смеркается, зажжены настольные лампы, шелестят страницы, из кухни доносится пьянящий запах свежеевыглаженного с мороза белья и негромкий разговор. (До сих пор у меня это любимое время суток). Дед внимательно проверяет у меня школьные уроки и свои задания по математике и немецкому языку – сверх школьной программы.

Кстати, Борис Викторович настаивал на изучении именно немецкого языка, мотивируя тем, что в то время на нём издавалось большинство книг, и поэтому в будущем у меня появится возможность познать всю классику. Сам он владел несколькими языками (немецкий, французский, латынь), которые выучил практически самостоятельно.

Дед также уточняет, всем ли я ответила на письма (вежливо – отвечать сразу), считая, что переписка поддерживает отношения с людьми и даёт полезный навык внятно излагать свои мысли. Напоминает о разборчивости почерка: писать нужно так, чтобы чтение не затрудняло читающего.

Прочитав позже «Войну и мир» Л. Н. Толстого, в князе Николае Андреевиче Болконском я во многом узнала Бориса Викторовича: «Более всего старый князь ценил в людях две добродетели: деятельность и ум... Он сам занимался воспитанием своей дочери и, чтобы развить в ней обе главные добродетели, давал ей уроки алгебры и геометрии и распределял всю её жизнь в непрерывных занятиях. Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением над постройками, которые не прекращались в его имении».

Итак, уроки позади, и нас зовут к вечернему чаю. Ужин переходит в традиционное развлечение: в доме Прозоровских любили карточные игры (в семье сохранилась анекдотичная история, как

Прозоровские, азартно играя в шмен-де-фер*, прозевали воров, вывезших в это время со двора сундуки с добром, в которых хранилось и подвенечное платье прабабушки). Надежда Николаевна отлично помнит все старинные правила, и мы садимся сыграть пару партий. Расчёт за проигрыш – конфетами из личных запасов. Конечно, основной повод для игры: доставить удовольствие самому старшему и уважаемому члену семьи – потешить нашу нежно любимую бабку.

Перед сном изредка вместе смотрим телевизор – советские новостные программы (других не было).

Чаще – слушаем классическую музыку (Борис Викторович любил Шопена, Рахманинова Чайковского, Листа, Бетховена). Иногда дед играет на баяне, а бабушка поёт душевные русские песни (помню: «Когда б имел золотые горы...»; «Из-за острова на стрежень...»; «Клен ты мой опавший...»).

И всегда – много читаем: «Чтение – вот лучшее учение», – напоминание завет Пушкина Борис Викторович (к слову, он не терпел слова «учёба», только – «учение»).

Примечательно, что в течение дня прилечь считалось дурным тоном, демонстрацией праздности и лени. Дед шутил: «Лучше идти, чем бежать. Лучше сидеть, чем идти. Лучше лежать, чем сидеть. Лучше умереть, чем лежать». Однако чтение перед сном, уже лёжа в постели, не возбранялось. Мне даже разрешалось съесть в это время яблоко.

Однажды я поленилась выкинуть огрызок, оставив его до утра на своём письменном столе. На следующий день за обедом Борис Викторович прочитал вслух выдержку из письма А. П. Чехова к брату Николаю, в котором он внушает, что такое воспитанные люди: «Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплётанному полу, питаться из керосинки. <...> Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться <...> недостаточно прочесть только Пиквика и вызубрить монолог из “Фауста”. <...> Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

* Популярная в Соединенных Штатах азартная карточная игра «Блэк Джек» имеет в Европе свою вариацию под названием «баккара». Её упрощённый вариант – «шмен-де-фер».

Нужно ли говорить, что и этот урок я помню до сих пор и требую уже от своих близких идеальной чистоплотности и порядка.

Вообще, книги – примета Дома Прозоровских, символ преемственности поколений, часть неизменно повторяющегося детства.

Домашняя библиотека собиралась многими десятилетиями, бережно хранилась и считалась главным духовным достоянием семьи. Старинные книги принадлежали ещё прадедам Бориса Викторовича. Это были учебники, словари, энциклопедии, журналы. Позднее Надежда Николаевна дополнила библиотеку сочинениями любимых ею писателей – Чарльза Диккенса, Кнута Гамсуна, Дмитрия Мережковского.

Борис Викторович был страстным книголюбом, именно его усилиями был собран основной фонд библиотеки: русская и зарубежная классика; литература на немецком языке, которую дед читал в оригинале до конца жизни (прожил 92 года); художественные альбомы; учебники по педагогике, пчеловодству и огородничеству; философские и религиозные труды.

Книги хранились на огромном стеллаже, плотно занавешенном специальным пологом. Доступ к этому стеллажу был под запретом, поэтому для меня он буквально стал тем «запретным плодом», который так «сладок». Возможно, любовь к книгам выросла во мне и из этого детского любопытства.

С ранних лет мне преподносили красоту Слова. Пока я была мала, дед читал вслух «Ундину» Жуковского, а прабабушка наизусть целые главы из «Руслана и Людмилы», «Евгения Онегина» Пушкина; «Бородино» Лермонтова; стихи на прекрасном французском языке. Когда мама в 5 лет выучила меня читать и подготовила к восприятию сложных текстов, список необходимых мне книг Борис Викторович составлял сам и строго следил за его соблюдением.

Очевидно, чтобы привить мне навык ежедневного чтения, он начал с увлекательнейших приключений и детективов – Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид, Герберт Уэллс, Конан Дойль, Вальтер Скотт, Александр Дюма, Эдгар По... Потом подвёл к романтикам – Шарль де Костер, Виктор Гюго, Александр Грин... И лишь затем «подарил» мне любимых им классиков – Гоголя, Достоевского, Толстого, Бунина, Чехова, Набокова.

Каждый раз после прочтения книги дед расспрашивал меня о её содержании, мы вместе разбирали сюжетные линии, отмечали авторскую индивидуальность.

Любовь к чтению – особый духовный подарок деда. Книги дали мне не только грамотную речь и письмо, но подарили возможность наслаждаться живыми и тёплыми (не электронными) страницами, образной речью, мудрой мыслью и навсегда стали отдушиной в трудный жизненный час.

Любимым писателем Бориса Викторовича на протяжении всей жизни оставался Антон Павлович Чехов. Дед ценил его интеллигентность, лиричность, тонкую иронию, глубину и камерность.

Читал Борис Викторович всегда с остро отточенным карандашом в руке: отмечал важные для себя мысли на полях книги. (Сейчас, когда я перелистываю старые страницы, мне интересен не столько сам текст, сколько заметки на полях – как много нового я ещё узнаю о деде!)

В последние годы жизни Бориса Викторовича я часто привозила ему книжные новинки – Довлатова, Пелевина, Сорокина, Акунина, Улицкую. Он не всегда разделял мои восторги, но с интересом знакомился с новыми литературными формами и азартно дискутировал о настоящем искусстве.

За чтением. 1990-е гг.

Кстати, и в технике дед быстро осваивал всё новое: радио, фотоаппарат, проигрыватель, магнитофон, телевизор, мобильный телефон – все было ему подвластно. Он много расспрашивал меня про Интернет, но, к сожалению, за компьютером так и не успел поработать.

Борис Викторович был строгим блюстителем культуры речи. Пересматривая известный фильм «Доживём до понедельника», в учителе истории Мельникове вижу деда: «Голубушка, Таисия Николаевна! Нет такого глагола – лóжить! Не бережёте свой авторитет, так пощадите наши уши!»

Однажды я, будучи уже успешной дамой, смело рассуждая о чём-то, произнесла: «По БОЛЬШОМУ счёту...». Борис Викторович тут же отреагировал: «Разве бывает МАЛЫЙ счёт?»

Знаю, что дед обращал внимание дикторов радио и телевидения на их речевые ошибки и не ленился отправлять в редакции деликатные письма с рекомендациями.

Всё своё свободное время Борис Викторович посвящал любимой живописи: ходил на этюды, писал дома. Говорил, что «искусство и природа – вот что может оградить человека от всевозможных гнусностей жизни». Дед очень любил краски осени, а на наивный детский вопрос о лете с улыбкой цитировал Пушкина: «Ох, лето красное! Любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи».

Художник Прозоровский был необыкновенно требователен к себе и доводил свои пейзажи до профессионального уровня. Наблюдая за работой деда, я видела, как важен сам процесс творчества – умение думать, анализировать, обобщать и формировать собственное видение мира.

Сам Борис Викторович очень любил И. И. Левитана – художника, чьи пейзажи насыщены бесконечным разнообразием мыслей, чувств и настроений.

Мне дед подарил небольшой этюдник, акварель и кисти; учил основам композиции, рисунка и живописи; много времени уделял умению видеть в обычном прекрасное. С его лёгкой руки я закончила художественную школу, узнав лучших мастеров кисти, но навсегда осталась преданной поклонницей художника Прозоровского.

На этюдах. 1970-е гг.

Дед считал, что картины должны жить и радовать людей, поэтому приветствовал, когда я дарила его работы своим близким знакомым. Теперь они украшают дома не только наших родственников в России, но и друзей по всему миру*.

Борис Викторович был не только талантливым живописцем, но и замечательным фотографом. Он пробовал себя в разных жанрах (пейзажная, портретная, репортажная съёмка) и технике (сепия, чёрная-белая и цветная фотография). В домашнем архиве сохранилось множество снимков, которые сегодня имеют не только художественную, но и историческую ценность.

* Работы художника Б.В.Прозоровского находятся в частных коллекциях в США, Израиле, Черногории, С.-Петербурге, Москве, Западной Сибири и др.

*Надежда Николаевна с Иваном Дмитриевичем Лапшиным.
Начало 1960-х гг. Фото Б. В. Прозоровского*

*Фотограф Б. В. Прозоровский.
Сер. 1970-х гг.*

Молодожёны Борис и Александра Прозоровские. 1936 г.

А фотографии молодых Бориса и Александры висят у меня дома на почётном месте, я их очень люблю – чистые, красивые лица, ещё не знающие о своей трудной судьбе.

* * *

Осознать масштаб личности Бориса Викторовича мне помог огромный поток людей, который всегда стремился за советом в дом Прозоровских – недаром значение фамилии «Прозоровский» – «проницательный, предвидящий» (от нецерковного мужского имени «Прозор»).

Это были не только родственники, давние друзья, соседи, но ученики разных лет, местная интеллигенция, чиновники всевозможных рангов.

Кстати, в доме Прозоровских не принято было масштабно отмечать праздники и дни рождения, устраивать юбилейные чествования и восхваления. Для душевной, умной и приятной

беседы встречались без пафоса (и лишь день 9 мая дед считал святым праздником, единственный раз в году одевал свои награды и вспоминал однополчан).

9 мая 1975 г.

Слева направо: Александра Ивановна, Борис Викторович, Надежда Николаевна, Марина.

С главой администрации Ивановского района Юрием Павловичем Шиловым. 2005 г.

Прозоровские принимали у себя всех страждущих: каждого привечали, выслушивали, старались пособить, угощали и всегда одаривали (кого – пейзажем, кого – книгой, кого – банкой домашнего варенья или рамкой с мёдом, кого – деньгами).

Благотворительность была закрытой частью жизни Бориса Викторовича. Он редко говорил со мной о вере, но подчёркивал, что «молитва без дела мертва».

Мне только случайно стало известно, что дед отправлял денежные переводы абсолютно незнакомым людям, о которых узнавал из газет: матери инвалида Чеченской войны; сиротам; заключённым в тюрьмы и многим другим.

* * *

Бориса Викторовича во всем поддерживала его верная спутница Александра Ивановна.

...Прабабушка Надежда Николаевна учила меня, что главный человек в жизни женщины – её муж, а «любить – значит, жалеть».

Александра Ивановна была абсолютным воплощением этого убеждения, ангелом-хранителем своего мужа: какими молитвами она спасла Бориса Викторовича от верной гибели в 1938 году – приговорённого к расстрелу во время сталинских репрессий; в мясорубке войны – тяжело контуженного, пропавшего без вести, прошедшего ужасы лагеря военнопленных? Какими силами она выходила его после смертельного тифа и воспаления лёгких? Верой, надеждой, любовью – всем, чем сильна преданная жена...

Бабушка родилась 14 февраля 1917 года на Волге – в деревне Скрябино Некоузского района Ярославской области, выучилась в Рыбинском медицинском училище на фельдшера-акушера. Замуж за деда вышла в 19 лет и прожила в любви и согласии с Борисом Викторовичем 71 год! Стоит заметить, что практически всю жизнь Александра Ивановна провела в одном доме со свекровью, Надеждой Николаевной, покая и почитая её. Обращалась к ней только на «Вы» и по имени-отчеству.

Дед не любил рассказывать о Великой Отечественной войне, считая, что война – это, прежде всего, трагедия, боль и отчаяние. Однако одну историю мы знаем.

*Александра Ивановна и Надежда Николаевна.
1970-е гг. Фото Б. В. Прозоровского*

...1941 год, начало войны. Бориса Прозоровского мобилизовали в Красную армию и направили на курсы старших сержантов во Владимирское пехотное училище. Когда выяснился срок его переброски на фронт, Александра немедля отправилась проститься с мужем. Без устали шла она 3 дня пешком день и ночь по осенней разбитой дороге от Никола-Дора до Владимира – а это около 130 км – плохо одетая и голодная. Когда сил не оставалось – пела. Во Владимире Бог дал свидетелься: мужа на час отпустили из казармы. Прощались они навсегда. Борис попросил передать своей матери последнее письмо, в котором просил Надежду Николаевну простить жену за всё ведомое и неведомое, «потому что она совершила подвиг».

Всю жизнь Александра Ивановна совершала свой подвиг – служения семье и людям. Не проходило дня, чтобы в дом Прозоровских не обратились за помощью. Если стук в окно раздавался ночью, мы знали – это за Александрой Ивановной: надо принять роды, зашить рану, вправить вывих, снять сердечный приступ. Бабушка брала свой медицинский чемоданчик и спешила к больному: целила она

не только умными руками, но добрым словом, искренней улыбкой, умела жалеть и утешать, давать надежду и выхаживать. Её любили и уважали во всей округе*.

*Александра Ивановна (1-й ряд 5-я справа) с коллегами.
Калачёво. 1960-е гг.*

Сама Александра Ивановна была терпелива и редко жаловалась на здоровье. Лишь поездки в шумный и грязный город вызывали её явное недомоганье. Спасаться она ходила в лес, который необыкновенно любила. Бабушка знала его особые приметы и запахи, заветные грибные и ягодные места. Она научила меня, как нужно обращаться с лесным «народом»: грибы срезались только ножиком, грибница присыпалась землёй. И в благодарность за бережливость и уважение к себе, лес давал за сезон на одном и том же месте

* В газете Ильинского района «Звезда» за 15 июля 1960 г. помещена заметка «Человек прекрасной души», подписанная И. Голышиным, Л. Чернышёвым, Ф. Шалаевой. В ней говорится: «Именно только так и называют фельдшера Щениковской больницы Александру Ивановну Прозоровскую. Трудно представить, сколько она спасла жизней и избавила от недугов людей. Добрым словом, советом помогает Александра Ивановна больным. За чуткое и внимательное отношение к людям сердечное ей спасибо». (Прим. ред.)

несколько щедрых урожаев! Когда мы с корзинами возвращались домой, разбирать грибы и ягоды садилась вся семья: вместе любовались красавцами-боровиками и определяли победителя сбора, восхищались ароматом земляники и дымкой черники. А лучшие экземпляры грибов Борис Викторович оставлял для своих натюр-мортов.

Маленькие, почти детские руки бабушки действительно умели всё. Она была великолепной рукодельницей и кулинаркой, огородницей и пчеловодом. Её талантами и трудолюбием в их неизменно гостеприимном доме поддерживался уют.

*Александра Ивановна с новым урожаем.
1990-е гг. Фото Б. В. Прозоровского*

*Вот такие яблоки у Прозоровских.
Ок. 2000 г. Фото Б. В. Прозоровского*

Для меня бабушка выстегала одеяло и матрас, на которых сплю до сих пор, бывая в Котцыне; сшила на Новый год трогательный костюм Снежинки с пышной накрахмаленной пачкой из марли. Учила, как штопать и вязать крючком. А гости дома восхищались необыкновенными занавесками с вышивкой ришелье.

Но особой страстью гостей являлись бабушкины угощения! Александра Ивановна была чистоплотной и экономной хозяйкой (никогда не выбрасывала хлеб), готовила с душой – из выращенных собственными руками овощей, собранных дикоросов – в русской печке, с её незабываемым томлёным вкусом и запахом! Кто пробовал – не забудет никогда!

Даже процесс извлечения зимних запасов для обеда был абсолютно сказочным: из подпола на свет появлялись живописнейшие банки солений и варений, у присутствующих текли слюнки и возникло немедленное желание попробовать это гурманское чудо!

С особой ностальгией домашние вспоминают благородный грибной суп, хрустящие солёные огурчики и аристократичные

маринованные грибы. Одним бабушкиным рецептом я хотела бы поделиться.

Суп из белых грибов

Состав: шляпки молодых белых грибов, рис, репчатый лук, картофель, морковь, молоко, соль, сливочное масло, сметана, зелень укропа.

Приготовление: грибы (можно сухие) проварить в небольшом количестве воды 10–15 минут. Затем грибы вынуть, мелко порезать и слегка обжарить на сливочном масле вместе с репчатым луком; снова опустить в бульон, добавить нарезанные соломкой картофель и морковь, горсть промытого риса и долить ещё немного воды (до густой похлёбки). Через 15 минут медленного кипения добавить до нужной консистенции горячее молоко, соль и дать закипеть. Перед подачей супа отпустить в кастрюлю кусочек сливочного масла. Есть можно со сметаной и зеленью укропа.

Что за чудесный суп: ни в одном ресторане я не пробовала ничего подобного!

Признаться, у меня никогда не получалось достичь вкуса бабушкиных блюд. Она считала, что дело в качестве продуктов и воды. Но я-то знаю, что секрет – в волшебных руках Александры Ивановны.

Под ними взрастало любое семечко (этот чудесный талант унаследовала и моя мама, Валентина Борисовна). С ранней весны до поздней осени бабушка посвящала себя огороду: выращивала на окне рассаду, готовила землю к посадкам, высаживала растения, полола и поливала всходы, собирала урожай и готовила его к зиме.

На грядках царил идеальный порядок. Соседка Татьяна Анатольевна Проскурнина восхищалась тем, как полола Александра Ивановна – ювелирным способом: только столовой вилочкой, сберегая каждый росточек.

Несмотря на небольшой участок, бабушка всегда сажала много прекрасных цветов (ирисы, флоксы, садовые ромашки, настурция), которые любил писать Борис Викторович.

Тяжёлую работу по огороду дед брал на себя до конца жизни: копал и удобрял землю, носил воду. К садоводству и огородничеству он подходил научно: каждый год составлял план посадок, прививал деревья, для опыления растений обустроивал пасеку.

Цветы Александры Ивановны. 1970-е гг.

В своё время между Надеждой Николаевной и Александрой Ивановной велись соревнования – у кого лучше урожай. Огород делился пополам, у каждой было одинаковое количество грядок и видов растений. Варьировать можно было сорта и технологию ухода. Каждая с гордостью угощала своими выставочными экземплярами, а по осени делилась и секретами.

Надежда Николаевна на грядках с клубникой. 1970-е гг.

У меня тоже были свои обязанности: полоть и поливать растения, собирать ягоды. В детстве я не любила огородные работы и только недавно поняла радость чувствовать тепло и благодарность земли; наблюдать за чудом появления первого листочка, ягодки, огурца; ощущать вкус своего яблока. За это я кланяюсь своей бабушке.

Думаю, тонкое чувствование природы подарил Александре Ивановне отчий дом Смирновых на Волге – с её раздольем, тёплым песочным отливом и мальками, яркими закатами, нежными трелями соловья, колокольным звоном, лиричными песнями и запахом домашнего хлеба. Душой бабушка была очень русская: милосердная и кроткая, понимающая и всепрощающая. Она тосковала по волжским просторам и не случайно очень любила лазоревый цвет. А её глаза в старости стали совсем фиалковыми...

Мне передалось это чувство родины: прожив всю жизнь на Крайнем Севере, я так же тоскую по краскам и запахам средней полосы и неизменно возвращаюсь в наш отчий дом, где прихожу в себя, отдыхаю душой и набираюсь сил...

*И снова в кабинете-гостиной. Нач. 2000-х гг.
Слева направо: Борис Викторович, Александра Ивановна,
Марина Вадимовна, Александр Юрьевич*

Там, в Котцыне, я думаю о своих родных – людях необыкновенной судьбы и благороднейшей жизни, людях, составляющих эпоху. Вспоминая сравнение Бориса Викторовича со своими родителями: «Мы – пигмеи», размышляю о своём пути. Ищу, как достойно держаться своих корней. В этом мне помогают тепло Дома Прозоровских, уроки деда, молитвы уже ушедших близких...

Сегодня главный носитель традиций Прозоровских – моя мама, Валентина Борисовна Циркина, которая унаследовала и развила лучшие черты родителей. Она – почитительная и благодарная дочь; талантливая и артистичная учительница, верная и жертвенная жена; мудрая и щедрая мать, понимающая и всепрощающая бабушка.

В одном из последних писем дед завещал мне: «Береги, Маринушка, и жалеи мать: ей нужны не столько подарки и деньги, сколько доброе и участливое слово. Забота и ласка – вот то, чего так не хватает нам. Не болейте, дорогие, берегите себя во всем, чтобы на душе у вас была тихая радость, доброта».

С тем и живу...

Марина Вадимовна Ахмадзина (урожд. Циркина) родилась в 1963 г. в городе Назарове Красноярского края. В 1976 г. окончила детскую художественную школу г. Сургута; в 1981 г. – среднюю школу № 61 в Иваново; в 1987 г. – Ивановский государственный химико-технологический институт и тогда же переехала на постоянное место жительства в Сургут Тюменской области. Работала в структурах Газпрома: инженером в проектно-институте, помощником руководителя в Межрегионгазе, начальником управления в Сибирьгазбанке.

В Котцыне прожила целый год, когда училась в 4 классе. До и после этого приезжала на выходные и часто жила там в летние школьные каникулы. В последние годы жизни Б. В. Прозоровского активно с ним переписывалась и навещала родных, когда 1–2 раза в год приезжала с Крайнего Севера в Иваново. После смерти Бориса Викторовича свои отпуска проводила в Котцыне у Александры Ивановны. Живёт в Сургуте Тюменской области.

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ – ХУДОЖНИК

*...Пейзажист – истинный художник,
он чувствует глубже, чище.*

И. И. Шишкин

*Владимир Алексеевич
СТЕПАНОВ*

ХУДОЖНИК БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ

Широкие просторы владимирских полей, студёные реки, тенистые леса, тёплые летние дни с синим небом и белыми облаками – всё это с детских лет запало в душу Бориса Викторовича Прозоровского.

Богатейшая природа средней полосы России, глубокое чувство русского пейзажа определили его устремление к изобразительному искусству.

Окончательное решение обратиться к любимому занятию пришло в годы учения в Ивановском педагогическом техникуме, где рисование преподавал выдающийся живописец и скульптор Н. Г. Буров. Он сразу заметил и оценил способности молодого студента и делал все возможное, чтобы углубить и развить эти способности.

Однако житейские трудности сельского учителя и участие в Великой Отечественной войне не дали возможности всецело посвятить себя творчеству.

Лишь после окончания войны и демобилизации из рядов Красной армии Прозоровский возвращается на прежнее место работы в свою родную школу, где среди прочего ведёт уроки рисования.

После окончания института он весь поглощен педагогической работой (эта профессия – семейная традиция), отдавая свою молодую энергию, знания и опыт делу воспитания и обучения детей.

Преподавательская деятельность Прозоровского получила признание педагогической общественности области, и ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Однако занятие живописью не было забыто. К этому времени возникло творческое общение с рядом известных ивановских художников – Фроловым К. П., Федоровым В. А., Лапшиным И. Д. и другими. Завязалась переписка со столичными живописцами – С. А. Куприяновым, А. В. Кориным, А. М. Грицаем. Их добрые советы и дружеское участие в постижении тайн искусства оказали существенное влияние на рост Прозоровского как живописца. Но особенно важную роль в творческой судьбе Бориса Викторовича сыграл Народный художник России М. С. Агеев, который не скупился на добрые советы, показывал приёмы своей работы, делился секретами мастерства, тактично и по-доброму указывал на недостатки.

Начав по существу с любительских этюдов, Прозоровский шёл от непосредственной фиксации природы к её осмысленной и обобщенной передаче на холсте. Крепла уверенность в себе, рождался свой почерк и собственное видение мира.

Упорный систематический труд, постоянное усложнение творческих задач, изучение наследия русских и зарубежных художников формировало мастера лирического пейзажа. Художник набирался опыта, пристально наблюдал природу, изучая её состояние во все времена года.

Земля и деревья, вода и отражение в ней, небо, туманные дали, солнечный свет и голубые тени – всё это волновало и восхищало душу. Простые по содержанию пейзажи Прозоровского имеют одно общее свойство – глубокую правдивость.

Его любимое время года – осень. Художник умеет видеть и яркие краски золотой осени, и нежные сближенные тона хмурых осенних дней.

Чувство безграничной любви к природе и её одухотворение – вот то, что заставляет пейзажиста брать за кисть и находить сюжеты для своих полотен.

Пейзажи художника Прозоровского наполнены глубоким жизнелюбием; в ряде своих работ он поднимается до философских высот и обобщений.

Праздник цвета, праздник глаза – таков результат постоянных творческих усилий, поисков и находок трудолюбивого художника.

Вот почему от его пейзажей бывает так светло и радостно на душе.

Галина Дмитриевна
СОРОКИНА

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ – ЖИВОПИСЕЦ

Есть люди, для которых творчество – единственно возможный образ жизни. Таким был и остаётся в памяти всех знавших его Борис Викторович Прозоровский. Именно творчество пронизывает все сферы деятельности этого незаурядного человека – педагога и художника.

Живопись Б. Прозоровского – своего рода зеркало, которое не лжёт, отражая прежде всего внутреннюю сущность личности автора. В его произведениях явственно ощутимы природная одарённость и самобытность, душевная щедрость и искренность. Обретая мудрость, свойственную возрасту и опыту, прожитому и пережитому, художник не терял жизнелюбия, свежести мироощущения, интереса ко всему происходящему вокруг.

Искусство Бориса Викторовича, хоть и «не числился» он профессиональным художником, отнюдь не нуждается в снисходительном отношении. Оно органично и естественно как дыхание. Художник хранил верность лучшим традициям русской реалистической школы, присущей ей одухотворённости и человечности. Вместе с тем и пластически и композиционно работы Б. Прозоровского отмечены печатью современного ощущения жизни.

Б. Прозоровский – художник истинно русский. Работая в разных жанрах, особую привязанность испытывал он к пейзажу, остро чувствуя «невидную», казалось бы, красоту природы средней полосы России – её лесов и полей, спокойных рек и неприметных речушек, непритязательных деревенских строений. Нередко доминан-

той пейзажа становится белый храм, столь органично вписанный в пространство, что воспринимается как часть природы.

Вглядываясь в произведения Бориса Викторовича, постигаешь единство в многообразии. При всей стилистической цельности, творчество его многолико. Он любил природу в любое время года или дня, в ненастную и солнечную погоду, при рассветном и сумеречном освещении. Зрителю открывается и золотое великолепие «бабьего лета», и грустная неизбежность увядания, и первые островки снега на стынувшей земле, и сиротливо обнажённые ветви деревьев, трогательно тонкие стволы озябших берёзок и осин.

Не менее притягательны и образы весенней природы с её затаённой нежностью, прозрачной чистотой воздуха, ликованием света, предощущением новизны, предчувствием долгожданной радости.

В пейзажах Б. Прозоровского оживает и зрелая красота жаркого лета, и белое безмолвие зимы, и мир, обжитый человеком, который зримо или незримо присутствует в изображении. Фигурки людей, мирно пасущаяся лошадь, неспешно вышагивающие куры, потемневшие от давности и дождей дома, ветхие заборы – всё это приметы места и времени, штрихи непритязательного, но в чём-то неуловимо влекущего, по-своему уютного сельского бытия.

Б. Прозоровский ощущал природу как живое существо, видел её многоцветно; жизнь природы для него – тот же сплав простоты и сложности, который является сутью бытия и «человека разумного». Всё многообразие красочных отношений он соединял в звучных аккордах живописной гармонии. Достоинства колористических решений художника очевидны. Палитра его то сдержанно благородна, то расцветает множеством оттенков. В мрачноватой зелени хвойного леса вдруг вспыхивают «золотые костры» неопавшей листвы берёз – последние вспышки уходящей музыки осени. Бесконечно изменчиво небо – безмерно высокое или низко нависшее над землёй, ясное или затянутое тяжёлыми облаками, тревожное или безмятежное.

Мастерски писал художник и воду, речную, озёрную, талую, добываясь тончайшей нюансировкой цвета причудливой игры света и тени на водной глади, отражающей небо, и прибрежные деревья, и маленькую светлую церковку. А рядом – беспокойное течение реки, опасная тёмная глубина или, напротив, солнечные блики в весенних проталинах...

Художник откровенно любит красочной симфонией разноликой природы. Его живопись очень пластична и выразительна. Целая гамма переживаний, впечатлений рождается у зрителя, внимательно всматривающегося в его пейзажи – тревожность и умиротворённость, грусть и восхищение, тихая задумчивость и ожидание перемен. И неизменное любование просторами и величием, извечным непостоянством природы. Автор точно угадывает и верную эмоциональную интонацию, и верный тон колорита. Б. Прозоровскому удаётся передать и влажный воздух, и порывы ветра, и напряжённость знойного дня. Художник нередко применяет традиционное для русского пейзажа сочетание зелени, золота и лазури, находя новые вариации цветовой гаммы, проявляя собственную индивидуальность. Пейзажи его исполнены тишины и покоя, за которыми скрывается пульсация жизни.

ПАШМА У КАМЕННОГО ЛУГА*. Б/г. Картон, масло. 49 x 38 см.

* Здесь и далее названия, отмеченные звёздочкой, даны при публикации.

Натюрморты Б. Прозоровского так же излучают полноту, многозначность и радость жизни. Палитра становится более яркой, нарядной, контрастной, говорящей о неисчерпаемой щедрости земных даров – пышных букетов, огненно красных горделивых перцев, россыпи отборных белых грибов. Просто и естественно входит природа в человеческий быт.

Нельзя обойти молчанием и немногие портреты художника – в частности, воссозданный с любовью и теплотой образ маленькой внучки. Автору близок и понятен мир детства, открытый и увлеченный, родственное внимание «маленького человека» к четвероногим друзьям. Характер девочки живой, непосредственный. Точно найдены жест, ракурс фигурки, необходимые детали, что делает портрет эмоционально и пластически достоверным.

Искусство Бориса Викторовича Прозоровского привлекает мягкой живописной манерой, подлинной культурой и вкусом, чувством меры и стиля. Оно, как уже подчёркивалось ранее, естественно и искренне. Художник не приемлет ни натуралистической приземлённости, ни дешёвого эпатажа, ни погони за капризной художественной модой. Кисть художника легка и искусна. Композиции работ, как правило, спокойны и уравновешенны. Колорит разнообразен и убедителен.

Конечно, в творчестве каждого живописца, будь то профессионал или любитель, можно найти поводы для критики. Субъективность неизбежна в любых оценках, в придирчивости или снисходительности, отрицании или восторженности. Однако ценность творчества определяется его смысловой и художественной составляющей. Главное в искусстве Бориса Прозоровского – мудрость и доброта, равнодушие и великодушие, неиссякаемый интерес к человеку и влюблённость в природу, художественная честность. Это искусство помогает осязаемо почувствовать красоту привычного, важность повседневного, ценность, а вернее, бесценность каждого мгновения нашей жизни.

ПОРТРЕТ ВНУЧКИ*. Б/г. Холст, масло. 46 x 70 см.

ЛЮБИМАЯ ВНУКА*. Б/г. Картон, масло. 33 x 45 см.

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ*. Б/г. Картон, масло. 33 x 45 см.

КОТЦЫНО В ФЕВРАЛЕ*. 1981. Картон, масло. 48 x 33 см.

ОТТЕПЕЛЬ. 1979. Картон, масло. 50 x 35 см.

СТОГА*. Этюд. Б/г. Картон, масло. 35 x 25 см.

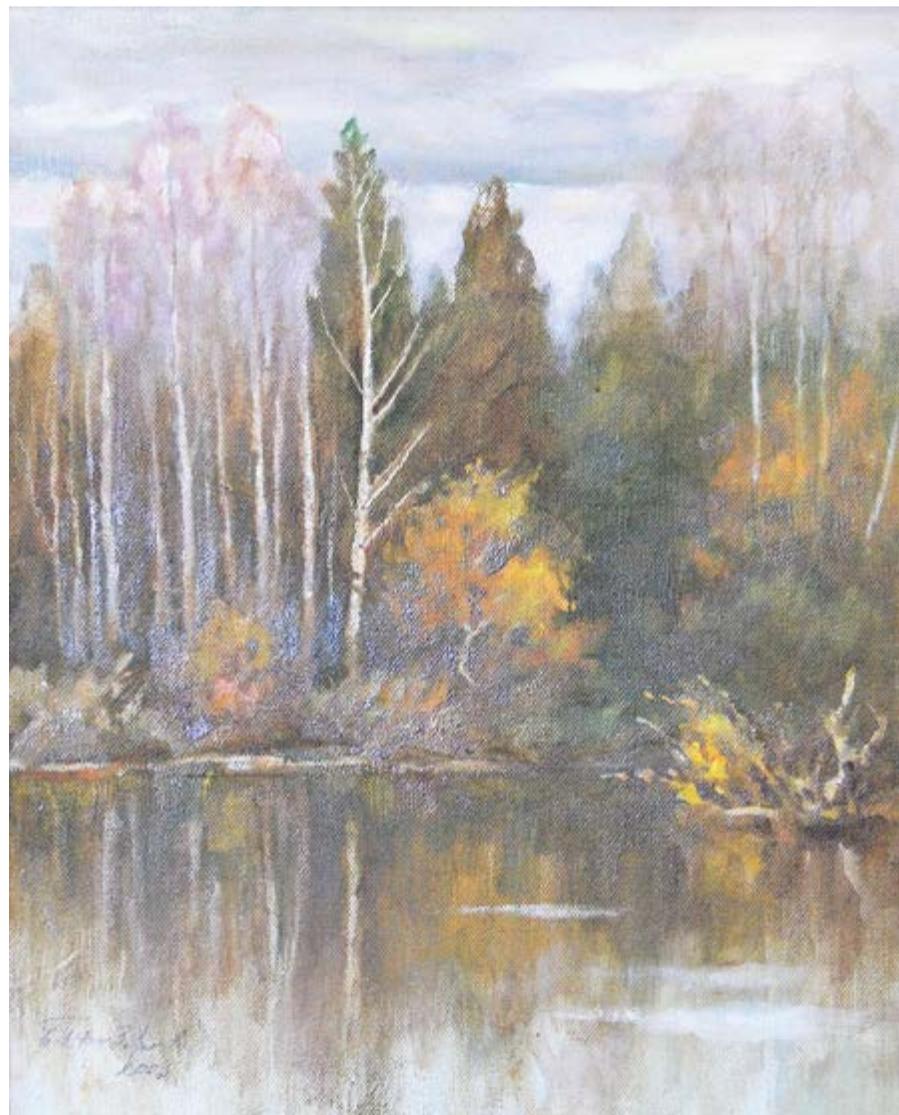
ДВОРИК В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ*. 1978. Картон, масло. 48 x 31 см.

ЛИПКИ. 1984. Картон, масло. 49 x 35 см.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ*. 1966. Картон, масло. 55 x 38 см.

ОСЕННИЙ СОН. 2003. Картон, масло. 52 x 41 см.

КРАСКИ ВЕСНЫ*. Б/г. Картон, масло. 32 x 39 см.

ИЗУМРУДНАЯ ОСЕНЬ*. Б/г. Картон, масло. 41 x 31 см.

ИВАН-ЧАЙ*. Этюд. Б/г. Картон, масло. 31 x 24 см.

ЛЕТО НА КАВКАЗЕ*. Этюд. 1962. Картон, масло. 24 x 18 см.

КИПАРИСЫ*. Этюд. 1962. Картон, масло. 30 x 21 см.

КОНЕЦ ЛЕТА. 1985. *Картон, масло. 50 x 40 см.*

ЗИМОЙ В ЛИПКАХ. 1980. *Картон, масло. 49 x 37 см.*

НАСТУРЦИИ*. Б/г. Картон, масло. 34 x 50 см.

ЗАЦВЕЛА У НАС СИРЕНЬ. 1994. Картон, масло. 39 x 30 см.

ПЛЁТ НА ВОЛГЕ. ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА. 1977.
Картон, масло. 54 x 45 см.

ВЕСНА В НИКОЛО-ДОРЕ. Этюд. 1962.
Картон, масло. 35 x 25 см.

ЗИМА В ДЕРЕВНЕ*. Б/г. Картон, масло. 40 x 33 см.

ОСЕНЬ НА ТЕЗЕ. 1985. Картон, масло. 57 x 42 см.

ОСЕНЬ НА ОЗЕРЕ. Б/г. Картон, масло. 50 x 44 см.

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕСОК. 2001. Картон, масло. 34,5 x 45 см.

ЗАДУМЧИВЫЙ ВЕЧЕР. 1985. Картон, масло. 52 x 46 см.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ. 1984. Картон, масло. 35 x 31 см.

ГРИБЫ*. Набросок. 1977. Картон, масло. 20 x 18 см.

ГРИБЫ И ПЕРЕЦ. 1997. Картон, масло. 43,5 x 31,5 см.

*Елена Аркадьевна
ТОЛСТОПЯТОВА*

О ЖИВОПИСИ БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО

В его произведениях (а это в основном среднерусские пейзажи) чувствуется не только любовь к родной природе и желание выразить себя, что характерно для любителей, но и школа, а это уже признак профессионализма. Что бы ни говорили об этом зрители, художественная школа – основа авторского стиля, хотя без одарённости и трудолюбия пропадает втуне.

Ещё до войны, будучи учащимся Ивановского педагогического техникума, Б. Прозоровский осваивал рисунок и живопись под руководством Николая Герасимовича Бурова – одного из самых талантливых и значительных художников в нашем городе. Школу, полученную в юности, Б. В. Прозоровский совершенствовал, занимаясь живописью в течение всей жизни (с перерывом на войну).

Борис Викторович работает в традиции русского пейзажа настроения, удовлетворяется самыми простыми мотивами, хотя как истинный художник выбирает их иногда очень долго. Часто пишет воду. Речки на его полотнах и в солнечные сияющие дни, и хмурой осенью очень живые, текучие. Между тем водная гладь – один из самых сложных для изображения объектов. Для любителя-пейзажиста сложным объектом становится и небо. У Прозоровского оно, даже и затянутое тучами, прозрачно: не купол, а воздух. Художник не по-любительски справляется с пространством, освещением, колоритом, грамотно выстраивает композицию, иногда оживляя её фигурами людей, лошадей, собак; не боится обобщать форму изображаемого предмета, передаёт её импрессионистическим мазком, не выписывает и не заглаживает.

Но дело не в овладении живописной техникой, она лишь одна из составляющих мастерства.

Дело в том, что, несмотря на кажущуюся простоту, а может, и благодаря ей, художник в пейзажных полотнах создал собственный мир, очень российский, несуетный, гармоничный. И этот его мир востребован огромным числом людей, он отвечает их насущным сенсорным потребностям.

Ивановский обком профсоюза работников народного образования и науки
Ивановский филиал Российского фонда культуры
Ивановский государственный университет

БОРИС ПРОЗОРОВСКИЙ

ЖИВОПИСЬ

Выставка работает: понедельник - пятница с 12 до 16 часов

Адрес: ул. Степанова, 4

Афиша выставки в Ивановском фонде культуры. 2005 г.

И. Д. Лапшин. Без названия. Б/г. Картон, масло. 41,5 x 32 см.

И. Д. Лапшин. Без названия. Б/г. Картон, масло. 42 x 30 см.

«У ВАС ЧУВСТВО ОБЩЕГО ТОНА ГОРАЗДО ВЕРНЕЕ МОЕГО»

(Из переписки Б. В. Прозоровского и И. Д. Лапшина)

Бориса Викторовича Прозоровского и Ивана Дмитриевича Лапшина (1927–1992) связывала долгая дружба, и был И. Д. Лапшин дорогим Борису Викторовичу человеком – в год смерти Ивана Дмитриевича Борис Викторович писал его вдове: «А мы о нём вспоминаем постоянно, ведь для меня он был один из самых близких людей. Плохо мне без него...» Не ему ли единственному, – не считая родных, – открывал своё сердце Б. В. Прозоровский и рассказывал о трагических перипетиях прошлой жизни? За несколько лет до смерти И. Д. Лапшин напишет другу: «Держитесь прямее – жизнь Вас на руках не носила – ваших испытаний хватило бы на две судьбы».

И. Д. Лапшин родился в Ильинском-Хованском в семье работника НКВД. Во время войны его отец, Дмитрий Александрович, забрал сына из 9-го класса Ильинской школы и взял с собой на фронт. Войну они закончили в Чехословакии. Ивана Лапшина оставили служить в армии, и только в 1951 году он был демобилизован и в этом же году поступил в Ивановское художественное училище, которое окончил в 1955 г., получив диплом с отличием. Учителями его были известные в Иванове художники: И. Н. Нефёдов и – недолгое время – В. А. Фёдоров. Живописью Иван Дмитриевич занимался в свободное от основной работы время, а работал он школьным учителем черчения и рисования, художником-оформителем и 27 лет – водителем на «скорой помощи», а в последние перед пенсией годы – в «щебёночном» карьере на МАЗе-500.

И. Д. Лапшин. 1953 г.

Когда Б. В. Прозоровский и И. Д. Лапшин познакомились – неизвестно, но ещё в ту пору, когда Борис Викторович жил на погосте Николо-Дор (скорее всего, в середине 1950-х годов).

По рассказам дочери Б. В. Прозоровского, В. Б. Циркиной, И. Д. Лапшин «неделями жил у Прозоровских в Николо-Доре, особенно летом – когда школа была свободна. В классе у него была “мастерская”». Позднее часто бывал Иван Дмитриевич и в Чернцах, и в Котцыне. Внучка Бориса Викторовича, М. В. Ахмадщина, сообщает: «Дед дружил со многими ивановскими художниками, которые с удовольствием приезжали в Котцыно на этюды. Но особые отношения связывали его Иваном Дмитриевичем Лапшиным, человеком искренним, честным и добрым <...>. Иван Дмитриевич приезжал в гости к Прозоровским на мотоцикле, с этюдником и гостинцами, подолгу беседовал с Надеждой Николаевной, которая его очень любила. О его смерти Борис Викторович горевал до конца своей

жизни. Сохранились письма двух художников – талантливых, сомневающих, ищущих, поддерживающих друг друга, настоящих друзей».

И. Д. Лапшин. 1990 г.

Публикуемые письма относятся ко времени жизни И. Д. Лапшина в Тейкове, куда он переехал из Иванова в 1973 году и поступил на работу в художественно-оформительскую мастерскую Тейковского хлопчатобумажного комбината – «числясь» там маляром.

Все письма И. Д. Лапшина не датированы, большинство конвертов не сохранилось, поэтому определить даты писем не представляется возможным, а предположительный год даётся в квадратных скобках.

Письма Б. В. Прозоровского публикуются по черновым вариантам, один из которых датирован автором.

Письма хранятся в архиве М. В. Ахмадщиной.

1.

17 января 1981

Дорогой Иван Дмитриевич!

Письмецо ваше получил и с удовольствием прочёл, спасибо.

Разумеется, желаю и я вам и Дине Александровне¹ всяческих благ и основного из них – доброго здоровья.

Отвечаю на ваши вопросы.

Работу в школе я оставил полностью, не стало больше терпенья видеть, как разрушается всё то, во что я, будучи завучем, вложил так много сил. Хотя я с ребятами ладил, но всё равно, придя в школу, чувствовал себя чем-то вроде логопеда с улицы «Кой-кого»², т.к. всё воспитание стало состоять в грубых разгонах в учительской и жалобах родителям на своих собственных учеников. Стало всё другое, бог с ним! Убеждаюсь, что поступил верно³.

А ведь у нас работали кружки, были весёлые вечера, спортивные соревнования, работал комитет ВЛКСМ и др.

Осенью снова ездил в Плётск! Мне всё больше нравится этот тихий и живописный городок, и, хотя погода не всё время была хорошей, всё же «отвёл душу», написал несколько этюдов, да ещё и посмотрел, как работают владимирские и ярославские мастера, обретавшиеся там. Кое-что хотелось бы перенести на большой холст, но пока мне это плохо удаётся. Как-то я спросил Агеева⁴, почему так тяжело пишется картина по этюду. Он сказал: мал картон – малые ошибки, большой холст – много наврётся. Согласен вполне.

Я давно пришёл к тому же выводу, что надо брать светлее в работах. И светлее, и мягче. Я уже писал вам, что в этом надо поучиться у барбизонцев – прозрачности и какой-то нежности их красок, всё в полутонах, а за душу берёт. Прав был Матисс, когда говорил, что кричать, ещё не значит убеждать, и я всё время ловлю себя на этом. Помню, как вы ещё меня порицали за «открытые» краски.

Сижу дома, никого не вижу, никуда не езжу, жду тепла и весны. Раздобыл трёхтомник Юрия Тынянова и с удовольствием читаю этого отличного и такого своеобразного писателя⁵.

Ещё раз желаю вам добра.

Приветы от всех наших.

Пишите.

Прозоровский

---

¹ Жена И. Д. Лапшина.

² Упоминается герой фильма-комедии «Возможны варианты, или По семейным обстоятельствам» (1977 г.) – логопед, сам не выговаривающий буквы и произносивший слова «улица Горького» как «улица «Кой-кого». Но из контекста письма непонятно, что имел в виду автор письма, уподобляя себя логопеду из фильма, которого блестяще сыграл Ролан Быков.

³ Уйдя из Котцынской школы осенью 1980 года, Б. В. Прозоровский в 1983 году возвратился в школу и преподавал в ней рисование до окончательного ухода – в сентябре 1987 года.

⁴ Михаил Сергеевич Агеев (1918–2007) – российский художник; мастер лирического пейзажа. Родился он в Иваново-Вознесенске, в 1938 г. окончил Ивановское художественное училище, в 1939–1945 гг. служил в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии на Дальнем Востоке. По возвращении в родной город активно занимался творческой деятельностью. В 1980 году ему было присвоено звание заслуженного художника РСФСР, в 1999 году – звание народного художника РФ. Пользовался заслуженным авторитетом у ивановских художников, в том числе и у Б. В. Прозоровского, к которому приезжал на этюды и в Николо-Дор, и в Чернцы, и в Котцыно.

⁵ Речь идёт о трёхтомнике, впервые вышедшем в 1959 году и с тех пор неоднократно переиздававшемся. В него входили такие произведения Ю. Н. Тынянова: повести «Кюхля», «Подпоручик Киже», «Восковая персона», «Малолетний Витушишников», пьеса «Четырнадцатое декабря», романы «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин».

2.

[Январь 1982 г. ?]

**Дорогой Борис Викторович!
Здравствуйте!**

Вчера приехал из Ленинграда и получил Ваше послание – письмо и монографию художника Сидорова¹.

Полагаю, что это подарок к Новому году.

А чем же я отдарюсь? Просто не придумаю...

Очень Вам благодарен. Кстати, с его творчеством я почти не знаком. Видел несколько вещей в репродукциях, и только.

Здесь он представлен более обширно, но и то, наверное, половины его работ нет. Нравится мне манера его письма, особенно в начале творческой работы – это 50–60-ые годы. А далее – хоть и Сидоров, но не тот.

Наверное, я безнадежно отстал в своём понятии живописи, и если она не укладывается в мои мерки, то уж она на меня не воздействует так, как бы нужно. Конечно, разглагольствовать об этом легче, чем кистью работать, и уж кому бы об этом не знать, как мне, в вот – поди ж ты...

Благодарен Вам за сведения о В. А. Фёдорове. Ведь я даже не знал, что у него сын есть – художник².

В Ленинграде был 3 дня. В музеях не побывал. Все три дня мылся в магазинчик, где красками и картинками торгуют. Два дня он был закрыт на «приём товара», а когда открылся – товара-то и нет. Купил лишь банку (0,5 кг) светлой охры, и всё. Коричневых нет, ультрамарина нет (продавец сказал, что его теперь не выпускают), кистей нет, нет и разбавителей.

Картинки, в основном, очень слабы по исполнению, но дороже Ивановских в 2–3 раза. К мотоциклу кой-чего хотел купить – тоже нет.

Надо бы в Москву поехать, да остановиться там негде. А за 1 день тоже ничего не сделаешь.

Что касается чтения, то я завидую Вам – весь дефицит прочитали. А я только газетки да журнал «Нева» по подписке. Ну, ещё «Приусадебное хозяйство».

Телевизор смотрю – не всё подряд, конечно, а по выбору, ленинградская программа работает.

Хожу на прогулку. А если мороз не более 10⁰, то и этюд начну.

При встрече передавайте М. С. Агееву приветы.

А также поклоны Александре Ивановне и Надежде Николаевне!

Обнимаю Вас.

ИЛапшин

---

¹ *Раздобреева И.В.* Валентин Михайлович Сидоров. – Л.: Художник РСФСР, 1981. – 192 с., ил.

В. М. Сидоров (р. 1928) – российский живописец, народный художник СССР (1988).

² Вячеслав Андреевич Фёдоров (1918–1985) – заслуженный художник РСФСР (1976). Родился в Иванове. В 1939 г. окончил Ивановское художественное училище, в котором преподавал с 1950 г. – сразу после окончания Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

И. Д. Лапшин после смерти В. А. Фёдорова писал о нём Б. В. Прозоровскому: «Очень скорблю о смерти Вячеслава Андреевича. Его я знаю с 1953 года, когда он у нас в художественном училище вёл уроки живописи (правда, всего с полгода, а затем полностью ушёл в творчество). Покойный И. А. Нефёдов очень высоко отзывался о его манере живописи и, сравнивая 2-х мастеров – Михаила Сергеевича и Фёдорова, говорил, что он ближе к Серову, а Агеев более декоративен. Мне, конечно, они оба очень дороги <...>».

Иван Никандрович Нефёдов (1887–1976) – выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Петербургской академии художеств; один из основоположников художественной школы в Иванове. Родился и жил в Иваново-Вознесенске/Иванове. Преподавал в Ивановском художественном училище, педагогическом техникуме, институте народного образования, а также руководил рабочими студиями в клубах. Был репрессирован.

Сын В. А. Фёдорова – Андрей Вячеславович Фёдоров (род. 1961), как и отец, выпускник Ивановского художественного училища и Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Известный ивановский живописец.

3.

[Декабрь 1987 г.?)

Дорогой Борис Викторович!

С большим удовольствием получил и прочёл Ваше послание – поздравления с Новым годом и вестями о своих делах.

В свою очередь, рад поздравить Вас с Новым годом и пожелать всего в нём доброго, а также и Вашим близким – Александре Ивановне и Надежде Николаевне, Вашим деткам и внукам и всем, всем, кто Вам дорог.

Поздравляю с участием в выставке и очень сожалею, что не побывал на ней – не знал об этом. Хоть бы Вы уведомили заранее – обязательно бы съездил!¹

Теперь в Иванове бываю редко – на мотоцикле холодновато, а на автобусе весьма скверно – отсюда не всегда уедешь, а из Иванова почти всегда с «боем» (имею в виду субботние дни).

Что касается моих «отличных вещей на громадных полотнах» – то таковых не существует.

На закате жизни я окончательно убедился, что эта стезя не моя (жаль, что поздно) – а ведь сколько изведено красок, измазано картона, истёрто кистей, загублено тряпок – «кошмарная жуткость»!

А сколько затрачено времени на это – боюсь подсчитывать.

Весной приобрёл книжонку «Крымов – художник и педагог»². Она у Вас, наверное, давно имеется.

Благодаря Крымову я понял, в чём моя беда – не могу брать точно общий тон этюда. То пересветлишь, то влезешь в тьму. А хороший этюд, очевидно, получается случайно, когда в верный тон попадёшь нечаянно. Н. П. Крымов говорит, что стать художником может тот, кто чувствует общий тон. (Там есть и о горящей «спичке-камертоне»)³.

Вот вспоминая Ваши работы (особенно те, которые я видел в последний раз), я прихожу к выводу, что у Вас чувство общего тона гораздо вернее моего – Вам и кисти в руки.

Сожалею о том, что поздно познакомился я с Крымовым. До него я никак не мог разобраться в своём недостатке – бездумно срисовывал то, что видел, – не думая об этом общем тоне.

Теперь, конечно, это в виду имею постоянно – но до чего же трудно взять его верно – этот дар даётся от природы.

Очень хочется побывать в Третьяковке, но, к сожалению, в Москве остановиться негде, а после ночной езды, без отдыха целый день пробыть там (да ещё и по магазинам надо бегать) – уже возраст не тот. Хочется и с Вами увидеться – уж поговорили бы о своих «горестях».

Напишите, есть ли у Вас эта книга, а то дам почитать.

Обнимаю Вас.

Ваш ИЛапшин

---

¹Вероятно, имеется в виду областная художественная выставка 1987 г., проходившая в рамках 2-го Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвящённого 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

²Николай Петрович Крымов – художник и педагог: Статьи, воспоминания. – М.: Академия художеств СССР, 1960. – 264 с.

Николай Петрович Крымов (1884–1958) – русский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР. Известен не только как один из лучших русских пейзажистов XX столетия, но и как крупный теоретик живописи и педагог.

³О спичке-«камертоне» см.: *Крымов Н.П.* О Левитане // Николай Петрович Крымов – художник и педагог: Статьи, воспоминания. – М., 1989. – С. 16)

4.

[Декабрь 1987 г.? Январь 1988?]¹

Дорогой Иван Дмитриевич!

Письмо ваше я получил, вот оно, передо мной, не отвечал же потому, что очень уж вопросы-то вы трудные и большие поднимаете.

Во-первых, решительно не согласен с тем, что живопись, якобы, не ваша стезя.

Нет, дорогой мой, именно ваша, без неё вас вообще нет, и с ней вы будете неразлучны до конца. Вообще-то такие тяжкие раздумья и меня посещают, особенно после уничтожения холстов (кстати, ничто не горит так хорошо, как писанный маслом этюд!). Но эти депрессии обычно проходят, сменяясь новым желанием во что бы то ни стало добиться и постичь, не так ли?

Во-вторых, об общем тоне.

Не припомните ли, что я ещё ранее говорил вам, что ошибка в цвете не так важна, как ошибка в тоне (по светлоте): не доработал – вяло, перебрал – грубо; верная передача освещённости – это основа всего.

Я же поймал себя на том, что светлые места высветляю ещё более, тёмные – менее. Когда за этим стал внимательно следить, дело пошло несколько лучше.

Прошлым летом вместе с М. С. Агеевым мы писали один мотив, я запрятался под ель, он же стоял посреди поля на ярчайшем солнце без зонтика. Когда я сказал, что «обязательно наврёшь на такой ярчине», он ответил: «Я таких ошибок не делаю». И, правда, написал отличную вещь.

Могу сказать в утешение только то, что определению общего тона и вообще тональных отношений можно научиться.

О Крымском камертоне (спичке) и о том, как он сделал холст с 9-кратным² изображением белого дома в разное время суток, я знаю, но книги его не читал, присылайте, если не затруднит. Хотя чтение книг³

Кстати, есть ли у вас альбомчик репродукций работ Зверькова? Могу прислать⁴.

В Москве я не был давно, что-то оробел для дорог, – поедемте вместе, ночлег я найду.

Итак, пишите.

У нас пока все на своих ногах, едва отбиваемся от недугов.

Обнимаю вас.

Прозоровский

---

¹ Ответ на предыдущее письмо И. Д. Лапшина.

² Вероятно, описка. Правильно: с шестикратным (см.: *Крымов Н.П.* О живописи // Николай Петрович Крымов – художник и педагог: Статьи, воспоминания. – М., 1989. – С. 18–19).

³ Фраза не окончена.

⁴ Речь идёт об издании: *Филонович И.Н.* Ефрем Иванович Зверьков. Альбом. – Л.: Художник РСФСР, 1978. – 176 с., ил.

Ефрем Иванович Зверьков (1921–2012) – российский живописец, народный художник СССР (1976).

5.

[Конец апреля – начало мая 1989 г.?]

Дорогой Борис Викторович!

Получил Ваше письмо и с удовольствием читаю.

Те же самые проблемы, та же неудовлетворённость не покидают меня.

Писать – помаленьку пишу.

Перешёл на другую манеру письма – кстати, на прежнюю – пишу светло¹.

И опять никакой радости – кажутся мне работы мои постными и сухими – протокол, да и только.

А на палитру посмотришь – какие там красивые цветистые краски!

Несколько лет писал «по Крымскому» – смеси делал цветистее, а терял свет. Давно знаю, что успех в этюде – это верно взятый

общий тон, а верно взять его постоянная проблема – есть цвет – нет света, и наоборот. Вот тут-то, как я понял, и нужен «божий дар»... Пришёл к выводу, что пиши, как видишь, и не мудрствуй лукаво. Когда соберусь к вам побывать, то прихвачу несколько этюдов – светлых. Эта манера мне удаётся легче при письме – и не буду больше «плавать» в поисках чего-то. (Кстати, автомобиля у меня нет, езжу на «Днепре».)

О выставке по радио слышал, но на неё не собираюсь, т.к. я представлял её именно такой, какой увидели Вы.

Жаль, что Михаил Сергеевич редко бывает у Вас (а может, и к лучшему – меньше соли на наши раны).

Как-то в начале апреля я был в Иванове и по пути к художественному салону встретил его, идущего с каким-то мужчиной. Правда, я не посмел заговорить с ним. Только смотрел на него – всё такой же, как и десять лет назад².

А то, что в выставке натюрморта можно участвовать только при документе, то это, конечно, чужь. Я уверен, что Ваши натюрморты многим из них дадут фору. Что касается Ваших жалоб, то я их серьёзно не принимаю – до сих пор работать в школе (а лучше сказать – да ещё в школе!) не каждому дано. Мы ещё попишем – скоро и мой срок работы кончается.

Приветы Александре Ивановне и Надежде Николаевне от меня, приветы всем от Д.А.³

Обнимаю Вас.

Ваш ИЛапшин

Поздравляю с Первомаем и Днём Победы!

¹ «<...> Всё стараюсь понять секрет отношений в натуре. Пришёл к выводу, что надо брать светлее (хотя об этом мне говорил Фёдоров ещё четверть века назад)» (из письма Б. В. Прозоровскому).

² Ср.: «А я вот завидую Вам. Вы общаетесь с таким маэстро, как Михаил Сергеевич» (из письма Б. В. Прозоровскому).

³ Дина Александровна.

6.

[Осень 1989 г.?)

Дорогой Борис Викторович!

Получил Ваше письмо, спасибо за известие о выставке. Открыта ли она сейчас? Вы сообщите – обязательно съезжу посмотреть.

Книгами обменяемся при встрече – Вашу я прочёл – на меня впечатление произвела одержимость художника, его идейная целеустремленность (все его дневниковые записи говорят почти только об этом). Это был боец.

В Нальчике погода была в сентябре неважная – солнечных дней на счёт, а по утрам я коченел, выскакивая писать горы.

Около десятка этюдов привез (35 x 25), кончились белила. А их тут с огнём не сыщешь. Время ещё было – бездельничал. Поездку считаю не особенно удачной.

Кстати, о Крымских законах в живописи. Не знаю, как Вы, а я до тех пор, пока не столкнулся с его записками, сам не мог определить – какую же ставить перед собой задачу при работе с натурой. Теперь же твёрдо знаю, что главное в этюде – общий тон. В этом я убедился окончательно на своих работах.

И раньше я медленно работал, но и теперь быстрее работать не стал – это мне даётся нелегко. Да хоть знаю теперь, от чего зависит успех в работе.

Михаил Сергеевич от природы наделён этим чувством. Вспоминаю его этюды, которые находятся у Вас.

Вот зимний с речкой (один из ранних у Вас). Как верно взят общий тон – снег-то там написан очень тёмным тоном (приставьте белую бумажку). А я робею так брать – мне кажется, что в натуре снег-то беленный. Вот те живописи-то и хана¹.

Работаю сейчас над этим (ещё только года 2), как книжку залучил. К сожалению, очень поздно. До этого лишь срисовывал.

Борис Викторович Прозоровский: судьба и жизнь

Вот-те и учење в художественном училище – и там ни один бес не знал, на что обратить внимание учеников².

Спасибо Крымову, доброй ему памяти.

Передавайте приветы Александре Ивановне, Надежде Николаевне.

Приветы от Д.А.

Обнимаю Вас.

ИЛапшин

---

¹ В другой раз И. Д. Лапшин писал: «<...> Агеев вконец доканал меня. До сих пор в глазах стоит эта маленькая вещичка – церковка на берегу озера. И что бы я ни намазал, как вспомню её, то готов растоптать свой несчастный опус.

А лошадки осенью? Ух, ты...»

² О времени ученичества И. Д. Лапшин писал своему адресату: «Не завидуйте тому, что я 5 лет пребывал в училище – оттуда я вышел таким же беспомощным мазилкой, каким и был. А о технике и говорить не стоит. Мастеров среди преподавателей не было, а то, что они говорили – пиши в тених жидко, а в свету корпусно – это “старо как Прага”».

Публикация А. В. Соловьёвой

ПРИЛОЖЕНИЯ

Жизненные канвы

Документы

Избранные статьи из газет

Приложение № 1

ЖИЗНЕННАЯ КАНВА Н. Ф. МОЛЧАНОВА (1863–1946)

- 1863 г.** Родился в семье священника Фёдора Дмитриевича Молчанова.
- 1884 г.** Окончил Владимирскую духовную семинарию по 1-му разряду.
- 1 сентября 1885 – 1 сентября 1888 гг.** Учитель и законоучитель Малитинского народного училища Мирславской волости Юрьев-Польского уезда.
- 1888 г.** Брак с дочерью священника Богоявленского храма села Сима Авива Васильевича Леонидова, Анастасией Авивовной.
- 22 октября** рукоположен во священника Богоявленского храма села Сима Юрьев-Польского уезда.
- 1889 г.** Назначен катехизатором по Юрьев-Польскому уезду.
- Проходил должность наблюдателя церковно-приходских школ 4, 5, 6 благочиннических округов Юрьев-Польского уезда.
- Состоит членом Юрьев-Польского отделения Епархиального Училищного Совета.
- 7 февраля** назначен на должность законоучителя Симского 2-х классного Министерства народного просвещения училища.
- 1890 г. 15 января** родилась дочь Зинаида.
- 1891 г. 12 сентября** родилась дочь Надежда.
- 1892 г.** Награждён набедренником.
- 1893 г. 14 июня** родился сын Сергей.
- 1895 г. 11 октября** родилась дочь Мария.
- 1896 г.** Награждён скуфьёю.
- 22 октября** получено Благодарственное письмо от прихожан с поднесением креста.
- 1899–1901 гг.** Проходил должность ведомственного депутата.
- 1901 г. 11 ноября** назначен исполняющим должность благочинного. Состоит членом Братства Св. Александра Невского.
- 1902 г. 19 мая** умирает Анастасия Авивовна.
- Награждён камилавкой.
- 1 июня** получено Благодарственное письмо прихожан с. Симы с поднесением камилавки.
- 8 декабря** состоит заведующим Коленовской церковно-приходской школой.
- 1903 г. 17 января** утверждён в должности благочинного.

- 1906 г.** Награждён наперсным крестом.
- 1907 г.** Состоит депутатом на епархиальные и училищные съезды.
- 1913 г.** Награждён орденом Св. Анны 3 степени.
- 1917 г.** Смерть сына Сергея.
- 1924 г.** Снял сан священника.
- 20 октября** заключил брак с Ольгой Ивановной Батариной (род. 1900) из села Фёдоровского.
- 25 октября** родилась дочь Анастасия.
- 1925 г. 7 ноября** родилась дочь Людмила.
- 1927 г. 8 сентября** умерла дочь Людмила.
- 1929 г. 29 декабря** родилась дочь Маргарита.
- 1930 г. Январь.** Постановление президиума Юрьев-Польского районного исполнительного комитета о направлении в Александровский Округмхоз материала Симского Райсельсовета «о дополнительной муниципализации дома, погреба и амбара, принадлежащих благочинному Симской волости и духовнику бывшего князя Голицына Николаю Федоровичу Молчанову», лишённому избирательных прав.
- 3 февраля** произведена опись имущества, принадлежавшего Н. Ф. Молчанову.
- 4 июня** принято постановление комиссии при Президиуме Александровского Округполкома о признании хозяйства Н. Ф. Молчанова трудовым и о восстановлении его в хозяйственных правах.
- 1931 г. 25 января** принято постановление Президиума Симского сельсовета о твёрдом задании.
- 10 ноября.** Умерла дочь Анастасия.
- 1933 г. 15 марта** президиум Юрьев-Польского райисполкома постановил «хозяйство Молчанова признать раскулаченным правильно и отнести к 3-й группе. В отношении его жены Молчановой Ольги как бывшей батрачки и их 2-х дочерей (? – А.С.) – раскулачивание отменить. Выделить для последней часть имущества».
- 1934 г. 30 марта** президиум Симского сельсовета постановил: «Для организации сад-питомника передать в пользование ШКМ сады попа Молчанова и дьякона».
- 16 апреля** О. И. Молчанова восстановлена в избирательных правах.
- 20 июля 1946 г.** Н. Ф. Молчанов умирает. Похоронен на кладбище села Сима.

ЖИЗНЕННАЯ КАНВА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО (1975–1950)

1 октября 1875 г. в семье сортировщика почтовой конторы Василия Михайловича и его жены Людмилы Михайловны Прозоровских в г. Юрьев-Польском Владимирской губернии родился сын Виктор.

1875 г. 4 октября крещён в Покровской церкви г. Юрьев-Польского. Восприемники (крестные родители) – «коллежский ассесор Леонид Иванов Павлов Русинов <так!> и коллежская ассесорша Анастасия Тимофеева Сизарева».

Середина 1880-х гг. – до 1895 г. окончил Юрьев-Польское трёхклассное городское училище и Владимирское ремесленно-техническое училище им. И. С. Мальцова.

1895 г. 15 августа поступил на службу преподавателем Владимирской ремесленной школы.

1897 г. 10 ноября уволен «за поступлением на военную службу». Отбывал воинскую повинность в окружном артиллерийском складе Московского военного округа.

1901 г. 30 сентября уволен в запас.

10 ноября 1901 г. – 1 янв. 1902 г. служит во Владимирской контрольной палате.

1903 г. 19 августа назначен временно исполняющим должность полицейского надзирателя при фабрике Собинской мануфактуры Владимирского уезда.

1904 г. 26 августа переведён на службу в Министерство внутренних дел.

1905 г. 5 апреля назначен полицейским надзирателем Товарищества Собинской мануфактуры Владимирского уезда.

23 мая перемещён на должность помощника пристава Владимирской городской полиции.

1907 г. 2 марта произведён в чин коллежского регистратора.

25 августа поручено исправлять должность пристава 2-й части Владимирской городской полиции (3 недели).

1 декабря назначен исправляющим должность пристава 2-го стана Юрьев-Польского уезда.

1910 г. 3 февраля за выслугу лет произведён в губернские секретари.

15 марта приказом Владимирского губернатора утверждён в должности пристава 2-го стана Юрьев-Польского уезда с местожительством в селе Сима.

1913 г. 3 февраля за выслугу лет произведён в коллежские секретари. **Май.** Командирован в город Владимир для несения охранной службы во время торжеств, посвящённых 300-летию Дома Романовых.

1914 г. 21 июля «сложил с себя занимаемую должность Пристава 2-го стана Юрьевского уезда и добровольно встал в ряды мобилизованного войска».

Июль 1914 – февраль 1918 гг. служит заведующим оружием в 217-м Ковровском полку на Северо-Западном фронте.

1914 г. 11 ноября ранен осколком снаряда в бою под г. Ловичем.

1915 г. 25 апреля награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом за бой под г. Ловичем.

18 мая на позиции у Воли Шидловской 217-й полк «выдерживает и отбивает атаку, при которой неприятель впервые на Русском фронте применил удушливые газы».

1915 г. 2 июля награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами «за усиленные труды, понесенные во время боя 18 мая 1915 г. у д. Воля-Шидловская».

1916 г. 5 июля за бой у деревни Скробово представлен к ордену Св. Анны 2-й степени.

1918 г. 1 января уволен в запас.

15 апреля отправлен в отставку.

3 сентября «<...> После ранения Ленина был арестован как заложник и через неделю освобождён». Арестовала Юрьев-Польская Чрезвычайная комиссия, сидел в Юрьев-Польской тюрьме.

16 октября 1919 г. – 13 августа 1921 г. служит в Рабоче-Крестьянской Красной Армии заведующим оружием во Владимирском территориальном полку во 2-м батальоне, расквартированном в г. Кинешме.

17 августа 1921 г. – 17 апреля 1924 г. служит секретарём и помощником управляющего Юрьевской конторой районного совета потребительских обществ Губсоюза (г. Юрьев-Польский).

1923 г. 9 ноября решением правления Юрьевского отдела Профессионального Союза советских работников исключён из членов профсоюза.

1924 г. Апрель. Уволен из Юрьевской конторы по сокращению штатов.

Апрель 1924 – ноябрь 1929 г. занимается домашним хозяйством, находится на иждивении жены.

1929 г. 21 ноября арестован Александровским Окротделом ОГПУ.

1930 г. 15 февраля Тройка при Полномочном представителе ОГПУ по ИПО вынесла постановление: «ПРОЗОРОВСКОГО Виктора Васильевича заключить в концентрационный лагерь на ВОСЕМЬ лет, считая срок

с 21/XI 1929 года». Осуждён по статье 58-10-13 (контрреволюционная деятельность).

1933 г. 29 июня досрочно освобождён из Темниковского исправительно-трудового лагеря «без права въезда и проживания на оставшийся неотбытый срок лишения свободы, а именно, до 14 сентября 1937 года в погранокругах, Московской и Ленинградской областях, Северо-Кавказском Крае и Дагестане, во всех центральных городах Краев и Автономных Республик, в Западной области, по всей территории УССР, БССР, ЗСФСР, в г. Ашхабаде, Кирках, Мерве и их округах, в гор. Красноводске, по всей территории Узбекской ССР, Таджикской ССР и Уральской области и Юрьев-Польском р. без прикрепления <...>».

5 июля возвратился из лагеря.

1934 г. Переезд с женой Надеждой Николаевной и сыном Дмитрием на бывший погост Николо-Дор Ильинского района Ивановской области.

24 октября 1937 – 28 ноября 1938 гг. – арест и тюремное заключение сына Бориса.

1941 г. 23 июня сын Дмитрий мобилизован в ряды Советской армии.

31 июля сын Борис мобилизован в ряды Советской армии.

1942 г. 28 января получено извещение о пропавшем без вести сыне Борисе.

1945 г. Март. Ранение сына Дмитрия (2-й Белорусский фронт).

Май. Возвращение сына Дмитрия.

8 ноября. Возвращение сына Бориса.

1946 г. Июнь. Поступление Дмитрия на теплоэнергетический факультет Ивановского энергоинститута.

10 февраля 1950 г. Виктор Васильевич умирает. Похоронен на кладбище погоста Николо-Дор.

ЖИЗНЕННАЯ КАНВА НАДЕЖДЫ НИКОЛАЕВНЫ ПРОЗОРОВСКОЙ (1891–1989)

12 сентября 1891 г. в семье священника села Сима Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии Николая Фёдоровича Молчанова и его жены Анастасии Авивовны родилась дочь Надежда.

1891 г. 16 сентября крещена в Богоявленском храме села Сима. Таинство крещения совершил священник села Нестеркова Владимирского уез-

да Иоанн Соколов. Восприемники: князь Борис Александрович Голицын и дочь умершего священника Авива Леонидова, Александра Авивова.

1901 г. Поступила в Александровскую женскую гимназию.

1909 г. Окончила Александровскую женскую гимназию со званием учительницы начального училища и домашней учительницы.

18 января 1910 г. – 1 марта 1911 г. Служба учительницей в Малитинском начальном земском училище Мирславской волости Юрьев-Польского уезда.

1 марта 1911 г. – сентябрь 1912 г. Служба учительницей в Марковском начальном земском училище Симской волости Юрьев-Польского уезда.

1912 г. 22 июля венчалась в Московской Николоявленской, на Арбате, церкви с приставом 2-го стана Юрьев-Польского уезда губернским секретарём Виктором Васильевичем Прозоровским.

1913 г. 17 сентября родился сын Борис.

1914 г. Родился сын Николай. (До октября 1923 г. умер от дизентерии).

1915 г. Родился сын Василий. (До октября 1923 г. умер от дизентерии).

Сентябрь 1916 г. – август 1934 г. Служба учительницей Марковского начального земского училища (после 1917 г. – школьная работница (шкраб) Марковской советской школы I ступени).

1918 г. Родился сын Михаил.

1923 г. 23 марта родился сын Дмитрий.

1924 г. 22 августа родилась дочь Людмила.

1925 г. 2 июня умер сын Михаил.

18 июля умерла дочь Людмила.

Ноябрь 1929 – июнь 1933 гг. Арест и заключение в концлагерь мужа В. В. Прозоровского.

1934 г. Переезд семьи на бывший погост Николо-Дор Ильинского района Ивановской области.

15 августа 1934 г. – 20 августа 1941 г. Работа заведующей Николо-Дорской начальной школой.

Октябрь 1937 – ноябрь 1938 гг. Арест и тюремное заключение сына Бориса.

1938 г. 20 июня Народным комиссариатом просвещения РСФСР удостоена персонального звания учителя начальной школы.

1941 г. 23 июня сын Дмитрий мобилизован в ряды Советской армии.

31 июля сын Борис мобилизован в ряды Советской армии.

1942 г. 28 января получено извещение о пропавшем без вести сыне Борисе.

1945 г. Март. Сын Дмитрий ранен и направлен в госпиталь в Пензу.

Май. Возвращение сына Дмитрия.

8 ноября. Возвращение сына Бориса.

1946 г. 20 июля умирает отец, Николай Фёдорович Молчанов.

1949 г. 21 апреля подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Надежды Николаевны орденом Ленина.

1950 г. 10 февраля умирает муж, Виктор Васильевич Прозоровский.

1953 г.? Уход с работы.

1962 г. Переезд с семьёй сына Бориса в Чернцы Лежневского района.

1966 г. Переезд с семьёй сына Бориса в село Котцыно Ивановского района.

19 декабря 1989 г. Надежда Николаевна умирает. Похоронена на кладбище села Котцына.

ЖИЗНЕННАЯ КАНВА БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО (1913–2005)

17 сентября (ст. ст.) 1913 г. в селе Сима Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии в семье пристава 2-го стана Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии коллежского секретаря Виктора Васильевича Прозоровского и учительницы Марковской земской школы Симской волости Надежды Николаевны Прозоровской родился сын Борис.

20 сентября крещён в Богоявленском храме села Сима. Таинство крещения совершил дед, священник Николай Молчанов. Восприемники: князь Борис Александрович Голицын и княжна Татьяна Александровна Голицына.

1919 г. Поступил в первый класс Марковской советской школы 1-й ступени. Учительница – Н. Н. Прозоровская.

1924 г. Поступил в советскую школу 2-й ступени в Симе.

1928 г. Поступил в Юрьев-Польскую девятиклассную школу 2-й ступени с педагогическим уклоном, которая готовила учителей школ I ступени.

1929 г. Окончил Юрьев-Польскую школу и поступил на 3-й курс школьного отделения Иваново-Вознесенского педагогического техникума.

21 ноября арестован отец.

1930 г. Исключён из педтехникума за соцпроисхождение.

Февраль. Заключение В. В. Прозоровского в концлагерь.

1 июня – 1 августа. Заведующий детской дошкольной площадкой № 30 Ивановского горно (при саде 1 Мая г. Иванова).

Сентябрь. В составе бригады педтехникума уезжает в Кинешемский район «для практической работы» (проводят собрания, организуют курсы ликбеза, распределяют обувь и пр.)

1931 г. 1 марта назначен учителем и заведующим Лемеховской начальной школы Некоузского района Ярославской области.

Июль. Восстановлен в правах студента.

1932 г. Принят в комсомол.

15 февраля Некоузским РОНО переводится в Бекренскую школу крестьянской молодёжи (ШКМ) как выдвигенец преподавателем физики, химии и биологии.

11 июля получает удостоверение об окончании в 1931 году Иваново-Вознесенского педагогического техникума.

18 августа назначается директором Бекренской неполной средней школы (НСШ) – бывшей ШКМ.

1933 г. 5 июля возвращается из лагеря отец, освобождённый по состоянию здоровья.

1936 г. 15 июля вступает в брак с Александрой Ивановной Смирновой (1917, д. Скрябино Некоузского района Ярославской области – 2009, с. Котцыно Ивановского района Ивановской области).

Осень. Тяжело болеет брюшным тифом.

1937 г. 5 февраля по результатам аттестации при Некоузском РОНО Ярославское Облоно присваивает звание учителя 5–7 классов средней школы.

Июнь. Исключается из комсомола «за сокрытие социального происхождения и политическую беспечность».

18 июля родилась дочь Нина.

Лето. Переезжает с женой и дочерью к родителям в Николо-Дор.

24 августа снят с должности директора Бекренской школы.

3 сентября назначается учителем физики, химии, географии и исполняющим обязанности помощника директора по учебной части Щенниковской неполной средней школы.

28 октября арестовывается и заключается в Рыбинскую тюрьму.

1938 г. 25 апреля переводится в Ярославскую тюрьму.

2 сентября предъявляется обвинение как «участнику шпионской повстанческой группы, существовавшей в Некоузском районе».

12 сентября приговаривается к расстрелу.

3 октября принято решение о возвращении дела «на доследование».

26 ноября принято постановление о прекращении дела и освобождении.

28 ноября освобождается из заключения.

1939 г. 3 ноября родилась дочь Валентина.

1940 г. Поступает в Московский государственный Центральный институт заочного обучения иностранным языкам (позднее Центральные курсы иностранных языков).

1941 г. 31 июля мобилизован в ряды Советской армии и направлен во Владимирское военно-пехотное училище.

Октябрь. В звании старшего сержанта отправлен на фронт в г. Тамбов, в 19-ю стрелковую бригаду.

Зима. Участие в обороне Москвы на Можайском и на Волоколамском направлениях.

27 декабря при обороне деревни Кожухово Калужской области контужен и захвачен немцами в плен.

1942 г. Январь. Лагерь военнопленных № 130 в г. Рославле Смоленской области.

1943 г. Октябрь. Лагерь военнопленных в г. Барановичи

1944 г. Январь. Лагерь военнопленных в г. Вильно.

Август. Переселенческий лагерь 4В и 4С в Судетской области, города Теплиц и Мюльберг.

Октябрь 1944 – апрель 1945 г. Рабочая команда Шенфельд.

1945 г. 29 апреля освобождён из плена.

10 мая направлен в сборно-формировочный пункт в г. Заган.

15 мая зачислен на должность командира отделения комендантского надзора военной комендатуры г. Прибуса.

12 июля зачислен на должность санинструктора в 23-ю Подвижную ремонтную мастерскую Гвардейских миномётных частей 1-го Украинского фронта.

31 октября демобилизован.

1946 г. Январь. Заведующий избой-читальней в деревне Щенниково Ильинского района Ивановской области.

1 апреля награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

20 июля умирает дед Николай Фёдорович Молчанов.

Приказ заведующей Ильинского района Макаровой о назначении Б. В. Прозоровского преподавателем физики, математики и заведующим учебной частью Щенниковской семилетней школы. (На листке приказа написано рукой БВ: «работаю с 10.I.1946 г.».)

1 октября. Учитель физики и рисования и завуч Щенниковской семилетней школы Ильинского района Ивановской области.

1947 г. I половина года. Учитель физики, химии, географии и руководитель кружка «Юные техники» и шумового оркестра Щенниковской семилетней школы.

Август. Окончил трёхгодичные Центральные курсы иностранных языков по отделению немецкого языка.

1948 г. Август. Учитель физики и иностранного языка и завуч Щенниковской средней школы.

Сентябрь – октябрь. Заочные курсы «Клуба радиолюбителей по радио» Ленинградского городского совета Осоавиахима. (Окончил курсы азбуки Морзе на «отлично», курсы радиотехники на «хорошо»).

1950 г. 9 февраля умирает отец Виктор Васильевич Прозоровский.

1952 г. Окончил заочно экстерном полный курс на факультете иностранного языка Ивановского педагогического института.

1954 г. Дочь Нина окончила Щенниковскую среднюю школу и поступила в Ивановский медицинский институт

1957 г. Дочь Валентина окончила Щенниковскую среднюю школу и поступила в Ивановский педагогический институт.

1960 г. Дочь Нина окончила Ивановский медицинский институт и уехала работать по распределению на Урал.

1961 г. 30 ноября присвоено почётное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

1962 г. Дочь Валентина окончила Ивановский педагогический институт и уехала на работу в Красноярский край.

10 августа. Назначен учителем и завучем Чернцкой школы-интерната Лежневского (позднее – Ивановского) района Ивановской области.

1965 г. Награждается Дипломом II степени Всероссийской выставки произведений сельских самодеятельных художников (Москва, 1965) за пейзаж «Зима».

Февраль. Награждается Дипломом III степени Областной выставки изобразительного и прикладного искусства за пейзаж «Зимний день».

1963–1966 гг. Депутат Чернцкого сельсовета.

1966 г. 20 августа назначен учителем немецкого языка Котцынской средней школы Ивановского района Ивановской области.

1971 г. 12 августа назначен на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе Котцынской средней школы.

1973 г. 1 октября освобождён от должности заместителя директора по воспитательной работе Котцынской средней школы в связи с уходом на пенсию.

1980 г. 1 сентября освобождён от должности учителя рисования Котцынской средней школы.

1983 г. 1 ноября назначен на должность учителя рисования Котцынской средней школы «с недельной нагрузкой 1 час в неделю».

1984 г. 17 апреля освобождён от должности учителя рисования Котцынской средней школы.

1985 г. 1 сентября назначен учителем рисования Котцынской восьмилетней школы.

1987 г. Лауреат 2-го Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвящённого 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

8 июня награждён медалью «Ветеран труда».

1 сентября освобождён от должности учителя рисования Котцынской восьмилетней школы «по состоянию здоровья».

Лето. Открыта выставки живописных работ Б. В. Прозоровского в Ивановском областном доме работников просвещения.

15 декабря дарит Ивановскому областному дому работников просвещения 34 работы.

1988 г. 20 ноября дарит 10 работ Котцынской школе.

1989 г. Участвует в областной выставке.

18 декабря умирает Надежда Николаевна.

1990 г. 8 июня избирается председателем Совета ветеранов школы.

1993 г. Выставка работ в Куликовской средней школе.

1999 г. Май. Выставка живописных работ Б. В. Прозоровского в Ильинском доме ремёсел.

2002 г. 1 февраля открывается выставка работ в профилактории Ивановского станкостроительного производственного объединения. (Ранее автор передал профилакторию около 50 полотен).

2003 г. 25 сентября присвоено звание «Почётный гражданин Ивановского района».

30 сентября проходит чествование в связи с 90-летием со дня рождения и присвоением почётного звания.

2005 г. 27 мая – 20 июня работает выставка «Борис Прозоровский. Живопись» в Ивановском фонде культуры.

Октябрь. Награждается Дипломом I степени выставки, прошедшей в Иванове.

16 ноября 2005 г. Борис Викторович Прозоровский скончался в Ивановской областной больнице. Похоронен на кладбище села Котцына.

ЖИЗНЕННАЯ КАНВА ДМИТРИЯ ВИКТОРОВИЧА ПРОЗОРОВСКОГО (1923–2002)

23 марта 1923 г. в деревне Марково Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии в семье Виктора Васильевича Прозоровского и Надежды Николаевны Прозоровской родился сын Дмитрий.

1931 г. Поступает в 1-й класс Марковской советской школы 1-й ступени.

1934 г. В. В. и Н. Н. Прозоровские с сыном Дмитрием переезжают на бывший погост Николо-Дор Ильинского района Ивановской области.

1935 г. Оканчивает Николо-Дорскую начальную школу и поступает в 5-й класс Щенниковской семилетней школы.

1938 г. Оканчивает Щенниковскую семилетнюю школу и поступает в 8-й класс Симской средней школы Юрьев-Польского района Владимирской области.

1941 г. Июнь. Оканчивает 10-й класс Симской средней школы.

23 июня мобилизован в ряды Советской армии.

Июнь 1941 – май 1945 гг. сражается на Западном, Северо-Западном, 2-ом Белорусском фронтах.

1943 г. Сентябрь. Ранение (Западный фронт).

7 октября награждён медалью «За отвагу».

1944 г. Награждён орденом «Красная Звезда».

1945 г. Март. Ранение (2-ой Белорусский фронт).

Май. Демобилизация.

Июль. Поступление на работу в Ильинский райвоенкомат Ивановской области начальником административно-хозяйственной части.

1946 г. 22 февраля награждается медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

27 марта вступает в брак с Верой Ивановной Мелехиной (род. 31 мая 1925 г. в с. Ильинское-Хованское Ивановской губернии).

Апрель. Назначается военруком Николо-Дорской начальной школы.

Июнь. Поступает на теплотехнический факультет Ивановского энергетического института.

26 декабря родился сын Владимир.

1950 г. 29 августа родился сын Виктор.

1952 г. Февраль. Оканчивает Ивановский энергетический институт по специальности инженер-теплоэнергетик и получает направление на работу в трест «Центроэнергомонтаж» (Москва).

Февраль 1952 – январь 1958 гг. Мастер, прораб, диспетчер, старший инженер-диспетчер, начальник монтажного участка треста «Центроэнергомонтаж».

1953 г. 16 ноября родился сын Александр.

1956 г. 25 января родился сын Евгений.

Январь 1958 – март 1959 гг. Слушатель курсов при Московском энергетическом институте.

Март 1959 – апрель 1964 гг. Начальник участка треста «Центроэнергомонтаж» управления строительства Нововоронежской ГРЭС.

Апрель 1964 – ноябрь 1986 гг. Начальник Управления строительства Нововоронежской АЭС.

1966 г. 10 апреля награждён орденом Трудового Красного Знамени.

1967 г. Присуждена Государственная премия СССР за сооружение, освоение и разработку Нововоронежской АЭС.

1971 г. 20 апреля награждён орденом Ленина.

1975 г. 24 декабря присвоено звание «Заслуженный строитель РСФСР».

1981 г. 31 марта присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот».

1985 г. 11 марта награждён орденом Отечественной войны II степени.

1986 г. Ноябрь. Назначается юрисконсультom Автотранспортного предприятия Управления строительства Нововоронежской АЭС.

1997 г. 27 августа присвоено звание «Почётный гражданин города Нововоронежа».

24 июля 2002 г. Дмитрий Викторович умирает. Похоронен в Нововоронеже.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ОБ ОКОНЧАНИИ
Б. В. ПРОЗОРОВСКИМ ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ
ВТОРОЙ СТУПЕНИ. 1929 Г.

Удостоверение

Предъявитель сего Прозоровский Борис Викторович,
родивш. 6 1913 году Севастополь
месяца Сентября числа, обучался с 1928 года по 1929 год
в Юрьев-Польской школе ВТОРОЙ
ступени и окончил полный курс ее в 1929 году.

В течение курса проработал и приобрел знания и навыки по следующим предметам (общеобразовательные)

1. <u>Русский язык</u>	8	<u>Орфография</u>
2. <u>Математика</u>	9	<u>Арифметика</u>
3. <u>История</u>	10	
4. <u>География</u>	11	
5. <u>Физика</u>	12	
6. <u>Химия</u>	13	
7. <u>Биология</u>	14	

(специальные по проф. уклону)

1. <u>Лесоводство</u>	3	<u>Свойства леса</u>
2. <u>Лесоводство</u>	4	<u>Методы работ в лесу</u>
3. <u>Лесоводство</u>	5	<u>Педология</u>

Занимался иностранными языками (какими, сколько лет)

1. <u>Французский язык</u>	
2. <u>Немецкий язык</u>	

искусствами (какими, сколько лет) Музыка

Принимал участие в работе ученических организаций (в каких, в качестве кого) в комсомольской организации

1. <u>Комсомольская организация</u>	3
2. <u>Комсомольская организация</u>	4

Участвовал в общественно-политической работе школой по переписке
красноармейского населения города

Кроме того приобрел трудовые навыки в работе:
на фабрике (какой, сколько времени) _____

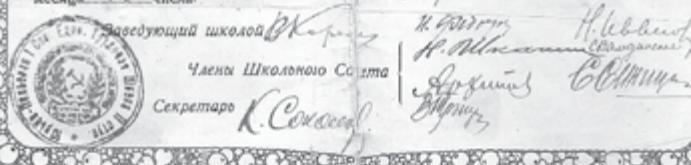
в учреждениях, организациях и предприятиях (каких, сколько времени) в комсомольской организации

и приобрел специальную предварительную подготовку для работы в области (какой) лесоводства

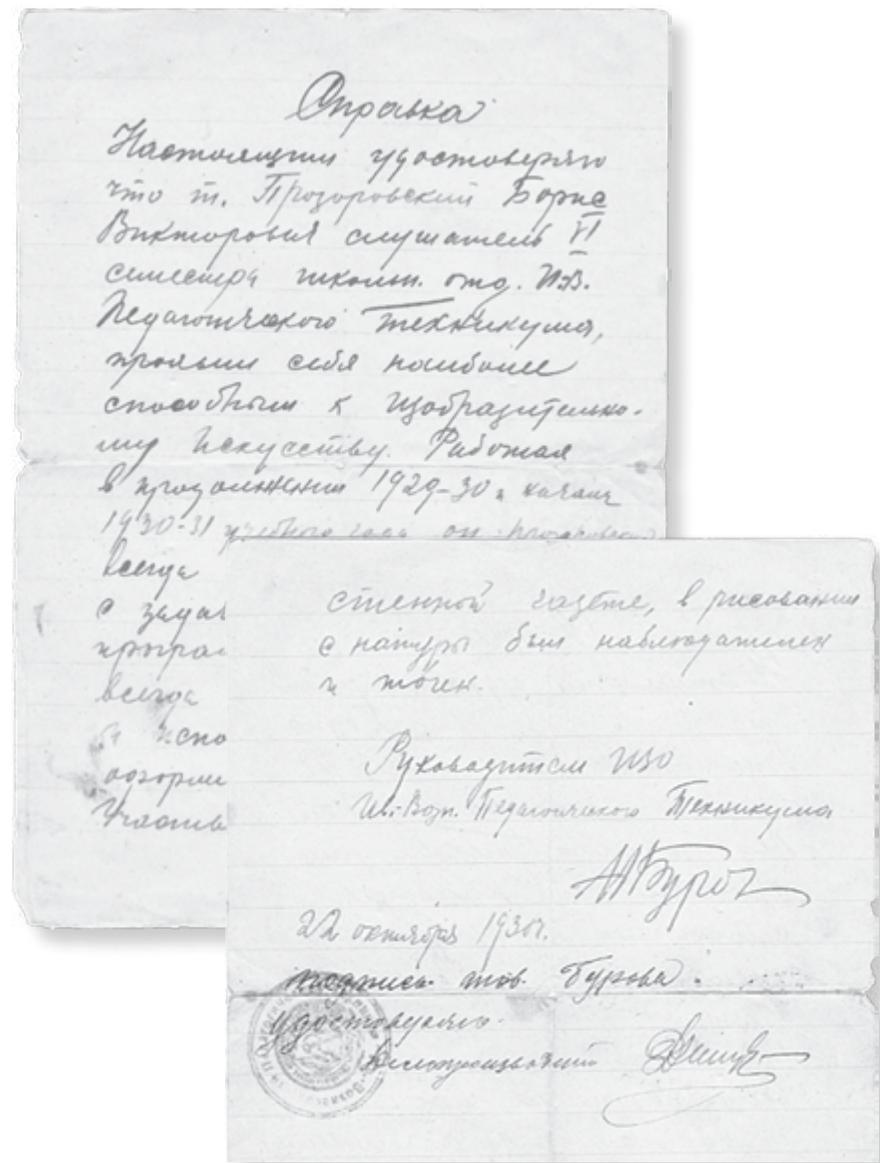
Квалификация установлена (кем) _____
Физическое состояние удовлетворительное

Настоящее удостоверение выдано Школьным Советом Юрьев-Польской
школы, на основании постановления Совета от 1929 года 11
месяца Июль числа.

Заведующий школой К. Соснов
Члены Школьного Совета К. Соснов
Секретарь К. Соснов

ДОКУМЕНТ-СВИДЕТЕЛЬСТВО
ОБ ОСОБОЙ ХУДОЖНИЧЕСКОЙ ОДАРЁННОСТИ
Б. В. ПРОЗОРОВСКОГО. 1930 Г.

СПРАВКА

Настоящим удостоверяю что т. Прозоровский Борис Викторович слушатель VI семестра школьн. отд. И.-В. Педагогического техникума проявил себя наиболее способным к изобразительному искусству. Работая в продолжении 1929-30 и начала 1930-31 учебного года, он, Прозоровский, всегда отлично справлялся с задачами поставленными программой, кроме того всегда был организатором и исполнителем работ по оформлению сцены и праздников. Участвовал ИЗО работами в стенной газете, в рисовании с натуры был наблюдателем и точен.

Руководитель ИЗО
Ив.-Возн. Педагогического Техникума

Буров
_____
подпись

22 октября 1930 г.

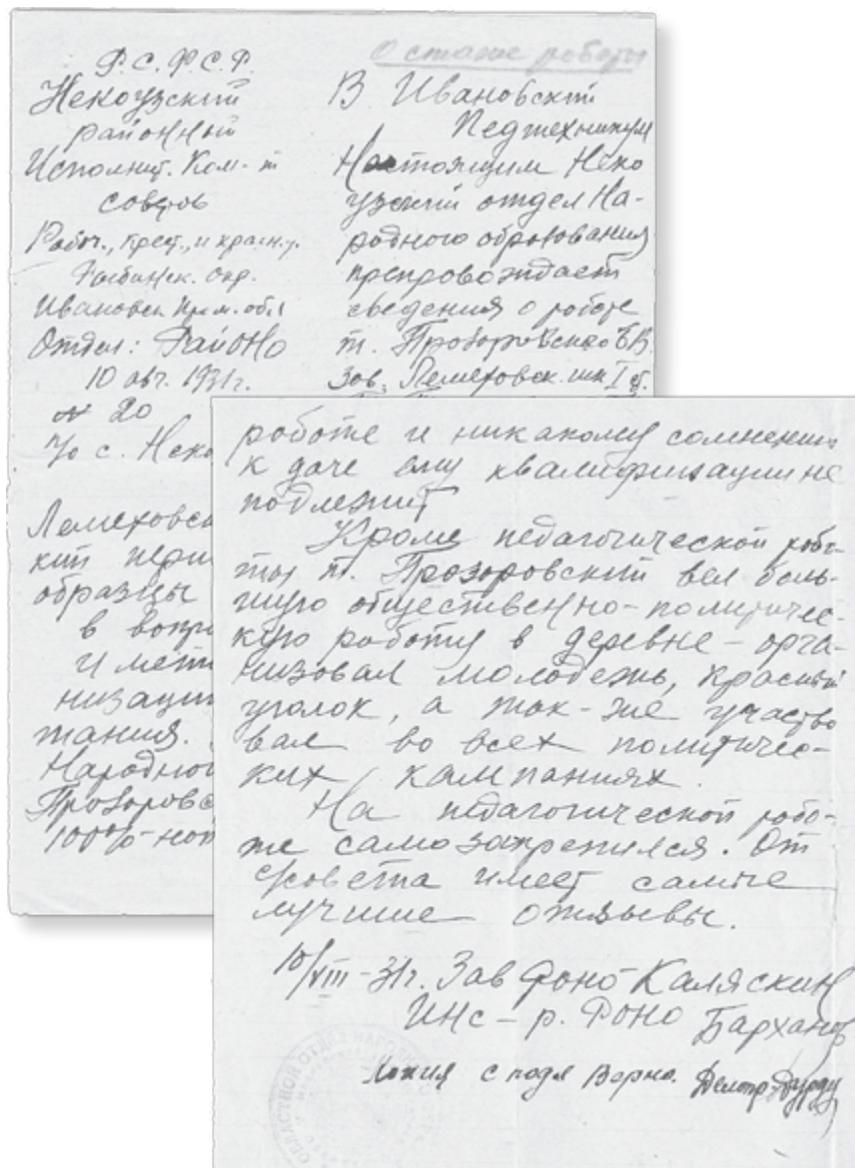
Подпись тов. Бурова
удостоверяю.

Делопроизводитель

_____
подпись

Печать

ОТЗЫВ ЗАВЕДУЮЩЕГО НЕКОУЗСКИМ РОНО
О РАБОТЕ Б. В. ПРОЗОРОВСКОГО В ЛЕМЕХОВСКОЙ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. 1931 Г.

Р.С.Ф.С.Р.
Некоузский районный
Исполнит. Ком-т Советов
Рабоч., крест., и красн. д.
Рыбинск. Окр.
Ивановск. Пром. обл.
Отдел: РАЙОНО
10 авг. 1931 г.
№ 20
п/о с. Некоуз.

О стаже работы
В Ивановский
Педтехникум
Настоящим Некоузский от-
дел Народного образования
препровождает сведения о
работе т. Прозоровского Б.В.
зав. Лемеховск. шк. 1 ст.

Тов. Прозоровский Б. В. с 1-го марта 1931 г. работал заведующ.
Лемеховской шк. 1 ст. и за короткий период показал лучшие об-
разцы педагогической работы: в вопросах новых форм и методов
работы, политехнизации школы, комвоспитания. По мнению От-
дела Народного Образования тов. Прозоровский обладает вполне
100%-ной подготовкой к пед работе и никакому сомнению к даче
ему квалификации не подлежит.

Кроме педагогической работы т. Прозоровский вел большую
общественно-политическую работу в деревне – организовал моло-
дежь, красный уголок, а так-же участвовал во всех политических
кампаниях.

На педагогической работе самозакрепился. От с/совета имеет са-
мые лучшие отзывы.

10/ VIII – 31 г.

Зав. РОНО – Каляскин
Инс-р. РОНО Барханов

Копия с подл. Верно. Делопроизводитель _____

ПЕЧАТЬ

Подпись

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА СОБРАНИЯ
УЧИТЕЛЕЙ И СЛУЖАЩИХ БЕКРЕНСКОЙ НСШ
ОТ 18 АПРЕЛЯ 1937 Г.

Выписка

из протокола № 26 собрания учителей и слуг. Бекренской НСШ от 18/IV-37г.
Присутств. - 10 чел.

Слушали: об одобрении приказа директора школы т. Прозоровского от 17/IV-37г. и о текущих делах школы
(наприм. т. Охланин)

Принят.

Варшова К. А. Работала в Бекренской НСШ третий год, я заявляю, что Бекренская школа развивается в свою очередь, школой и для меня самой. Именно здесь, под руководством т. Прозоровского я по-настоящему научилась работать.

С первого года нам часто приходилось обращаться за помощью и советом к Прозоровскому и никогда мы не получили отказа.

Что же касается того, что он требовательный директор, так это правда, но это так и должно быть, и за это мы можем только благодарить.

Пашкина ЮМ (Шмидт), За все время моей работы в Бекренской школе, директор школы г. Прозоровский помогал мне в работе и относился ко мне хорошо.

Шмидт А. А. ...Что касается отношения ко мне директора школы т. Прозоровского, то оно является хорошим. Правда, с осени меня довольно критиковал, строго спрашивал работу, но затем помогал и оказывал многоценную помощь в моей работе. Я теперь сама чувствую, что работать стало лучше.

Маслова А. А. Отношение директора школы г. Прозоровского к учителям хорошее. Он нам, молодые учительницы, дает много помощи и полезных указаний в работе и оказывал большое содействие. Благодаря этому я в прошедшем году добилась хороших показателей в работе. Благодаря ему проводилась моя работа.

1 #

УТВЕРЖДАЮ
 25 октября 1937 г.
 Нач. РО НКВД Серант
 Гос. Безопасности
 /Завьялов/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город село Некоуз Яр. области 1937 г. 25 октября 25-го дня
 Я. Пом. Опер. Уполн. Некоузского кар. отделения НКВД отдела
 УГБ УНКВД по Яросл. области Ератов
 рассмотрел следственный материал по делу № 2448 и приняв во внимание
 что гр. ПРОЗОРОВСКИЙ Борис Викторович

достаточно изобличается в том, что остался в контрреволюционной группе ру-
ководимой фактом ныне репрессированным ЧУКАВЫМ, вел контрреволю-
ционную деятельность.

а поэтому руководствуясь ст. ст. 145, 147 и 158 УПК
 ПОСТАНОВИЛ:
 гр. ПРОЗОРОВСКОГО Бориса Виктора привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.
 58 п. 10 и 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда
 избрать содержание под стражей в глубокой тюрьме.

Пом. Опер. Уполномоченный РО НКВД
 Серант Гос. Безопасности: Ератов
 "СОГЛАСЕН" Нач. Отделения

Настоящее постановление мне объявлено 26 октября 1937 г.
 Подпись обвиняемого: Прозоровский

2 #

УТВЕРЖДАЮ
 9 ноября 1937 г.
 Нач. РО НКВД Серант
 Гос. Безопасности:
 /Завьялов/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город село Некоуз Яр. обл. 1937 г. ноября 9-го дня
 Я. Пом. Опер. Уполн. рай. отделения НКВД отдела
 УГБ УНКВД по Яросл. области ЕРАТОВ
 рассмотрел следственный материал по делу № 2461 и приняв во внимание
 что гр. ПРОЗОРОВСКИЙ Борис Викторович

достаточно изобличается в том, что будучи участником контрреволюци-
онной повстанческой группы руководимой Чукавын. На сборн-
ках группы вел контрреволюционные клеветнические выпа-
ды против вождя партии. Распространял антисоветскую кле-
вету против политики партии Сов. правительства и Сов. прес-
сы.

а потому руководствуясь ст. ст. 128, 145, 158 УПК
 ПОСТАНОВИЛ:
 гр. ПРОЗОРОВСКОГО Б.В. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.
 58 п. 10 и 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда
 избрать оставку прежней содержания под стражей.

Пом. Опер. Уполномоченный РО НКВД
 Серант Гос. Безопасности: Ератов
 "СОГЛАСЕН" Нач. Отделения

Настоящее постановление мне объявлено 10 ноября 1937 г.
 Подпись обвиняемого: Прозоровский

5
Лист № 13
к делу № _____

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия ПРОЗОРОВСКИЙ.

2. Имя и отчество Борис Викторович.

3. Дата рождения: 17 - месяц Сентября год 1913 года.

4. Место рождения село Сима Орьев, Польского района Ивановской области.

5. Место жительства (адрес) село Векрени некоузского района Ярославской области.

6. Профессия и специальность преподаватель.

7. Место службы и должность или род занятий до 1-го сентября 1937 го директор неполной средней школы село Векрени, позднее школьный работник село Шениково Ильинского района Ивановской области.
она указана, без профессии, названия учреждения или учреждения и характера производства

8. Паспорт Выдан некоузским РОМ в 1937 году Серия ИИ В -
когда и каким органом выдан, номер и категория, где выдан
№ 525826.

9. Социальное происхождение до революции отец работал сельской школьником - приказом от 1937 года отозван из сельской учительской. В настоящее время отец не работает не ходит на работу, последние работает сельской учительцей в Ильинском районе ИО.

10. Социальное положение род занятий и материальное положение арестованного

а) до революции на иждивении родителей.

б) после революции до 1931 года учился, позднее работал школьным работником.

11. Образование (общее и специальное) окончил Ивановский педагогический техникум.

1968
Прозоровский

ПРОТОКОЛ

15

объявления обвиняемому об окончании следствия

1938 года Мас 16 дня, в 10-00 часов утра в 4-ом отделении 4-го отп УГБ Управления НКВД области Бусинин в, в пор. 206 ст. УПК, объявил обвиняемому Прозоровскому Борису Викторовичу окончании следствия по делу, разъяснил ему право на осмотр всего производства делу и пред'явил ему для ознакомления материалы следствия.

На вопрос имеет-ли и чем именно дополнить следствие, обвиняемый Прозоровский заявил:

Дополнить следствия не имеет об окончании следствия
Сидориков в.в. Прозоровский

Объявлено в 10-00 часов 16-го сентября 1938 года

ПИСЬМА
Б. В. ПРОЗОРОВСКОГО ЖЕНЕ И МАТЕРИ
ИЗ РЫБИНСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ТЮРЕМ. 1938 Г.

4го января 1938 г.
Дорогая Саня!
Пишу попрежнему из
Рыбинска, попрежнему
пока-что жив и здоров.
От вас нет никаких
известий, что единствен-
ное меня и беспокоит.
Я послал вам 19/ХІІ-37
письмо: сообщи, получи-
ла ли его. 22/ХІІ приез-
жал Сергей и передал
передачу - сердечно его
благодарю. Передач
мне лучше не переда-
вайте, а почтой, если
есть возможность, пере-
ведите денег рублей 20
и на переводе напи-
шите все ли здоровы
и все ли благополучно.
Обо мне не беспокойтесь.
Крепко крепко целую,
поцелуй за меня всех
родных, твой Прозоров

4-го января 1938 г.

Дорогая Саня!

Пишу попрежнему из Рыбинска, попрежнему пока-что жив и здоров.

От вас нет никаких известий, что единственное меня и беспокоит.

Я послал вам 19/ХІІ-1937 письмо: сообщи, получила ли его?

22/ХІІ приезжал Сергей и передал передачу - сердечно его благодарю. Передач мне лучше не передавайте, а почтой, если есть возможность, переведите денег рублей 20 и на переводе напишите все ли здоровы и все ли благополучно.

Обо мне не беспокойтесь.

Крепко крепко целую, поцелуй за меня всех родных, твой Борис Прозоровский

6/II-38 г. Рыбинск.
Дорогая Саша!
Я здоров и нахожусь попрежнему
в Рыбинске. Сообщите
как вы. Получил лишь твой
перевод на 40 руб, большое
спасибо, но денег больше не
посылайте, т.-к. продажу про-
дуктов прекратили. Обо
мне не беспокойтесь, а
о себе извещайте. Если бу-
дет возможность, при передаче
Меню всего хорошего
и крепко-крепко всех целую
Твой БПрозоровский

Следователю РО НКВД.
Прошу вас переслать данное
письмо по указанному
адресу. БПрозоровский

6/II-38 г. Рыбинск.

Дорогая Саша!

Я здоров и нахожусь попрежнему в Рыбинске.

Сообщите, как вы. Получил лишь твой перевод на 40 руб, большое спасибо, но денег больше не посылайте, т.-к. продажу продуктов прекратили.

Обо мне не беспокойтесь, а о себе извещайте, если будет возможность, при передаче.

Желаю всего хорошего и крепко-крепко всех целую.

Твой БПрозоровский

Следователю РО НКВД.

Прошу вас переслать данное письмо по указанному адресу.

БПрозоровский

16го мая 1938г. Ярославль

Дорогие мои Саня и мама!

С 25го апреля я был переведен в Ярославль для окончания дела, каковое и было благополучно закончено сегодня. Известить о себе ранее я не мог, т.-к. здесь из камер следственных письма домой отправлять не разрешали. Я жив и здоров, по прежнему чувствую себя неплохо, о делах моих особенно не беспокоюсь. Я в своих мыслях все время с вами и всегда думаю о вас. Как ваше здоровье? Как учится Дмитрий? Как растет дочурка? Как вы живете? – вот вопросы, которые непрерывно меня занимают. Сейчас вы непременно мне обо всем напишите сразу, как только получите это письмо. Письма посылайте по адресу: Ярославль, Областное управл. НКВД, следователю Ширманову для Прозоровского. Денег не посылайте, они у меня есть. Если кто из вас задумает ехать с передачей, то обращайтесь по этому же адресу с предварительным письмом к т. Ширманову. В письме укажите, что хотите передать, имейте в виду, продуктовые передачи дают только после суда. Белье у меня есть. Суд будет через месяц-два, если будет возможность – предупрежу. После суда дадут свидание.

Так что пожалуй пока мне ничего особого не надо, присылайте кратенькие письмишки.

Крепко-крепко всех целую любящий вас БПрозоровский
16/V 38 г.

16-го мая 1938г. Ярославль

Дорогие мои Саня и мама!

С 25-го апреля я был переведен в Ярославль для окончания дела, каковое и было благополучно закончено сегодня. Известить о себе ранее я не мог, т.-к. здесь из камер следственных письма домой отправлять не разрешали. Я жив и здоров, по прежнему чувствую себя неплохо, о делах моих особенно не беспокоюсь. Я в своих мыслях все время с вами и всегда думаю о вас. Как ваше здоровье? Как учится Дмитрий? Как растет дочурка? Как вы живете? – вот вопросы, которые непрерывно меня занимают. Сейчас вы непременно мне обо всем напишите сразу, как только получите это письмо. Письма посылайте по адресу: Ярославль, Областное управл. НКВД, следователю Ширманову для Прозоровского. Денег не посылайте, они у меня есть. Если кто из вас задумает ехать с передачей, то обращайтесь по этому же адресу с предварительным письмом к т. Ширманову. В письме укажите, что хотите передать, имейте в виду, продуктовые передачи дают только после суда. Белье у меня есть. Суд будет через месяц-два, если будет возможность – предупрежу. После суда дадут свидание.

Так что пожалуй пока мне ничего особого не надо, присылайте кратенькие письмишки.

Крепко-крепко всех целую любящий вас БПрозоровский
16/V 38 г.

ПИСЬМО
Н. Н. ПРОЗОРОВСКОЙ НА ФРОНТ СЫНУ БОРИСУ.
ДЕКАБРЬ 1941 Г.

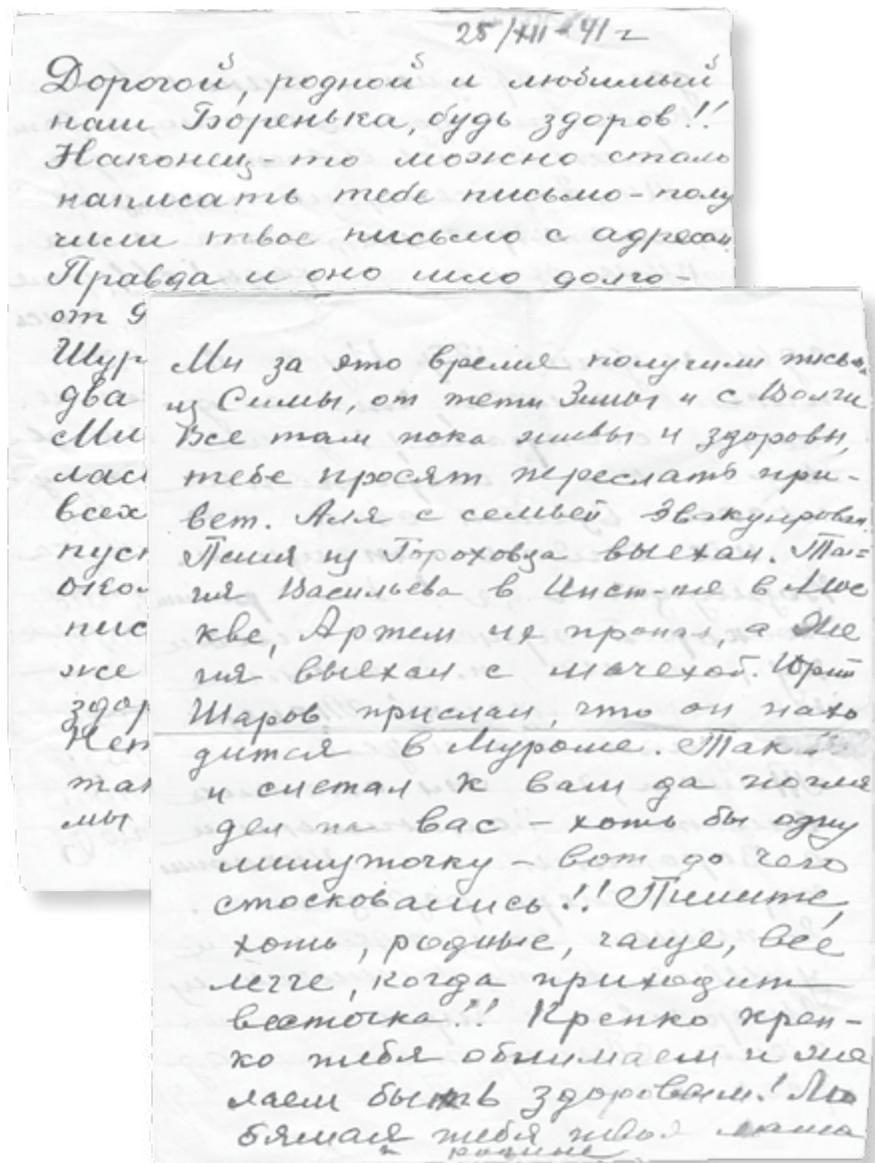
25/ХІІ-41 г

Дорогой, родной и любимый наш Боренька, будь здоров!!

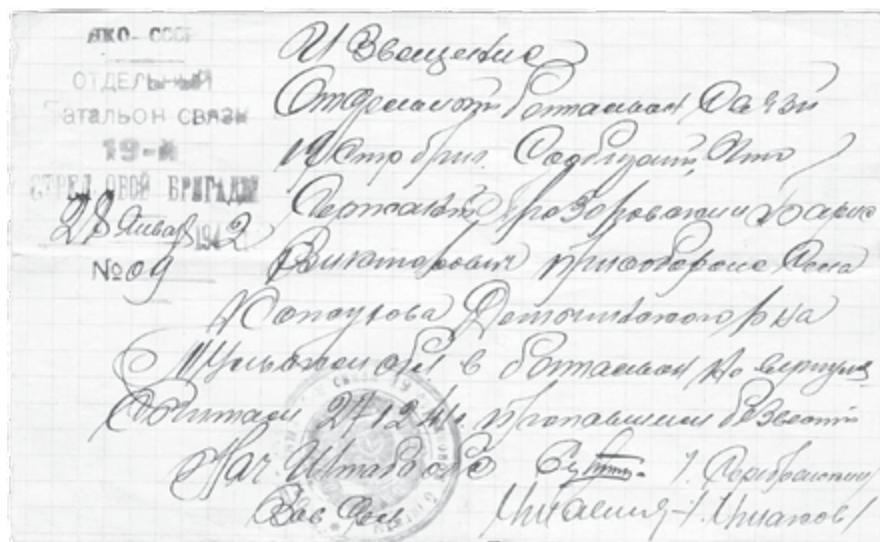
Наконец-то можно стало написать тебе письмо – получили твое письмо с адресом. Правда и оно шло долго – от 9-го до 24. В этот день Шура нам прислала сразу два письма – от тебя и от Мити, а сама она осталась в Щеникове, так-как всех своих сотрудников отпустила на рытье рвов около Гарей. Рады вашим письмам! У нас пока тоже все благополучно: живы, здоровы, ребятки растут. Нет, нет да завернет такая лютая стужа, а мы почти всякое дело обсуждаем применительно к вам: нам то дома тепло, а вот вам не бойсь бывает холодно! Ты, Борисень, пишешь уж очень коротко, хотя и таким бесконечно рады! Митя прислал более подробное письмо. Находится в км от Горького. Живет в землянке. Проживем – пишет месяца два а там на фронт.. Что-то уж очень скоро! Привыкает к пайку. Ты ведь знаешь, какой у него хороший аппетит! Он ведь из Шуи, после того как его взяли – дня на два опять приходил домой – взял твои валяные сапоги с калошами, шапку, бритву, еды и денег 175р. Ну а в письме пишет, что его дочиста обокрали: купил было новые шерстяные носки взамен своих, но и их опять стащили. Возмущаюсь я! Ну просит поскорей прислать посылку, а их, т.е. посылки, не принимают! Теперь не знаю что и делать! Пишет, что был сначала с Халяпиным и Ворониными из Никитинки, а теперь разъединили. Я пишет ком. отделения и у меня в отд. Башигин из Инархова и трое Барановских. Пишу тебе его адрес: Горький 7. П/я – 79. Литер 41. Мы за это время получили письма из Симы, от тети Зины и с Волги. Все там пока живы и здоровы, тебе просят переслать привет. Аля с семьей эвакуирована. Петя из Гороховца выехал. Таня Васильева в Инст-те в Москве, Артем их пропал, а Женя выехал с мачехой. Юрий Шаров прислал, что он находится в Муроме.

Так бы и слетал к вам да поглядел на вас – хоть бы одну минутку – вот до чего стосковались!! Пишите хоть, родные, чаще, все легче, когда приходит весточка!!

Крепко крепко тебя обнимаем и желаем быть здоровым! Любящая тебя твоя мама и родные.

ИЗВЕЩЕНИЕ
О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ Б. В. ПРОЗОРОВСКОМ.
ЯНВАРЬ 1942 Г.

НКО СССР
ОТДЕЛЬНЫЙ
Батальон связи
19-й
стрелковой бригады
28 января 1942 г.
№ 09

ИЗВЕЩЕНИЕ
Отдельный Батальон связи 19 стр. бриг. сообщает, что сержант Прозоровский Борис Викторович при обороне села Кожухово Детчинского р на Тульской обл. в батальон не вернулся. Считам 27.12.41 г. пропавшим безвести.

Начальник штаба ОБС /Серебрянский?/
Зав. дел. /Ушаков/

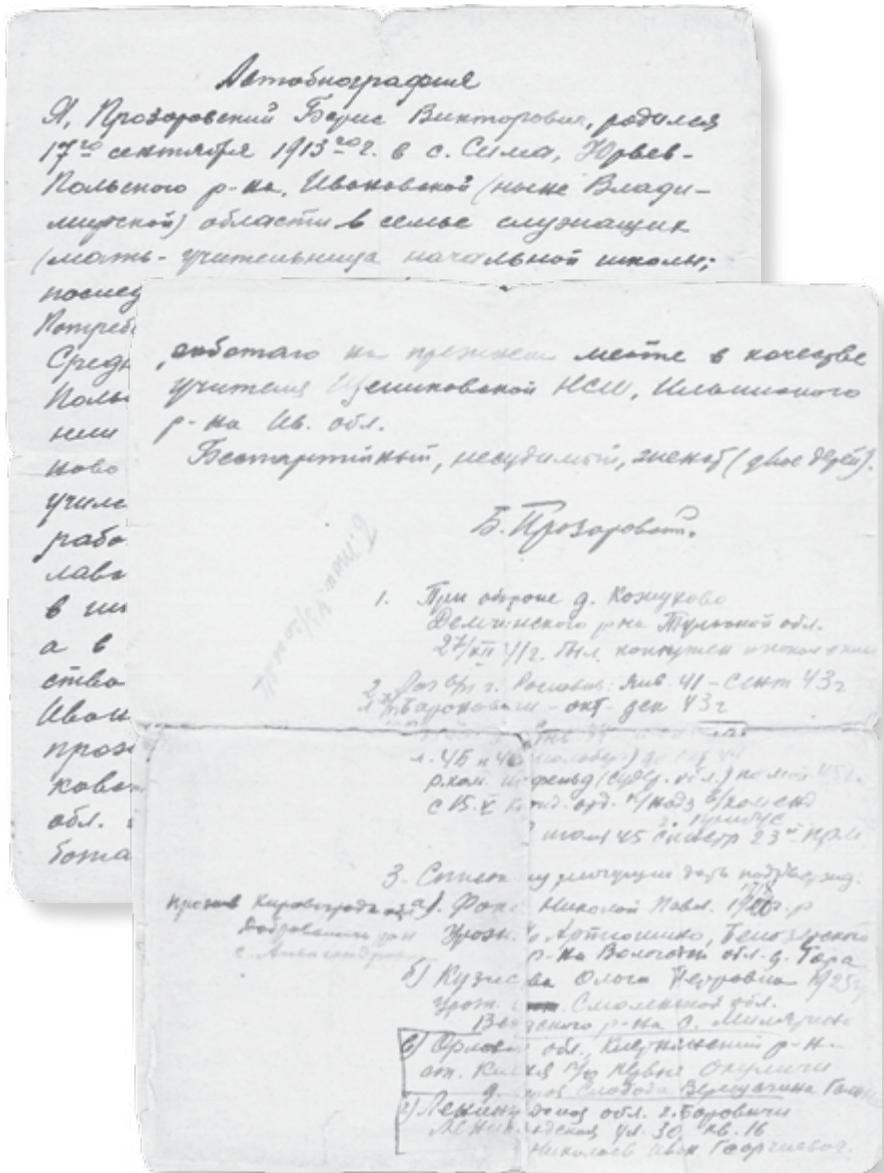
ПЕЧАТЬ

АВТОБИОГРАФИЯ
Б. В. ПРОЗОРОВСКОГО.
(1946 ИЛИ 1947 Г.)

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Прозоровский Борис Викторович, родился 17-го сентября 1913-го г. в с. Сима, Юрьев-Польского р-на, Ивановской (ныне Владимирской) области в семье служащих (мать – учительница начальной школы; последнее место работы отца – контора Потребсоюза в гор. Юрьев-Польском). Среднее образование я получил в Юрьев-Польской школе-девятилетке, по окончании которой в 1929-м г., поступил в Иваново-Вознесенский педтехникум, где и учился до 1932-го года. Окончив его я работал в Некоузском р-не (ныне Ярославской обл.) в качестве преподавателя в школах района (там же и женился), а в 1937-м г. переехал на место жительства своих родителей в Ильинский р-н Ивановской области. С 1937 по 1941-й г. проживал в с. погост Николодор Филоковского с/сов. Ильинского р-на Ивановской обл. вместе с семьей и родителями, работая в качестве учителя Щениковской неполной средней школы, откуда и был мобилизован в Красную Армию 30-го июля 1941-го г. и направлен во Владимирское пехотное училище.

Проучившись там 2 1/2 месяца я, с воинским званием старшего сержанта был направлен в город Тамбов, где формировалась 19-я стрелковая бригада. В ней я сначала был зачислен электриком на зарядную базу, а впоследствии (после курсов) на должность санинструктора телеф.-кабельн. роты ОБС. Зимой 1941-го года принимал участие в обороне города Москва, сначала на Можайском, потом на Волоколамском направлениях, затем в Тульской области, где 27.XII.41 г. при обороне д. Кожухово (близ города Таруса) во время боя был контужен и захвачен немцами в плен. Весь 1942-й год я провел в лагере в/пленных в г. Рославле, валяясь в «лазарете» и перенес сыпной тиф, потом дизентерию и др. б-ни, а оправившись, работал в лагерн. амбулатории санитаром. В сентябре 1943 г. вместе со всеми пленными был угнан в г. Вильно, где в лазарете лагеря работал санитаром хирургического отделения. В 1944-м году летом (в июле) весь лагерь перегнали в Германию и я был в числе других отвезен в Судетскую обл. в лагерь Шенфельд (рабоч. команда), где сначала был на общих работах, а потом санитаром команды. В мае конце апреля 1945 г. по приходе частей Красной Армии лагерь вырвался из немецкого плена и я, вместе со всеми в/пленными был направлен в сборно-формировочн. пункт в г. Заган, а затем

поступил в распоряжение военной комендатуры города Прибус, где и проходил гос. проверку. С 15.V я был зачислен на должность к-ра отделения комендантского надзора, а с 12.VII направлен в кач. санинструктора в 23-ю подвижн. рем. мастерскую Г.М.Ч., где и служил до самой демобилизации. Демобилизован 20.XI.45 г. согласно Указа Президиума Верх. Сов. ССР от 25.9.45 г. по второй очереди. В настоящее время работаю на прежнем месте в качестве учителя Щениковской НСШ, Ильинского р-на Ив. обл.

Беспартийный, несудимый, женат (двое детей).

Б. Прозоровский

Публикуется черновой вариант автобиографии, написанной в период новой проверки Б. В. Прозоровского, уже почти год после возвращения живущего в Николо-Доре. Поставив свою подпись под текстом «Автобиографии», он составляет список людей, которые могли бы подтвердить правдивость его слов, и пишет их адреса. Судя по содержанию, автобиография составлена не ранее сентября 1946 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВА
О ПОЧЁТНЫХ ЗВАНИЯХ
Б. В. ПРОЗОРОВСКОГО

Е. Александров

Свидетельство

Решением Ивановского районного Совета
от 25 сентября 2003 г. № 145

звание *Почетный гражданин Ивановского района*

присвоено

ПРОЗОРОВСКОМУ

БОРИСУ ВИКТОРОВИЧУ

за долголетнюю плодотворную работу и
активную общественную деятельность

Глава муниципальной
образования

г. Иваново

ОДИН УРОК БОРИСА ВИКТОРОВИЧА

Прозвенел звонок. Борис Викторович вошёл в класс, и в классе стало тихо. Урок немецкого языка в Котцынской школе начался.

Этот один из многочисленных уроков учителя мне казался необыкновенным. Не знаю, как это случилось, но я сразу почувствовал влияние этого спокойного, уверенного в себе человека и готов был отвечать на все его вопросы, делать так, как он скажет. Вероятно, то же происходило и с пятиклассниками.

Одну за другой Борис Викторович показывал карточки с крупными разноцветными буквами, рисунками. Дружно, враз поднимались детские руки. Сидящий впереди меня беспокойный мальчонка от нетерпения даже привставал с парты, чтобы только учитель его заметил.

В ответах учеников, спокойных или торопливых, порой не совсем точных, была уверенность и даже, я заметил, какая-то радость.

Учитель слушал, тут же поправлял ребят. Движением руки остановил:

– Довольно. А сейчас вспомним стихотворение, какое учили недавно.

Снова лес рук...

Потом ребята писали диктант, старательно выводили буквы. И снова карточки, яркие картинки, новые слова и обороты речи, вопросы, ответы. Ни одного безразличного лица, отсутствующего взгляда. Ребята ловили каждое слово учителя, выполняли всё, что он скажет. Они думали. Весь класс – внимание.

Борис Викторович чем-то напоминал мне опытного дирижёра, по воле которого оркестр звучит согласованно и стройно...

Нет, не только наглядность, разнообразие упражнений сделало урок насыщенным и ярким. Сыграло свою роль и само обаяние учителя, та внешняя и внутренняя культура, интеллект, который заставляет других относиться к человеку с уважением.

При Борисе Викторовиче ребята старались держаться подтянутыми, казаться стройнее, самые бойкие и шумные умеряли свой пыл. Ведь учитель не любил расхлябанности и вместе с тем не любил всё наносное, показное в поведении. Скромный, вежливый, неторопливый, он никогда не позволяет себе повышать голос, обругать ребенка, и тем более – унижить или оскорбить его. Разговаривая как равный с равным, он мягко заставляет его извиниться, если тот сделал проступок. Это ценят ребята. Но больше всего, наверное, они любят в человеке его увлечённость, их тянет к людям интересным, которые умеют в других зажигать огонёк – стремление что-то узнать, сделать своими руками. Такой и Борис Викторович.

Увлечённость, горение... Эти черты заставляют его давать детям то, что не предписано программой. Не раз на его уроках звучат торжественные, лирические строки стихов великих немецких поэтов, перед глазами детей мелькают кадры интересных фильмов о природе, людях, а песни немецких авторов становятся любимыми. Их поют на школьных вечерах.

Здесь, в школе, в кабинете немецкого языка, пионеры и комсомольцы хранят голубой галстук, читают письма юных немецких друзей, с которыми ведут переписку. Они знают, какой герб и флаг ГДР, знают и любят её великих поэтов, мастеров кисти и музыки.

Много лет учит детей Борис Викторович Прозоровский, третий – в Котцынской школе. Никогда не расстаётся с родной природой.

Учитель бескорыстно отдаёт свою любовь, свой огонь, своё сердце детям.

Красное знамя (Иваново). – 1968. – 5 окт.

СВЕТЛАЯ РОДИНА ХУДОЖНИКА ПРОЗОРОВСКОГО

В этот день небо в Котцыне было как по заказу. Точь-в-точь такое, какое видела на картинах местного художника Бориса Викторовича Прозоровского. Год назад побывала в Кохме на большой выставке его работ, где котцынские пейзажи вмиг стали родными и близкими, **щемяще-узнаваемыми**.

Несмотря на свои 85 лет*, Борис Викторович и сегодня полон сил и энергии.

– Так вы приехали поговорить с долгожителем, хитро улыбаясь, спросил меня хозяин. – Не по адресу. Мне 85!? Не может быть! Бессовестно прибавляют!

Но, подшутив над собой, художник не отказался ответить на мои вопросы. **Что же особенно интересует его в нынешней жизни?**

– Что интересует в этой жизни? У меня «одна, но пламенная страсть» – это искусство.

– **А что в газетах читаете, какие программы по телевизору смотрите?**

– Телевизор стараюсь смотреть редко. Реклама назойливая раздражает, оболванивает. Какая-то она бесцеремонная. Вторая причина, по которой телевизор не смотрю, – это засорённый русский язык.

Вот серьёзные статьи в газетах читаю с удовольствием. О воспитании, культуре, живописи. Потому что живопись была и остаётся моим образом жизни, формой моего существования.

– **Столько лет прожив в Котцыне, Вы никуда не стремились уехать.**

– Чем объяснить? Генами что ли? Я сельский житель, мама была учителем в Марковской сельской школе. Люблю жить, чтобы рядом были лес, река, цветы, огородик. А эти городские стрессы...

* В это время Б. В. Прозоровскому было 84 года. (Прим. ред.)

– **Какие, например?**

– То тебе ногу отдавят, то трамваи не ходят, то в очереди нагрубили.

– **Борис Викторович, ощущаете ли Вы свой возраст душевно, физически?**

– В молодости я на семидесятилетних как на диковину смотрел. Казалось, это так много – 70 лет. А сейчас, если есть здоровье, я лет не чувствую. Смотрю на всё теми же глазами. Первый признак старости – это утрата желаний. Вот представьте: приедут сейчас «из области» и скажут: «Слушай, Прозоровский, у нас тут лишняя автомобиль. Возьми!»

– Не надо.

– Путёвку в санаторий, в Светлогорск!

– Эх, мне бы раньше! А теперь не надо.

В этом возраст себя проявляет. Но что касается живописи – по-прежнему интересует всё.

– **Менялись ли с годами Ваши взгляды, принципы, ценности?**

– Нет, не менялись. Мы ни жён, ни убеждений не меняем. Всегда считал главными достоинствами человека порядочность, трудолюбие, честность. Этим всегда определялся круг знакомых. В последнее время труднее стало находить общий язык с молодыми. Так и прорывается: «Ты где, дед, живёшь? Сейчас человек человеку – волк. А ты – “честность”, “порядочность”...». Понимают так: доброта – проявление слабости. Раз ты добрый, так дай закурить, налей стакан, одолжи без возврата.

– **Что Вас всегда поддерживало в жизни, давало силы?**

– Моя жена Александра Ивановна. Она – сама доброта, верный и надёжный спутник в жизни. С нею мне повезло, она моя первая и последняя любовь. Шестьдесят один год вместе прожили.

Поддерживала и давала силы живопись и ещё – вера в доброе начало в человеке.

Добротой и покоем отзываются в сердце и картины художника. Сейчас Борис Викторович работает над большим полотном. Пейзажи на его мольберте – это всё фрагменты будущей картины «Светлая моя Родина»*.

Беседовала Татьяна Филлипова

Наше слово (Иваново). – 1998. – 7 февр.

*Картина с таким названием не известна. (Прим. ред.)

О. Муханова

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

К моему великому сожалению, мне, да и большинству людей вообще, требуется какой-нибудь повод для того, чтобы выразить свои мысли, чувства, признательность. Но я рада, что такой повод у меня сегодня появился. Замечательному, добрейшему, умнейшему человеку, человеку с большой буквы – Б. В. Прозоровскому, исполняется 90 лет.

Я хочу рассказать небольшую историю из жизни маленькой сельской школы и маленькой сельской девчухи.

Я перешла из начальной школы в 4-й класс, зарекомендовав себя в глазах учителей как «умничка», как «опора класса», в дневниках изредка промелькивало «хорошо», в основном по всем предметам было «отлично». Отсюда сразу и небольшая заносчивость, и всезнайство, и некоторая нетерпимость замечаний. Одним словом, избалованный человек.

И вот однажды классный руководитель сообщает новость: «У нас новый учитель по рисованию. Настоящий художник!» После звонка в класс зашёл высокий седой мужчина, он улыбался, но желания попробовать пошалить, подурить, проверить его не возникало даже у самых отпетых хулиганов. Борис Викторович представился попросту, без чинов. Так я и весь класс окунулись в удивительный, волшебный мир изобразительного искусства. Уроки были всегда хорошо спланированы, но никогда не были однообразными: всегда поток новой информации, игр, техники, экскурсий на природу в любое время года.

Я заметила, что жду следующего занятия с удовольствием и нетерпением. Затем больше – начала заниматься самостоятельно.

И, конечно, самое главное, самое значимое мнение о моих работах было мнение Бориса Викторовича.

Чуть позже учитель организовал для нас кружок. Я не пропустила ни одного занятия, было очень интересно, ново, неповторимо. Этот мир тянул, манил меня к себе. И вот однажды Борис Викторович предложил мне пойти с ним. «В одно красивейшее место», – как он сказал. А потом хитро улыбнулся и добавил: «Вот теперь ты готова и у тебя получается хорошо». Я «летала», я была счастлива, я гордилась собой, но уже как-то по-другому. Даже тогда детский ум начал понимать, что вершин, успеха, признательности и всего-всего надо достигать, нужно стремиться и никогда не останавливаться – жить и быть человеком! И главным учителем, главным помощником, главным другом был для меня Борис Викторович!

Борис Викторович, спасибо Вам! Огромное человеческое спасибо!

<...>

Наше слово (Иваново). – 2003. – 27 сент.

В оформлении книги
использованы картины Б. В. Прозоровского;
в оформлении переплёта – дополнительно к картине –
фотография Б. В. Прозоровского (начала 1960-х гг.)

Издательство «ДиАр». Тел.: (4942) 45-02-39

Подписано в печать: 20.08.2013. Формат: 60х90/16. Усл. печ. л. 30

Тираж: 1000 экз. Заказ № 233

Отпечатано: ИД «Линия График Кострома»
156019, г. Кострома, ул. П. Щербины, 9а